

Дарья Власова

Горбатый эльф

Annotation

Дочь пастуха, старый колдун, мятежный герцог — у каждого из них своя история и свои мечты. Они не подозревают, что нити их судьбы находятся в руках вредливого мальчишки-раба, и он плетет из них замысловатый узор.

Дарья Власова
Горбатый Эльф

Часть 1

*Льдом не растопит снег, и тьма не рассеет тьму
Книга Милосердия 17:24.*

— Вы хоть видели их будущее?

— А зачем его видеть? Все они умрут, но оставят потомство, которое будет рубить наши деревья, убивать зверей и друг друга. Разве не так?

— Ты просто не любишь людей, Арсел. А они такие же разные, как и эльфы.

— Эрвин, смотреть будущее — дурная привычка. Ты делаешь неизбежным то, что случайно попало тебе на глаза. Всегда может получиться совсем по-другому, — Районси запустила пальцы в мех снежного барса и примирительно улыбнулась.

— Не получится здесь по-другому, я проверил почти все возможности. Ну, давайте я вам покажу по-быстрому! — Эрвин скорчил умильную рожицу. Как же трудно со взрослыми...

Районси положила голову на плечо Арсела. Она приманила десяток дроздов на соседние деревья, они так хорошо пели. Барс разомлел от почесывания и завалился на спину, грозно мурча от удовольствия. По склону горы поднималось стадо.

— Районси, он все равно не отстанет. Откуда будем смотреть?

— Да хоть отсюда! — Эрвин ткнул пальцем в снежную вершину, возвышавшуюся над всей горной цепью.

Однорукий пастух оставил стадо на поляне и не спеша поднимался к белому камню, на котором он привык сидеть по утрам. С этого места была видна вся долина, ее поля и виноградники, еще не разбуженные человеческой суетой. Когда на дороге появлялись первые люди, он вскакивал на коня и гнал стадо дальше.

На этот раз еще снизу он услышал негромкие голоса. На всякий случай достал меч, хотя опасности не почувствовал: то ли дети говорили, то ли женщины. Или показалось? Птицы так распелись, что он мог принять их свист и щебет за человеческую речь. Еще несколько шагов, и Джан увидел то, о чем не расскажешь: вралею назовут. У подножия камня кверху брюхом катался по траве огромный пятнистый барс. Зверь хрипло мурлыкал, выпускал страшные когти и изнемогал от блаженства. Потом перевернулся на лапы, ошалело глянул на пастуха и пропал в кустах.

— Холодно, — Районси обняла себя за плечи. Среди ледяного сверкания обитали чуждые любой жизни горные духи.

— Вот, ты видишь? — Эрвин нетерпеливо схватил за локоть старшего брата.

По всей равнине до самого побережья поднимались черные дымки пожаров. Справа, где горная цепь выходила к морю, у перевала бились две армии. Если приглядеться, можно было заметить, что по улицам городов тянутся процессии людей в черных одеяниях и жутких масках с клювами.

— У них так часто бывает.

— Нет, Арсел, смотри! Какая мерзость... Районси первая увидела это. Из сотен мест где людей настигала смерть, вылетали крошечные струйки жизненной силы и стягивались к склону горы, на вершине которой стоял заброшенный замок. Казалось, что под замком скрывается ненасытная утроба, втягивающая в себя бесчисленные жизни. И с каждым вдохом она становилась все сильнее.

— Давай проверим другие линии будущего.

...Сражение переместилось к побережью, где в кольце несокрушимых стен стоял великолепный город. У подножия черной громады императорского замка сиял белоснежный храм, и в нем, ища выхода, билась Сила. Она раскачивала храм, город, морские волны. Вырвавшись на свободу, она прокатилась по всей равнине и ударила в склоны столетиями спавшего вулкана. Земля вздрогнула, покрылась сеткой трещин. Города заволокло пылью рушащихся зданий. И тысячи жизней кружились в водовороте над Утробой.

— Так каждый раз, сколько ни смотреть. Через семь лет мы не сможем тут жить. Сначала смерть поглотит равнину, потом расползется по ущельям. По всем землям, которые люди зовут Ракайей, и по Кадару, и дальше, за тот перевал.

— Жаль, здесь было прекрасное место. Когда это началось?

— Лет двенадцать назад. Эта гадость всегда тут была, но раньше она спала. А потом ее начали будить.

— Двенадцать лет... Слишком много, нельзя изменить такое давнее прошлое. Возникнет еще один мир, где все пойдет по-другому, а этот останется таким, как есть.

— Сейчас-то еще не поздно, семь лет впереди.

— Эрвин, ты ведь уже посмотрел, что можно сделать?

— Ну, в общем, да. Только придется перебраться к людям, иначе не получится. А шанс, кстати, есть.

— Ты же знаешь, что это запрещено.

— Я получил разрешение.

— Ты?! Ну, братец... Районси, готова подождать меня семь лет?

— Прости, Арс. Разрешение дано только мне.

Глава 1. Солдаты империи

Эти двое появились в Ашере вечером, когда хозяева уже пригнали скотину с пастбищ. Блеянье, рев и ругань постепенно затихли. Дальние горы еще сияли пестрыми осенними красками, а Ашеру накрыла густая тень. Деревушка примостилась на длинном треугольном карнизе в самом начале ущелья, где свободно разливавшаяся по долине речка Тана сворачивала в теснину. Широкое основание уступа спускалось к воде, там между крутыми берегами был перекинут висячий мост, а узкий конец поднимался высоко над обрывом. Издалека казалось, что выход в долину охраняет замок, но это были только развалины. Когда-то там действительно стояла крепость, теперь ее полуразрушенные стены служили оградой для самого последнего дома селенья, в котором жил однорукий проводник Джан с семнадцатилетней дочкой Тайрой.

Девушка помогла отцу загнать овец, привязала обеих коров и пристроила скамейку под брюхо Пестрой. Корова была не в духе — видно, слепни зажрали. Норовила дать копытом по подойнику, с размаху хлобыстнула грязным хвостом по девичьей щеке. Тайра тоже нервничала: ей хотелось побыстрее закончить возню по хозяйству, покормить отца ужином и, пока совсем не стемнело, сбегать к Марису. Посидеть с ним над речкой, дудочку его послушать.

Струйки молока зазвенели по деревянному донцу, а на дальнем конце Ашеры залаяла первая собака. Оба джановых пса еще молчали, только уши подняли. Им не разрешалось брехать попусту — мало ли кто там по деревне шатается. Подаст голос соседская Мушка, значит, точно к ним: мимо их дома прохода нет, кому в долину надо, идут под обрывом вдоль реки. Лай растекался по деревне, уже слышно было — едут на лошадях, копыта по щебенке цокают. Вот и Мушка затыкала. Джан все не показывался, а те уже подъехали к самой ограде.

Собаки усердно бесновались. Могучий волкодав Хмурый рычал из-под ворот, чтобы вороги оценили его клыки, а черно-белый, как сорока, Шмель прыгал свечой, пугая незваных гостей поверху. Хотя по сравнению с медвежьей башкой Хмурого, его ушастая длинноносая морда не впечатляла. Тайра аккуратно прикрыла пустой подойник чистой холстинкой, не спеша подошла к воротам, для виду цыкнула на собак и прильнула к дырке от сучка. Отец специально ее не заделывал, чтобы можно было рассмотреть гостей: надо их в дом звать или не стоит. Этих, пожалуй, не стоило.

Они уже спешили, как будто их кто приглашал, и с интересом разглядывали девичий глаз в дырке. Один — здоровый, кряжистый, в кирасе (как только налезла), но без шлема. Его вполне заменял мощный шишковатый череп, весь в шрамах, почти совсем лысый. Зато борода богатая — рыжая, веником. Если есть на свете гномы-великаны, то он был как раз из них. Второй, высокий, так низко надвинул капюшон, что виднелся только длинный подбородок, заросший седой щетиной, да кривая ухмылка.

— Здесь живет проводник Джан? — спросил тот, что в кирасе, у глаза за воротами.

— Папа! — звонко крикнула Тайра и удалилась в хлев, не оглядываясь. Она всей душой надеялась, что отец откажет таким заказчикам. Иначе сидеть ей три, а то и четыре дня взаперти: с этого лета отец запретил ей бросать дом под присмотром собак. Скотина будет стоять в хлеву, поедая запасенное на зиму сено, а она даже на минуточку с Марисом не увидится. Хоть у них и свадьба через месяц, но принимать парня наедине — позору не

оберешься.

На пороге появился Джан в чистой белой рубашке, поправляя перевязь левой рукой. Тайра поняла, почему он застрял в доме — переодевался, меч прилаживал — и вздохнула. Ей казалось несправедливым, что отец, отличный наездник, ловкий, как горный барс, из-за своего увечья в простых домашних делах бывает беспомощней древнего старика. Джан вполголоса переговорил с приезжими и завел их коней в хлев. Он всегда держал свободное стойло для чужих лошадей.

— Папа, их тоже ужином кормить? Я ж не знала, только на нас с тобой приготовила.

Джан только усмехнулся на дочкины хитрости и потрепал ее по темно-золотой макушке.

— Ничего, поделимся. Сыра, фруктов на стол побольше подашь.

Он прекрасно знал, что дочь ненавидит его работу, но это был их хлеб.

Когда Тайра потеряла мать, а отец — правую руку, он почти забросил хозяйство. Продав половину стада, поле заросло травой, остался только маленький виноградник да десяток плодовых деревьев за домом. По правде говоря, он запил; если бы не жалостливая соседка Зелла, приглядывавшая и за дочкой, и за папашей, а заодно и за скотиной, то неизвестно, выжили бы они или нет. Тайре тогда было пять лет, к семи она уже умела кое-как готовить и доить коров.

Через год Джан пришел в себя и начал водить людей через перевал. На равнине велась нескончаемая война, из Ракайи потоком шли беженцы в Кадар, но и там была страшная нищета, почти голод. Считалось, что за горами, в богатой стране Салем, сытно и спокойно. Почти каждый день в Ашеру, мимо которой лежал один из путей через горы, приходили семьи — то пешие, с тюками через плечо, то на повозках, некоторые даже со скотом. Джан собирал партию и вел их до самой Марсы, селения по ту сторону хребта. Это давало небольшой, но постоянный доход. А иногда, чаще ночами, появлялись совсем другие люди — без детей, хорошо вооруженные. После них отец покупал Тайре новое платье, себе — сапоги или куртку, а остаток монет откладывал на зиму. Бывало, что и знать приезжала поохотиться на горных козлов или барсов, эти платили золотом, но после пары случаев, когда Джан чуть не погиб, загоняя зверя, он стал отказываться от таких забав. Все-таки с одной рукой по скалам не больно-то полазаешь.

— Доча, на стол собери, крикнул отец немного погодя.

В доме было совсем темно, хотя горница у них светлая, в два окна. Отец закрыл ставни, комнату озаряли только огонь в очаге да светец на столе, где гости разложили потрепанный лист пергамента. Бородач тут же его свернул и упрятал под одежду. Карта — определила Тайра наметанным глазом. Девушка подцепила ухватом горшок с кашей, томившийся у огня, и водрузила на стол. Нарезала хлеба побольше, сыра поменьше, расставила три миски.

— Поужинай с нами. И вина подай, хорошего, — приказал Джан.

Гости недовольно переглянулись, но промолчали. Старик вообще ни разу рта не раскрыл, Тайра так и не узнала, какой у него был голос. Да и старик ли он — вроде волосы седые, на лице морщины, а так больше на воина похож. Она присела на краешек лавки и неохотно ковыряла ложкой в каше, чувствуя, что ее разглядывают. А как не поглядеть? Девка — красавица, косы золотые ниже пояса, непокрытые, под передником — платье городское, личико уверенное, дерзкое. Откуда такая в глухом горном углу взялась? Сначала молча ели, не хотели при посторонней о делах говорить, потом отец стал спрашивать про новости.

На равнине было беспокойно и тревожно. Ракайя потерпела очередное поражение в горах, зато собирала большое войско под Рокингемом, намереваясь двинуться за перевал и навести порядок в непокорном Феруате. Графство Раттен попыталось отложиться от империи и уйти под защиту Дарнии, но армия графа Виндома за месяц усмирила попытку бунта, около сотни мятежников были казнены.

— Когда ж этот император уgomонится? — буркнул отец.

— Да не раньше, чем его со всем выводком на воротах дворца развешат.

Отец прикусил губу.

— Выводок-то причем? Ладно, покажите ей карту.

— Девке-то? Зачем это? — лысого даже перекосило.

— Затем, что если со мной беда случится, она меня найдет и поможет. Или похоронит.

Ну и вас заодно.

— Ты вроде обещал, что никому ничего не скажешь? И что теперь?

— Она и не про такое знает, но молчит. Я не хожу в горы, не сказав дочери, куда иду. Не хотите, ищите другого проводника.

Гости посовещались глазами, потом бородач неохотно расстелил на столе свиток. Объяснял Джан, а те двое напряженно слушали.

На карте были нарисованы ближайшие горы, очень подробно и точно, внизу — еще два чертежа.

— Сначала — по нашей долине до брода возле Верблюд-горы. Перейдешь Тану, гору обогнешь по правому краю, там нет дороги, но лес редкий, проехать можно. Потом поднимешься на плато, с него видна старая крепость, ты ее должна помнить...

Тайра следила за пальцем отца, ползущим по карте, но слышала больше не его голос, а дыхание за спиной: сердитое пыхтение лысого и сдавленное — старика.

— А теперь смотри внимательно, — Джан переставил палец на один из нижних чертежей. На нем местность была нарисована крупно, с четырьмя метками, обведенными красными чернилами.

— Вот это плато, вдоль скал там непролазная чащоба с колючками. На дальнем конце большой камень, расколотый надвое, за ним, оказывается, начинается тропинка к высокой горе с зубцами поверху. Я там ни разу не был — не знал, что есть проход через дебри. Она выведет на поляну, на краю — видишь, тут нарисовано дерево, написано: "граб" — отсюда надо наискосок до ручья. Его перейдешь, увидишь дорогу, она спускается откуда-то сверху и ведет налево. Ехать вот до этой лестницы. Все. Там я остаюсь их ждать, а они идут по своим делам.

Тайра отлично заметила стрелку на плане — вверх по лестнице. И последнюю метку, возле нее два слова — "грот" и "люк". И второй чертеж, на нем — не то кривые коридоры и комнаты, не то пещера, там тоже было много меток. А еще она поняла две вещи — во-первых, эти люди в горах сроду не были, иначе, имея карту, да после такого подробного объяснения, просто отказались бы от проводника. А во-вторых — им совершенно не нужно, чтобы кто-то знал об этой поездке. Если они отправились за чем-то ценным, спрятанным в пещере, то на обратном пути постараются избавиться от Джана. Похоже, отец это и сам понимал. Зачем он согласился? Как он собирается выпутываться?

— Собери нам припасы, дня на два.

— Тише, — оборвал его бородач.

В деревне истошно лаяли собаки, уже был слышен тяжелый топот копыт, как будто

гнали табун.

— Похоже, целый отряд едет, — сказал Джан. — Не за вами?

Гости выхватили мечи и плечом к плечу рванулись к выходу.

— Подождите, — он приоткрыл дверь и выглянул наружу. Топот стих, лошади фыркали прямо за воротами. Во дворе было хоть глаз выколи, но над оградой на фоне ночного неба чернели шлемы и покачивался лес копий.

Джан поднял арбалет, стоявший у притолоки, и мотнул головой вправо.

— Уходите. За домом есть второй выход, прямо в долину.

Слишком поздно. Над стеной показались сразу три силуэта, в комнату влетела стрела. Джан захлопнул дверь, опустил тяжелый железный засов и открыл выпиленное над ним потайное окошко — как раз на такой высоте, чтобы было удобно стрелять. Пристроил арбалет, нажал ногой на рычаг и вставил болт. За стеной кто-то завопил.

— А вы бейте оттуда, — но старик и так уже распахнул ставни на окне рядом со входом. Встал сбоку, выставил лук наружу и не глядя выпустил три стрелы подряд. Снова хриплый крик во дворе. В дверь застучали ответные стрелы. Одна прямо над арбалетом влетела в окошко и воткнулась в столешницу.

— Отобьемся, их там не больше десятка.

— Уже восемь, — еще крик, — а теперь семь.

— Свет загасите, — отец обернулся. Лысый со своим тяжеленным мечом беспомощно топтался сзади, рядом стояла Тайра, вооруженная длинным кухонным ножом.

— Отведи ее наверх и запри. А ты изнутри закройся.

Железная лапища ухватила Тайру за запястье.

Бородач осторожно разжал ей пальцы, забрал нож и потащил ее по лестнице. Заталкивая упирающуюся девчонку в комнату, он сунул ей в руку мешочек с трубкой пергамента внутри.

— Сбереги это, дочка.

Звякнул крюк, Тайра впотьмах потащила сундук с нарядами подпирать дверь. Еле сдвинула — баловал ее отец обновами. Села на крышку, прислушалась. Заскрипели ворота. Яростный лай, вопли, короткий взвизг. Собаки затихли.

— Шмель! — прошептала Тайра, — Хмурый...

Тяжелые удары в дубовую входную дверь, ругань. Что-то дважды упало на крышу. Треск ломающихся ставень, чей-то надсадный крик под окном, снова крик, ляг мечей — уже внизу, в горнице. Откуда-то потянуло паленым. Тайра перегнулась через подоконник и выглянула наверх. По листве старой груши плясали отсветы пламени, а с кровли, затеняя звезды, ползли клубы дыма. Потрескивала дранка. Солдаты подожгли крышу.

На худой конец, можно спуститься по дереву; она уже слезала по нему недавно, правда, это было днем. Хорошо, что отец грушу не спилил.

Тайра встречалась с Марисом с весны, а поймал их отец в конце лета, в саду, они как раз поцеловались на прощанье. Джан залепил дочке оплеуху и запретил с ним даже здороваться. Какой из бездельника Мариса муж? Только на дудочке играть горазд. Как песни петь, так он первый, а как работать, так и нет его. К тому же Джан считал Баркетов самым дрянным родом в Ашере, пусть и самым богатым. Родители — жмоты, два старших сына — пьяницы, дочку выдали в соседнее село за старика, целое стадо выкупа взяли.

Джан давно присмотрел для Тайры толкового Хедрика, спокойного и работающего парня.

Даже с семьей его переговорил, но не спешил со свадьбой: ждал, чтобы молодые сами столкнулись: не хотел солнышко свое неволить. Родители Хедрика, люди смирные, тоже не поторапливали. Парень ходил пасмурный, только косился на Тайру, как цепной пес на кошачью миску, а та при его имени бровки поднимала: "Хедрик? Который на быка похож?"

Вот и дождался, старый дурень, беды для любимой дочки. Она даже слушать отца не пожелала. Сверкала злыми зелеными глазищами: "Тебя позорю? Так иди к Баркетам сговариваться о свадьбе". Пришлось для острастки запереть ее в светелке. Два дня просидела, на третий вылезла из окошка по дереву — и бегом к своему Марису. Джан привел ее за косу домой и сказал: "Еще раз вылезешь — грушу спилю». Посидел на пороге, выругался и отправился к Баркетам. Вернулся хмурый, Тайру выпустил и говорит: "Сваты завтра пожалуют, свадьба будет в конце осени. Без выкупа, Марис к нам в дом пойдет. Похоже, эти Баркеты сами не чают, как от своего остолопа избавиться. Может, одумаешься, дочка?" Отмахнулся от ползшей целоваться Тайры и принес себе из кладовки большой кувшин с вином.

От дыма уже першило в горле, треск огня становился громче. Бой затих, и Тайра ждала, что сейчас отец с гостями перетащит трупы солдат во двор и вызовет ее. По лестнице и впрямь кто-то поднимался, стукнул отброшенный крюк, в дверь бухнули.

— Глянь, кто-то здесь изнутри заперся.

Это точно был не отец.

Тайра сняла башмаки и выбросила их на землю. Одна из старых веток давно доросла до стены дома и загнулась обратно, не спутать бы, где она идет к стволу, а где кончается тонкими ломкими побегами. Девушка спустила ноги из окна, вцепилась в сучья над головой и нащупала босой ступней опору. Первый шаг самый трудный, главное — не потерять равновесие и выпрямиться. Кажется, она угадала, ветка становилась толще, но и листва гуще. Продираясь сквозь чащу ветвей и листьев и стараясь не слишком исцарапать лицо, она пошатнулась, взмахнула руками — и уперлась ладонью в ствол. Дальше было совсем просто, по ветвям, как по лесенке, донизу — и прыжок на толстый слой гниющей падалицы. Труднее оказалось найти башмаки.

За углом дома никого не было. Тусклый свет пожара пульсировал на вытоптанной земле двора и длинной белой стене хлева. Под окном горницы темнела непонятная, чем-то пугающая груда. Прижимаясь к стене и больно споткнувшись по дороге о железный щит, девушка подобралась поближе. Это был воин со стрелой в глазу, совсем мертвый. Второй мертвец свешивался из пустого проема окна. Очень осторожно, почему-то ожидая, что покойник оживет и вцепится ей в волосы, Тайра заглянула через его спину в горницу. В очаге ярко пылала разбитая в щепы лавка, на полу лежали тела, пахло гарью и кровью. Солдат не было видно, только наверху топтались и били в дверь чем-то тяжелым. В комнате кто-то застонал.

— Папа?

Тайра перелезла через подоконник, стараясь не прикасаться к висящему на нем трупу.

Джан ничком лежал у самого окна, прибитый к полу обломком копья. На боку была еще одна рана, оттуда по белой рубахе расплзлось темное пятно. Он так и не выпустил меч — видно, сражался с кем-то в комнате, когда его достали копьем через окно. А потом добили.

Тайра попробовала вытащить обломок из спины отца, он не поддавался, она стала

яростно расшатывать его. Если бы Джан был еще жив, это бы его точно доконало, но он умер несколько минут назад.

— Девочка, помоги мне.

Привалившись спиной к стене, на полу раскинулся солдат. Отблески огня падали на бледное до синевы совсем молодое лицо. Ладонью он зажимал рану на плече, между пальцев сочилась кровь.

— Найди что-нибудь рану завязать.

Тайра безропотно, как во сне, оставила в покое отца и пошла на зов. Сорвала с веревки занавеску, отгораживавшую лежанку Джана, комком сунула парню под руку.

— Прижми.

Наверху раздался треск раскученной двери, злобный голос: "Через окно ушел, гад", — и грохот сапог вниз по лестнице.

— Потерпи, сейчас тебе помогут.

Она кошкой вылетела в окно и метнулась через двор в распахнутые ворота хлева. Вроде бы ее не заметили, только тот парень — неужели он ее выдаст?

Отсюда было видно, что крыша дома полыхает сразу в двух местах. Над крыльцом, где у Джана был сеновал, дранка провалилась, из дыры рвался яркий белый огонь и фонтанами рассыпались искры. А хлев-то соломой крыт.

У скота началась паника. Животные метались в загонах и надсадно ревели, ржали, бляели.

Надо позвать на помощь... Надо спасти скотину... Тайра не чувствовала ни страха, ни горя, только эти две мысли мотались в пустой голове из стороны в сторону, как било в колоколе: "позвать на помощь — спасти скотину".

Чужие кони стояли оседланными, но они храпели и вставали на дыбы, с ними было не справиться. Отцовский Ворон крушил задними копытами бревенчатую загородку. А Маяк, увидев хозяйку, тоскливо заржал и потянулся к ней мордой. Тайра сняла сбрую с крюка, на ощупь взнуздала его. Конь стоял смирно, только переминался и мотал головой. Остальных не отвязать, они были настолько напуганы, что могли убить. Вроде бы днем она повесила серп возле дверей... Нашла, примерилась, попробовала перерезать концом лезвия повод у вздыбившегося коня. Со второй попытки получилось. Пошла к следующему стойлу — и тут в хлеву стало светлей.

Тайра перестала дышать. Воин в железной каске стоял на пороге и водил факелом по сторонам. Пламя слепило ему глаза, он не заметил стоящей рядом девушки и отвернулся. Сделал пару шагов к загону с овцами, осветил там. Овцы шарахнулись, сбились в кучу в дальнем углу. "Сейчас он обернется и увидит меня. Может, серпом его? Ничего не выйдет, на нем броня. А если по руке с факелом?" Тайра подкралась и замахнулась изо всех сил. И в этот миг солдат повернулся. Что-то упало и покатилося по полу. Тело зашаталось, взмахнуло рукой и свалилось под ноги Тайры, обдав ее подол черной струей из обрубка шеи.

Факел все еще горел, зажатый в кулаке мертвого воина, от него занялось раскиданное по полу сено. На глаза попался подойник, она выплеснула молоко на разгорающееся пламя, все зашипело и погасло. Вонь стала нестерпимой, Тайра судорожно сглатывала, удерживая подступающую рвоту. На это не было времени.

— Марти, ну чего там в этом хлеву?

Значит, его звали Марти.

Сначала она выпустила овец. Они истошно бляели и боялись выходить из загона. Тайра

неумело щелкнула отцовским бичом, тогда они гуртом ринулись во двор и бестолково заметались в дыму. Потом из хлева вывалились коровы, задрав хвосты, галопом поскакали через сад, овцы рванулись за ними. И напоследок четыре коня, расшвыривая овец, промчались сквозь обезумевшее стадо. Свистнула запоздалая стрела.

В конце сада за проломом в крепостной стене начиналась широкая тропа, она спускалась по склону горы в долину и соединялась с основной дорогой внизу. Когда-то ее прорубил в зарослях ежевики отец Джана, чтобы не гонять скотину в обход. Тайра проскакала впереди ревушей и блеющей лавины до развилки и придержала Маяка. Три коня промчались мимо нее куда-то в сторону перевала. Овцы, теряя разбег, рассеялись среди виноградников на холмах. Это было правильно, незачем ей являться в деревню со всей животиной. Завтра она соберет стадо и заплатит соседям за потраву.

По берегу Таны, сверкавшей алыми отблесками пожара, Тайра доехала до переправы и повернула назад в деревню. В Ашере было тихо, только поскуливали да взвизгивали от пинков запертые в домах собаки. Ближе к середине селения Тайра услышала сбоку от дороги негромкие голоса. Там, в густой тени деревьев, стояли чуть ли не все мужчины Ашеры.

Тайра осадил коня и выпалила на одном дыхании:

— Солдаты убили отца, дом горит, помогите тушить, пожалуйста!

— Значит, убили Джана. Ты это точно видела?

— Да, у него копье в спине, я даже вытащить не смогла.

— А со скотиной что?

— В поле выгнала. Ну пойдете же!

— Куда идти-то? С солдатами биться, что ли? Если Джан мертвый, ему уже не поможешь.

— Да их всего двое осталось, и один раненый, а вас тут два десятка! Неужели отец так и сгорит?! — Тайра сорвалась на крик.

— Потихе ори. Из-за мертвого тела жизнью людей рисковать негоже. Этих убьем — завтра с равнины другие приедут, всех наших перебьют. Уймись, девка.

Тайра видела, что люди по одному растворяются в темноте, осталось только трое-четверо.

— А ну подсади-ка, — маленькая ручка легла на гриву Маяка.

Это была Зелла, соседка. Тайра отодвинулась и подхватила низенькую, словно ребенок, женщину.

— Поехали, поглядим, что там делается.

Тайра прильнула к теплой родной спине. Много-много лет соседка была для нее второй матерью, а зеллина дочка Нита — единственной подругой. Когда муж Зеллы, кузнец Рон, попал под обвал вместе с сыном, Тайра иногда даже мечтала, чтобы отец женился на доброй вдове. Да не сложилось. В последний год, после того, как Ниту выдали замуж на равнину, они виделись реже.

Они уже подъезжали к горящему дому, отсюда были видны оба столба огня — над крышей и над хлевом — подпирающие черную тучу дыма с красноватым брюхом. И тут в распахнутых воротах на фоне пламени замелькали тени, послышался неторопливый стук многих копыт. Тайра осадил Маяка и задом загнала его в простенок между двумя дворами.

В тусклом дрожащем свете мимо них тянулась вереница того, что осталось от отряда. Первый всадник вел в поводу лошадь с двумя телами, привязанными поперек седла. На следующем коне кулем мотался раненый, за ним — пять порожних лошадей. Еще один

верховой — и опять лошадь с убитыми. Маяк все порывался встать на дыбы, Тайра еле сдерживала его, а Зелла шептала ему в ухо что-то ласковое.

Дождавшись, когда конский топот совсем затихнет, они подъехали к воротам. Дальше ни верхом, ни пешком ходу не было. Двор заполнял раскаленный едкий воздух, из окон и дверей валил дым. Крыша исчезла, догорали обугленные стропила, факелом пылала старая груша. Внутри каменного короба ревел багровый огонь. Джана уже невозможно было вытащить, это поняла даже Тайра.

Зелла перехватила повод из рук девушки, иначе до смерти перепуганный Маяк помчался бы в ночь, не разбирая пути, и решительно завернула коня к себе на двор.

— Завтра огонь спадет, достанем его. Ему уже все равно, доченька, он уже с мамой твоей встретился. Как он скучал по ней, а теперь они вместе. Ну, выпей вот, надо тебе выпить...

Зубы Тайры стучали по краю кружки, вино никак не проглатывалось.

— Ты допивай потихоньку, я схожу Маяка в хлев поставлю.

Тайра сразу же забыла про кружку и тупо уставилась на что-то блестящее. В горнице было совсем темно, только светильник, в который благочестивая Зелла никогда не забывала подливать масла, горел под начищенным медным шаром, свисающим на цепочке с балки. Такие шары были во всех домах верующих в Единого, сверху на них изображалось солнце, снизу — месяц, посредине — волнистая линия, символизирующая землю, остальные знаки могли быть разными. И у Джана, и у Зеллы вокруг месяца был выгравирован хоровод звезд, но вверху на зеллином шаре плыли кудрявые облачка, а у Джана летели птицы: орел, цапля, ворон, лебедь и сова, Тайра любила их разглядывать. Шар у них был серебряный и висел возле самого окна. Он, наверное, расплавится. А ведь его так легко достать — только руку протянуть. Тайра ошалело заметалась и выскочила на улицу. Хорошо, Мушка залаяла — иначе Зелла бы и не заметила помутившейся разумом девушки.

В ворота они вбежали одновременно. Ветер, наверное, переменялся: во дворе можно было дышать, хотя пожар полыхал еще сильнее. Может, даже и шар удалось бы спасти — но тут в доме раздался грохот рушащихся перекрытий, и пламя выметнулось из окон и дверного проема.

— Зелла, посмотри — Хмурый.

На боку у пса чернела глубокая рана, шея была почти перерублена. В оскаленных зубах зажата покореженная железная пластина и какая-то кровавая тряпка.

Тайра осторожно гладила густую клочковатую шерсть. Верный пес погиб, защищая дом, а ему и слова доброго не доставалось. Кормили, да по холке изредка трепали.

— А Шмель-то где?

Тайра нашла его в углу двора, между стеной горящего хлева и оградой.

— Не ходи туда, задохнешься!

— Я его к воротам подтащу.

Тайра обняла пса и попробовала поднять. Передняя лапа резко дернулась.

— Зелла, он, кажется, живой.

— Не может быть!

Забыв про дым, Зелла опустилась на колени и стала ощупывать собаку.

— Сердце-то бьется! Понесли.

Шмель был и ниже Хмурого, и легче в кости, но тоже не маленький. Зелла скинула шаль и расстелила на земле, пса перекатили на ткань, подхватили ее за четыре угла. Шмель

задергался и засучил ногами.

— Давай-ка положим...

Пес приподнялся на передние лапы, упал, снова встал и, шатаясь, побрел рядом с Тайрой.

Зелла влила последние капли отвара в пасть и уверенно заявила:

— Выздоровеет. Его только по башке огрели, да дымом надышался. Молодой еще, ничего с ним не станется.

И вот тогда Тайра уткнулась лицом в пыльную собачью шубку и тихонечко завывала.

Зелла гладила девушку по вздрагивающей спине и молча радовалась. Плачет — значит очнется. Сможет жить.

Глава 2. Проводы Джана

Они так и проснулись в обнимку. Шмель, которому выпало невиданное счастье — спать в доме, да на овчине, да рядом с хозяйкой — блаженно потягивался и выглядел почти здоровым, если не считать налитых кровью глаз. Зелла ушла, над очагом грелся медный котел с водой, рядом — лохань, на лавке разложена чистая одежда. Это был обычный горский наряд: вязаные штаны с узорчатыми полосами, черная шерстяная юбка с разрезами по бокам, расшитая красным, черным и голубым рубашка и меховая безрукавка. Все это осталось от Ниты, у Тайры тоже была похожая одежда, в ней удобно ездить верхом. А дома Джан приучил дочку носить городское платье. Она опустила глаза — и вскрикнула. Подол чуть не до пояса пропитался уже задубевшей кровью, белый фартучек весь заляпан бурыми брызгами. Срывая с себя омерзительные тряпки, она нащупала в кармане фартука какой-то сверток — это был мешочек с картой. Одежда со следами смерти человека по имени Марти полетела в огонь, мешочек чуть было не последовал за ней — но тут Тайра вспомнила, что бородач попросил сберечь карту. Получалось, что это его последняя воля, которую нельзя нарушать. Хотя и особого смысла хранить вещь, потерявшую владельца, не было.

В этой самой лохани они с Нитой мылись вдвоем, когда были маленькими. Тайра отмокала в горячей воде, сколупывала с ног присохшие корки грязи, ей было хорошо и уютно, как в детстве. Отец ушел в горы и вернется через пару дней. Расцелует Тайру, а потом поедет в город покупать ей платье на свадьбу. Самое лучшее, как и обещал, красивее, чем у королевны... Вот только в доме очень сильно пахло гарью. Какой смысл рассказывать себе сказки, если сама в них не веришь? Нет у нее отца, и не вернется он. Надо в долину съездить, скотину собрать.

Маяк так и рвался из хлева, еле дал себя поседлать, а у ворот радостно заржал. С улицы донеслось ответное ржание. В сером, пропитанном дымом утреннем тумане мимо зеллиного двора гнали стадо Джана. И обе коровы тут, и овцы все, может, двух-трех не доставало. Чужой жеребец был только один, на нем — страхолюдный мужик со сморщенным от уродливого шрама лицом. На взмыленном Вороне — другой, помоложе, без шрамов, зато весь в оспину.

Это были работники Баркетов. Как их зовут, Тайра не знала, да и знать не хотела — у наемников Гутриса рожи всегда такие, как будто он их набирает среди беглых каторжников.

Она обогнала их и поставила коня поперек дороги.

— Куда мое стадо гоните?

— Какое еще твое? Было джаново, а теперь Гутрис велел его на нашем дворе поставить.

— Это моя скотина, а не Гутриса.

— Не, посмотри, какая краля выискалась! Ее стадо, понимаешь? Ну, раз ее — так давай к ней и загоним, прямо в хлев, отличное жаркое на углях получится!

Отсмеявшись, старший из работников буркнул:

— Ты иди с Гутрисом договаривайся, нам-то что — мы люди подневольные. Только с коня слезь, хозяин сказал — всю джанову скотину пригнать.

Разъяренная Тайра пришпорила Маяка и полетела к Баркетам.

Господин Гутрис как раз распахивал створки ворот пошире. Был он маленький, пузатенький, но при виде Тайры приосанился.

— Сочувствую твоей беде, очень жаль, да, очень.

— Спасибо. Дядя Гутрис, ваши работники угнали мое стадо и говорят, что это вы им велели.

— Конечно, я. Только не угнать, а собрать, чтобы оно без присмотра не погибло. Ты знаешь, что у тебя одна овца уже в Тану свалилась? А сколько они людям винограда испортили?

— Но почему к вам?

— У меня хлев большой. Не хочешь — обратно в горы твою скотину выгоню, если тебе ее не жалко. Только за потраву людям плати, а так — твое дело.

Тайра растерянно смотрела, как мимо нее гонят стадо. Работники пощелкивали кнутами, поторапливали животных.

— Да не переживай ты, отстроишься — забереешь. Я их не обижу.

Гутрис взял Маяка за повод:

— Слезай, я его в конюшню поставлю, овса ему задам.

Тайра вырвала уздечку и ускакала, ни слова не говоря. Может, и прав Гутрис, у Зеллы в хлеву лишнего места нет. Да и все равно после свадьбы ей придется к Баркетам в дом идти, куда теперь деваться. Но она твердо знала, что ее обокрали.

Только к полудню пепелище остыло настолько, что можно было начать разбирать завалы. Подвезли на телегах бочки с водой, заливали и растаскивали еще дымящие бревна и доски. Под ними нашлись обугленные трупы пятерых человек. Сначала и не поняли, кто из них — Джан, потом догадались — одно только тело без брони и без руки. Его вытащили самого первого и положили на носилки, которые мастерили парни перед домом. Кому-то вздумалось заглянуть в то, что осталось от хлева. Он выгорел полностью, даже стены развалились — слабые были, глинобитные. У самого входа валялся почерневший скелет, все кости переломаны и почему-то без головы. Раздавленный череп в смятой каске обнаружился шагах в пяти поглубже. Непонятно было, кто его так — но в суматохе не стали разбираться, просто крикнули, чтоб сколотили еще одни носилки.

На этот раз Зелла не выпустила Тайру за ворота, заставила помогать поминки готовить. В Ашере было не принято хоронить так быстро, полагалось, чтобы умерший провел последнюю ночь в своем доме. Но дома-то не было, а главное, все боялись, что ракайские солдаты — мужчины по высокому гребню на шлеме у их главного сразу определили, что это были ракайцы — вернуться с подкреплением.

— Смотрите-ка, а джанов меч целый совсем, — парень лихо срубил черной от копоти железякой верхушку куста, — я его себе заберу, никто не против?

— Он вроде как его дочке должен достаться.

— Да зачем девке меч?

— А ты у нее и спроси, отдаст, ну и забирай.

Но Тайра так и вцепилась в меч, вырвала его у огорченного парня и побежала чистить. Больше от отца у нее ничего не осталось.

Процессия тронулась. Шла вся Ашера, даже дети, только несколько женщин остались собирать на стол. Впереди молодые мужчины несли носилки с обугленными костями, покрытые разноцветными покрывалами — столько черных в деревне не нашлось. За ними Тайра, на которую кто-то накинул темный платок, вела разрыдающуюся напоследок Зеллу.

Потом старейшины, остальные мужчины, сзади женщины с детьми. Сначала нестройно, потом слаженной и громче люди запели:

— О Единый, Всемогущий, прими детей своих. О Единый, врата открой в Небеса Светлое...

Через селение, через мост, вокруг горы Ман, вверх по заросшей тропе. Это было самое красивое место в окрестностях — небольшая седловина с рощей грецких орехов. Называлась она Долина Теней. Трава там росла пышная и свежая, скот туда никогда не гоняли. Среди раскидистых мощных деревьев стояли сложенные из булыжника пирамиды склепов, высокие, как башни. И еще там жило множество бабочек и птиц.

Перед усыпальницей Карисов процессия остановилась, носилки положили на землю. Почтительно, под руки, вывели вперед старого Лепанида. В Ашере никогда не было священника, люди больше молились местным духам, чем Единому. В торжественных случаях пастух Лепанид, знавший наизусть несколько гимнов и псалмов, обретал статут жреца и творил обряды. Это было наследственное служение, умрет он — таинства будет совершать его сын. Дрожащим голосом старый пастух нараспев произнес все положенные слова. Отвалили камень. Солнце впервые за много лет упало на останки Карисов, покоившиеся на широких постаментах по периметру склепа. У самого входа лежали родители Джана, покрывала на них еще не истлели, даже лица можно было узнать под расплывающейся тканью. Дальше ютились ветхие ссохшиеся мумии, а в самой глубине — скелеты. Свободного места не было. Двое мужчин сгребли чьи-то неведомые кости в сторонку, втащили носилки с Джаном, бережно установили на возвышении. Остальных положили прямо на пол, и разбойников, и солдат.

— Если кому надо — пусть сами разбираются, кто тут ихний, — сказал один из мужчин в виде напутственного слова.

Задвинули камнем вход. Вот и все.

На обратном пути шли, как придется, не соблюдая чина. Тайра углядела в толпе семейство Баркетов со старшими сыновьями и невестками, Мариса с ними не было. При виде девушки Гутрис с важным видом заговорил с родней, а Виринея подотстала. Была она в черной кружевной накидке до самых пят, лицо скорбное.

— А Мариса отец в город отослал по делам, — ответила она на невысказанный вопрос в глазах Тайры. Какие у шалопа Мариса могут быть дела в городе, Виринея не уточнила.

— Сколько раз я говорила Джану, чтобы не водился с разбойниками, дочку бы пожалел... Ну и осталась ты одна-одинешенька... И где же ты ночевала, бедная, неужели прямо на улице?

— Меня тетя Зелла к себе взяла.

— И что же ты, будешь теперь вдову обедать? Перебирайся лучше к нам, у нас как раз вчера работница ушла.

— Матушка, разве можно до свадьбы в дом к жениху идти?

— Ну какая теперь свадьба? Ты девушка взрослая, разумная, сама все понимаешь. Подумай, что люди скажут. Будут глаза колоть: Баркеты совсем жадные стали, сына на бездомной сироте женили, чтобы выкуп не давать. Зачем нам это? Ну а так — живи. Буду тебе деньги платить за работу. Марис отцу плешь проел, как он без тебя с тоски помрет, а я что? Я вам мешать не буду.

Тайра отшатнулась:

— Как вы можете мне такое говорить?

— А что я такого сказала? Вы с Марисом все лето по кустам миловались, может, ты уже и непраздная...

Тайра отскочила, как ошпаренная, чувствуя, что еще одно слово — и она наотмашь хлестанет прямо по сладкой улыбочке госпожи Виринеи. А та шла довольная. Ну не хочет дура нищая — и не надо, Гутрис в городе найдет Марису приличную девушку. Там нет дикарского обычая платить за невесту выкуп, наоборот, девку еще и с приданным отдают.

На поминки Тайра не вышла, лежала на зеллиной постели, глядя пустыми глазами в потолок. Люди расстелили ковры прямо перед домом, натащили снеди и вина немерено, ели, пили, Джана нахваливали. И скот-то у него не болел, и дочку после смерти жены один поднимал, ходила она разодетая, как куколка, и охотился он с одной рукой лучше многих. Даже вспомнили, что в молодости стражником был, вот и погиб как воин, в бою. Зелла, забегая в дом по разным надобностям, видела, что Тайра лежит, будто неживая, да сделать ничего не могла: людей же не бросишь голодными. Только когда совсем стемнело и женщины стали свертывать ковры да разбирать по домам недопитое-недоеденное, Зелла присела на краешке постели и тихонько погладила Тайру по плечу.

— Вставай, поешь, вина выпей, я тебе ужин собрала.

— Спасибо, тетушка, не хочется что-то.

— Поешь, тебе силы нужны.

— Зачем?

— Завтра к дяде Джакобу поедешь, прямо с утра.

— На что я ему сдалась?

— Джакоб для дочки брата своего в лепешку расшибется. Думаешь, почему у Джана деньги всегда водились? Джакоб помогал. Сам-то не навещал, да Джан к нему ездил. А тебе здесь нельзя оставаться. Люди, как выпили, судачить стали: почему солдат безголовый такой помятый был? Вспомнили, что ты скотину выпустила, значит, прямо по нему стадо гнала. А кто тогда голову ему отрубил? Ты и отрубила. Вернутся солдаты, кто-нибудь обязательно им проболтается про безголового. Так что завтра до свету тебе уехать надо.

— Зелла, а почему нас с отцом люди так не любили?

— Как тебе сказать, дочка, — она подложила Тайре второй кусок пирога. Первый был раскрошен попусту, глоток вина сделала — и то хорошо.

— Наверное, из-за матери твоей, странно все с ней было. Надо ли старье это ворошить, не знаю, ну уж раз спросила... Джан с Джакобом ведь лучшими женихами у нас считались, все девки ревели, когда их нелегкая понесла в солдаты наниматься.

— И ты?

— И я, — Зелла опустила глаза и помолчала чуть-чуть, — по Джакобу. Ну, что говорить... Рон мой хорошим мужем был. Восемь лет о братьях ни слуху, ни духу, отец их помер, мать болела, совсем плохая стала, мы с Роном помогать ей ходили. И тут вдруг Джан появляется с Литой. Кто такая — никто не знает, но сразу видно, что городская, из богатых. По хозяйству ничего не умела, я ее готовить учила. Скоро стали болтать, что она и не жена ему вовсе, а так, краденая.

— Насильно? Не верю я!

— Почему насильно? Она за ним как овечка на веревочке бегала, Джан со стадом уйдет, а она в доме запрется и сидит, тоскует. Потом уж ткать-вышивать стала, и тоже не по-нашему: петелькой или крестиком, а гладью, как знатная. Или читать вздумает, ей Джан

книги из города привозил. Ну, кто у нас когда читал? Вот и сомневались люди — как такую девушку за простого солдата отдали, да еще в деревню, в горы? Она ж красивая была — глаз не отвести, коса толще моей руки, до колена, даже лучше, чем твоя, глаза голубые-голубые, кожа белая... Может, и болтать бабы начали от зависти. Только одна вещь и правда непонятная была: о своей семье она никогда не говорила, спросишь — молчит, или скажет — в дальних краях они. А потом, когда уж ты родилась, она петь затеяла, сядет с тобой на пороге и разливается. Голосок серебряный, песни красивые, как лютнисты на ярмарке поют — баллады. Кстати, по-нашему пела, по кадарски, так что в дальние края не очень-то и верилось. Выйдет, запоет — сначала дети во двор сбегутся, потом и мужики подойдут, стоят за воротами, уши развеса. Тут уж бабы совсем ее возненавидели.

А умерла она как-то странно. В Тане утонуть не мудрено, речка бешеная, но ведь далеко-то не должно унести, тело на перекате в камнях застрянет. Джан тогда прибежал к нам, весь белый, тебя мне на руки сунул, говорит — Литу рекой унесло, еду искать — сел на коня и ускакал. Вернулся через три месяца, без руки. Будто бы руку валуном передавило, когда он Литу из воды вытаскивал, ну а потом он в городе лежал, выздоравливал. Может, и так, только долго что-то болел. Маму твою он в предгорьях нашел, там и похоронил, я сама видела — холм большой из камней насыпан и круг деревянный на палке. Вроде так жену любил, как никто не умеет, а на могилу никогда не ездил. Может, не хотелось ему думать о ней, как о мертвой? Теперь-то они в Светлых Небесах друг на дружку радуются... А тогда он чуть умом не тронулся, напьется и сидит на пороге, качается. В то время его все жалели, хотя некоторые даже горю его умудрялись завидовать — что по ним так убиваться никто не будет. Мы с Роном думали тебя насовсем забрать, ты и так у нас, считай, жила, вы же с Ниткой моей как сестрички. И тут откуда ни возьмись — Джакоб, со своей женой иноземной. Пятнадцать лет ведь не появлялся, я и не узнала его поначалу, видный такой стал, купцом заделался. Ну, Джан и ожил понемножку.

А потом, когда он беженцев стал через перевал водить, вся Ашера на него взъелась. Ладно бы беженцев одних — он и дезертиров водил, и мятежников. Видишь, одно дело — детишкам про разбойничьи подвиги рассказывать, другое — ждать, когда ракайцы наедут и за одного Джана всю деревню вырежут.

Почти все это Тайра и сама помнила — и мамины песни, и как она нахваливала первый вышитый дочкой кривой и лохматый цветочек, и страшного, воняющего перегаром отца, от которого Тайра пряталась у соседки, и дядю Джакоба, показавшегося ей очень важным господином. И как потом все наладилось, и отец учил ее ездить на лошади и стричь овец, а когда ей исполнилось десять лет, подарил гнедого жеребенка с белыми гривой и хвостом и сказал, что он будет отовсюду виден — как маяк. Даже могилу мамину помнила — один раз упростила все-таки отца свозить ее в предгорья. Не знала она только одного: как их жизнь виделась со стороны извечно настороженными глазами односельчан.

Зелла усердно набивала подседельные сумки всем, что, по ее мнению, может пригодиться в дороге.

— Ну зачем мне столько? До города два дня ехать, в крайнем случае, по дороге куплю.

— Да вот денег дать тебе много не получится, поиздержалась я...

— Так у меня самой есть! У отца в саду два горшка с монетами зарыты, пойдем выкопаем.

Зелла подвязала под фартуком большой кошель.

— Не нести же по деревне горшки с деньгами, людей в соблазн вводить...

Уже начинало светать.

Отцовский тайник был в дальнем конце сада, не пострадавшем от огня. Не то, чтобы он был глубокий, но Тайра помнила место приблизительно, так что они наковыряли немалую кучу земли, прежде чем заступ зазвенел о глиняный бок. Горшок оказался куда легче, чем можно было судить по размеру, заполнен монетами только на треть. Правда, попадались и золотые.

— Может, сразу и вторую захоронку выкопаем? Она за оградой, возле скалы.

Зелла ссыпала добычу в кошель и оправила фартук.

— Эту бы до дому донести, а там видно будет.

Наверное, она уже услышала или почувствовала что-то неладное. Из-за дома показались две вполне четкие в редеющем сумраке тени. Сначала вроде крались, а когда поняли, что их заметили, перешли на ту ленивую походку вразвалочку, которая подчеркивает сугубую готовность на всякое худое дело. При виде теней Зелла зачем-то грохнула заступом по пустому горшку и сгребла половину осколков в раскоп.

— Утро доброе, ребяташки, видно, вас Светлые Небеса нам в помощь послали.

"Ребяташки" — те самые баркетовы работнички — так и впились глазами в яму.

— И что вы тут накопили? Говорят, у Джана в саду золотишко было припрятано, не поделитесь?

— Да берите, не жалко, — Зелла весело махнула рукой в сторону битых черепков, — вон его сколько, я уж думала: горшок склею, кашу варить буду. Подмигнула младшему и вручила ему заступ.

— Вот досюда яму копай, и глубокую, в твой рост.

— Чего это я копать буду? На кой ляд яма-то?

— Да могила для Хмурого, пса ихнего. Что ж он гнить во дворе будет. Вы уж подсобите, ребятаки, а я вам хорошего вина вынесу.

Наемники переглянулись.

— Ладно, подсобим. Только пададь вашу сами таскайте. И вина за такую работу не по кружечке, а целый кувшин причитается, ну и пожрать тоже вынеси.

Зелла поплыла как лебедушка, плотно прижимая фартук к бедрам, а Тайра нарочно погромче шаркала по сухим листьям — вдруг все-таки звякнет.

Яма получилась не в рост, а по пояс — ниже было скальное основание. Работники, подобревшие после вина и целой корзинки мясной снеди — остатков со вчерашнего стола — сами предложили глянуть на пса. Его как оттащили прошлым утром к ограде, так и забыли. По морде ползали блестящие зеленые мухи, и запах уже пошел. Парни соорзили брезгливые гримасы, но углядели насаженную на клык железяку и пришли в полный восторг.

— Ты глянь, это ж наплечник! От молодец!

— Красиво как ракайца-то порвал! Эх, если б его мечом не рубанули — сжевал бы со всеми доспехами...

Работники отхохотались, утерли слезы и торжественно заключили:

— Да, такого кобеля по-людски хоронить надо. Девкам рассказать — вот ржать-то будут! Ну, понесли.

Они даже насыпали холм над могилой Хмурого, после смерти сослужившего свою последнюю службу — отведя от хозяйки беду.

Старые ножны Рона не вполне подходили, у Джана меч был поуже и теперь немножко болтался, но и так сойдет. Зелла привязала меч к седлу и критически оглядела Тайру.

— Плащ получше запахни, продует. Ну а теперь возьми на прощанье подарочек, это мама твоя вышивала, — она достала из-за пазухи маленькую, только поставец какой-нибудь накрыть, скатерочку. Увернулась от объятий чуть не свалившейся с коня Тайры, очертила их святым кругом:

— Езжайте, родные, солнце-то уже вышло. Да хранит вас Единый, — шлепнула Маяка по крупу и спряталась за воротами. Плакать при расставании — дурная примета.

Небо и правда было ярким, хотя в ущелье солнце покажется не скоро. Ашера отсыпалась после вчерашнего, даже сытые собаки молчали — да и чего на своих лаять? Тайра расстелила скатерку на колене. В центре был вышит замок с красными крышами, а по кругу — птицы. Все пять — орел, цапля, ворон, лебедь и сова.

Если бы не Шмель, они столкнулись бы в лоб. Но у реки пес остановился, как вкопанный и глухо заворчал. "Неужто опять баркетовы работнички?" — Тайра на всякий случай припрятала вышивку и осторожно подвела Маяка к просвету между прибрежными кустами. Через Тану переправлялось чуть не целое войско ракайцев. Одни вели лошадей по висячему мосту, другие гуртом штурмовали обмелевшую к осени речку. Тайра осторожно повернула коня и сначала шагом, а потом во весь опор поскакала назад через Ашеру. Пес отставал, ей пришлось остановиться и затащить его в седло. Маяку это совсем не понравилось, и он перешел на рысь — хоть тресни, в галоп не поднимался. Если кто-то уже проснулся и выдаст ее солдатам, то наверняка их догонят... Мимо своего выжженного дома, вниз по склону, через поля и пастбища. До тех пор, пока не стало ясно — нет никакой погони.

Дорога огибала невысокий холм с белым камнем на вершине, отсюда открывался вид до самой горы Кайи, за которой пряталась Ашера. В золотом утреннем свете долина казалась прекрасной и совершенно безлюдной. Справа по широкому ложу из щебня петляла серебряная Тана, сейчас ее можно было перейти вброд почти в любом месте, хотя громадные валуны и корни деревьев, разбросанные по берегам, напоминали про свирепый нрав реки во время половодья. Слева по горному склону поднимались багровые кудрявые виноградники. Белая утоптанная дорога была совершенно пустой, ни облачка пыли не замутняло стеклянную прозрачность утра. А ведь давно уже пора выгонять скот. Значит, в деревне что-то случилось. У Тайры похолодело в животе. Вдруг солдаты решили отомстить жителям за гибель отряда? И сейчас в Ашере плач и крики? Но если она вернется, то вряд ли чем-то поможет, скорее — навредит и уж точно погибнет.

В самом конце долины широкой полосой за клубилась пыль. Кто-то все-таки выгнал стадо, скоро придется ехать дальше, чтобы не попасться людям на глаза. Только куда ей ехать? Когда солдаты покинут деревню — сегодня, завтра? Беда была в том, что на равнину можно попасть только по берегу Таны, то есть — через Ашеру. И тут девушку осенило. Ведь в горах много ущелий, по ним тоже бегут реки, и все они текут на равнину. А у нее есть карта.

Она спрыгнула на землю, ослабила подпругу, чтобы Маяк немножко попасся и развернула свиток. Да, от Верблюд-горы есть путь в соседнюю долину, и там обозначена река, пунктирная линия вдоль нее — наверняка дорога. Отец не показывал ее Тайре, ему надо было свернуть чуть раньше — наверх, на плато. Тайра придавила начало свитка

камешками и размотала его до конца. Вот тот план, где лестница, а вот с подземельем. Его она еще не рассматривала. Это точно была пещера, а не подвалы замка — слишком извилистые проходы. Тут метка: "ручей", тут — "фигуры". Дальше — "оружие", "камни", "магия". Вряд ли кто-то будет на карте пещеры специально обозначать простые камни, скорей всего речь идет о драгоценных. А что значит "магия"?

Эту карту бородач доверил ей за несколько минут до смерти, она была чем-то очень важным для него. В пещере, скорей всего, тайник. Почему бы не съездить и не посмотреть самой? Она обернется за два-три дня, к тому времени солдаты наверняка уйдут из Ашеры.

Глава 3. Колдун и его раб

Готфрид Ильмарский неподвижно сидел у камина в резном кресле черного дерева и думы его были невеселы. Сухопарая фигура герцога полностью терялась в складках широченного собольего плаща с золотыми застежками, впрочем, весьма потертого. Волны меха лежали перед самым огнем, и случайный уголек вполне мог наделать беды, если бы плащ не был обработан сильным огнеупорным заклятием. С годами профиль Готфрида становился все более орлиным: серые волосы отступали с высокого покатого лба, нос хищно устремлялся к подбородку. Впрочем, благородным старцем его еще нельзя было назвать, скорее — пожилым аристократом. Иногда одинокий герцог даже подумывал, не завести ли ему молоденькую служаночку для утехи, потом представлял, как в покоях мельтешит суматошная любопытная квочка, и только сплевывал с отвращением. И так годы уходят, а Цель так же прекрасна и недоступна, как в молодости. Когда-то в мире собратьев по цеху он считался Великим, теперь, наверное, уже Величайший — а толку-то...

На полке с ретортами и прочими рабочими принадлежностями что-то еле слышно шелестнуло. Готфрид со стоном поднялся на ноги. Так и есть — с узловатой веточки граба сорвалась хвоинка. Значит, кто-то нарушил вторую печать. Первый маячок сработал часа два назад: с желтого пористого камня, лежавшего слева от ветки, просыпалась горстка песчинок. Ну, первая печать — ладно, там иногда ходят охотники, но вторая? В другой день Готфрид и сам бы прошелся подышать свежим воздухом, да заодно разобрался с нарушителем, но сегодня, к несчастью, его скрутил радикулит.

Злая немочь привязалась к нему лет двадцать назад, ни снадобьям, ни магии не поддавалась, так что пришлось идти на поклон к заклятому врагу Вермису, высылать ему почтительное приглашение. Тот, как всегда, сидел без гроша — растратил все состояние на манускрипты, а потому согласился приехать к Готфриду за пару не слишком ценных рубинов. И зря он унижался перед нищевродом. Вермис провел ночь у алтаря, бормоча заклинания, навонял дымом на весь замок и заявил, что радикулит ниспослан в наказание за грех и исчезнет без следа, как только герцог этот грех вспомнит. Ну, понятно, он выгнал шарлатана безо всяких рубинов, пусть спасибо скажет, что живого, то есть там, в Светлых Небесах скажет: сгубил себя бедолага своими манускриптами. Позже Готфрид провел целую зиму, вспоминая те деяния, которые Высшие Силы в своей святой наивности могли бы счесть грехом. Радикулит так и не прошел.

Значит, сегодня придется посылать раба. Готфрид терпеть не мог давать ему ответственные задания. Раб неверный и лукавый, всегда норовит обвести старика вокруг пальца. А как радовался герцог, заполучив этого почти всемогущего мальчишку-эльфа, для которого время — чистая условность. Наложил нерушимое заклятие полного повиновения и абсолютной правдивости, не знал еще, что прохиндей вообще врать не умеет. Лучше бы врал, мерзавец...

Послал он его как-то расправиться с Моргетом, убийцей и вором, дважды пытавшимся ограбить Готфрида. Говорит щенку: "Принеси немедленно его голову", — тот: — "будет сделано, Ваша Светлость". Вернулся через минуту, улыбается во весь рот, держит голову за волосы, с шеи кровь капает. И точно — Моргет, такую харю ни с чем не спутаешь, только волосы белые и весь в морщинах. Спрашивает Готфрид: — "и где ж ты ее взял?", а эльф этот — "из корзины у палача спер, их там штук пять было, думаю, палач не расстроится".

— И когда же это было? Или будет?

— Ну, лет через сорок, кажется.

Готфрид даже дар речи потерял от такой наглости. Швырнул голову в угол, взял свиненка за ухо и повелел: "Ты сделаешь так, чтобы этого негодяя и убийцы Моргета не стало сегодня, 15-го декабря 6879 года от сотворения мира по ракайскому летоисчислению". На этот раз мальчишка вернулся через два часа, цену себе набивал, паршивец, как будто Готфрид не знал, что эльф хоть на три года в другое время уйдет, а вернуться может в то же мгновение, из которого отправился. Голова полежала, да исчезла, вместе с кровью, что ковер было испортила. Значит, того будущего, где Моргет получит по заслугам только в глубокой старости, уже нет. Наконец, является красавец, еще более довольный.

— Негодяя и убийцы больше нет, ваша светлость.

— Ну и как ты это сделал?

— Разлил масло на лестнице у маркизы Кафалии, вдовы. Моргет собирался сегодня вечером изнасиловать, задушить и ограбить госпожу маркизу, но, к несчастью, сломал ногу, теперь он лежит у нее в опочивальне и громко стонет. Маркиза ухаживает за ним, старательно, но неумело. Ей придется заниматься этим праведным делом очень долго, так как нога срастаться будет плохо, и бедняга на всю жизнь останется хромым. Что не помешает госпоже маркизе влюбиться в Моргета и добровольно разделить с ним и ее ложе и ее богатства. Через год они сыграют свадьбу, и госпожа маркиза родит ему трех дочек, внешностью напоминающих отца, а умом и добродетелью — мать. Моргет полюбит их всей душой и остаток своей жизни посвятит тому, чтобы благополучно выдать их замуж. Так что негодяя и убийцы Моргета больше нет, сир. И никогда уже не будет.

Вот за "сира" герцог и не оторвал ему голову вместо моргетовской.

Поначалу выходки самовольного мальчишки даже забавляли Готфрида, но постепенно он начал осознавать, что власть над временем — это власть над судьбой, жизнью и смертью. Его, Готфрида, смертью. Кто поймет, что у эльфов на уме? Что они считают добром? Колдун начал бояться своего раба, бояться и ненавидеть. А этой весной получил несомненное подтверждение своих опасений.

Книгочей Вермис раздобыл уникальную рукопись, список утраченного свитка с трудами древнего царя Арета, великого мага. Ходил, раздувшись от гордости, а в начале зимы сгорел, вместе с замком, библиотекой и этой самой рукописью. Готфрид сильно подозревал, что в книге содержится одно важное заклинание, которое приблизит его к Цели. Выждал полгода на всякий случай и послал за рукописью эльфа, чтобы тот спас ее от пожара. Тот вернулся мгновенно, взволнованный, вместе с ветхой стопкой пергамента.

— Вот книга, ваша светлость. Но вы не распорядились, что сделать с ней и прочим вашим имуществом после вашей кончины, у вас же нет наследников. Может, завещаете все Вермису?

— Что ты несешь?! Вермис мертв, а я не собираюсь на тот свет!

— Вы уже умерли, ваша светлость. Три дня назад. Мне пришлось на полчаса заморозить время, чтобы получить ваши распоряжения. Дело в том, что пожар начался, когда Вермис читал опасное заклинание. Он немного ошибся в произношении, и книга вспыхнула, а за ней — все вокруг. Я стащил ее за мгновение до пожара, пока Вермис не произнес последнего слова. Он, естественно, остался жив, впал в ярость при виде исчезновения рукописи, догадался, что это — заслуга вашей светлости и объявил вам войну. Вы храбро бились,

местность между вашими замками выглядит теперь, как после извержения вулкана. Но, к сожалению, он много работал в последние годы и изучил пару заклинаний, неизвестных вашей светлости. Так что вы умерли от скоротечной проказы и лежите в фамильном склепе. Какова будет ваша последняя воля?

— Верни книгу на место, идиот!!!

Герцог поморщился, вздохнул и звякнул колокольчиком. Дверь скрипнула, в щель просунулась встрепанная голова эльфа.

— Звали, ваша светлость?

— Спишь, бездельник? Посмотри-ка на печати.

Эльф со всей возможной скромностью приблизился к Готфриду. Шапкой рыжих кудрей и вздернутым носом он напоминал львенка, только очень хилого и замороженного. По неестественно вывернутым узким плечам и неправильной посадке головы даже спереди было заметно, что он немного горбат.

— Ваша светлость, я обнаружил нарушителя границы и тайно следовал за ним, а тут вы как раз и позвонили.

— И кто же он?

— Деревенская девчонка на лошади и с собакой, они заблудились.

— За последние пятьдесят лет это первый случай, чтобы кто-то нечаянно заблудился на Запретном Пути. Все прочие шли по карте и с самыми скверными намерениями. Разумеется, это уникальное событие произошло в вашем присутствии, — герцог почувствовал, что его захлестывает раздражение и махнул рукой, — проследи, чтобы она убралась отсюда как можно скорее. Если ступит на лестницу — убьешь без промедления.

— Обязательно, ваша светлость.

Эта наглая скукоженная мартышка издевается над ним. Вообразил, что ему, бессмертному эльфу, ничего не угрожает. Готфрид проживет лет двести и умрет, а мартышка будет кривляться и плясать на его могиле. Ну, в этом мире и в этом теле не так уж он и бессмертен.

Из собольего рукава выскользнуло тонкое лезвие и быстрее молнии... вонзилось в дубовую дверь. Эльф сокрушенно покачал головой:

— Зря вы это, герцог. Я же вас предупреждал — бесполезно.

В сумерках Тайра потеряла дорогу. Она поднималась по склону, покрытому древним буковым лесом, здесь часто попадались мертвые дуплистые стволы с комковатыми наростами. Последние красные лучи, пробившиеся в густую вечернюю мглу, высвечивали уродливые фигуры лесных духов. Бугры и морщины коры складывались в лица. Огромный полукруглый рот с губами, как у сома, над ним две круглых шишки — вытарщенные глаза, ветви-щупальца. Носатая кикимора с разинутым в крике дуплом и вздетыми руками — обломками сучьев... Шмель скалился на них, вполголоса взрыкивал. И ни звука, только цокот копыт по плоским, сросшимся в сплошную извилистую поверхность корням, да частое дыхание животных. Ручеек, который недавно журчал где-то внизу, замолк. Наверное, он все-таки был недалеко, между стволов расползались пряди тумана. Потом все исчезло во тьме.

Тайра не хотела ночевать в этом месте, где жили непонятные и вряд ли дружественные силы. Тем более, до предпоследней метки, обозначенной на карте как лестница, уже недалеко. Но выбора не было, даже конь почти потерял зрение, шараялся, оступался. И

вдруг, перевалив невысокий холмик, с треском и хрустом провалился почти по брюхо во что-то сыпучее, шуршащее. Пес прыгнул за ними и пропал, только оглушительный шорох да вихри листьев отмечали его скачки где-то там, под поверхностью. Это оказалась неглубокая ложбинка, старая листва годами скапливалась в ней, как в чаше и почему-то не прела, даже не спрессовалась, лежала сухим ворохом. Листья еще хранили тепло, хотелось зарыться в них и уснуть. Она вывела Маяка на край ложбинки и привязала на коротком поводу — трава здесь все равно не росла, хоть ноги не переломает. Поделилась лепешкой со Шмелем, потыкала вокруг найденной на ощупь веткой. Змей вроде не было. Плотно завернувшись в плащ, натянула на лоб капюшон и рухнула на пружинистую лесную перину.

Все стихло — и тут же обнаружилось обитатели полянки. Она служила спальней и кладовкой для нескольких десятков мышей, и тихое, а чуть позже — беззастенчиво громкое шуршание, попискивание и грызение окружило Тайру со всех сторон. Усталый Шмель, прикорнувший было у ног хозяйки, оживился и кинулся на охоту. Кое-как успокоив пса, Тайра обняла его и заснула с мыслью, что Маяк не сумеет защитить припасы, и к утру в сумках останется одна труха.

Потом прилетели совы. Они кружили над листьями, выхватывая тоненько визжащую добычу, иногда задевали крылом голову Тайры. Она вскрикивала, просыпалась, снова проваливалась в сон. Туман исчез, сквозь ветви сверкали огромные звезды. Сны путались с явью, ей казалось, что ее несут по небу две огромные белые птицы, она летит под ними, и взмахи их крыльев удерживают ее в воздухе, так что она не упадет, пока птицы летят. Внизу проплывают клочки полей, деревушки, разноцветные кудрявые шкурки лесов, а слева — синяя бескрайняя равнина. Это — море. Они снижаются, впереди, на самом берегу — Черный Город. Черные башни, черные крыши, черный замок на горе. Только мостовые и стены домов — серые. Птицы опустились на площади, вокруг стояли люди в черной одежде, кричали, размахивали руками, но Тайра не слышала их. Из толпы вышел ее отец. Он единственный был одет в цветное, как обычно ходил — в белой рубашке с сине-красным узором у ворота и рыжей куртке. Тайра спросила: "Почему ты один, где мама?" Отец махнул рукой куда-то вверх: "Так вот же она!" По серому небу летели две птицы...

Окончательно проснувшись, она решила, что сон не был вещим — его соткали совы, чувство невесомости на мягкой подстилке и темнота. Ложбинку заполнял холодный туман, такой густой, что было трудно дышать, но, когда Тайра взобралась на пригорок проведать Маяка, оказалось, что он доходит только до пояса, а небо уже серое и стволы деревьев отчетливо видны.

Тайра довольно быстро нашла тропинку. Когда-то это была настоящая дорога, ее расчищали, по обочинам до сих пор лежали убранные с пути камни. Теперь по ней расползлись корни, кое-где прямо на середине торчали кустики можжевельника, но, раз ступив на нее, сбиться уже было невозможно. Оголодавший конь торопился выбраться к свету и траве, шел хорошей рысью. Молочный туман рассеялся в сизую дымку. Казалось, за ночь пришла поздняя осень. Рыжие кроны буков, бурые прошлогодние листья и голубоватые корни под ногами — ни одного зеленого пятнышка, кроме мха на корягах. С тонких ветвей на тропинку свешивались ржавые космы листвы, когда конь задевал их грудью, они постукивали, как деревянные.

Лестницу она проехала мимо, ей пришлось вернуться назад, когда дорога резко пошла вниз и закончилась непроходимой осыпью — этого на карте не было. Ее и лестницей трудно было назвать — просто удобный подъем, на крутых местах где выгнутый петлей корень, где

плоский камень образовывали ступеньки. На одном из таких камней сидел ребенок. Шмель почему-то не залаял, только уши наострил. С виду — лет одиннадцать. Несмотря на холод, на нем была одна белая рубашонка без рукавов. Рыжая кудлатая голова, тщедушные плечи.

— Сюда нельзя, — он встал, и Тайра поняла, что он горбат, хотя и держится прямо.

— Почему?

— Если поднимешься, я должен буду тебя убить. А я не люблю убивать.

Тайра вытащила меч из притороченных к седлу ножен и с издевкой покрутила его в руке, хотя ей было жутковато.

— У меня конь и оружие, у тебя нет ничего.

— Ты не сможешь мне повредить. Я эльф.

— Эльф? Ты? — она направила коня на него, но Маяк резко попятился, то ли на кручу лезть не хотел, то ли испугался непонятно чего. Разозлившись, она саданула пяткой по боку. Конь наклонил шею и выдал такого козла, что Тайра чуть не перелетела через его голову.

— Тсс, — мальчик взял коня за уздечку и погладил его по щеке. Маяк безропотно пошел за ним, только дрожал и косил глаза. Вверх по склону, сквозь заросли дубняка, снова вниз, по узким тропкам между огромных, как дома, камней, вдоль пропасти, на дне которой журчал ручей. Висячий мост, хорошая проезжая дорога ведет от него направо, в горы.

Тайра очнулась и натянула повод.

— Куда это ты?

— В пещеру. Ты же хотела увидеть сокровище?

— Только что ты собирался убить меня за это.

— Если ты поднимешься по лестнице к главному входу. Так приказал хозяин. Но есть и другой путь, хозяин о нем не знает.

— Отличный у тебя хозяин. А ты отличный слуга. Как-то ты не очень похож на эльфа.

— Я не слуга, я раб. У меня нет долга чести перед хозяином. А ты, можно подумать, видела много эльфов.

— Видела один раз.

— Кого?

— Ну, имени она мне не сказала, — злорадно начала Тайра, — но она была высокая, красивая как принцесса, с белыми волосами ниже колен, с длинными бирюзовыми глазами, в переливающемся зелено-золотом платье...

— И с изумрудным трилистником на шее?

— Ты что, ее знаешь?

— Это Районси, невеста моего брата, — мрачно сказал эльф, — Ну а зачем она к тебе приходила? Давно?

— Лет пять назад, — Тайра кивнула на Шмеля, благовоспитанно трусившего у правого стремени, — пса моего спасла. Он тогда щеночком был, погнался за птицей и свалился в реку. Его понесло, когда я его отловила, он уже не дышал. И вот тогда она появилась ниоткуда, взяла его на руки, из пасти полилась вода, и он ожил. Отдала его мне и исчезла. Я сразу поняла, что она эльфица.

— Береги его. Когда-нибудь он спасет тебе жизнь, иначе бы Районси не приходила.

Тайра с сомнением посмотрела на радостно ослабившегося Шмеля. За пять лет он спас ее от несметного множества мышей, а еще от соседской кошки, которую ежедневно загонял на дерево.

Она уже давно потеряла направление, дорога осталась далеко внизу, вроде бы они

поднимались вверх, обходя вершину по кругу. Туман опять сгустился, неба не было видно. Или, может быть, они вошли в облако. Тропинка все время пересекала хребты неглубоких ущелий. Вверх-вниз, вверх-вниз. В какой-то момент Тайре показалось, что под копытами скрипит снег — значит, они поднялись совсем высоко, но в следующей долинке росла совсем зеленая трава, даже цветы еще цвели. Мальчик вприпрыжку бежал и по щебню, и по снегу босыми ногами.

— А почему твоя Районси не исцелила тебя? Ну, спину?

— Горб? Так ведь за все надо платить. Вот у тебя в косах бусы, ты же их купила?

— Отец купил.

— Вот видишь! Даже не ты, а отец. А ты носишь. Поняла?

Тайра совершенно ничего не поняла, но спросила правильно:

— Горб — это плата? Кому?

— Колдуну. Моему хозяину.

— Прекрасный у тебя хозяин. Держит тебя в рабах, и ты же еще должен платить ему страданиями? Я слышала, что колдуны злые, но чтобы настолько!

— Да нет, колдун как колдун. Обыкновенный. Край охраняет, ни разбойники, ни солдаты сюда не суются. Даже исцеляет иногда, только редко — вечно сидит у себя один, как сын. Трусливый немножко. И жадный.

— Он старый?

— Третий год говорит, что ему сто одиннадцать. Врет. На самом деле — сто сорок семь.

Подробнее о характере колдуна Тайра узнать не успела — они, наконец, пришли. Облака остались внизу, впереди сиял на солнце светлый скалистый обрыв. Сверху его венчали острые пики, частые, как зубья на расческе, а склон у подножья был завален осыпью. Обвал случился совсем на днях, под горами обломков зеленела примятая трава, между камнями — вырванные с корнем, погнутые и изломанные деревца с желтой еще не осыпавшейся листвой.

— Дальше верхом не получится.

Тайра расседлала Маяка и привязала к кустам подальше от осыпи. Потом тщательно обтерла коня пучком травы, гнедая шкура заблестела.

Порывшись в сумках, она извлекла лепешки, сыр и бурдюк с разбавленным вином, который насильно всучила Зелла, приговаривая: "где ты по дороге молочка возьмешь, здоровье-то надо поддерживать". Шмель прыгал вокруг припасов на задних лапах, умильно прижимая передние к груди, за что и получил почти треть круга сыра, потом и лепешкой не побрезговал. Тайра осторожно спросила своего спутника:

— Поешь со мной? — по дороге, глядя на его босые ноги, бегущие по острому щебню, она немножко засомневалась в его плотской реальности.

— Ага, спасибо, — он засунул в рот хороший кус хлеба с сыром и с удовольствием принялся жевать. По поводу вина задумался, но сделал пару неуверенных глотков. Хотя, может, все это было иллюзией. Стоило, наверное, прикоснуться к нему.

— У тебя есть светильник?

Зелла позаботилась даже об этом, медная утица нашлась на дне одной из сумок, и бутылочка с маслом в той же тряпице.

— Полезли. Шмеля здесь привяжи, там есть пара мест таких...

Тайра не могла вспомнить, называла ли она пса по имени при мальчишке — вроде бы нет. Кинула сумку под куст.

— Шмель, стеречь.

Глава 4. Путеводная звезда

Над осыпью в горном склоне была видна свежая расселина, как будто великан сковырнул заступом часть скалы. В самом низу выбоины чернела небольшая дыра вроде волчьей норы, эльф забрал у Тайры светильник и исчез в ней.

Несколько шагов пришлось проделать на четвереньках, елозя ладонями и коленями по острым камням, потом нора расширилась и перешла в узкий и высокий коридор. Сероватый свет из отверстия, поначалу облегчавший путь, пропал за поворотом. Тайра не видела больше ничего, только золотистый ореол вокруг головы и плеч эльфа, за которым она еле-еле ковыляла, спотыкаясь на каждом шагу. Наконец мальчишка сжалился и опустил светильник пониже. Пол был завален большими угловатыми камнями, такие же торчали из потолка. Интересно, как часто они падают? Глаза понемногу привыкали к темноте, но с каждым шагом становилось все холоднее, на свету было видно, как облачко пара вылетает изо рта. Проход расширялся, сужался, ветвился и постепенно опускался вглубь горы. Поверхности сглаживались, углы скруглялись, как будто тоннель был выточен руслом реки. Влажно блестели своды, на стенах пузырились грозди натеков. Тайре казалось, что они путешествуют по внутренностям какого-то огромного животного. Иногда эльф молча поднимал светильник повыше или подносил к стене и из темноты проступал жутковатый образ: белая великанья борода из волнистых каменных сосулк, круглая арка с острыми клыками, похожая на оскаленную пасть. В одной из камер на потолке висела семейка летучих мышей, уютно запакованных в кожаные плащички крыльев. Одна из них совсем почеловечески откинула с головы край плаща, повертела мордочкой и скользнула во тьму. Эльф осветил ей вслед. Свод пещеры провисал там тяжелым полукругом, на нем рядами росли коротенькие сосульки, к некоторым пристроились спящие мыши. Это было похоже на вымя чудовищной коровы. "Сосцы Матушки-Земли", — беззвучно прошептала Тайра и холодок пробежал у нее по спине. Но эльф услышал и так же тихо шепнул ей в ухо:

— Теперь ни звука, что бы ни случилось. Следи за мной. Когда я спущусь — не двигайся, пока не подам знак.

Он нырнул в низкий проход, круто поднимавшийся вверх. Тайра стукнулась головой о свод, какое-то время передвигалась, согнувшись в три погибели, потом пришлось опуститься на четвереньки.

Эльф сел на пол, свесил ноги в какой-то провал и исчез, только его рыжая макушка сияла на границе черной дыры. Девушка осторожно подползла к нему и заглянула вниз. Эльф стоял на освещенном карнизе, а вокруг был мрак, сплошной, беспросветный, как будто они оказались на краю мира, и дальше была только пустота. Тайра отшатнулась. Один шаг — и она сорвется и будет падать в бесконечную ночь, пока не остановится сердце. Эльф кивнул ей и подал руку. Совершенно нормальная, холодная и шершавая мальчишеская ладошка — с удивлением отметила Тайра. Выбравшись на узкую площадку, она прижалась спиной к каменной стене и осмотрелась. Их окружала непроглядная тьма, но под ногами, кажется, поблескивали блики, такие слабые, что их можно было принять за обман зрения. Эльф присел над бездной и вытянул руку со светильником, внизу отразился крошечный огонек. Тайра скорее догадалась, чем увидела, что они стоят в огромном зале, а далеко под ногами — черное зеркало подземного озера. Карниз уступами уходил вниз, это был неровный край отвесной плиты, чуть выступавшей из стены пещеры. Цепляясь за камни и друг за друга, они

начали спуск.

От воды тянуло могильным холодом. Чем ниже, тем сильнее пробирал озноб. Под темной маслянисто поблескивавшей гладью проступали голубоватые пятна. Они висели на разной глубине, некоторые были размером с кулак, другие — в рост человека. Одно пятнышко светилось почти на поверхности. Вглядевшись, Тайра поняла, что это тельце летучей мыши — ушастый комочек с распростертым крылом. Тогда большие пятна могут быть... Но страха не возникло, она слишком устала. Каждое движение вытягивало остатки сил, измученное сознание растворялось в синей блаженной мгле. Вода посветлела, задымилась клочьями тумана... так холодно, так болят ноги, так хочется спать. Куда они идут, зачем? Войти в озеро — и никогда больше не будет ни холода, ни боли. Вечно парить в голубом сиянии... Эльф вцепился в руку Тайры, стоявшей у самой кромки воды с нежной бессмысленной улыбкой.

— Идем! — злобно прошипел он и потащил прочь от волшебного прекрасного, манящего свечения. Струйка тумана обвилась вокруг ног Тайры, она перестала их чувствовать и осела на пол. Эльф зажал в зубах ручку светильника, обхватил девушку поперек талии и поволок в широкую галерею, по дну которой к озеру бежал прозрачный ручеек. Положив Тайру на прибрежный гравий, он энергично плескал ей в лицо обжигающие ледяные пригоршни воды, пока она не зафыркала и не очнулась.

— Быстро отсюда, Хогга идет за тобой!

Над озером разрастался мертвенно-синюшный купол света, по ручью побежали змейки пара. Эльф втащил Тайру в какую-то дыру и резво зашлепал вперед на четвереньках. Здесь было легко двигаться — пол сухой и гладкий, как будто его подметали. Тайра согрелась и очень старалась не отставать, она почти ничего не помнила о наваждении, но ей хотелось оказаться как можно дальше от подземного озера. Ход вилял то влево, то вправо, постепенно сужаясь. После очередного поворота Тайре пришлось опуститься на локти и вытянуть ноги, отталкиваясь ступнями. Огонек мелькал где-то далеко впереди, камень сдавливал девушку со всех сторон. А если дальше будет еще уже? Эльф-то ползет, но ведь он меньше и тоньше. И эльфы умеют появляться и исчезать, что, если он исчезнет, а Тайра останется замурованной в толще горы? Она не сможет развернуться, и одежда помешает ей двигаться ногами вперед. Ворот впился ей в горло и начал душить. Наверное, капюшон зацепился за выступ на потолке. Она подтянула локоть под себя и просунула кисть руки за шею. Не достала. Сердце стучало во всем теле, особенно в ушах. Наконец она догадалась отползти на полшага назад и высвободилась из удавки.

Тайра оказалась права — лаз еще немного сузился. Цепляясь вытянутыми руками за неровности камня, она рывками проталкивала тело вперед. Вскоре ей стало слышаться тихое царапанье сзади. Может быть, это эхо ее движений? Но откуда взялся этот отвратительный запах? Она замерла. Вжжик! — как будто металлом по камню. Огонек исчез. В полной темноте она не представляла форму щели и снова стукнулась затылком. Плечи застряли, еще чуть-чуть — и она вывихнет руки. Скрежет приблизился. Зловоние становилось чудовищным, было трудно дышать. Как это сказал эльф, кто там идет за Тайрой? Ей никогда не было так страшно, даже во время пожара. Впереди вспыхнул свет, в щель заглянула мордашка эльфа.

— Я застряла!

— Повернись на бок, пройдешь. Руку давай.

Тайра дергалась, царапая спину и плечи, но щель была слишком узкой для нее.

— Вжжик! — совсем рядом.

— Выдохни!

Что-то толкнулось в ее подошвы и стало давить. Тайра заорала и пробкой вылетела из лаза.

— Там кто-то есть! Он схватил меня за ногу!

Из дыры в стене лезло что-то жуткое — клубок бурых щупальцев, посредине злобно сверкали два красных уголька.

Тайра шмыгнула за спину эльфа и присела.

— Привет, Гиф!

Существо выползло, оно оказалось не слишком большим — Тайре по пояс, но широким. Щупалец у него не было: пыльные, свалывшиеся в спутанные жгуты волосы и борода спускались до колен карлика. В кулачище размером с его же голову он сжимал каменную палицу, из-под ржавой кольчуги, висящей до самых пят, выглядывали огромные протертые до дыр сапоги. Пахло от него рыбой и еще чем-то нестерпимым, отчего на глаза наворачивались слезы.

— Позвольте вас представить друг другу, — эльф галантно повел рукой, — Тайра, прекрасная и отважная дева — гном Гиф, главный хранитель сокровищ.

Отважная дева выглянула из-за плеча эльфа и неуверенно поклонилась.

— Очпрят, — буркнул гном, не глядя на Тайру. — Обрати иди другим путем. Хогга проснулась, — его голос звучал, как скрежет камней.

— Я заметил. Давно?

— Той зимой. И жрет, жрет... Зачем ты привел девицу?

— Ей надо. Она наша и в беде.

Гном вытащил откуда-то из-под бороды огрызок луковицы и задумчиво откусил.

— Гиф, ну не надо — девушки не любят запах лука.

Тайра поняла, что было главным источником зловония, и немного успокоилась. Гном с сожалением спрятал луковицу.

— Пусть девица возьмет один предмет.

— Ага. Пойдешь с нами?

— Что я там не видел? Жадность человеческую?

— Дождись нас — у меня нет другой дороги, только через Хоггу.

— Выведу, у меня-то дорог полно.

Когда они отошли на достаточное расстояние, Тайра спросила запинаящимся шепотом:

— Здесь еще много... таких?

— Гномов? Нет, теперь Гиф один. Раньше их много было, но лет сорок назад на равнине началась большая война, Хогга набрала силу и гномы ушли. Гиф говорит, что несколько десятков осталось в дальних тоннелях, но они одичали, едят летучих мышей и он с ними больше не знает.

Тайра с содроганием представила себе гномов, которые могут показаться Гифу одичавшими, но промолчала. Кто знает, какой бы стала она сама после сорока лет одиночества в пещере рядом с этой...

— Кто такая Хогга? Существо, живущее в озере?

— Пока еще не существо, пока просто — смерть. Когда она наестся чужими жизнями и обретет личность, ее имя станет известно очень многим.

За дверью начинался прямой коридор, явно вырубленный человеческими руками. Эльф

вытащил из железной петли факел и поджег его от светильника. Вдоль стены стояли почерневшие от времени сундуки, Тайра насчитала восемь штук.

— А что в них?

— Драгоценности.

— Можно посмотреть?

— Ты помнишь, что тебе разрешили взять из пещеры только один предмет? Надеюсь, это не будет дурацкий блестящий камушек.

Эльф откинул крышку сундука, проржавевший насквозь замок упал на пол. Вровень со стенками искрилось, мерцало, переливалось разноцветное море. Рубины, алмазы, изумруды, сапфиры.

— А потрогать их можно?

Эльф пожал плечами и отошел в сторону.

Тайра зачерпнула горсть камней и медленно ссыпала их с ладони. В свете факела радугой вспыхнула сверкающая струйка. Тогда она запустила обе руки в холодную колючую россыпь, встала на цыпочки и пролила в сундук ослепительный звенящий водопад. Потом еще и еще.

— Спасибо. Так красиво...

Эльф улыбнулся во весь рот.

— Ага.

Коридор вел в просторный зал, доверху набитый оружием. Ряды стеллажей были завалены доспехами, мечами, щитами, кинжалами, луками, арбалетами. Всего этого хватило бы, чтобы снарядить огромную армию. Посредине зала стояли какие-то непонятные механизмы. Тайра наугад ткнула в один из них.

— Для чего эта штука?

— Камни метать.

Некоторые предметы были приятны на глаз. Например, меч с выгравированным на золотой рукояти барсом. Только зачем он ей, если она и с отцовским мечом не умеет управляться? Она никого больше не собиралась убивать.

Следующее помещение было совсем небольшим. Снова сундуки — четыре штуки, а на полках лежали вещи невероятной красоты. Тайра потянулась было к жемчужному оплечью, одновременно прикидывая, пойдет ли ей венец с золотисто-зелеными камнями, но эльф остановил ее:

— Здесь ни к чему не прикасайся.

— Но почему?

— Это проклятые сокровища. Хозяин любит их собирать. Правильно делает, кстати: на земле от них одно горе.

Дверь она бы ни за что не заметила, хотя та даже не была заперта. Эльф толкнул одну из полок, она провернулась внутрь, открыв проход. Факел осветил грот неправильной формы, на стенах мерцали щетки белых кристаллов. Посреди пустого зала стоял каменный стол или, скорее, слегка обтесанная плита. На ней были разложены десятки, а может быть, сотни совершенно не подходящих друг к другу предметов. Оружие, украшения, посуда, книги. Самым нелепым показался лежащий в центре стола здоровый бульжник.

— Выбери себе то, что больше всего понравится.

Тайра взяла факел и медленно пошла вокруг стола. Большая часть вещей выглядела как ненужный хлам. Ржавый фонарь, запечатанные воском глиняные кувшинчики, простая

кожаная уздечка. И вдруг — золотое кольцо с крупными сапфирами такого дивного темно-сиреневого цвета... Тайра покрутила его в руке, посмотрела сквозь камни на огонь. На просвет они были как небо на позднем закате. И положила на место — в груди защемило от непонятной тоски. Может быть, все эти вещи — магические? И их внешний вид вообще не имеет значения? Но как узнать, в чем их смысл, какая из них ей нужна? Теперь Тайра внимательно вглядывалась в каждый предмет, не пропуская ни один — ни тяжелую золотую цепь, ни медную ступку. Она пыталась встретиться с ними взглядом: если она не знает, что ей нужно, пусть предназначенное само выберет хозяйку. Хрустальный флакон с прозрачной жидкостью как будто улыбнулся ей. Тайра погладила его грани, но пошла дальше. Прямо с середины стола в глаза метнулась алая вспышка — там притаился перстень с огромным рубином — мрачная, почти зловещая драгоценность. Как угадать свое? А вдруг тот дурацкий бульжник и есть главное магическое сокровище?

Она обошла плиту, так ничего и не выбрав, начала второй круг. Вот ржавый фонарь, рядом голубой шарик с золотой звездой внутри... а в прошлый раз она была белой. Тайра подняла его за припаянную серебряную цепочку и покрутила перед огнем. Просто круглый прозрачный камешек величиной с грецкий орех.

Звездочка рассыпалась золотыми искорками, снова зажглась — уже зеленоватая, сам шарик тоже менял оттенки от небесно-голубого до бархатно-синего, потом на несколько мгновений он стал фиолетовым, а звезда розовой — и снова он голубой, а посередине крошечное солнышко. Тайра повесила его на шею и почувствовала прохладное тепло. Прохлада — от гладкой поверхности, тепло от звездочки внутри.

— Я правильно выбрала?

— Каждый берет то, что ему нужно. Королева, наверное, предпочла бы сапфировое кольцо и стала великой властительницей. Целитель — флакон с живой водой. Ну а ты — ребенок, и выбрала Радость.

Тайра вспыхнула.

— А поменять можно? На кольцо или флакон?

— Можно, но ты не справишься с ними. Иначе ты их бы и взяла. Колье дает силу тем, кто знает, что делать с властью. От слабого оно уйдет вместе с жизнью — к тому, кто его достоин.

— А флакон?

— Живая вода лечит то, что есть. Представляю, как будет благодарен тебе воин, у которого немедленно заживут переломанные ноги, и он всю жизнь будет ходить вот так: — эльф так потешно раскорячился, что обиженная на "ребенка" Тайра не выдержала и захихикала.

— И самое главное — исцелять можно, пока душа не ушла слишком далеко. Был тут один добрый человек, оживил полный склеп родственников. Потом всем графством их ловили, а сколько овец они загрызли...

Тайра вздохнула и вытащила из-за ворота шарик. Он был совсем тусклый, внутри слабенько мерцала белая искра. Она шепнула ему: — "Не обижайся, я тебя не брошу", — искра засветилась чуть ярче.

— Он что-нибудь делает... ну, кроме того, что меняет цвет?

— Вообще-то это путеводная звезда. От беды не всегда может спасти, но выведет куда надо, если будешь слушать ее. Она называется Звезда Радости.

Тайра украдкой погладила шарик и задала вопрос, который мучил ее больше всего:

— А булыжник зачем?

— С потолка пещеры упал. Своего хозяина дожидается — идиота, который попробует заграбастать все сокровища сразу.

Гиф сидел, насупившись, у входа в хранилище и со скуки догрызал свою луковицу.

— Что она взяла?

Обиженная его подчеркнутым пренебрежением, Тайра вытащила из ворота шарик. Он вспыхнул синим, звезда рассыпала искры по всему коридору.

Гиф впервые посмотрел Тайре в глаза.

— Путеводную звезду выбрала? Не будь дурой, слушайся ее.

— Гиф, отведи нас под третий зубец Белого Гребня.

— Там нет выхода.

— Будет. Через год случится обвал.

— Так ты из будущего года пришел? И чего — мне тебя теперь целый год не ждать?

— Там видно будет. Почему не ждать? Мы же в одном времени сейчас, ты — и там, откуда мы пришли. Это только проход позже появится, так тебе туда и не надо. Главное, проведи нас от Хогги подальше.

— Ладно, факелы берите. Я ей фигуры покажу.

Они выдернули из колец, вбитых в стену, три факела, подожгли от светильника. Лесенка в пять ступеней, коридорчик, за ним — тьма. Гиф обогнал их на несколько шагов и вытянул руку вперед. Из глубины зала на них смотрел огромный череп в круглом плоском шлеме.

— Кто это?!

— Ты подойди, не бойся.

В огромных, изъеденных временем глазницах, выросли маленькие сталактиты; когда свет скользил по ним, казалось, что череп следит за Тайрой. Кривой провал на месте носа, даже зубы сохранились, только срослись от времени. Нижней челюсти не было. Тайра встала на цыпочки, провела пальцем по шлему. Влажный, холодный. Каменный.

— Кто это был?

— Никто. Это камень.

В это невозможно было поверить. Но ведь людей с головой в рост человека не бывает? А Гиф уже шел дальше, вода факелом по сторонам. Зал был полон людей... существ... духов? Из стены выступал сидящий гном. Нос грушей, нечесаная борода висит между расставленных колен. Дальше несколько человек склонились над плоской, расколотой пополам плитой, напоминающей книгу. Они стояли полукругом, некоторые на коленях, некоторые — в полный рост.

— Мы зовем их Мудрецами.

— Кто сделал эти статуи?

— Вода. Время. Под ноги смотри.

Тайра чуть не соскользнула вниз. Факел озарил мутно-зеленое озерцо в углублении пола. Совершенно непрозрачное — может быть, там и по колено, но проверять не хотелось. На самом краю, прикинув мордой к воде, изогнулся дракон. На спине — острый гребень, одну лапу в озеро опустил. Разве что не дышал.

Эльф и гном были абсолютно спокойны, Тайра понимала, что видит только камни, но во что они превратятся, когда погаснет свет? Перед фигурой, напоминавшей девушку с

отброшенными на спину волнистыми волосами, Гиф остановился. Она стояла на коленях, лицо с закрытыми глазами поднято к своду пещеры, слегка намеченные руки прижаты запястьями к груди. Частая капель падала с потолка прямо в ее раскрытые ладони. Гиф поднял с пола камешек и вложил ей в руку, струйка побежала в другом направлении. Так вот как это делается!

— Ее еще мой отец начал. Похожа на нее, да? — Гиф кивнул на Тайру.

— Как будто с нее ваял.

Тайра взгляделась в статую. Со стороны ее видят вот такой? В порывистом движении то ли мольбы, то ли клятвы?

— Гиф, здесь можно провести всю жизнь — но нам пора.

Гном молча заспешил из зала. Шли они быстро, но все-таки иногда останавливались, чтобы посмотреть на творения самой горы. Это не были произведения гномов, их, похоже, создали иные подземные духи.

— Тут вроде как садик.

Гиф осветил факелом боковой круглый зал. В центре стояла белая искрящаяся колонна сказочного дерева. Она упиралась в невидимый свод, с которого свисали длинные ветви сталактитов, изогнутые невидимым ветром. Тайре захотелось подойти поближе, но пол был покрыт зарослями острой каменной травы.

— А это у нас фонарь.

На первый взгляд — ничего особенного, квадратная глыба ростом с Тайру. Но сбоку в ней была овальная ниша, заполненная сверкающими кристаллами. Пламя факела отразилось в них, рассыпалось на алые, желтые, белые огоньки.

— Дальше уж вы сами, — буркнул гном, — я сквозь время не ходок. Через стену — еще куда ни шло, да и то уж почти разучился.

Тайра вдруг почувствовала, как же ему не хочется оставаться одному среди всех этих чудес и сокровищ. Даже показать их некому.

— Пока, Гиф. До встречи.

— Спасибо за всю эту красоту!

Разумеется, он не ответил. Взял и исчез — кажется, все-таки прошел сквозь стену.

Шмель проводил глазами хозяйку и принялся рыть себе под кустом лежище. Зря она полезла с этим эльфом в опасную дыру, оттуда пахло холодом и смертью. Эльфам вообще не стоит доверять — то их видно, то нет, люди их почти никогда не замечают. Он-то часто встречал их в ущелье, рычал, Джану показывал — а хозяин смотрит мимо и ругается, что напрасно шум поднял. Сколько раз они ему охоту портили... Найдет он зайца, или дикого петуха с хвостом, которого люди фазаном зовут — а тут эльф... Особенно Районси вредничала, поставит прозрачную стенку перед дичью — и все, не догнать. Бегаешь вдоль нее, лаешь, а прохода-то и нет. Сама не ест и другим не дает. Этот эльфийский детеныш хоть и пахнет человеком, а все равно прямо в голову залазит и команды там дает. Зря хозяйка с ним пошла, зря...

Ура, они уже обратно возвращаются! Шмель вскочил и залаял, чтоб им веселее через нору лезлось. Когда они появились, он носу своему не поверил: как так может быть — только исчезли, и тут же вернулись, но уже замученные, грязные, пропахшие каким-то вонючим пещерным человечком, да еще голодные, как будто целый день под землей проползали.

— Дождался нас, умница?

Ну, не больно-то долго ждать пришлось, даже ямку вырыть себе не успел...

Шмель внимательно обнюхивал измазанную в глине юбку Тайры. Фыркал, скалился, ворчал. Потом повернул морду к лазу, пристально взгляделся, по-волчьи вскинул морду и завыл, тревожно и зло.

— Он предупреждает меня о чем-то.

— Да, — тихо сказал эльф, — Хогга взяла твой след. Пока ты со мной, она ничего тебе не сделает, а потом постарайся побыстрее уехать от гор.

Спускаясь с вершины, Тайра все время вертела головой по сторонам — хотела уловить момент, когда они будут проходить из будущего в настоящее. Рванул ветер, смешанный с водяной пылью. Обернувшись назад, она увидела, что над скалистым гребнем висят грозовые тучи и хлещет ливень, огромный пласт породы беззвучно сползает вниз. Тяжкий удар колеблет землю, спотыкаются кони. Но на следующем повороте над вершиной снова голубело бледное осеннее небо. Теперь она была более внимательна, замечала, что по пути меняются не только времена года, но и освещение, и погода — но все как-то бегло, неопределенно. Как будто во сне.

Возле висячего моста эльф остановился. Здесь было раннее туманное утро — наверное, того же самого дня. Словно и не было путешествия в пещеру.

— Слезай, можешь в речке одежду почистить, а я пока костер разведу.

Тайра спустилась вниз сквозь укутанные мхом заросли самшита. Ручей был таким прозрачным, что только по дрожащему блеску отражений и поймешь, где между камнями вода течет. Мелкий, курице по колено, но обжигающе холодный. Даже Шмель чуть-чуть полакал и улегся подальше от мокрого песка. Пока Тайра отмывала ботинки и кое-как приводила в порядок плащ, руки покраснели и опухли. Так что костерок пришелся кстати.

— Тайра, дай-ка твою карту посмотреть.

— Она в сумке, на седле, — ей не хотелось отходить от огня.

Эльф развернул свиток и кивнул:

— Копия. Я так и думал, — и с этими словами он сунул карту в огонь.

— Отдай сейчас же!

Но пламя мгновенно охватило пергамент, и не успела Тайра нагнуться за ним — в огне уже корчился черный догорающий лоскуток кожи.

— Мне ее человек перед смертью подарил, просил сберечь. Как ты мог?!

— Она была нужна, чтобы попасть в пещеру — ты и попала. Десятки людей без раздумий убьют тебя за эту штуку, причем совершенно бесполезную. Через главный вход в пещеру больше нет пути, его светлость колдун там столько заклятий наворотел — войско остановить можно. А того прохода, где мы лазили, пока еще нет. Обвал-то через год будет, точнее — через одиннадцать месяцев. Я тебя сам проведу, когда понадобится.

— А как я тебя найду?

— Дай-ка свой талисман...

— Чтоб ты и его тоже сжег?

— Он не горит, и он твой навсегда.

Эльф дунул на костер, и он с шипением погас, как будто на него вылили ведро воды. Потом полез к себе за ворот и вытащил точно такой же шарик, как у Тайры. Она даже ойкнула.

— Ну да, я тоже Звезду Радости в пещере когда-то выбрал. А что такого?

— Еще меня за это ребенком обозвал.

— Так я и не говорю, что взрослый. Вот, смотри, — он соединил вместе два талисмана, и они вспыхнули ярким синим светом, — теперь они связаны, ты сможешь позвать меня на помощь, если что. Просто потрешь свой шарик, и назовешь меня по имени. Но заряда хватит только на три раза, так что зря не трать.

— Ты же не сказал мне, как тебя зовут.

— Эрвин. Только не говори никому — если мой колдун узнает, слишком много власти надо мной получит. Тебе пора, садись на коня, я чуть-чуть провожу.

Он взял Маяка под уздцы и перевел через мост. На том берегу осталась заброшенная дорога, лестница, где они встретились. Вчера? Или только что? Солнце поднялось выше, остатки тающего тумана клубились в косых лучах. Вскрикивали просыпающиеся птицы.

— Запомни, это ущелье ведет в княжество Наррат. Тебе пока туда не надо, ты же к дяде собираешься. В Гарсин можно попасть через Ашеру: от старой крепости есть дорога к вашей долине, а лучше спустись вдоль речки, в предгорьях свернешь налево и окажешься в Кадаре. Так ближе и удобнее.

— Через Ашеру поеду. А ты откуда знаешь, куда я собираюсь?

— Ну... Честно говоря, пока мы ехали — прошлое твое чуть-чуть посмотрел.

— Без разрешения? Это свинство!

— Так я же для дела, раз ты в пещере была, ты с ней теперь связана. А там — Ключи. Не сумею тебе объяснить, чтоб ты поняла, но твоя судьба — это очень важно, мне иногда придется тебе помогать.

— Ты, значит, и будущее мое подглядывал? Тогда уж и мне Расскажи.

— Так нет его, точного будущего. Ну, скажу я тебе, к примеру, что ты на корабле поплывешь, а ты из вредности никогда и близко к морю подходить не станешь. И будущее изменится. Это про дерево можно точно сказать, когда оно упадет, потому что от него самого это почти не зависит. Да и то — одно солнцу и дождю радуется, и этим жизнь себе продлевает, а другое не простит, что ему ветку красивую сломали, и зачахнет прежде времени. А уж люди-то...

— Ну хоть приблизительно.

— Про тебя — невозможно. У тебя больше путей, чем на дереве листьев, и все разные, — Эрвин к чему-то прислушался, — все, хозяин меня зовет, я бежать к нему должен.

И исчез. Маяк покосился туда, где только что был эльф, и с облегчением перешел на рысь.

— Врун, — грустно сказала Тайра в пустоту. Понятно же — от расспросов сбежал. А она теперь опять одна.

Глава 5. Вышивка гладью

Город Гарсин сразил Тайру шумом, величиной и запутанностью устройства. Как можно среди всех этих кривых улочек найти нужный ей дом? Звездочка в шарике безмятежно искрилась серебром. Если это ответ, то как его понять? Прохожие отворачивались, бормотали что-то неразборчивое — горская девица на забрызганном грязью коне не вызвала у них доверия. Кажется, женщины здесь вообще не ездили верхом. Но купца, наверное, должны знать на рынке. Какой-то оборванец вызвался показать ей дорогу за серебряную монетку, и тут же принялся восхвалять некий исключительно подходящий для молодой госпожи дом под названием «Три Кружки», куда он может отвести госпожу за дополнительную плату. Тайра безучастно ответила, что ей не нужен дом «Три Кружки», ей нужен дом купца Джакоба Кариса.

— Так что же вы сразу не сказали, миледи? Я знаю купца Джакоба, еще одна монетка — и я отведу вас прямо к нему домой!

Потер монетку грязными пальцами, облизал, снова потер — и царственным жестом указал на высокое крылечко углового дома, возле которого они и беседовали. Три раза торжественно постучал медным молоточком по двери и шмыгнул в проулок.

На пороге показался молодой дородный парень.

— Хозяев нету, и подавать не велено, — процедил он сквозь зубы, наметанным глазом верного слуги распознав в грязной измученной девице беженку, от которой хозяевам только беспокойство будет.

— Я — Тайра Карис, дочь Джана, брата господина Джакоба Кариса. Если не доложишь — дядя тебя вышвырнет из дома!

— Ну, увидим сейчас, кого тут вышвырнут, — пробурчал Ганс, но все-таки пошел докладывать: вовремя вспомнил, что у господ есть какие-то бедные родственники в горах.

— Силы Небесные, Тайра! Что-то случилось? — Джакоб обнял племянницу и торопливо увел ее в дом, бросив через плечо: — «Коня распряги и покорми собаку».

Но Шмель уже просочился в гостиную и спрятался под столом.

— Отца убили, — и эти слова прорвали плотину. Взахлеб, на полу-крике, она вываливала на окаменевшего Джакоба подробности той ночи.

И только дойдя до похорон и отъезда из Ашеры, она осеклась. Про пещеру и эльфа она рассказывать не будет. И про солдата в хлеву не надо было.

— Я не знаю, что мне теперь делать. Наверное, мне лучше уехать куда-нибудь.

Джакоб молчал, тяжело облокотившись о стол. Он всегда выглядел моложе Джана, несмотря на полноватость и залысины — на его гладком розовом лице почти не было морщин. А сейчас казался стариком.

— Джакоб, девочке нужно вымыться и переодеться, — за спиной Тайры стояла тетя Чанта с младенцем на руках. Еще двое детей цеплялись за цветастый подол, а чуть позади с изумлением глазела на Тайру старшая дочка, хорошенькая, как принцесса с картинки. Когда они появились и что успели услышать?

— Спасибо, госпожа Чанта, но мне надо ехать дальше.

— Куда ты собралась в таком виде? Тебе надо привести себя в порядок, идем со мной.

Чанте никто не умел перечить. Она была родом из кочевого племени, величественная, с прекрасным непроницаемым лицом статуи. Как можно спорить со статуей? Ее появление

вернуло жизнь и силы Джакобу, он встал перед Тайрой и внушительно произнес слова, которые обязан был — но очень боялся — сказать:

— Тайра, ты останешься жить у нас. Теперь это твой дом.

Весенние яркие лучи падали сквозь цветные стекла в светелку, заваленную пестрым хламом. Стол, кресла и камин были погребены под корзинами с нитками, разноцветными рулонами тканей, старательно срисованными образцами узоров. На все это великолепие падали пурпурные и изумрудные ромбы света, превращая мастерскую в подобие волшебного замка. Ближе к окну стояли длинные пальцы с растянутым на них широким отрезом темно-синего шелка, на котором с каждым днем все пышнее расцветала гирлянда из цветов и крылатых младенцев. Тайра и Миррит вкладывали душу в каждый стежок: это был их первый серьезный заказ — покрывало предназначалось для алтаря в Карентском соборе

— Ой, эта роза у тебя получилась вообще как живая... А у меня листья как-то теряются на синем, может, золотом их обвести? — Миррит приложила к краю листика блестящую ниточку.

Оригинал стоял перед пальцами на низеньком столике — роскошная роза в белом фаянсовом кувшине. Это была первая и пока единственная роза из оранжереи, сначала она служила моделью для бутонов, потом для полураспустившихся цветов, а теперь ее изобразили в полной красе.

Тайра задумчиво потрогала листочек и заменила нитку на бледно-бирюзовую.

— Так лучше. Золотыми пусть будут кайма и крылышки у твоих херувимов.

— Правда, так красивее, как будто отблеск неба на листьях. Как это у тебя так выходит?

— Мама любила цветы вышивать, когда она умерла, я все ее работы по многу раз копировала. Зато у тебя младенцы чудесные.

По углам покрывала уже порхала пара пухлых крылатых созданий с невозможно обаятельными улыбками.

— А ты тоже попробуй, у тебя еще лучше получится.

— Вряд ли. Я же никогда таких не видела. В Ашере совсем другие дети — смуглые, худые. И серьезные.

— Оой... Бедные. А я вот о таком мечтаю, — Миррит погладила крошечную ручку своего творения.

— У тебя их много будет, точно таких же. Что-то устала я, душно здесь... — Тайра подошла к окну. Все тоже самое — кирпичная стена да чья-то серая черепичная крыша, хоть бы голуби на нее прилетели, что ли...

— Как там дорожка, просохла?

— По ней плавать можно.

С высоты второго этажа садик казался игрушечным. Каменная скамья между двумя вечнозелеными кустиками, фонтанчик без воды да голые клумбы с остатками прошлогодних растений. Высокие стены не пускали туда весну. Пара фруктовых деревьев выглядела совсем безжизненно, только на солнечной стороне из земли лезли какие-то мясистые желтые ростки. Зато, если встать на подоконник, то справа, между островерхими крышами и башенками труб можно увидеть далекие горы. Тайра не знала их имен, они были совсем чужими, но над ними возвышалась белая скошенная пирамида Ар-Гарана. Отец рассказывал, что на его вершине живет великий дух Отташ, хозяин всей горной страны. Впрочем, Джан не

верил в духов, он верил в Единого.

— Миррит, давай окно откроем?

— А холодно не будет?

— Смотри, солнце какое! — Тайра распахнула высокие створки. Шмель тут же вскочил рядом и принялся облаивать воображаемую кошку. За зиму он избавился от репейников и колтунов и сверкал яркой черно-белой шубкой. Привык жить в тепле и спать на ковре, но отчаянно скучал.

Мартовский резкий ветерок ворвался в комнату, парусом поднимал шторы, трепал пламя в камине, а Тайра все стояла в проеме окна, над садиком, над стеной, запрокинув к светлому голубому небу закрытые глаза.

Зачем смотреть на горы — там у нее никого не осталось. Только Зелла, велевшая ей уехать и не возвращаться, да Марис, которого, наверное, уже женили. И могилы родителей.

Тайра так и не навестила их могилы, хотя именно ради этого решила возвращаться через Ашеру. Она подгадала время, чтобы пробраться мимо деревни глубокой ночью — на случай, если солдаты не ушли. Шагом ехала по берегу Таны, туго замотав тряпочкой пасть Шмелю. Слева, над обрывом, был ее дом. Неделю назад они с отцом в нем жили. Земля и кусты досих пор воняли гарью, так сильно, будто пожар был вчера. Тайра закашлялась, попыталась зажать себе рот краем плаща, стала задыхаться. В памяти замелькали яркие картинки: горящая крыша, тело отца, бегущие овцы, дым, Хмурый, огонь, снова дым. Надсадный кашель рвал горло, и ничего с ним сделать было нельзя. А в Ашере забрехали собаки. Это было бы не страшно — ни один хозяин среди ночи дальше ворот не выйдет, да вот солдаты... И точно, наверху зазвучали голоса. Тайра послала Маяка в галоп — прятаться уже поздно, надо удирать. На мосту ей послышалось ржание со стороны деревни, и она гнала бедного коня, пока Ашера и святая гора, на которой покоился Джан, не остались далеко позади.

Потом был мутный рассвет, обещавший ненастье. К середине дня поднялся ветер. Облака то пронеслись над самой головой, то сползали в ущелье, заволакивая путь серыми промозглыми клочьями. Временами даже ушей Маяка не было видно. Внизу ревела разбухшая Тана — видно, где-то в горах лил дождь. Под вечер Тайра добралась до селения, в котором думала переночевать. Там часто останавливались беженцы на пути в Салем, и хозяева пускали постояльцев без расспросов. Постояла, посмотрела на гостеприимно светящиеся окошки — и тронула коня. В каждом дворе ей чудились солдаты.

Вскоре пошел снег. Тайра понимала, что метель надо переждать в каком-нибудь укрытии, но не было сил его искать. Маяк шел шагом, осторожно ставя копыта на почти невидимую дорогу, а Тайра опустила капюшон на лицо и попросту уснула, уткнувшись в голову Шмеля. Он же и разбудил ее, когда она начала падать с лошади — гавкнул и вцепился в плащ.

В разрывах облаков то показывалась, то исчезала луна, высвечивая яркую белую дорогу и припорошенные снегом склоны. Метель кончилась, хотя ветер еще кружил вихри поземки. Сколько же она спала? Похоже, они уже в предгорьях. Место показалось знакомым. Дорога шла по самому берегу широко разливавшейся здесь Таны. На той стороне над невысоким обрывом чернел холм из камней. Если приглядеться — можно увидеть темный круг над его вершиной, отсюда он казался крохотным, как обручальное колечко. Мамина могила. Летом они с отцом добирались к ней через брод, даже ноги не замочили — перебежали по плоским камням. Сейчас их скрывал бурлящий поток воды.

Тайра слезла на землю, попыталась разглядеть опору понадежнее. Перепрыгнула на ближайший валун. Верхушка следующего еле виднелась в кипящей пене. Впереди река с грохотом несла крупные булыжники. Утонуть на том же месте, где нашли мать? Ну, что ж... Но ей не дали сделать ни шагу. Шмель уже давно заходился лаем, а тут собрался с духом и прыгнул к Тайре. Поскользнулся на мокром, чуть не сорвался в воду. Маяк испуганно заржал, тоже сунулся к реке.

Не могла она их погубить. Значит, не суждено ей попрощаться с родителями. Хотя, может быть, мама и отсюда услышит? Она вернулась на берег и, глядя на смутный силуэт круга, крикнула:

— Мама, я здесь! Я очень скучаю без тебя! Скажи отцу, что я еду к дяде Джакобу — и еще скажи ему, что я его очень люблю!

Ее голос терялся в реве реки. Она замолчала. Глядела на недоступный холмик, что-то шептала и думала, что сходит с ума. А потом почувствовала руку отца на своем плече. И еще кто-то — но это была не мама — погладил ее по волосам. Она знала, что никого не увидит, если обернется, и неподвижно стояла, стараясь продлить последнюю встречу.

— Закрой окно, простудишься же!

Тайра заперла створки на крючок, и спрыгнула на пол. Ее трясло, она отвыкла от свежего воздуха. Миррит почти силой усадила подружку перед камином, закутала в шаль и прижалась к ее плечу.

— Не понимаю, зачем тебя держат взаперти! Ну, убил твой отец пару солдат, так они же сами на вас напали! И он все равно умер, ты-то им на что сдалась?

— Я ведь тоже убила солдата. Отрезала ему голову, серпом.

— Охх, — Миррит в ужасе зажала рот рукой.

— Я не хотела. Мне надо было выпустить животных, иначе они сгорели бы в хлеву. А он пошел искать меня. Было темно, может, солдаты и не поняли, кто это сделал.

Миррит робко покосилась на подружку, боясь увидеть в ней убийцу с окровавленным серпом в руках — но встретила только привычный спокойный взгляд. А что бы она сама сделала на месте Тайры? Наверное, умерла бы от страха. Или тоже стала бы защищаться?

— Ты почти полгода взаперти, ужас.

Ужасом это было в самом начале. Тайра просилась ухаживать за животными и готовить, но ей не разрешили, для этого в доме были другие люди. Позволялось разве что дать Маяку и хозяйским коням по яблоку, да по носу погладить. Дядя Джакоб целыми днями сидел в лавке или уезжал куда-то, Чанта занималась хозяйством и детьми, вышколенные слуги держали дистанцию. Оставалось выгуливать Шмеля в саду и читать. В садике — тридцать шагов в длину — шел то дождь, то снег. Через две недели Тайра впервые в жизни заболела.

И вот тогда Чанта придумала, чтобы Миррит учила кузину ракайскому языку. В доме все, к счастью, говорили на кадарском, Тайра по крайней мере понимала, о чем идет речь, хотя и пугала детей своим чудовищным горским диалектом. В Гарсине же образованные горожане все больше переходили на ракайский, кадарский теперь считался уделом простонародья. Ненавидели ракайцев, но...

Зачем Тайре изучать этот язык, если ее за порог не выпускали, она не знала. Миррит казалась ей высокомерной, уроки — чудовищно скучными. Но однажды Миррит предложила скрасить ненавистный ракайский рукоделием, и они обнаружили, что обе равно зачарованы волшебным миром радужных красок и фантастических образов. Потом, когда девочки

выяснили, что Тайра считала Миррит надменной городской барышней, презирающей чумазую деревенщину, а Миррит видела в Тайре отважную всадницу, не замечающую домашнюю глупышку, они очень смеялись.

— Через месяц отец вернется из Ликейи, и ты наконец-то получишь свободу. Жалко, что он решил найти тебе жениха в Омейне, это так далеко от нас. Хотя он говорил, что это красивый приморский город, туда приходят корабли из всех стран. Послушай, а давай я попрошу папу, чтобы он и мне подыскал мужа в Омейне? Тогда нам не придется расставаться.

— Миррит... Я не поеду в Ликейю. Я не хочу выходить замуж за чужеземного купца, которого ни разу в жизни не видела.

— Но так ведь всегда бывает! Мы же не можем бегать по улицам и искать себе женихов. Я уверена, что отец найдет для тебя самого лучшего, и ты его будешь очень любить.

— Это будет выбор Джакоба, а не мой. Я не могу любить по чужому приказу.

— Но что же ты будешь делать? Сама ведь говорила, что твой Марис, скорей всего, тебя забыл.

— Не знаю... Уеду куда-нибудь, чтобы не подвергать твоих родителей опасности. Не могут же они меня вечно прятать, а замуж за дядиного купца я не пойду.

Дверь распахнулась. На пороге с каменным лицом стояла Чанта.

— Тайра, я хочу поговорить с тобой.

Тайра вскочила, заливаясь краской стыда и гнева. Неужто гордая кочевница Чанта подслушивала под дверью, как жалкая служанка?

Чанта почему-то повела ее не к себе, а в кабинет Джакоба и закрыла дверь на задвижку. Тайра сидела с очень прямой спиной и опущенными глазами, ожидая, когда можно будет произнести рвущиеся с языка слова: — «Госпожа Чанта, вы мне не мать, а Джакоб — не отец. Вы не можете распоряжаться мной, как собственностью. Я верну вам все, что вы потратили на меня за эту зиму».

А Чанта с жалостью рассматривала бледное напряженное лицо Тайры. Вот достанется кому-то эта горная кошка в жены — наплачется молодец. Зато, если сумеет приручить — что ж, вернее подруги на всем свете не найдет. И заговорила спокойно, даже весело, как о пустяках.

— Я должна рассказать тебе одну историю, раз уж ты решила жить по-своему. Джакоб твоих родителей со мной никогда не обсуждал. Думает, я не понимаю ничего, глухая да слепая. Боюсь, недоволен мною будет, сказочницей назовет. Но я считаю — ты имеешь право знать... Может быть, ты и правда заслуживаешь лучшей судьбы, чем он тебе предназначил.

Ты ведь слышала, что Джакоб меня из Дарнии привез? Моя семья там уже давно жила, отец когда-то в Дарнию коней на продажу гонял, а потом при них и остался — помощником королевского конюшего. Так что я выросла при дворце. Известное дело, слуги в господских делах разбираются получше хозяев, никакая новость незамеченной не проскользнет. А уж все, что Джакоба касается, я наизусть знала.

Он появился у нас восемнадцать лет назад, сопровождал знатную иностранку. Ее поселили в летней усадьбе старой королевы, там давно никто не жил. От столицы близко, но место уединенное, лес кругом. Девушку почти никто и не видел, кроме принца Альбина — он что ни день туда навещался. А вот Джакоб к нам во дворец часто забегал по ее поручениям... — смуглые щеки Чанты зарделись, а в глазах вспыхнуло такое, что Тайра

вдруг увидела перед собой не величественную госпожу Карис, а влюбленную девчонку с неукротимым нравом.

— В том году, когда Джакоб приехал, при кадарском дворе беда случилась — пропали без вести обе принцессы, про это каждая курица у нас знала. Почему девочки сбежали, тоже не было секретом: император Янгис к Лаэрте посватался, ему не отказывают, если хотят мира... А принцесса Лаэрта с детства была обручена с нашим Альбином. В общем, многие догадывались, что в лесном замке Лаэрта живет, даже о тайном браке поговаривали. Ну, это только сплетни...

Янгис тем временем над Кадаром лютовал, совсем страну разорил воинскими повинностями — мстил, что Лаэрта ему не досталась. А вот что дальше случилось — никто не знает. То ли до Янгиса слухи дошли, что его невеста в Дарнии скрывается, то ли у молодых неладно стало... Шесть лет взаперти сидеть, людей не видеть — только жених да дюжина слуг — так и умом тронуться можно. Но в один прекрасный день Лаэрта вернулась в Кадар, а вскоре отправилась в Ракайю и вышла за Янгиса. Уж своей волей, не своей, но теперь она — Ее Величество Императрица Ракайская.

Джакоб следом за своей госпожой на родину собрался, он хоть и остался без работы, но от кадарского двора ему было назначено содержание. Миррит тогда три года было, а Лумни еще не родился, легко было с места стронуться. Вот на содержание это, да на скопленное жалованье мы и набрали дарнийских тканей и другого товара, чтобы дело начать, Отец мой нам ничего не дал, он хотел, чтобы мы в Дарнии обосновались, а мы против воли его пошли.

Пока мы ехали из Дарнии в Кадар, Джакоб детство свое вспоминал, родителей умерших, брата младшего, Джана. Говорил, что весточку от него получил — брат тоже женился, и тоже дочка у него. Джакоб думал подзаработать, да забрать его из Ашеры, вместе поселиться. Только отчего-то не в Кадаре и не в Дарнии, а в Ликейе — объяснял, что страна приморская, торговая... Я-то позже догадалась, что к чему.

Ну а вышло совсем по-другому. Приехали мы в Карент, в гостинице остановились, а через два дня приходит мой Джакоб мрачнее тучи и купчую на дом показывает — но не в столице, а в Гарсине. У нас даже вещи не распакованы были, в тот же день и отправились. А в первую же ночь в новом доме Джана к нам привезли. Жена у него в реке утонула и руку он как-то потерял. Долго лежал, рана у него никак не заживала, хоть и лекарь хороший зашивал. Еле выходили — совсем не хотел парень жить.

А теперь о другой принцессе... это, конечно, мои догадки, только даже если они неправильные, дай слово, что будешь молчать о них.

— Да, конечно. Ты хочешь сказать, что моя мама была этой второй кадарской принцессой? — улыбка Тайры выглядела очень скептически, но голос неожиданно охрип.

— Откуда мне знать? Суди сама. Оба брата, Жан и Джакоб, служили стражниками в Каренте, при королевском дворе. Вряд ли в побеге принцесс участвовал один Джакоб. И куда он дел вторую девушку? А Жан в то же лето привез в Ашеру красавицу-жену неизвестно откуда, но уж очень непростую. Вторая принцесса, Литания, объявилась в Гарсине одновременно с Лаэртой, якобы они обе шесть лет жили в каком-то горном монастыре. Как раз тогда у Джана жена утонула, да тела ее никто не видал.

— Мою маму звали Лита... Как объявилась? Она что, жива?!

— Литания? Жива, конечно. Она же наша королева. Принц Альбин приехал в Кадар проститься с Лаэртой, познакомился с Литанией и через три месяца сыграли свадьбу.

— Как это? Ему было все равно, что одна сестра, что другая? И маме — тоже? Что мой

отец, что этот ваш Альбин?

— Ну, Альбина понять легко — я сама Лаэрту не видела, но говорят, что сестры очень похожи. А Литания... Ее, мне кажется, заставили. У кадарского престола не было наследников, не заключи она брак с принцем — наше королевство стало бы вотчиной Янгиса.

— А ты видела королеву Литанию? Как она выглядит?

— Глаза голубые и волосы посветлее, а так — ты очень на нее похожа. Даже слишком. Думаю, поэтому Джакоб и не выпускает тебя из дома. Кому твой ракайский солдат сдался? Тоже, великая потеря...

— Не верю. Не могла мама за двенадцать лет ни разу не дать о себе знать. Она же...

— У королевы Кадара не может быть незаконной дочери от пастуха, ты это понимаешь?

— Я незаконная? А Альбина этого не смутило, что у его жены муж живой и дочка-пастушка? Это он отрубил руку моему отцу?

— Чтобы принц дрался на мечях с пастухом — ты себе это представляешь? Скорей всего, он ничего не знает ни о тебе, ни о Джане, Он еще в Дарнии был, когда Литания вернулась во дворец.

— И мама ничего ему не сказала? Что она замужем? Я не хочу так думать о ней.

— Ну что же, так, может быть, и лучше. Наверное, я и правда сказочница, слишком привыкла жить среди дворцовых секретов. Забудь. А за купца из Ликейи тебя никто насильно выдавать не станет. Не хочешь замуж — живи с нами. Все еще о том мальчике из Ашеры думаешь?

— Не знаю... Но если ты права — то мне не хочется подводить дядю Джакоба. Узнают, что у него живет незаконная дочка королевы, выйдет государственный скандал какой-нибудь...

— Да вряд ли эта история имеет такое уж значение, столько лет прошло, и что тут докажешь? Мало ли кто на кого похож. Просто Джакоб — человек осторожный и ответственный. Послушай, а ты помнишь свою маму? Могла бы ее узнать? Она не слишком изменилась за эти годы.

— У тебя есть ее портрет?

— Нет, конечно. Но ты можешь увидеть ее своими глазами. Через две недели будет день святого Велетия, в этот день в Гарсине в соборе Единого Милосердного совершается богослужение, потом будет праздничная процессия. Королевская семья всегда участвует и в том, и в другом торжестве. Люди съедутся со всего Кадара, так что в толпе тебя никто не заметит. Можешь к нашим соседям присоединиться, они тоже едут в Карент. Посмотришь на Литанию, вдруг и правда вспомнишь? А неровен час — и у нее сердце дрогнет, признает родную кровь.

Вот в это Тайра совсем не могла поверить. Двенадцать лет дочку не вспоминала — и вдруг вспомнит? До самого отъезда она почти не спала, раздираемая надеждой, обидой и совсем забытой детской тоской.

Глава 6. Семейные хроники

Они выехали до рассвета, но все равно опаздывали. Чем ближе к столице, тем медленнее становилось движение на дороге. На каждом перекрестке конные и пешие паломники, крестьянские повозки и скот вливались в общий поток, и пеший путник двигался быстрее еле ползущих упряжек. Увидев затор перед городскими воротами, Тайра соскочила с повозки и крикнула:

— Я буду ждать вас в храме!

Заблудиться было невозможно: все шли в одну сторону. Повозки пропускали в ворота по одной — стражники бегло осматривали каждую и собирали пошину, а ручеек конных и пеших беспрепятственно тек мимо, и вскоре Тайра оказалась внутри городских стен. Сразу за воротами вдоль обочины тянулись ряды крикливых лоточников, проголодавшиеся путники кидались на ароматную снедь, как вороны на добычу. С длинного воза торговали деревянными чурками с продетыми сквозь отверстия веревками, вокруг толкалась оживленная толпа. Тайре стало любопытно — зачем люди их покупают. Оказалось, их привязывали к подошвам ботинок, получалось что-то вроде сабо, в которых на скотном дворе работают. Тайра без раздумий выложила серебряную монетку за пару — ей страшно надоело пробираться между кучами навоза с высоко приподнятой юбкой. С непривычки чуть не упала, но все равно радовалась приобретению: теперь можно было смотреть вокруг, а не только под ноги.

Хотя ничего примечательного видно не было — точно такие же двухэтажные домики, как у них в Гарсине, и человеческая шумная река, влекущая растерянную Тайру неизвестно куда. Каждый старался хоть на шаг, да обогнать соседа, временами какой-нибудь дюжий молодец рассекал плавно текущий поток, небрежно распахивая людей и не обращая внимания на несущиеся вслед проклятия. Среди пеших ехали и всадники, кто шагом, а кто и рысью, от них тоже приходилось вовремя уворачиваться. Тайра решила взяться за чье-нибудь стремя, чтобы не попасть под копыта. Уже примерилась к гнедой лошадке, едущей совсем близко, но ее опередили — за стремя ухватилась старческая рука. Всадник обернулся и хлестнул непрошеного попугчика кнутом по лицу. Тайру передернуло, как будто удар достался ей самой.

Ее вынесло в торговые ряды, здесь толчея была еще сильнее, похоже, никто не торопился на богослужение — ярмарка и была целью течения, в которое попала Тайра.

— Как пройти к собору Единого Милосердного? — спросила она у мясника, не слишком занятого покупателями.

— Да вот же он, на площади, — он кивнул через плечо, — телятинки-то возьми, красавица — свежая, нежная, во рту тает, прямо как ты сама.

За его спиной висели освежеванные туши, но Тайра поняла, куда идти, и пролезла в щель между прилавками. Между навесами открылось огромное пространство, заполненное людьми, а над ним царил построенный на возвышении храм. Ничего прекраснее Тайра не видела, даже в книгах.

Карентский собор считался одним из самых древних храмов Единого, его начали возводить через сто лет после смерти пророка, а закончили три века назад. Центральную круглую часть с тремя апсидами по трем сторонам света венчала огромная полусфера серебристого купола, высокий портал входа обрамляли два каменных дерева, соединенные

пышными кронами. Храм был облицован цветным мрамором и окаймлен тремя широкими рядами белоснежных рельефов, на которых сплетались в бесконечный, нигде не повторяющийся узор люди, животные и растения. Время пригасило серой патиной первоначальную яркость красок, теперь храм выглядел строже и сдержанней, но это только усиливало ощущение его величия.

На площади было намного свободнее, чем на ярмарке, никто никуда не спешил, и Тайра стала осторожно пробираться к воротам собора. Возле лестницы толпа стала гуще. На широких каменных ступенях стояли, сидели, лежали десятки, а, может, и сотни нищих. Их изувеченные тела, гнойные раны, белые слепые глаза, исходящий от них смрад были ужасны, но самое отвратительное — все они пытались пробиться повыше, вцеплялись друг другу в волосы и одежду, сталкивая более слабых с лестницы. Десяток стражников раскидывал их древками алебард, освобождая проход к воротам, но они лезли и лезли наверх, то грязно ругаясь, то призывая помощь Единого Милосердного и святого Велетия.

Как странно, подумала Тайра. Пожилой пророк приплыл на корабле откуда-то с востока, никто точно не знал, откуда именно. Путешествовал на ослике в сопровождении трех десятков учеников и учил совсем простым вещам — что весь наш мир и все другие миры, видимые и невидимые, созданы Единым Богом, и Он бережет и любит свое творение. И людям, если они хотят быть счастливыми, нужно поступать точно так же. Ведь каждый встречный — твой брат, а если он зол и безумен, то за него должно быть горько, как за больного ребенка. Говорят, от всех, кто принял его учение, исходил свет радости, и передавался другим.

А потом его нашли задушенным, это сделали языческие жрецы. Велетий никогда не отрицал существования богов и духов: в те времена, когда многие слышали голоса бессмертных и знали их по именам, это было бы глупо. Но он говорил: придя во дворец к королю, не падают в ноги кухаркам и трубочистам. Многие жрецы предпочли служить Королю. Остальные, глядя на редущие ряды паствы, чувствовали себя обокраденными нищим проходивцем с Востока. Смерть пророка ничего не изменила — его учение распространялось со скоростью наступающей весны.

И вот во славу Единого Милосердного возведен великий храм. И на его ступенях нищие грызутся за подаяние, а стражники избивают дерущихся.

В собор невозможно было попасть, да если и пробиться — все равно ничего, кроме чужих спин, не увидишь. Может быть, с шествием повезет, если времени не терять. Тайра огляделась, пытаясь понять, куда может пойти многолюдная процессия — и увидела идущую от площади прямую и широкую улицу. В ее конце сиял залитый солнцем замок с красной черепичной кровлей. Тайра выгащила из-за пазухи вышивку, чтобы сравнить поточнее, хотя и так уже поняла — замок тот самый. Четырехгранная высокая крыша, круглые башни по бокам, даже флюгера те же — в виде оперенных стрел. Чтобы по памяти так точно вышить все подробности, надо было часто его видеть. Значит, мама действительно...

Едва вступив на мостовую, Тайра поняла, что не ошиблась. Дома были украшены флагами, с подоконников свисали разноцветные полотнища и цветочные гирлянды, на балконах и в открытых окнах теснились состоятельные горожане — оживленные, улыбающиеся в предвкушении зрелища.

По обочинам толпился люд попроще, можно было встать среди них. Но какой-нибудь дылда в последний миг обязательно загородит процессию, и Тайра побежала вверх по улице. Все крылечки были заняты, только в самом конце нашлась высокая ступенька у входа в

запертую лавку, которую присмотрели двое босоногих мальчишек. Тайра втиснулась третьей. Мальчишки начали было возмущаться, но две медные монетки сделали их любезными и предупредительными. Они встали по бокам Тайры и рыцарски оберегали ее от других претендентов на удобное место. Впрочем, от кошелька вскоре остался аккуратно обрезанный шнурок.

Народ прибывал, вдоль стен выстраивались плотные ряды. Одета в темное, неприглядная беднота на мостовой и нарядные, улыбающиеся горожане в окнах казались существами разных пород, но нетерпение было общим — все головы поворачивались влево, откуда ожидалось шествие.

В шуме галдящей толпы стал слышен далекий ритмичный стук, он нарастал с каждой минутой. Люди вставали на цыпочки, чтобы увидеть начало процессии. Проскакали всадники, расчищая дорогу от зевак, на тайрину ступеньку втиснулась еще пара человек. Сквозь приближающийся грохот барабанов уже различались звуки духовых инструментов и пение сильных мужских голосов. Пробежали дети с корзинами цветов, забросали грязную мостовую пестрым благоухающим ковром. Первыми на цветочный ковер вступили музыканты: барабанщики, горнисты, флейтисты, они слаженно играли какую-то совсем простую мелодию, но их было слишком много, и оглушительная музыка сливалась в неразборчивый рев. Только когда они сменились колонной певцов, Тайра поняла, что оркестр исполнял славословие Единому.

Ее стали толкать со всех сторон — соседи по ступеньке размашисто осеняли себя кругом. Следом за певчими двенадцать могучих мужей несли носилки с позолоченной статуей святого Велетия. Она была сделана чрезвычайно искусно: блистающее неподшитое рубище пророка украшали изящно разбросанные заплатки, подол окаймляла неровная бахрома из тонкой золотой проволоки, на сверкающей веревке, которой был препоясан Велетий, различалось каждое волокно. Глаза святого молитвенно подняты к небу, на устах — улыбка, в руках — преломленная лепешка.

Тайра когда-то читала Книгу Милосердия — сборник речений св. Велетия. Может, и не слишком внимательно, но все-таки помнила, что пророк принимал от дарителей только хлеб, да и тем делился с нищими. К монетам он не прикасался — жестом показывал, кому из бедняков отдать приношение. Ненавистное золото настигло его после смерти.

За статуей следовали верховные жрецы в белоснежных шелковых одеяниях. Они не пели, шли с опущенными глазами, наверное, молились. За ними — жрецы низших рангов, в парчовых одеждах различных, в зависимости от статуса, цветов. И снова певчие и музыканты. Толпа, по мере приближения статуи, затихала, многие подпевали: "О Единый, Всемогущий, ниспошли нам благодать, озари нас светом истины"... Тайра молчала, у нее была своя просьба.

— Слава королю! — нестройный крик приближался, заглушал музыку. Но ничего не было видно, мимо Тайры проезжали рыцари в тяжелых латах, у каждого в руке копьё с ярким знаменем.

— Слава королю! — орали уже совсем рядом с Тайрой. Из окон на спины коней полетели цветы.

Он медленно ехал на высоком белом жеребце посередине дороги, два рыцаря по бокам держались чуть позади, так что каждый мог вдоволь насмотреться на своего повелителя. Король Альбин был похож на всех королей, которых Тайра видела в книгах. Алый плащ с черным сверкающим мехом спускался с крупа коня, золотой обруч сиял над каштановыми с

проседью длинными волосами, выражение лица было гордым и одновременно милостивым. «Хорош», — неприязненно подумала Тайра, — «неужели мама оставила нас с отцом ради этой красивой картинки?»

Безумные вопли ненадолго стихли, мимо снова проезжали рыцари со знаменами, а со стороны площади уже понеслось:

— Слава королеве!

Тайра вытянулась в струнку. Королеву Литанию несли на паланкине под легким шелковым балдахинном, на ее коленях сидел маленький мальчик и махал толпе обеими руками. Она рассеянно улыбалась и слегка кивала направо и налево. Когда носилки приблизились, Литания отвернулась и стала беседовать с рыцарем, ехавшим по другую сторону. Но Тайра успела увидеть — под драгоценным венцом с жемчужными подвесками было мамино лицо. Старше, чем она помнила, и кожа нежная и светлая, без загара, но так и должно было быть. Тайра выхватила из-за пазухи вышивку с замком и птицами, обеими руками подняла ее над головой и завопила изо всех сил:

— Слава королеве Литании!

Королева обернулась на дикий крик, скользнула взглядом по девушке с вышитой тряпочкой и снова заговорила с рыцарем. Носилки проплыли мимо.

«Она меня даже не заметила», — Тайра смотрела на принцев, проезжающих на маленьких лошадках с лентами в гривах и расшитых золотом попонах, на разодетую знать, которую тоже приветствовали криками. Как ей только в голову взбрело, что из этой затеи что-то получится? Даже если Литания и правда ее мать, прошло слишком много лет. Она помнит Тайру пятилетней малышкой. Если вообще помнит.

Чья-то рука схватила Тайру за локоть. Рядом с ней стоял рыцарь в латах и синем плаще. Может быть, тот, кто ехал рядом с паланкином? Все они казались одинаковыми.

— Пойдем со мной. Приказ королевы.

Он потащил Тайру сквозь толпу, кто-то радостно закричал:

— Воровку поймали!

— Как же, будет благородный простую воровку ловить. Ведьму поймали, короля сглазить хотела, — а Тайра обмирала от волнения. Значит, мама узнала ее. Рыцарь тащил ее за собой не то, чтобы грубо, скорее, как неодушевленный предмет. Ну да, королева не стала бы ничего ему объяснять, он мог подозревать все, что угодно. Выдернув Тайру из толпы, которая уже орала: «Бей ведьму!», он закинул ее на коня и поскакал к замку кружным путем, обгоняя процессию.

На подъемном мосту толкались зеваки, стражники пытались оттеснить их. За воротами замка тоже стояла толпа, но понаряднее. Рыцарь бросил поводья подбежавшему слуге и повел Тайру мимо парадного входа на задний двор. В распахнутых настежь дверях взад и вперед, как пчелы у летка, сновала челядь. Могла и сама в замок попасть, никто бы и не заметил... хотя, наверное, дальше кухни не пустили бы. Через пять минут она уже запуталась в коридорах, поворотах, лесенках. Еще несколько ступенек вверх, рыцарь подтолкнул ее вперед — и дверь за спиной закрылась.

Она осталась одна в маленькой комнате без окон, на столике горел подсвечник с тремя свечами. Стол, обитая блестящей узорчатой тканью кушетка, кресло — и больше ничего. Тайра подергала дверную ручку, отодвинула бархатную портьеру в поисках другого выхода — но завеса скрывала лишь небольшую нишу в стене. Все это напоминало тюрьму. Сколько ей ждать? Сквозь глухую тишину, от которой звенело в ушах, иногда просачивались еле

слышные обрывки музыки, далекий смех. Должно быть, где-то идет праздничный пир. Королева, наверное, заинтересовалась знакомой вышивкой, велела привести странную девицу и сразу же забыла о ее существовании. Тайра даже мысленно перестала называть ее матерью: пиры, процессии, роскошные наряды никак не вязались с памятью о веселой маминой улыбке, смешных песенках и испачканных в муке руках. Когда свечи сгорели на треть, Тайра решила дожидаться, когда огарки станут в два пальца высотой и попробовать выломать дверь.

Щелкнул замок, на пороге стояла королева Литания. Сейчас на ней было другое платье, из серебристой материи с алыми вставками. Лицо раздурманилось после пиршества, в глазах сверкают отражения свечей. Тайра вскочила. Что надо сделать, поклониться? Подойти и обнять?

— Тебя зовут Тайра?

— Да, а вы...

Королева подошла к Тайре, положила ладони ей на плечи.

— Нет, моя милая, нет. Я не твоя мама. Покажи мне вышивку.

Она поднесла ее к свету, долго водила пальцем по стежкам.

— Тебя послал отец?

— Моего отца убили.

Литания осторожно обняла Тайру, коснулась губами ее лба.

— Бедная девочка, что же мне делать с тобой?

Но Тайра ведь узнала ее. Не только черты лица — и руки, и голос у нее тоже мамин. Значит, королева не может признать ее даже наедине. Напрасно она приехала.

— Подожди еще немного, я приду за тобой.

Выскользнула из комнаты, щелкнул замок.

Эти двадцать минут Тайра проплакала. Она хотела только одного — сбежать из замка, а дальше наплевать, хоть в реке утопиться, хоть замуж за ликейского купца.

— Пойдем. Королева Стефания хочет поговорить с тобой.

Это еще что за королева? Их тут пруд пруди? Но спросить было невозможно. Литания почти бежала по коридорам и лестницам, намеренно не оборачиваясь к Тайре, избегая разговора, даже взгляда. Винтовая лестница закончилась в маленькой пустой комнате, Литания тщательно заперла дверь за собой, еще несколько ступенек, и они оказались на вершине башни. За столиком с фруктами сидела пожилая знатная дама и кушала виноград.

— Тайра, это моя мать Стефания, вдовствующая королева. Поклонись ей, — шепнула Литания.

Тайра, как умела, выполнила просьбу. Стефания кивнула им и ласково предложила присесть и угощаться. С благосклонной улыбкой она рассматривала Тайру, и отчего-то от ее взгляда мурашки ползли по плечам.

— Литания, ты уверена, что мы можем поговорить здесь без свидетелей?

— Я заперла дверь, и в башне никого нет.

— Хорошо. Расскажи мне о себе, девочка. И о своей семье.

Тайра сбивчиво рассказывала о родителях, о детстве, о пожаре, и не знала, как объяснить свою выходку с вышивкой. Она чувствовала, что это очень важно, и что ни в коем случае нельзя упоминать Чанту, лучше вообще никого не упоминать. Стефания была очень похожа на ее маму: те же черты, те же голубые глаза, и лицо совсем еще свежее, только пышно взбитые волосы побелели, и губы усохли в ниточку. Но сейчас эта приятная женщина

с тихим голосом искала выход из ситуации, угрожающей ее близким, а Тайра была для нее чужой.

— Наверное, твой дядя подсказал тебе, что ты имеешь отношение к нашей семье?

— Нет, конечно. Он, наверное, не хотел, чтобы я о чем-то догадалась, запрещал мне выходить из дома и собирался отправить меня в Ликейю.

— А кто же тогда навел тебя на эти мысли?

— Я с детства знала, что мама из знатного рода. Она много читала, говорила не так, как у нас в деревне, и вышивала, и пела совсем по-другому. И люди намекали... Но я думала, что она умерла. А сегодня, когда я стояла и смотрела на процессию, я вдруг увидела ее живую, и совсем голову потеряла. Мне захотелось, чтобы она узнала меня, и я схватила вышивку — это единственное, что у меня осталось от мамы, я ее всегда ношу с собой — и стала махать и кричать. Теперь я понимаю, что ошиблась, но вы, ваше величество, — Тайра поклонилась королеве Литании, — действительно очень похожи на мою мать.

Стефания в упор посмотрела на свою дочь.

— Мне кажется, это сходство может объясняться каким-то дальним родством. Тебе ведь тоже эта девочка показалась отчасти знакомой, и поэтому ты пригласила ее в замок?

Литания опустила глаза.

— Я полагаю, мы никогда не узнаем, кем была твоя умершая мать... Можно взглянуть на вышивку?

Тайра достала из-за пазухи свернутую тряпицу, ей очень не хотелось показывать ее этой даме, похожей на ястреба, зависшего в небе перед падением на добычу.

Стефания аккуратно развернула вышивку, ее и без того тонкие губы сжались.

— Ты знаешь, что здесь изображено?

— Похоже на ваш замок. А вокруг него летят орел, цапля, ворон, лебедь и сова.

— Это девиз нарратского рода, — переводя пальцем с одной птицы на другую, Стефания медленно произнесла, — Отваги — с Красотой союз не вечен, — их разлучает Смерть, — Любовь — и Мудрость вечны.

— Литания, я не думаю, что можно надеяться на забвение...

Сердце Тайры сжалось. Никто не знает, что она в замке. Ей не выйти отсюда живой.

— Тайра любит свою маму и не захочет повредить ей, — мягко ответила Литания.

Стефания, склонив голову на бок, изучала Тайру. Девочка невероятно похожа на мать, хоть и выросла не во дворце, а в хлеву. Ей страшно, но держится с достоинством. Наша, нарратская кровь.

— Если бы ты узнала, что твоя мать до сих пор жива, но твои разговоры и расспросы могут привести ее к гибели, ты смогла бы больше не обмолвиться о ней ни одним словом? Ни с кем и никогда?

— Чтобы из-за меня ее убили? Я не стану ничего говорить даже под пыткой.

— Под пыткой люди редко держат свои обещания, но при разумном поведении до этого вряд ли дойдет, — улыбнулась Стефания и устремила прищуренный взгляд куда-то вдаль, за черту горизонта, где было место пыткам, и предательству.

— Ну, что же... я расскажу тебе, — старая королева покойно сложила руки на коленях и заговорила чуть нараспев, словно исполняла старинную балладу, — двух дочерей мне Господь Единый подарил, Лаэрту и Литанию. Старшей, наследнице, при рождении золотой шарик на шею повесили, младшей, что на полчаса позже на свет явилась — изумрудный. Так их по шарикам люди и различали, хотя мне всегда казалось, что похожи они как лед с огнем,

не более. Старшая как котенок была, веселая и ласковая. Больше всего ей нравилось танцевать, играть с детьми в саду, песни только про любовь пела. Ну а младшая — серьезная, она готова была часами слушать баллады о подвигах, волшебстве и дальних странах. Знала их больше иного трубадура. И еще рукоделие всякое любила, найдет свечку — тут же коня или дракона вылепит, в пять лет попросилась учиться вышивке. Зато упрямыми обе были одинаково, избаловала я их, знала, что других детей у меня не будет. В двенадцать лет девочек обручили. По нашим законам, если в семье нет мальчика, то престол наследует муж старшей дочери. Поэтому мы решили отдать Лаэрту за Альбина, второго сына дарнийского короля. А младшую — за молодого графа из Раттена, они давно хотели с нами породниться, чтобы обрести защиту от Ракайи. Но видно, не было на то соизволения Небес, через три года разбило его корабль штормом. Литания горевала о бедняге, как о родном, хоть и видела его только раз, во время обручения.

Год траура кончался, пора было для Литании нового жениха присматривать, как вдруг случилась беда. Скончался Лодвиг, император Ракайи. Новым императором провозгласили его младшего сына, Янгиса, старшие братья к тому времени давно уже были мертвы. И чуть ли не на коронации он объявил, что его отец погиб от руки нарратского князя, поскольку пользовал его лекарь из Наррата. Какое диво, что человек восьмидесяти лет отроду, полгода, не встававший с постели и жены своей не узнававший, вдруг взял и умер! Лекаря казнили, потом поймали двух нарратских купцов, объявили шпионами, повесили — и Янгис стал собирать войско. Все вассалы императорского дома должны были отомстить за умершего владыку. Согласились они на этот поход с радостью — давненько не воевали. Супругу моему, королю Бравиету, тоже доставили послание, где много раз напоминалось о его воинском долге. Дед его, герцог Таурис, спас на поле брани императора Гилата, за что и получил кадарские земли. Королем Таурис себя уже после смерти Гилата провозгласил, и все равно в случае брани Кадар был обязан защищать Ракайю. Но муж мой ответил Янгису отказом. Я ведь из княжеского дома Наррата — не пристало зятю на тестя войной идти. Думаю, Янгис был заранее уверен в отказе, но главного он добился — Кадар не выступил на стороне Наррата. Конечно, мы помогали им и оружием, и провизией, но войско посылать не стали. Как не молила я Бравиета, он одно твердил: не справятся воробьи с коршуном, что один, что два. Под императорское знамя двадцать тысяч воинов собралось, надо будет — еще столько же поднимут, а у нас на два государства и семи тысяч солдат не набрать.

Тайра не могла понять, зачем ей рассказывают историю давней войны, случившейся еще до ее рождения. Она хотела услышать только одно — что стало со второй дочерью. Литания отрешенно внимала наизусть затверженному семейному преданию, скользя по Тайре печальным взором, как по портрету давно потерянной любимой сестры. Не может она быть ее матерью!

— Когда Наррат пал, мы ждали, что теперь пришел наш черед. Но Янгис вместо объявления войны вызвал Бравиета в столицу для подтверждения оммажа. Обещал ему пожаловать четверть нарратских земель и приказал явиться со всей семьей. Для надежности сотню рыцарей выслал в сопровождение. Как мне хотелось ехать к убийце моих родных — а они все погибли при взятии замка, я последняя из нарратских князей — думаю, тебе легко представить. Дочери наши совсем взбунтовались. Лаэрту со связанными руками пришлось в повозку сажать, а Литанию с собой не взяли — у нее началась горячка.

На празднество собрались все, кто участвовал в уничтожении Наррата. И с ними наша семья. Это было нестерпимым позором. Но самое худшее случилось на третий день: Янгис

прилюдно попросил руки Лаэрти. Бравиет, бледный, как смерть, поблагодарил и сказал, что она, к несчастью, обручена с дарнийским принцем. А Янгис ответил, что помолвка — не свадьба, ее всегда можно расторгнуть. И если у короля Дарнии хватит наглости начать из-за этого войну, то он, Янгис, заступится за верного вассала. К счастью, Янгис дал нам два месяца на расторжение помолвки и подготовку к свадьбе, иначе, боюсь, Лаэрта наложила бы на себя руки. На обратном пути мы решили, что если Янгис продолжит настаивать на браке, то мы выдадим за него Литанию. Он не заметит подмены, а она, по крайней мере, свободна.

Если бы я знала, чем это обернется — заперла бы строптивую девчонку в башне до самой свадьбы. Но мои голубки отплакались, на другой день ходили уже веселые, а на третий день исчезли. Бравиет отрядил за ними погоню, но никаких следов не нашли. Только узнали, что с ними исчезли два гвардейца — братья Джан и Джакоб Карисы. Бравиет сам же и приставил их охранять дочерей на конных прогулках — однажды Литания наскочила на охоте на раненого медведя, и братья зарубили зверя. Вот они-то и помогли девочкам бежать.

Янгис пятьсот воинов прислал искать Лаэрту, несколько месяцев по всему Кадару рыскали. Наконец он решил, что мы сами переправили дочек в другую страну и тогда наступили черные годы. Он обращался с Бравиетом, как с поверженным врагом. Требовал солдат, коней, провиант. Воевал-то он почти без перерыва. Люди не возвращались — кадарцев Янгис всегда ставил впереди войска. Деревни пустели, страна разорялась.

А Бравиет после того пира у Янгиса занемог. Не сразу, яд был из тех, что действуют постепенно. Нарратские лекари недаром считаются лучшими, они не дали ему умереть, и он прожил еще несколько лет. Даже с постели иногда вставал поначалу, но исполнять обязанности короля ему было уже не под силу. Мне пришлось самой управлять государством. И все это время я продолжала искать дочерей.

Первой нашлась Лаэрта. Она, конечно, бежала в Дарнию. Принц Альбин спрятал ее в маленьком замке неподалеку от столицы, а когда старый король умер и на престол взошел его старший брат, обвенчался с ней. К счастью, им удалось сохранить тайну, иначе Кадару, а может быть, и Дарнии пришел бы конец. С Лаэртой мы даже переписывались, но о судьбе Литании она ничего не знала. Они потеряли друг друга в первую же ночь, когда им почудилась погоня. В какой-то момент Лаэрта поняла, что позади них нет второго коня, но побоялась вернуться.

Только через пять лет Единый услышал мои молитвы. Моя служанка отправилась в скрипторий за списком новых стихов Тристия, и переписчик похвастался, что книга пользуется спросом — не только знать ее покупает, но даже один пастух для своей жены заказал. Жена пастуха, читающая Тристия? Вскоре я уже знала, что моя дочь все эти годы жила в горной деревушке, доила коров и даже родила ребенка.

— Значит, вы моя бабушка?

— Да, Тайра. Не смотри так на королеву Литанию, она не твоя мать. При рождении ей было дано имя Лаэрта.

— Но как это может быть?

— Дослушай, и все поймешь. К сожалению, конец этой истории печальный. Я не стала беспокоить Литанию, участь пастушки нравилась ей больше, чем императорский трон — и ее можно было понять. Джан, по крайней мере, любил ее и баловал, как мог. Но через год мой муж умер, и страна осталась без законного государя. Янгис объявил королевство выморочным владением и собрался посадить на кадарский трон кого-то из своих приспешников. Что мне было делать? Вернуть Лаэрту в Кадар и объявить Альбина королем?

Это означало неизбежную войну с Ракайей. Расторгнуть их брак и отдать ее Янгису? Это было не в моей власти. Я должна была спасти страну, даже ценой счастья одной из моих дочерей. Я вернула их обеих и объявила, что эти годы они провели в дарнийском монастыре. Отослала Литанию под именем Лаэрты к Янгису. Потом ко двору прибыл Альбин, заново обвенчался со своей женой Лаэртой, только теперь ее называли Литанией. Он был коронован до того, как Янгис заявил свои права на трон Кадара.

— И что стало с моей мамой?

— Она императрица Ракайи, у нее трое детей.

— Неужели император за все эти шесть лет не смог найти себе другую невесту?

— Мог, конечно, — вдовствующая королева улыбнулась, видя, что разговор уходит от неприятной темы, — но он искал девушку из королевского дома, не состоящую с ним в родстве. Ему хотелось упрочить свои права на императорский трон. Видишь ли, император Лодвиг женился на его матери, леди Тамиане, будучи пожилым человеком, и не желал замечать ее недостойное поведение. Кого только не называет людская молва отцом Янгиса — от герцогов до конюших — но только не Лодвига. Поначалу на это закрывали глаза, ведь он не считался наследником — были два старших брата. Но они оба неожиданно умерли. Янгису позволили стать императором, чтобы Ракайя не потонула в крови — кроме него на трон было четверо могущественных претендентов с примерно равными правами. И он прекрасно знает о шаткости своего положения. В независимых от Ракайи королевских домах Янгис получал либо отказ, либо совершенно оскорбительные предложения: хромоножка, сорокалетняя старая дева, трижды разведенная. Мои дочери хотя бы не хромоножки.

— Как мой отец потерял руку?

Стефания вздохнула, она давно уже ждала подобного вопроса.

— Когда я поняла, что Кадар стоит на пороге войны, я послала стражников за Литанией. Приказала привезти ее и ничем не повредить ни тебе, ни твоему отцу. Они следили за вашим домом, выбрали время, когда она стирала на реке, и рядом никого не было. Все прошло благополучно, но в последний момент на берегу появился Джан и увидел, что Литанию увозят. Я не знаю, как ему удалось догнать стражу — у них были хорошие кони, но он настиг их в предгорье и вступил с ними в бой. Стражники следовали моему приказу и пытались обойтись без кровопролития. К сожалению, твой отец оказался прекрасным воином, он изувечил двух моих людей. Они были вынуждены обезоружить его — и получилось вот так... Их привезли вместе, Литанию и Джана. Мы вылечили его. И когда твоя мама, наконец, согласилась ехать в Ракайю ради спасения Кадара, Джан обещал молчать. Твой отец был прекрасным, благородным человеком. Через Джакоба мы помогали ему вырастить тебя в достойных условиях.

«И не надо меня так ненавидеть», — хотелось прибавить королеве, но она только улыбнулась, глядя в прищуренные потемневшие глаза Тайры.

— Кто убил моего отца?

— Я не знаю. Если удастся их найти, они будут повешены. Ракайские солдаты не должны без ведома нашего короля нападать на мирных жителей Кадара. И еще — твой отец посмертно получит дворянский титул и небольшое поместье. Тогда я смогу выдать тебя замуж за благородного рыцаря из Дарнии. В Кадаре тебе нельзя оставаться — ты слишком похожа на мать. Если возникнут подозрения, что Янгис взял себе жену с ребенком при живом муже, его дети не будут считаться наследниками престола. Он казнит ее за обман. Тайра, ты понимаешь, что я доверила тебе судьбу своей дочери и от твоего молчания зависит

ее жизнь?

— Я понимаю, ваше величество. И никому не скажу ничего, что может повредить вашей дочери. Вы позволите мне вернуться домой?

— Тебя отвезут к Джакобу. Он тоже не должен знать о нашей встрече. И прости меня, если сможешь.

Глава 6. Белая Чайка

Каждый путешественник, въезжающий через главные ворота в Гилатиан, непременно должен был испытать восторг и смятение. Широкая, как поле, вымощенная гранитом улица разрезала город надвое. Ряды каменных зданий — чем дальше, тем они были величественней — упирались в главную площадь, на которой золотом сияла гигантская статуя императора Гилата на вздыбившемся коне. Даже в пасмурную погоду сверкающий силуэт всадника на фоне белоснежных стен собора Единого Всемогущего был виден прямо с подъемного моста. Чуть выше собора над круглым холмом к небу вздымались башни императорского дворца. Их мрачный темно-серый цвет и огромная высота подчеркивали непорочную белизну и великолепие многоэтажного храма. А также ничтожество ползущей у подножия этих твердынь муравьиной цепочки путников.

Если свернуть с улицы Побед в любую сторону, дома становились пониже, зато лавки и трактиры попадались гораздо чаще. Там обитали купцы и богатые ремесленники. Еще дальше от центра жили простые горожане. На этих узких улочках благоразумному путешественнику пора было прекратить изучение столицы — особенно, если его занесло в кварталы, прилегающие к городским стенам. Ничего интересного там не было.

Впрочем, Яник и Фелух нашли кое-что занятное: прямо посреди дороги валялся богато одетый сопляк, из господ, должно быть. Как дите малое спал — калачиком, ладонь под щечкой. А винищем разило — больше, чем от них самих. Наверняка полный кошель за пазухой, а нет — так сапоги с курткой тоже хороших денег стоят. Они уже принялись исследовать добычу, но тут парень перевернулся на спину, чтоб шмонать его было удобнее. Кошеля никакого не нашлось. Яник присмотрелся к лицу щенка и бороду зачесал:

— А не племяш это герцога Брейда?

— Ну а если и племяш — нам-то что?

— Так герцог-то в трактире нашем сидит, он за племяша своего золотом заплатит, особенно, когда скажем, что от воров его отбили.

— Последний ум пропил? Герцог в «Кривом Коте»? Ну да, и император Янгис вместе с ним — пиво хлещут, да свинными ушами закусывают.

— Не брещи попусту, если не знаешь. Я видел, как Брейд к трактиру шел, и коня его в хозяйскую конюшню при мне ставили. Он не в первый раз здесь сидит, видно, дела какие секретные решает.

— Что-то больно много ты знаешь, чего я не знаю, — прищурилсь Фелух.

В «Кривом коте» оборванцев не хотели пускать к герцогу, чуть за дверь не вышвырнули, но на шум из малой залы, которая для господ, выглянул оруженосец. Важный такой, сам как будто граф. Узнав, в чем дело, ушел куда-то ненадолго, а потом велел показать племянника.

Тот уже немножко проснулся и бессмысленно таращился в небо. Оруженосец поморщился и велел спасителям тащить парня в трактир. Племяш нисколько не сопротивлялся, даже слегка подгробал путающимися ногами.

Дверь на второй этаж была сбоку трактира, там даже осведомленный Яник ни разу не бывал. Да и вообще таких хором никогда не видел. Мебель резная, красным бархатом обита, шторы на окнах из материи, какую жрецы носят — вся в золотых узорах. А на стене картина огромная — полуголая девка, так хороша — глаз не оторвать, сразу понятно, что из самого дорогого борделя. Яник так засмотрелся на девку, что и герцога не сразу заметил. А тот

сидел с каким-то еще господином за низеньким столиком, уставленным непонятными яствами. По правде сказать, еды маловато было, Яник с Фелухом вдвое больше бы себе заказали, но зато как она пахла! И птица чувствовалась незнакомая, и рыба — не рыба, что-то райское, а уж что в хрустальном графине алым огнем переливалось — за то и душу продать можно было.

Брейд полюбовался на племянника и бросил оруженосцу:

— Приведи его в порядок.

Солдат перестал изображать из себя знатного рыцаря, вынул парня из объятий его благодетелей и без лишних церемоний поволок вниз по лестнице.

— Ваше сиятельство, на родича вашего худые люди напали, мы вот его спасли, не извольте гневаться, — забормотал Фелух, склоняясь чуть не до полу. Герцог внимательно глянул на мародеров, достал золотую монету и швырнул через всю комнату, словно попрошайкам. Фелух поймал ее на лету.

— Спасибо за помощь. Можете идти.

С поклонами и благодарениями бродяги выпятились из комнаты, а уже на лестнице стали грызться.

— Одна одежка его дороже стоила.

— А жизнь сколько стоит? Нас бы за него вздернули.

— Так они бы меня и поймали! Ободрали бы парня по-быстрому и ищи нас.

— А как стали бы барахло скидывать — сразу бы и попались, стража всех скупщиков знает. Ладно, пошли в кабак, возьмем пива, деньгу разменяем, — примирительно сказал Яник.

— Еще чего! Зря я его тащил, что ли?

— Ты что, Фелух! Оба же тащили.

— Отвяжись по-доброму, — из кулака Фелуха выглянул нож.

— Ну и крыса же ты, Хогга тебя сожри, — растерянно пробормотал Яник.

Фелух ухмыльнулся и дунул за угол.

Не драться же с другом из-за одной монеты, пусть и золотой. Тем более, у него и своя есть. Внимательно посмотрев по сторонам, Яник стянул с ноги заскорузлый башмак и вытряхнул серебряную денежку. Посмотрел на нее с жалостью и решительно распахнул дверь «Кривого Кота». Раз так — он будет кутить в одиночку. Чуть было не заказал по привычке кувшин с пивом, горшок каши и соленые свиные уши, но вспомнил непонятные яства на столе у герцога и душа его воспарила. Он потребовал три кружки хорошего вина, жареного петуха, ну и горшок каши, конечно.

Первые две кружки пошли без особой радости. Все-таки тяжело было на сердце от незаслуженной обиды. Захотел сделать добро, пожалел паренька — и на тебе... А как начал третью — на ум пришло хорошее. Выпивал он как-то в «Коте» со святым человеком, бывшим монахом, и тот ему стих духовный сказал. Как там... «Добро рождается в мире подобно ребенку. Мамка сначала орет, после от счастья ликует». У монаха еще складнее получалось, но смысл этот самый. Вот так-то... Много на земле страдания!

Видий уже прочитал две главы из «Истории и Сказаний великого царства Салем» и раздраженно полировал ногти. Сколько можно возиться с пьяным щенком! Брейд вернулся мрачным и злым. Молча наполнил кубок, пить не стал, просто крутил в руке.

— Судя по твоему лицу, здоровье Ланса оставляет желать лучшего?

— После бочки с холодной водой на здоровье он не жалуется. Мальчишка опять вляпался в неприятности.

— Серьезные?

— Пока не ясно.

Брейд помолчал, потом медленно заговорил, разглядывая игру света в хрустале:

— Они направлялись в горы, на стоянке их окружили и напали.

— Кто напал?

— Неизвестно. Горцы, или разбойники. Скорей всего, разбойники. Дело было в графстве Виндом, Арс Виндом вечно спасает империю на всех концах света, к себе не заглядывает, там у него полный хаос. Так вот, была безлунная ночь, лагерь в тени деревьев, никто ничего не видел, возможно, некоторые бойцы отряда впотьмах схватились друг с другом. Потом отряд отступил в лес, поскольку противник превосходил их числом. Утром они вернулись на поле сражения и обнаружили три трупа. Среди них — капитан Фаркенгайт.

— Старую сволочь наконец-то грохнули? Неплохая новость.

— Новость так себе. Из его спины торчал кинжал Ланса.

— Кинжал, не меч?

— Да. Он мог потерять его в бою, и какой-то разбойник воспользовался им. Мог метнуть в темноте, приняв капитана за врага. Теперь ничего не установишь.

— Остальные два — разбойники?

— Нет. Оруженосец Фаркенгайта и еще один из отряда. Разбойники унесли своих.

— Да, история. Три тела и никаких следов?

— Примерно так. И есть еще два человека из отряда — идиот Ланс почему-то называет их предателями — которые утверждают, что на лагерь вообще никто не напал. Думаю, эти двое напились и проспали сражение в палатке.

— Совсем интересно. Впрочем, кто будет жалеть о злобном подонке Фаркенгайте?

— Во-первых, его вдова. На что она будет покупать тряпки? У них практически ничего нет, замок-развалюха в какой-то дыре и клочок земли с десятком крестьян. Ты не забыл, что леди Тирольда — любимая фрейлина Вивиан, фаворитки императора?

— Досадная подробность. А кто во-вторых?

— В прошлом месяце его величество император высоко оценил воинские заслуги капитана Фаркенгайта перед державой и приказал наградить его орденом Красного Дракона третьей степени.

— Брейд, а ты уверен, что обязан вызволять Ланса из всех передрыг, в которые он попадает?

— Он единственный сын моей единственной сестры. После ранения ее муж катается по замку в кресле с колесиками, больше детей у них не будет. Прости, Видий, сейчас тебе лучше уехать. Попробую выгадать Ланса из петли.

— Я могу тебе помочь?

— Пока нет. Просто забудь, что здесь был Ланс.

На закате два всадника выехали из столицы. Обыкновенные рыцари в неплохих, но не слишком дорогих латах, без знаков отличия, забрала опущены. По дорогам Ракайи скитались сотни подобных охотников за легкой прибылью и быстрой смертью, разве что кони их были слишком хороши для простых наемников. И уже в середине следующего дня дорога вывела

их на побережье. Впереди, на скалистом мысу, показались нарядные башенки Белой Чайки — резиденции ее величества императрицы.

Впрочем, Белая Чайка располагалась на краю материка в прошлом году, а сейчас она стояла на острове. Леди Лаэрта пожелала отремонтировать старый замок. Из Салема выписали лучшего архитектора, он покрыл крыши розовой черепицей, построил в саду прекрасный фонтан с танцующими сиренами, а заодно укрепил стены и расчистил ров. Теперь между крепостью и сушей плескалось море.

Мост был поднят, хотя вроде белый день на дворе и неприятеля поблизости не заметно.

— Кто там? — крикнули с башни.

— Открывай, — герцог Брейд откинул забрало.

Видимо, в Белой Чайке он был частым гостем — цепи сразу же заскрипели, и не успели они въехать на мост, как распахнулись кованые ворота. Даже в замке Янгиса не соблюдают таких мер безопасности, подумал Ланс. Чего они все боятся?

Во дворе двое солдат приняли их лошадей. Еще десяток воинов слонялся по двору, а вот то двухэтажное здание — наверняка казарма. Ланс представлял себе замок императрицы несколько иначе — сады, фонтаны. Впрочем, предвкушаемые красоты обнаружились сразу за казармой. Парк оказался больше, чем можно было предположить, глядя на крепость с берега, а причудливость планировки и обилие растительности превращали его в райские сады. Кусты алых роз пылали кострами на фоне темной хвои кипарисов, мраморные скамьи прятались от солнца под шатрами из дикого винограда, запах цветов смешивался с запахом моря... Лансу захотелось остаться здесь подольше.

Брейд дал племяннику время насладиться прелестью парка, он и сам любил проводить жаркие часы дня в его тени, где-нибудь у фонтана, с новой книгой и бутылкой охлажденного вина. Но вскоре он окликнул Ланса, ополоснул лицо и руки в струйке тепловатой воды, лившейся из драконьей пасти, и, судя по всему, собрался отправиться прямо во дворец. Ланс последовал его примеру с некоторым смущением. Он предпочел бы более основательно привести себя в порядок перед встречей с императрицей. Когда он состоял в свите графа Виндома, ему приходилось часто бывать при императорском дворе, но тогда он был абсолютно уверен — никто из великих мира сего не подозревает о его существовании. Кому интересен сын прозябающего в глуши графа, инвалида давно забытой войны? Сейчас же Лансу предстояло быть лично представленным императрице — вот такому, пыльному и потному. Брейд не внял его терзаниям, и, бросив через плечо:

— Хватит прихорашиваться, у меня мало времени, — повел его к парадному входу. С первого взгляда дворец казался изящной игрушкой. Легкая лестница с резными перилами вела высоко вверх, к portalу, обрамленному каменными гирляндами. Полукруглые балкончики, беломраморная облицовка стен, розовая черепица. Но гостеприимно распахнутые двери были обиты толстым слоем железа, стены — полутораметровой толщины, а узкие окна с цветными стеклами располагались только на втором и третьем этажах и были глубоко утоплены в стены. Да и балкончики являлись, по сути, амбразурами. Ланс впервые видел такую нарядную крепость.

Звуки лютни слышались даже в саду, и они совсем не напоминали мелодии, исполняемые в присутствии знатных особ. Не баллада, не канцона, не пастораль — такие разудалые переборы больше подходили скомороху, чем придворному менестрелю Тобиасу. Его голос Ланс узнал сразу, а вскоре и слова сумел разобрать:

Солдат в бою, как павиан, сверкает голым задом,

зато у леди Вивиан парчовые наряды.

Когда на ярмарке вокруг уличного певца, голосившего подобные вирши, собиралась толпа, а мимо проезжал отряд стражников, доставалось всем — и слушателям, которых разгоняли древками копий, и самому певцу — его публично секли розгами.

Не надо врать и воровать, нам говорят жрецы,
да только верит им не знать, а нищие глупцы.

Слуга распахнул двери и представил прибывших, музыка стихла.

— О! Герцог Атерли! О, Брейд! Как чудесно, что вы приехали! — судя по радостным возгласам, дядю здесь любили. Императрица Лаэрта отсутствовала, из всей компании, вольготно расположившейся на мягких креслах в просторном светлом зале, Ланс узнал только самого Тобиаса. Он видел его лишь однажды — в последнее время Тобиас был не в чести при дворе Янгиса, место главного менестреля занял юный сладкоголосый Фабир, писавший очень слабые стихи, зато никогда не позволявший себе язвительных насмешек.

Но Тобиаса вполне достаточно было встретить один раз, чтобы запомнить навсегда. Блестящий купол высокого лба, словно облака вершину горы, окружал ореол воздушных белоснежных кудряшек. Вместо бороды и усов его пожеванное временем лицо украшали три клочка белого пуха — один на подбородке, два — по уголкам вечно улыбающегося рта. А самыми удивительными были глаза: выпуклые, небесно-голубые, детски наивные — но как только Тобиас щурился, а делал он это постоянно, они становились хитрющими, как у лисы.

— Позвольте вам представить виконта Ланса Нордена, моего племянника. Простите, что мы прервали вас, Тобиас. Продолжайте, пожалуйста.

Менестрель прищурился:

— Вот незадача, слова забыл. Придется сходить за текстом.

— Я с вами, Тобиас, у меня к вам есть один вопрос по поводу поэзии, — Брейд удалился, бросив Ланса на произвол судьбы.

— Тобиас, я хотел бы заказать вам две песни: одну — о любви, вторую — о подвиге. Но они должны быть готовы к завтрашнему утру. Сможете?

— Попытаюсь, — менестрель вечно сидел без денег и радовался хорошим заказам, — а что за подвиг?

— Сначала давайте обсудим ту, что о любви. Нужно, чтобы она не была откровенным признанием или, тем более — выражением неких чаяний. Просто дань искреннему восхищению. И она должна быть составлена так, чтобы каждый мог угадать в образе Прекрасной Дамы леди Вивиан.

— Единый Всемогущий! Вас что, угораздило влюбиться в Вивиан?

— Ну, не то, чтобы... Мне необходима ее поддержка в важном для меня деле.

— Настолько важном, что вы готовы пойти на неприкрытую лесть? Играете с огнем, Брейд. А почему бы вам самому не написать оду для такой чудесной дамы? Вы же пишете стихи, и очень неплохие, должен заметить.

— Я не поэт, к сожалению. Ни разу не получалось ни одной удачной строчки, когда ставил себе задачу что-нибудь сочинить. Иногда приходит что-то само, неизвестно откуда, тогда я записываю.

— Приходит неизвестно откуда... Вот вы-то и есть поэт. А я давно уже — ремесленник, рифмую все, что угодно, на любой вкус. Ладно, я вспомнил — есть у меня одно старое стихотворение, я никогда его не исполнял, показалось слишком слащавым. Для Вивиан как раз подойдет. А подвиг чей вы хотели воспеть?

Брейд замылся. Сейчас Тобиас, пожалуй, плюнет ему в лицо.

— Три дня назад барон Фаркенгайт погиб в бою с разбойниками.

— Милосердные небеса, какая приятная новость! Подвигу этих славных разбойников я с удовольствием посвящу балладу.

— Обязательно посвятите, Тобиас, и я с удовольствием ее послушаю. Но сейчас мне нужна баллада о героической гибели Фаркенгайта.

— Нет, такой баллады не будет, — васильковые глаза Тобиаса стали холодными, как зимнее море, — я прекрасно понимаю вас, герцог: ваши позиции при дворе стали шаткими, и вы ищете способ укрепить их — но не впутывайте меня в это дело. Закажите Фабиру, это как раз по его части.

Этот плевок Брейд, безусловно, заслужил. С Тобиасом нельзя было играть втемную.

— Тобиас, одному очень близкому мне человеку угрожает казнь. Я пытаюсь его спасти.

— Каким это образом баллада может спасти от казни?

— Послушайте. Разбойники напали на отряд Фаркенгайта ночью. Их было много, допустим — сорок. Фаркенгайт бился с вожаком. Один из разбойников вытащил кинжал из груди убитого товарища и вонзил в спину Фаркенгайта. Тот выкрикнул что-то патетическое о славе Ракайи, зарубил предводителя и умер, как герой. Это все, что мне нужно. Прошу вас, Тобиас.

Поэт задумался.

— Если не ошибаюсь, ваш племянник служил под началом Фаркенгайта?

— Да. Но об этом не надо упоминать в балладе.

— И о том, кому принадлежал кинжал — тоже. Ну, надеюсь, к вечеру успею закончить. Хороший у вас парень вырос, ему стоит помочь.

— Спасибо, Тобиас, — Брейд протянул поэту кошелек. Тобиас предпочел бы отказаться, даже головой замотал — но все-таки взял. Что поделаешь, нужда.

За дверью дожидался один из людей Брейда.

— Шпиона поймали, ваше сиятельство, — сообщил он вполголоса, как только Тобиас скрылся из глаз.

— Что он делал?

— Рылся в бумагах в кабинете ее величества. Простой слуга. Говорит, пыль вытирал.

— Где он?

— В пыточную отвели.

— Отлично.

О существовании в замке этой маленькой комнаты знали очень немногие. Ее величеству безусловно не понравилось бы наличие такого заведения в ее доме. Располагалась она, как и положено, в подвале. Пахла сыростью и ухоженным железом. Железа было много — разнообразные механизмы с винтами и шипами, блестящие, недавно смазанные, содержались в образцовом порядке, как оружие в хорошем арсенале. Перед дыбой к устрашающего вида шипастому креслу был прикован мускулистый детина в ливрее белоголубых цветов дома Наррата. Широкие обручи обхватывали его ноги, руки, талию и даже шею, тем не менее, его охраняли двое солдат. Слуга старался держаться уверенно, но независимое выражение его лица несколько портила бледность и капли пота на лбу. Брейд присел напротив на краешек дыбы.

— Ну и что ты собирался украсть в кабинете ее величества?

— Я там убирался, ваша светлость.

— Ты работаешь горничной?

— Я не обязан вам отвечать.

— А кому обязан?

— Дворецкому, он меня нанимал. И госпоже императрице.

— Госпожа императрица, к сожалению, не занимается проблемами прислуги. А с господином Цеприсом надо будет побеседовать отдельно — он проявил преступную неосторожность при найме. Вот перед кем тебе точно придется отчитаться — это перед капитаном Дреббом. Он начальник охраны, воровал ты как раз в его дежурство... Я буду задавать вопросы ему, а он — передавать их тебе. Капитану Дреббу все очень охотно отвечают, — ребята, приготовьте вора к разговору с Дреббом! — а я уступаю тебе свое место.

Брейд привстал с дыбы.

— Я ничего не крал!

— Уже лучше... Имя?

— Сайлас Чаррин.

— Давно работаешь?

— Неделю.

— Кто рекомендовал тебя Цепрису?

— Я не имею права этого говорить.

— Не беда, у Цеприса спрошу. Все-таки придется позвать Дребба — думаю, он сможет лучше разъяснить тебе твои права.

— Герцог Атерли, нам надо поговорить без свидетелей.

— Ну что же. Все свободны, один пусть останется в коридоре — когда надо будет, сбегает за капитаном Дреббом. Итак?

— Герцог, я действительно не вправе отвечать на некоторые ваши вопросы. Это государственная тайна. Вы должны понять: мы с вами делаем одно дело: охраняем безопасность империи.

— Кто ваш начальник?

— Я не имею права...

— Зато я имею — отправить тебя на виселицу. Думаешь, кого-то огорчит смерть пойманного шпиона?

— Хорошо. Мой господин — граф Виндом.

— Ты ему отсылал донесения?

— Ну, не лично ему... Капитану Моррелу. Герцог, ваши вопросы неуместны. Вы понимаете, что вы вынуждаете меня изменять присяге?

— Я понимаю, что передо мной сидит пойманный на краже слуга, который нагло врет, чтобы избежать петли, и кривляется, изображая из себя знатного господина. Я могу спросить Виндома напрямую — посылал ли он шпионов следить за ее величеством императрицей. Как ты считаешь, что он ответит мне?

— Не шпионить, а обезопасить ее от возможных опрометчивых шагов... Вы напрасно смеетесь. Что я должен сделать, чтобы вы поверили мне? Если я заплачу за свое освобождение тысячу ринов, это убедит вас?

— В чем? Что ты хочешь жить? Поверю и даром. Хочешь, но вряд ли заслуживаешь этого, — Брейд прогулялся по комнате, выбрал среди инструментов маленькие щипчики и

осторожно откусил ими заусеницу на указательном пальце. Потом наклонился к пленнику и заглянул в его расширившиеся зрачки:

— Могу предложить другой способ искупить вину. Видишь ли, некоторые мерзавцы, враги короны, стараются посеять рознь между императором и его супругой. Я заинтересован в их примирении. Поэтому вся твоя переписка с капитаном Моррелом будет проходить через моих людей. Будешь получать уже готовые отчеты и аккуратно их переписывать. Посидишь пару месяцев в камере, потом тебя уволят за разбитую вазу, и отправишься служить графу Виндому на другом поприще. Ну как, согласен — или все-таки позвать Дребба?

Вечером того же дня рыцарь Чаррин, плотно отужинав, сидел за бутылкой вина в прилично обставленной комнате с видом на море — правда, пейзаж омрачали толстые прутья решетки — и переписывал донесение, почти такое же, какое мог бы составить и сам. Из него он узнал, что герцог Брейд покинул замок, а также, что ее величеству доставили портрет императора кисти знаменитого живописца, и она повесила его у себя в кабинете.

Ланс сидел на приставленном к стене кресле и чувствовал себя невидимкой. Редкие взгляды, случайно обращенные в его сторону, проходили насквозь, не задерживаясь на его персоне. С уходом менестреля компания разбилась на две группы — мужчины обсуждали строительство пограничной крепости, а дамы — предстоящую поездку на водопады, рецепт косметического снадобья, огромный и отвратительно подобострастный портрет императора, привезенный в замок накануне, и предосудительное поведение какой-то баронессы. Все это сопровождалось взрывами смеха.

Ланс не видел в себе ни малейшей способности проникнуть в суть женских бесед, поэтому прислушивался к более простому и понятному разговору о фортификации. Ему хотелось бы принять в нем участие: мимо этой крепости он проезжал совсем недавно и никакого обводного рва, о котором заходила речь, там не заметил, поскольку крепость стояла в излучине реки, а еще с одной стороны к ней примыкало непролазное болото. Но невидимке сложно привлечь к себе внимание.

Буквально на мгновение в зале появилась императрица Лаэрта с тремя детьми, никто не взял на себя труд представить ей Ланса и он, постаравшись не покраснеть, назвал свое имя и сообщил, что приехал со своим дядей. Кудрявая малышка принцесса Агния тут же попала в объятия умиленно воркующих дам, а принц Раймонд, самоуверенный юнец лет десяти, направился к Лансу.

— Ты оруженосец Брейда?

— Нет, ваше высочество, я не оруженосец, я рыцарь.

— Уже рыцарь? А кто тебя посвятил?

— Граф Виндом, — нехотя признался Ланс.

— Ааа... А я пойду в оруженосцы к Атерли, буду бить феруатцев.

— Атерли не воюет с Феруатом.

— Откуда тебе знать, ты же не у него служишь? Все рыцари бьют феруатцев.

— Брейд воюет с горцами.

— С горцами... Ну, не знаю. А граф Виндом с кем воюет?

— Со всеми. И с Феруатом тоже.

— И ты? — мальчишка почти проникся уважением к Лансу.

— Нет, я там еще не был. Война же только началась.

— Ну да, потому и Брейд еще не успел там посражаться. Передай от меня привет графу

Виндому, может быть, я все-таки к нему в оруженосцы пойду.

— Передам, ваше высочество, — Ланс готов был провалиться сквозь землю: диалог с воинственным принцем привлек долгожданное внимание общества, к сожалению, в основном оно выражалось в язвительных ухмылках. Участие он увидел только в странных прозрачных глазах болезненно худенькой и невзрачной принцессы Ситы. Но какая-то добросердечная леди уже спешила к Лансу на помощь с блюдом крошечных розовых пирожных.

— Угощайтесь, дорогой Ланс, я так рада вас снова увидеть! Когда-то я была дружна с вашей матушкой, помню вас совсем крохой, вы тогда скакали на деревянной лошадке и громко свистели... Как поживают ваши родители?

Ланс не видел их года два, но вряд ли ошибся, ответив:

— Благодарю вас, миледи, у них все по-прежнему.

На спинку кресла благожелательной дамы облокотилась обворожительная девушка и кокетливо улыбнулась Лансу. От нее невозможно было оторвать взгляда, у нее все сверкало — глаза, зубы, драгоценности. Дама, кажется, не заметила ее появления, и продолжила:

— А как же так получилось, что вы служите у графа Виндома? Вы ведь племянник герцога Атерли...

— О, мама, этот рыцарь не служит у графа Виндома, он служит у барона Фаркенгайта — воскликнула прелестная дева так нежно и звонко, что на ее голосок обернулись все присутствующие.

— Какая жалость, я слышала об этом бароне не очень приятные вещи.

— Барон Фаркенгайт погиб четыре дня назад, — ответил Ланс, надеясь переменить невыносимую тему.

— Это, наверное, страшный удар для вас, — девушка скроила трагическую гримаску, — он был таким славным воином! Но, надеюсь, вы расскажете нам о его подвигах, чтобы мы тоже смогли разделить вашу скорбь?

— Простите, миледи, я еще не в силах говорить об этом, — Ланс улыбнулся зловредной красотке и удалился из зала почти бегом, с горячей надеждой больше никогда не встречать никого из придворных императрицы, а особенно этого скорпиона в девичьем обличе.

Разрешиw проблему со шпионом, Брейд вспомнил о Лансе и почувствовал себя предателем. Кажется, он даже не успел его ни с кем познакомиться. Пора выручать парня...

Но его благие намерения натолкнулись на непреодолимое препятствие. В комнате, ведущей в Белый Зал, он обнаружил Ее Величество императрицу ракайскую и принцессу Кадара Лаэрту. Она стояла в проеме распахнутой двери на балкон и, казалось, спала. Во всяком случае, ее глаза были закрыты.

Он давно не видел ее такой, обычно императрица в изгнании одевалась с подчеркнутой строгостью и предпочитала одежду темных тонов. А сегодня ее искусно переплетенные локоны украшала усыпанная бирюзой диадема, жемчуга мерцали в открытом вырезе лазоревого платья. Тончайшая вуаль окутывала ее прозрачной дымкой, искрящейся в потоке солнечного света. На сегодня намечено какое-то празднество? Лаэрта так глубоко ушла в свои грезы, что не заметила появления Брейда, и он позволил себе пару минут полюбоваться неожиданно возникшим видением, не обращая внимания на удивленные взгляды гвардейцев у дверей зала.

Сейчас, в золоте полуденных лучей, она казалась почти такой же юной, как и

двенадцать лет назад, когда он впервые увидел ее во время свадьбы. Брейду тогда было двадцать четыре, он уже успел разойтись с женой и был склонен предполагать в каждой женщине тайную порочность. На императорском бракосочетании он присутствовал вынужденно, его ничуть не вдохновляло торжество по случаю обретения Янгисом подходящей для производства наследника супруги. Жених лучился самодовольством, как будто добыл на охоте оленя с двухметровыми рогами. Лаэрта и впрямь походила на добычу — невесты нередко выглядят испуганными и несчастными, когда их выдают замуж против воли, но эта казалась просто мертвой. Брейд вспомнил сплетни, что девушка была обручена с дарнийским принцем Альбином и шесть лет где-то скрывалась, и посочувствовал Янгису. Каково это — жить с супругой, которая ненавидит тебя всем сердцем — он знал по собственному опыту.

Но брак оказался на удивление удачным. Лаэрта, державшаяся крайне замкнуто и отчужденно в присутствии императора, оттаивала в окружении людей со сходными вкусами. Менестрель Тобиас и сам Брейд стали одними из первых ее друзей, а вскоре во дворце обосновались все лучшие поэты и музыканты Ракайи. Вернулась утраченная за годы кровопролитных войн мода на утонченную музыку, поэзию и изящные танцы. Дамы были в восторге и поддерживали все начинания ее величества. Им чудилось, что с ее появлением безрадостная зима, длившаяся со дня восшествия Янгиса на престол, отступила перед яркими лучами весны.

Императорский дворец заполнялся прекрасными картинами и статуями, оживилась торговля, посольства соседних держав зачастили в Гилатиан. Янгиса тешило, что его двор приобретает блеск и великолепие, и он покровительствовал всеобщему увлечению искусствами. Когда императрица со второй попытки все-таки подарила наследника ракайскому престолу, ее позиции стали казаться неуязвимыми. Впавшие в немилость или нуждающиеся в протекции надеялись на ее заступничество более, чем на милосердие Единого. Иногда ей действительно удавалось защитить невинного от расправы. Казни случались реже, на время прекратились военные походы.

Разумеется, ледяная покорность супруги быстро наскучила Янгису, и он начал совершенно открыто заводить фавориток, что нимало не беспокоило Лаэрту. И напрасно — после того, как граф Виндом привез во дворец свою младшую сестру, леди Вивиан, мирная эпоха подошла к концу. Янгис приблизил к себе прелестное создание, осыпал драгоценностями, отвел личные покои неподалеку от своей спальни. Поговаривали даже, что он влюбился — хотя, зная характер императора, в это невозможно было поверить.

Значение Виндома при дворе возрастало с каждым днем, его напыщенные речи о великих завоеваниях и бранной славе охотно подхватила знать, поиздержавшаяся на модную роскошь. В воздухе витало нетерпеливое ожидание войны, и теперь императрица ничего не могла с этим поделать. Влияние Лаэрты на супруга окончательно ослабело, когда третий рожденный ею ребенок оказался девочкой.

А тут еще случилось покушение на императорскую особу. После торжественного богослужения его величество, окруженный придворными и двумя рядами личных гвардейцев, спускался по широким ступеням лестницы храма Единого Всемогущего, когда откуда-то из толпы прилетел арбалетный болт. Янгис откинул мантию и с недоумением смотрел на короткую стрелу, пробившую поручи из закаленной стали. В тот же миг злодей и двое мужчин, стоявших рядом с ним, были искромсаны на куски переодетой охраной, во множестве скрывавшейся среди народа. У одного из убитых тоже обнаружили спрятанный

под плащом арбалет. На этом бы все и кончилось, но неведомо откуда возникла всеобщая уверенность, что нити измены ведут в Наррат. Лаэрта была нарраткой, и окружали ее люди, чья преданность Янгису вызывала сомнения.

Ссылку в Белую Чайку Лаэрта восприняла как подарок. Она уедет из ненавистного Гилатиана, у нее будет свой замок у моря! Брейд попытался предотвратить этот шаг в пропасть, пустил в ход даже те связи, которыми не воспользовался бы для собственного спасения. В итоге Янгис всерьез засомневался в правильности своего решения и предложил супруге остаться в столице. Но жертва добровольно и радостно бежала в ловушку, ее было не остановить. Ей, видите ли, необходимо поправить здоровье после родов...

Все, что удалось сделать Брейду — это добиться поручения сопроводить Лаэрту в изгнание и привести крепость в порядок. За три года он превратил Белую Чайку в несокрушимую твердыню, и нужда в его регулярном присутствии отпала. Теперь он старался появляться здесь как можно реже, понимая, что эфемерный рай — все цветы и стихи, звон арфы и вольные речи — расцвел на плахе, и топор уже занесен. Было больно думать о неминуемой гибели этого призрачного счастья.

Один из гвардейцев негромко кашлянул, чтобы прервать странно затянувшееся, не вполне пристойное созерцание. Лаэрта очнулась, заметила Брейда и, кажется, на мгновение испугалась. Приветливая улыбка тут же стерла следы страха с ее лица.

— Рада видеть вас, герцог!

— Простите, миледи, что прервал ваши размышления.

— О, я ни о чем особенно важном не размышляла, просто ждала вас. Мне нужно посоветоваться с вами.

Брейд покосился на гвардейцев. Оба были не из числа его людей, солдаты Дребба. И слушали они в четыре уха, хотя и тарачились прямо перед собой оловянными глазами.

— Давайте выйдем на балкон, тут душно, — предложила императрица, поймав взгляд Брейда.

Небо было чистым, а море темно-синим, сверкающим и беспокойным. Можно разговаривать без опаски — волны с шумом разбивались о подножие крепости, и ветер относил голоса в сторону.

— Сегодня чудесный день, — сказала Лаэрта и прикрыла балконную дверь.

— У меня просьба к вам, герцог... Побеседуйте с моим сыном, вы единственный, кому он доверяет. С ним происходит что-то очень неправильное, — Лаэрта говорила быстро, тихо и сбивчиво, чтобы разобрать ее слова, Брейду пришлось встать к ней почти вплотную и дышать сладким цветочным ароматом, которым были пропитаны ее волосы.

— После праздника святого Велетия мы, как обычно, собирались сразу же вернуться в Белую Чайку, но Янгис неожиданно решил задержать нас в Гилатиане. Я сослалась на плохое самочувствие Ситы — она действительно очень устает, когда вокруг много незнакомых людей. Тогда он приказал оставить в столице Раймонда. Я боялась, что это будет навсегда. К счастью, начался этот поход на Феруат, Янгису стало не до сына, и его вернули мне. Ужасно, что о войне я говорю «к счастью», но вы же поняли, что я имела в виду... Я так радовалась, когда его привезли — только Райми как будто подменили. За две недели в императорском дворце он набрался глупой заносчивости, бредит войной, победами, великой Ракайей от моря и до моря. Я пыталась напомнить ему, что рыцарь — защитник слабых, а не безжалостный завоеватель, но он не слышит меня. Говорит, что женщинам этого не понять, они не разбираются в славе и подвигах, — императрица

улыбалась, шутливо хмурилась, изображая патетические интонации принца, но Брейд догадывался, что она чувствует, повторяя заимствованные при дворе речи сына.

Ветер трепал прозрачную вуаль, то и дело забрасывал ее концы к нему на плечо; это создавало обманчивое ощущение близости и доверия, совместного полета над морем. И вместе с тем подступала тоскливая злость на упрямую слепоту этой женщины, вечно витающей в облаках, не желающей видеть, что сейчас ей стоило бы беспокоиться не о политических взглядах десятилетнего мальчишки, а о собственной жизни.

— Я поговорю с мальчиком, может быть, он меня услышит. Но потом он снова окажется рядом с императором и забудет мои слова. Вы не сможете сохранить его душу чистой в Ракайе. Рано или поздно, вам придется подчиниться и перебраться в Гилатиан. Не хочу вас пугать, но там вы не будете в безопасности. Янгис все больше склоняется к браку с Вивиан, а вы — единственная помеха на ее пути. Вы долго откладывали, теперь пора решаться на бегство в Салем.

— На что вы толкаете меня, герцог? — в ее голосе не прозвучало ни малейшего возмущения, впрочем, этот разговор был далеко не первым, — похищение детей императора — это государственное преступление.

— Да, в Ракайе. А вы будете в Салеме и забудете Ракайю, как дурной сон.

Лаэрта долго молчала, следя за кружащимися над водой чайками.

— Не знаю, имею ли я право лишать их будущего. Янгис, безусловно, женится еще раз и признает нового ребенка наследником. А мои дети будут никем.

Брейду начало казаться, что он пытается спасти попавшую в силки птицу, а она рвется из рук и не дает распутать сеть. Ну что ж, это занятие требует терпения.

— Вы — принцесса Кадара, ваши дети в любом случае принадлежат кадарскому двору. Что ждет их здесь? Янгис воспитает из вашего сына свое точное подобие, дочерей выдаст за своих приспешников, а от вас постарается избавиться как можно скорее.

— Но ведь он может потребовать, чтобы нас выдали ему.

— У кого? У короля Салема? Нападение на Феруат восстановило Георга против Ракайи. Вряд ли он вмешается в войну, но выполнять требования Янгиса уж точно не будет. Там вы сможете получить развод и обрести свободу. Кстати, развод будет законным и в Ракайе — достаточно трех свидетелей, которые подтвердят, что вы уже четыре года живете порознь с вашим супругом. Двое из вашей свиты и я — мое слово имеет в Салеме достаточный вес.

— О чем вы говорите? Узнав, что вы способствовали моему бегству, Янгис лишит вас титула и владений.

— Если он рискнет, ему придется воевать на два фронта. У меня достаточно войск, на мою сторону встанет Наррат и Раттен — земли, растоптанные Янгисом. Половина империи ненавидит Янгиса и ждет повода, чтобы объединиться и свергнуть его с престола. А вас любят и будут защищать — ради того, чтобы вы стали повелительницей Ракайи.

Брейд уже понял, что выбрал крайне неудачный аргумент. Лаэрта смотрела на него в упор, и ее брови поднимались все выше.

— Вы действительно считаете, что мой развод стоит нескольких тысяч жизней?

— Они будут сражаться не за ваш развод, а за свою свободу. За то, чтобы прекратились бесконечные войны, за восстановление свергнутых Янгисом династий. Вы будете их знаменем.

— Нет. Я не хочу быть знаменем новой войны.

Он совершил непростительную ошибку. Зная характер Лаэрты, ему следовало начать

разговор с душераздирающего описания народных бедствий. Ему было что рассказать о грозном потоке воинов, уходящих на битву с Фेरлатом, и жалких ручейках возвращающихся домой калек, о вымирающих деревнях, о начинающемся голоде в Наррате. И только потом предложить ей план спасения империи. Но вести с Лаэртой продуманную игру у него никогда не получалось. Теперь этот вариант придется отложить.

— Я понимаю вас. Но ни вам, ни мне совершенно не обязательно возвращаться в Ракайю. Салем — прекрасная страна, там давно нет войн, процветают науки и искусства

— Я знаю. Мне бы хотелось увидеть его, но как я могу принять такую жертву? Здесь вы — герцог, владетель обширных земель, а там будете бедным изгнанником.

— Ну, не совсем уж бедным. В Салеме я приобрел прекрасное поместье, мои основные средства давно хранятся у салемских банкиров. Что действительно важного я могу потерять? Титул — всего лишь несколько ничего не значащих букв. Мои владения тоже не такая уж большая ценность. Десяток деревень, небольшой городок и замок. Несколько близких друзей... Думаю, они без сожаления покинут Ракайю.

Лаэрта задумалась.

— А что будет с нами? Моя семья была бы рада нашему приезду, но я не смогу привезти детей в Кадар. Конечно, за эти годы страна окрепла, и Дарния нас поддержит, но Янгис безумен, он способен начать безнадежную войну только ради мести.

Прозрачное крыло хлестнуло Брейда по лицу, он отвел в сторону невесомую ткань и не стал выпускать ее из руки, чтобы игра ветра не мешала разговору. Это почему-то придало ему уверенности.

— В будущем вы воссоединитесь с семьей. А пока вы сможете жить с детьми в моем поместье. У них будет все необходимое — лучшие учителя, подходящее общество, возможность путешествовать.

— Но... Зачем это вам? Вы потеряете слишком многое, что бы вы не говорили.

— Мне хочется видеть вас счастливой. И... — *ну же, перестань трусить, идиот,* — и, возможно, перестав быть императрицей Ракайи, вы согласитесь стать женой простого салемского сеньора?

Он коснулся губами ее пальцев, чтобы не смотреть ей в лицо, а когда все-таки поднял глаза, увидел, что Лаэрта кусает губы и смущенно отводит взгляд. Он ждал ответа, уже понимая, что это будет отказ.

— Я бесконечно признательна вам за вашу преданность. И... за то, что вы сейчас сказали, тоже, — ее голос был таким тихим, что трудно было разобрать слова, — но у меня есть муж, и пока он жив — это невозможно. Это было бы нечестно по отношению к вам, я не могу принадлежать сразу двоим.

Брейд онемел. Иногда изощренность издевок судьбы превосходила его воображение. Его первая жена была распутна, как портовая девка, теперь она мертва, и вот, наконец, он встретил поистине верную женщину. До такой степени, что она считает своим долгом хранить верность ненавистному мужу даже после развода.

— Как вам будет угодно. Я предоставлю вам поместье, вы сможете жить у меня, как гостя — а я поеду путешествовать. Всегда хотел посмотреть мир, теперь, когда меня не будут удерживать обязанности, я смогу осуществить давнюю мечту.

Лаэрта не отвечала. После своего отказа она не имела права принять помощь, которая может стоить Брейду так дорого. А на другой чаше весов — трое детей, чьи судьбы будут изувечены Янгисом.

Чтобы избавить Лаэрту от невыносимого выбора, Брейд принял решение за нее.

— Мне нужен месяц на подготовку. До Праздника Провозвестия вас вряд ли вызовут в Гилатиан, в крайнем случае — отказывайтесь под любым предлогом и немедленно посылайте ко мне гонца. Постарайтесь не покидать крепость, здесь вы под надежной охраной. Сейчас мне придется уехать на несколько дней, вы не будете возражать, если я оставлю своего племянника в замке?

— Да, конечно, — рассеянно ответила Лаэрта, — но не торопите меня с ответом, мне нужно подумать.

Брейд поклонился, и, наконец, вошел в зал, где предполагал найти Ланса. Его там не было, и, как ему сообщили, уже довольно давно. Он отправился на поиски, поминутно забывая, зачем он бродит по замку. В глазах темнело от бешенства. Что ж, раз Лаэрте недостаточно развода и препятствием является жизнь Янгиса — это исправимо. Брейд никогда не принимал всерьез планы восстания, которые так часто обсуждал с друзьями. Он ненавидел и войну, и политику. Теперь придется пересмотреть свои взгляды.

Ланса он обнаружил в конюшне, где тот препирался с конюхом за право забрать свою лошадь.

— Вот ежели бы я своими глазами видел, как ваша милость коня заводила, тогда другое дело. Кто коня в стойло ставил — ваша милость не знает, стоит этот конь среди лошадей герцога Атерли, так что без приказа его светлости я никому его забирать не позволю.

— Ланс, куда собрался, — Брейд облокотился о седло оспариваемой лошади с таким видом, что тот сразу понял — сбежать ему не дадут.

— Еще не решил.

— Я просил дождаться меня.

— Я не мог больше. Они там все считают меня за мерзавца, одного из головорезов Фаркенгайта. Я что, должен был выйти на середину комнаты и сказать — лорды и леди, вы заблуждаетесь, я дома с детишками не жег, людей живьем в землю не закапывал и даже никого не повесил? Я полгода служил у этого негодяя, теперь это клеймо останется на мне навсегда, — Ланс старался говорить спокойно, только звенящие нотки в голосе предупреждали о еле сдерживаемом взрыве.

— Два месяца служил, Ланс. Дней десять в прошлом октябре, потом полгода лечил плечо, я уж решил, что ты третью руку себе отращиваешь, и сейчас чуть больше месяца. После чего Фаркенгайт отправился в Светлые Небеса — впрочем, вряд ли именно туда. Ты считаешь, что люди будут помнить об этом неприятном моменте твоей биографии до скончания веков? К концу лета все забудут и Фаркенгайта, и тебя самого. Почему бы тебе не пожить какое-то время у отца?

— Он меня со свету сживет. Он использовал все свои связи, чтобы я попал в свиту Виндома и был в бешенстве, когда меня оттуда выкинули. А если я вообще откажусь служить... Отец только воинов считает людьми.

— Да, знаю, поэтому и я у него не в чести.

— Брейд, прошу вас, возьмите меня к себе на службу, хоть простым солдатом. Я же ничего не умею, кроме как махать мечом, а за Янгиса воевать я не буду. Меня даже в матросы вряд ли возьмут, только в разбойники дорога и осталась.

— Интересно, почему молодым людям, оказавшимся на распутье, чаще всего приходит в голову мысль о разбойниках, а не об образовании? В Салеме, к примеру, есть университет и

несколько неплохих школ.

— Для учебы нужны средства. Отец вдвое урезал мне содержание, когда меня перевели в отряд к Фаркенгайту, а уж теперь, кроме проклятий, я от него ничего не дождусь.

— Ну, с этим-то и я могу тебе помочь, было бы желание. А теперь отправляйся назад в замок и дожидайся моего возвращения. В моей комнате есть книги и вино, можешь наслаждаться жизнью и не показываться на глаза тем, кто о тебе плохо думает. Я распорядюсь, чтобы еду приносили прямо в комнату. Вернусь дня через три, тогда и решим, куда тебе податься — в Салем или в разбойники.

Глава 8. Столица империи

Брейд появился в императорском дворце перед обедом. В ожидании трапезы цвет ракайской аристократии — впрочем, этим вечером не слишком многочисленный — прогуливался по окруженной колоннами террасе и по мраморной лестнице, спускающейся в парк. Ослепительная, как и всегда, леди Вивиан стояла на вершине лестницы, миновать ее было невозможно. Брейд умел делать невозможное — но на этот раз он добровольно и с видом живейшей радости направился в ловушку. Сегодня на Вивиан было темно-розовое платье, снизу доверху обшитое воланами тончайшего тремьенского кружева. Над этим нежным облаком сияли пышно взбитые бронзовые локоны в золотой сетке.

— Вы похожи на вечернее солнце, садящееся в облака, — восхищенно улыбнулся Брейд.

— О, вы первый угадали мой замысел, до этого мне говорили о розах и лебедях. Правда, я думала скорее о рассвете!

— Солнце на закате сияет более яркими красками.

Она была прелестна, почти так же, как и пять лет назад, когда ее брат привез юную Вивиан в столицу. Только те, кто хорошо запомнили внезапный восход новой звезды, замечали чуть более жесткие складки возле ярких губ, легкий намек на будущий второй подбородок, сузившиеся от кокетливого прищуривания глазки. Брейд с непонятной печалью наблюдал, как сквозь нежный девичий облик все чаще проступает вульгарная физиономия расчетливой трактирщицы. Он всем сердцем ненавидел Вивиан, но жалел о разрушении этой поразительно совершенной формы. Неловкий намек на то, что слава фаворитки клонится к закату, на секунду вызвал трактирщицу на поверхность, но она тут же спряталась под грустной улыбкой.

— Вы, наверное, правы. Действительно, закат лучше подходит к этим тревожным и печальным дням. Больше не будет ни паргольских пряностей, ни тремьенских кружев. Я истратила на это платье свой последний запас. Если война продлится, конец всем поставкам из Салема. Брейд, почему этот герцог не сложит оружие? Ведь у него нет никаких шансов на победу.

— Миледи, а как вы думаете, что ждет герцога Феруатского после того, как он сдастся?

— Казнь, безусловно. Но если он так любит свой народ, как он говорит, зачем он посылает людей на бессмысленную смерть? Он не может не понимать, что его поражение неизбежно.

— На его месте я бы с радостью отдал жизнь, чтобы не обрекать прекрасных дам Ракайи на лишения и скорбь. Ну а на своем — могу вам обещать, что еще до осени караван привезет из Салема и кружева, и благовония, и все прочие необходимые товары. Путь через Феруат — далеко не единственный.

— Через горы купцы отказываются ездить уже много лет.

— Я сам соберу караван и отправлю своих людей на его охрану. Уверю вас, ему не будут грозить набеги.

Зазвучали лютни, пестрые фигурки придворных потянулись из сада в столовую. Брейд предложил Вивиан руку, но, отведя ее к столу, занял место напротив. Болтал с дряхлым герцогом Сеннетом, смешил его, изредка поглядывая на Вивиан с абсолютно непроницаемым выражением лица.

Вивиан не могла понять, что означает эта новая игра Брейда. Он был одним из

немногих, кто никогда не пытался добиться ее благосклонности. Что-то изменилось, но что? Про него говорили, что он равнодушен к женщинам, иногда — с грязной улыбкой. Ерунда, конечно, Вивиан всегда чувствовала такие вещи. Она запрещала себе верить в свою победу. Брейд сидел недалеко от Янгиса, и сравнивать их было неприятно. Пожилой император с дряблыми подрумяненными щеками и ледяным взглядом — и смуглый, слишком свободный, слишком независимый Брейд с вечно поднятой бровью... Он здесь чужой и когда-нибудь его убьют. О, нет! Она с удивлением почувствовала, что ее сердце сжалось. Без него станет совсем скучно. Было бы занятно выйти за него замуж — а вдруг Янгис позволит? Он ведь давно советовал ей вступить с кем-нибудь в брак. Вивиан сама капризничала и клялась, что ее сердце отдано Янгису навечно: она верила, что рано или поздно станет императрицей. Лаэрта давно уже пустое место, и Янгис, конечно, избавится от нее.

Но если выйти за Брейда, то непонятно, зачем она потратила столько сил, подводя Янгиса к мысли, что с Лаэртой пора кончать. Пусть себе живет своей жалкой жизнью изгнанницы... Стать герцогиней, а не императрицей? А настолько ли это хуже? Брейд ненамного беднее, безусловно — более щедр, моложе, красивее... всю жизнь она слушала песни о любви, читала стихи и баллады, снисходительно принимала признания — но ни разу не испытала это чувство, такое прекрасное и захватывающее, по уверению поэтов. Ей вдруг подумалось, что с Брейдом...

Жаркое уже съедено, слуги уносят блюда с обглоданными хребтами дичи, на столе появляются воздушные, как тремьенское кружево, сладости. К ним полагается красное вино и самая дивная музыка, нежная, волнующая душу и тело. На помост поднимается менестрель. Конечно, это Фабир, сегодня он вышел в сопровождении флейтисток и обещает исполнить два новых произведения, написанных бессонной ночью...

Вивиан знала о Фабуре слишком многое — в свое время она не смогла устоять перед чарами миловидного юноши, похожего на деву, с голосом сладким, как мед. Презирала его мелкую тщеславную душу — и все равно наслаждалась невысказанным совершенством божественного таланта.

Спор Розы и Лилии... Уже через несколько строк Вивиан потупилась: слишком много взглядов обратилось на нее. Чистая и холодная лилия Лаэрты, прекрасная страстная роза Вивиан. Нет, имен не было произнесено, речь шла только о цветах, о символах. Янгис, польщенный всеобщим восторженным вниманием к своей фаворитке, снисходительно улыбался. Приятно сознавать, что обладаешь столь восхитительным творением природы. Возможно, самой прекрасной женщиной этого мира... А Брейд с легкой усмешкой кинул кошелек Фабиру. Это его стихи? Ну не Фабира же, конечно, его. И ни разу даже не посмотрел в сторону Вивиан!

Прежде чем исполнить вторую балладу, Фабир подошел ко всеми забытой леди Тирольде и склонился перед ней до земли. «Последний подвиг рыцаря Фаркенгайта». О, ведь она слышала утром о том, что мерзавца кто-то прирезал... Бедная Тирольда... Надо подарить ей пару браслетов, может быть, даже это дурацкое кольцо с кораллами — все равно Вивиан его не носит.

Голос Фабира перестал литься золотым вином, в нем звенела сталь, и рога призывали к битве. Фаркенгайт был отважным воином, он мог бросить вызов трем противникам, в одиночку справиться со стаей волков... И ни разу его вооруженные до зубов люди не отступали перед кучкой крестьян с дубинками, — подумала циничная Вивиан. Сорок разбойников, напавших на его отряд, были обречены на жалкую смерть. Он уничтожил

пятерых мерзавцев и бился с главарем — но в этот миг трусливый негодяй, притворявшийся убитым, выдернул кинжал из груди своего приятеля и метнул в Фаркенгайта. И с кинжалом в спине, истекая кровью, Фаркенгайт крикнул: «Избавим Ракайю от грязных хищников» — и вонзил меч в сердце предводителя. Разбойники, потеряв вожака, трусливо скрылись в ночи, а Фаркенгайт умер, прошептав: «Моя Ракайя» ... Вивиан подбежала к рыдающей леди Тирольде и выкрикнула — звонко, так, чтобы слышали все:

— Твой муж был героем... Я никогда тебя не оставлю!

И Янгис, поморщившись, сказал вслед за Вивиан:

— Подвиг твоего мужа не будет забыт. Ты и твои дети получают в вечное владение поместье... он пошептался с казначеем, — поместье Гримхол в графстве Раттен.

Пока длилась трапеза, бедная Вивиан голову сломала — ради чего Брейду вздумалось превращать скотину Фаркенгайта в безупречного героя империи? И стоило ли ему подыгрывать? Решила, что стоило, пусть будет обязан ей — когда-нибудь пригодится.

После обеда Брейд собирался незаметно исчезнуть, но Янгис махнул ему рукой — "Зайди ко мне в кабинет через полчаса", — и удалился из залы, чем тут же воспользовалась Вивиан. С сияющей улыбкой она попросила разрешения побеседовать с Брейдом наедине. Он немного напрягся, но Вивиан повела его не в укромные дворцовые покои, а в сад, где ближние аллеи отлично просматривались.

— Ваши стихи прекрасны! Это ведь вы написали, я правильно угадала?

— Вы преувеличиваете. Просто слегка переделал одну старую песню.

— Подвиг Фаркенгайта — тоже старая песня? Я так благодарна вам за леди Тирольду, ведь после гибели мужа ей и детям угрожала полная нищета.

— Что ж, я рад, что детям удалось помочь.

— Так благородно с вашей стороны... Впрочем, я хотела поговорить с вами о другом. Вы слышали о новом учителе?

Новые учителя не интересовали Брейда, в последние годы они плодились, как кошки по весне. Слава большинства из них быстро тускнела; окруженные десятком приверженцев, они бродили по всей стране, постепенно опускаясь до уровня ярмарочных шутов. Кое-кто остепенился, стал провинциальным жрецом, и на праздники жители окрестных селений съезжались, чтобы насладиться их красноречием. Некоторые, разочаровавшись в способности легкомысленной публики оценить глубину их откровений, уходили от мира и писали трактаты. К этим Брейд относился с определенным уважением. Двоих, чьи яростные проповеди привели к народным волнениям и погромам, казнили по приказу Янгиса... Но все-таки следует быть в курсе новых придворных веяний, поэтому Брейд спросил:

— И кто же этот учитель?

— Никто не знает его имени, он называет себя Служителем, а его приверженцы зовутся странно — Идущие. Я уже была на одном собрании, это ни с чем не сравнимо... Такая мощь, как будто перерождаешься заново. Сегодня он впервые будет проповедовать во дворце, я думаю, на вас это произведет сильное впечатление.

— Не сомневаюсь. К сожалению, император вызвал меня на аудиенцию, я должен идти прямо сейчас.

— Ничего страшного, вы освободитесь как раз перед началом собрания.

— Кстати, император знает об этом учителе?

— Да. Янгис заинтересован.

— Благодарю вас... К сожалению, мне пора, — Брейд нежно поцеловал самый крупный

перстень на протянутой к его губам надушенной ручке.

На этот раз ведущую к кабинету Янгиса анфиладу не заполняла тихо жужжащая толпа придворных и просителей. Император принимал рядовых посетителей по утрам, после обеда он занимался делами, требующими особого внимания. Коридор с двумя рядами кресел был пуст, только в самом конце возле дверей дремали, вытянувшись в струнку, два гвардейца, да едва виднелась укутанная в не по размеру свободный плащ одинокая сутулая фигурка. Раб герцога Ильмарского из Кадара. Интересно, что нелюдимому старикашке Готфриду понадобилось от императора? Мальчик, кажется, спал: капюшон натянут ниже носа, босые ноги поджаты под кресло. Брейд потрепал его по плечу.

— Привет, ты хозяина ждешь?

— Да, они там уже давно беседуют.

— Слушай, передай Готфриду, что я попросил его купить тебе башмаки. О слугах все-таки надо заботиться.

— Да не люблю я в обуви ходить, болеть начинаю.

— Ну, как знаешь, — Брейд присел рядом и заговорил почти шепотом:

— Ты не можешь мне еще раз карту нарисовать? Она лежала у меня в тайнике — и исчезла.

Мальчик помотал головой:

— Не нужно, все равно сейчас там не пройти. А осенью я вас сам проведу.

— Почему только осенью?

— Так пока ведь прохода нет. Вы бы призадумались, ваша светлость, кто у вас в замке по тайникам шарится.

Мальчишка вскочил, из дверей выходил его хозяин. Герцоги сухо поклонились друг другу.

— О чем он тебя расспрашивал? — поинтересовался Готфрид, когда за Брейдом закрылась дверь.

— Долго ли вы будете сидеть у императора. И просил передать, чтобы вы купили мне башмаки.

— Ты же сам их не хочешь носить!

— Башмаки-то мне не нужны, а вот если бы вы штаны вместо них мне купили... А то совестно же, как девчонка в одной рубашке хожу.

— Если еще раз встретишь герцога Атерли, скажи ему, что я передавал — пусть не суется в чужие дела.

Готфрид задумался. Наверное, одежда раба действительно несколько компрометирует его в глазах тщеславных дворцовых щеголей. Придется приодеть паршивца.

Эрвин же был рад-радешенек: и Готфрид от праздного любопытства на полезные мысли переключился, и живую воду удалось обезвредить. Янгис как раз прятал флакончик в ящик стола, и Готфрид не мог заметить, как погасло его сияние, а то бы догадался.

Янгис был возбужден и, кажется, пребывал в хорошем расположении духа, хотя в оценке настроений императора Брейд предпочитал не доверять своим глазам. Собственноручно наполнив два кубка, он протянул один из них Брейду и без предисловий перешел к делу.

— Я готовлю большой поход на Феруат. Рассчитываю на твою помощь. Сколько у тебя людей?

— Примерно сотня всадников, пехоты можно набрать около тысячи.

— Я слышал — по крайней мере вдвое больше.

— Зачем мне больше? В случае необходимости я беру наемников.

— Значит, придется нанять. Выступишь через неделю.

— Постараюсь успеть. Ваше величество, простите мою неосведомленность, я слишком долго отсутствовал в столице — в горах сейчас неспокойно. В чем там дело с Феруатом? Они решили поднять пошрины? Или претендуют на нашу часть ущелья?

— Хуже, — Янгис не допил свой кубок, ликейское вино оказалось превосходным, хотелось наслаждаться его оттенками за приятной беседой.

— Герцог Феруатский еще прошлой осенью нарушил свой долг, отказавшись участвовать в походе на Раттен во время мятежа, и это не в первый раз. А сейчас поступили сведения, что он сам собирается поднять мятеж и объявить себя королем. Его необходимо остановить, пока он не отнял Феруат у Ракайи.

— Да, безумное поведение, — задумчиво протянул Брейд. Янгис кивнул, сделал небольшой глоток и смаковал вино, перекатывал его во рту, жмурясь от удовольствия.

— Если я не ошибаюсь, отказавшись от участия в подавлении мятежа — кстати, мы и без него прекрасно справились — герцог Дилейн вдвое снизил торговые пошрины для ракайских купцов?

— А что еще ему оставалось? Просто объявить себя предателем и ждать кары?

— Действительно, выбора у него не было. Да и сейчас нет. Я вот думаю — Дилейн ведь наверняка знает о готовящемся походе, и понимает, что его дни сочтены. Сейчас он согласится на все. Так, может, потребовать от него полной отмены пошрин для Ракайи? Скажем, на десять лет? И официального подтверждения оммажа. Таким образом, мы сразу приобретем все выгоды, не понеся расходов на войну.

— Ты рассуждаешь как купец, а не рыцарь, Атерли. Не ожидал от тебя!

— Ну почему же, сир? Я всегда говорил, что торговать выгоднее, чем воевать. Военная добыча радует сердце, но потом возвращаешься — и обнаруживаешь разоренных крестьян, они жалуются, что молодые работники погибли в бою, урожай не собран, десятину платить нечем. И твоя добыча тает на глазах.

— Ты слишком добр к этим проходимцам, — рассмеялся Янгис. Вино оказалось не только на редкость вкусным, но и крепким, оно дарило бодрость и вдохновение.

— Они никогда не оценят твоей снисходительности. Подумай сам, ты же образованный человек. Король Гилат завоевал лесные племена по ту сторону Шенны, провозгласил себя императором и начал великий поход. Наррат, Кадар, Раттен, половина Дарнии... Чреду его побед смогла оборвать только смерть. В этих войнах погибли десятки тысяч солдат. И как его называют потомки? Гилат Завоеватель, Гилат Великий. Его сын, Лодвиг Первый, мой дед и твой, если не ошибаюсь, прадед, был менее удачлив. Он присоединил Феруат, но потерял Дарнию. И получил прозвище — Лодвиг Жестокий. За то, что решительно подавил несколько восстаний. А ведь на его счету не было и десятой доли потерь, понесенных Гилатом. Мой отец, Лодвиг Второй, был вроде тебя. Он мечтал не о военной славе, а о процветании Ракайи. При нем народ жирел и плодился, а кем он остался в памяти людей? В летописях его именуют Лодвиг Строитель, но все зовут его проще — Лодвиг Толстый.

Брейд заранее знал, что бесполезно взывать к здравому смыслу императора. Он мнит, что останется в истории каким-нибудь Янгисом Великолепным. Интересно, он знает свою кличку — Янгис Ублюдок?

— Слава — как легкомысленная женщина, она отдается не достойному, а сильному и наглому, — угрюмо сказал он вслух.

— Женщины предпочитают богатых. А слава... Что останется от нас, кроме нескольких строчек в летописи?

— Благодарность тех, кто рядом. Думаю, это важнее, чем мнение неизвестных нам людей, что родятся через сто лет после нас.

— Те, что рядом, сгниют вместе с нами, — Янгис допил свой кубок, и глаза его стали слипаться.

— Простите, сир, чуть не забыл — у меня есть важные сведения для вас.

— Что за сведения? — Янгис уже встал, намереваясь заканчивать аудиенцию.

— Мои осведомители из горских племен донесли, что три рода объединились и готовят набег на графство Виндом. Там не осталось людей для защиты, так что, разграбив Виндом, они могут продвинуться и глубже на территорию империи.

— Так защити Виндом! Твоих людей хватит на обе границы, ваши владения находятся рядом.

— А что с походом?

— Придется тебе обойтись без похода. Мне не нужна война на два фронта.

— Я выполню ваш приказ. Хотя на шестьдесят миль границы моих людей маловато. Пока неизвестно, через какое ущелье горцы пойдут в атаку.

— Значит, наименьше еще. Столько, сколько нужно, — Янгис протянул Брейду тяжелый кожаный мешочек.

Вполне достаточно, чтобы оплатить небольшой набег горцев на Виндом.

В коридоре, вместо Эрвина, теперь скучала Вивиан.

— О, наконец-то! Мне сказали, что собрание уже начинается.

— Боюсь, что не смогу... — Брейду на сегодня было вполне достаточно впечатлений. Но интуиция, которой он предпочитал верить, говорила: иди и посмотри.

— Впрочем, вы меня убедили. Я принимаю ваше приглашение.

Он раскаялся в своем решении очень быстро. Леди Вивиан неторопливо вела его по длинному коридору в сторону западного крыла, на этот раз для беседы она выбрала самую неудачную тему.

— Говорят, ваша жена умерла в прошлом году? Официально об этом не объявляли, но слухи дошли.

— Вы хотите выразить мне свои соболезнования?

— Наверное, нет. Они были бы не вполне искренними — вы ведь не виделись с леди Мирандой почти двадцать лет, хотя часто бываете в Салеме. Я слышала, что она была убита.

— И все, конечно, решили, что это дело моих рук.

— О, нет. Не все, я же так не считаю. Глупо — столько лет прошло, если бы вы хотели, то сделали бы это гораздо раньше. А некоторые даже подозревают Янгиса. Ведь правда, неловко иметь сестру с такой репутацией...

— Не ищите здесь заговора. Миринду зарезала горничная за шашни с ее женихом-гвардейцем. Прошу вас, сменим тему.

— Простите, — Вивиан смущенно улыбнулась, — я не хотела вас расстраивать. Просто подумала — теперь вы вдовец, и леди Тирольда тоже овдовела на днях. А вы так много сделали для нее. Когда пройдут полгода траура, я могла бы посодествовать...

— Вивиан, умоляю, я не собираюсь жениться на Тирольде, я вообще ни на ком не собираюсь жениться!

Еще немного — и Брейд повернулся бы и ушел, но, к счастью, они уже были у цели. В маленькой темной комнате лежали стопки серой ткани. Вивиан развернула один из свертков и очень бережно надела на Брейда балахон из небеленого льна, потом — такой же клобук с прорезями для глаз.

— Это обязательно?

— Да. Служитель говорит — вера уравнивает идущих, и все мы становимся едиными — король и последний нищий.

Брейд уже слышал нечто подобное от одного из казненных учителей, только балахонов они не надевали. Вивиан выглядела очень смешно в своем пышном платье, скрытом под дерюгой — как перевернутая редька.

В зал они вошли одними из последних, вереница безликих кульков уже сидела на расставленных полукругом креслах перед невысоким помостом. Посредине сцены стоял столик, покрытый белым бархатом. Алтарь? На столике ярко до рези в глазах горел семисвечник, других источников света в зале не было, и фигуры присутствующих казались зыбкими и неясными. Тридцать человек, почти все, кто был на обеде, а может быть — совсем другие люди. Брейд вглядывался в каждого по очереди, пытаясь найти какие-то характерные черты. Вот тот, высокий, сутулый, вероятно, Геддон Ламберт, библиотекарь... Через два кулька от него — граф Хавермонц. Его невозможно не узнать даже в этом мешке — сидит, упершись кулаками в колени, как будто вот-вот в драку кинется, а на самом деле — чтобы брюхо в глаза не бросалось. Что он здесь потерял? Ему учитель действительно нужен, только совсем другой, который детишек грамоте обучает. А вот та хрупкая фигурка в высоко поднятом клобуке на пышной прическе — почти наверняка королева-мать. Да, деликатно кашлянула, прикрыв рот высохшей ручкой. Вероятнее всего, именно леди Тамиана — учредительница этого маскарада. Сам Янгис, кажется, отсутствовал. Впрочем, у него не было характерных примет.

— Приветствую вас, идущие путем знания! Освятим нашу встречу молитвой Единому.

Откуда он возник, человек по ту сторону алтаря? Брейд был уверен, что комнату он не пересекал. Такой же серый балахон с колпаком, как и у остальных, только на груди блестел шар размером с яблоко. Он снял его и вознес к потолку на вытянутой руке.

— О Единый, Всемогущий... — молитва была самая обычная, а голос — мощный, звучный, принуждающий к повиновению. Этот голос Брейд слышал впервые, а вот интонации ему были знакомы. Как это может быть? Пытаясь вспомнить, где он слышал эти жесткие непререкаемые нотки, Брейд пропустил начало проповеди.

— Все мы знаем этот символ Единого, но никто не постигает его истинного значения. Вглядитесь в него! Нам кажется, что мы видим шар — но это лишь тонкая скорлупка блестящего металла, облекающая пустоту и окруженная пустотой. Единый призывает мир из небытия и возвращает в небытие, и Ничто — его истинное имя.

Сомнительный символ, подумал Брейд, на следующую проповедь стоило бы принести литой шар и опустить в воду, пусть толкует на здоровье. Этот учитель действительно полагает, что дышит пустотой? Поднялся бы на ледники Ар-Гарана, подышал бы... Вот там — почти пустота, да.

— Но для чего призваны мы из бездны небытия? В чем смысл нашего мимолетного существования? Единый сотворил нас для прославления Его имени, и нам поручена великая

миссия — просветить народы, пребывающие во тьме, и пронести имя Его первого Лица от края и до края земли.

Но знающим открыт и второй Лик Единого, Великое Ничто. Из глубокой древности дошло до нас Его тайное имя — Хогга! Вы содрогнулись, услышав это грозное слово? Не ужасайтесь, ибо лишь грубые умы простонародья полагают, что Хогга — это демон смерти. Великая Хогга — истинная суть мироздания, скрытая под блестящей скорлупкой жизни, и преклоняющиеся перед ней обретают могущество и власть над народами. Ибо жизнь человеческая — всего лишь пыль, гонимая ветром, а верующим Хогга дарует вечность. Итак, воззовем же:

— Хогга! Хогга! Хогга! — глухо откликнулись серые фигуры Идущих.

Вроде бы пару лет назад один из проповедников культа Смерти был обезглавлен по приказу Янгиса, а этого принимают во дворце. Чем заслужена такая привилегия? Брейд цеплялся за привычный скепсис, но явственно ощущал, что его волосы начинают шевелиться от нахлынувшей в зал непонятной силы.

Брейд задержался, надеясь разобраться с непонятным фокусом: после окончания молитвы Служитель исчез так же внезапно, как и возник в начале. Никто не препятствовал его расследованию, Идущие, тихо переговариваясь, покидали зал, слуги не появились. Только Вивиан тихо, как кошка, ходила за ним следом. Когда они остались вдвоем, Брейд с раздражением содрал с себя мешковину и запрыгнул на помост. Столик, семисвечник на нем, и больше ни одного предмета. Он заглянул под скатерть. Ничего, никаких следов люка — грубый дощатый пол, покрытый сплошным куском черной ткани. Стена позади сцены задрапирована той же материей. Брейд приподнял нижний край, открылась гладко оштукатуренная поверхность. Что за черт? Может, Служитель спустился с потолка? Но это было бы заметно. Брейд решил рассмотреть стену повнимательней и пошел за подсвечником.

— Вы не верите в чудо... — с кротким укором шепнула Вивиан за его спиной.

Он протянул руку к канделябру, и в этот миг свечи погасли, как будто их задул ветер. Даже не так — как будто они никогда не горели. Ослепленный внезапной тьмой, Брейд шарил рукой по столику, и чувствовал под пальцами полированное дерево. Ни подсвечника, ни скатерти не было.

— Слушайте ваше сердце, а не жалкий и слепой рассудок, — сказал из мрака голос Вивиан.

В тот же миг цепкие руки обвили его шею, и пышные юбки зашелестели вокруг его ног.

— Вы с ума сошли, Вивиан! — он попытался освободиться, но горячее тело льнуло к нему, прижималось к бедрам, влажное жаркое дыхание обдавало его подбородок, лишая разума. Кровь глухо застучала в висках. Внезапно он ощутил, что рядом вовсе не Вивиан. Это его жена, одержимая демоном похоти, восстала из могилы, чтобы увлечь за собой в бездну. В ярости он оторвал ее от себя и швырнул на пол. Стоило бы убить эту нечисть.

Вивиан вскрикнула от боли и тут же расхохоталась.

— О, Брейд! Успокойтесь, вы просто отхлебнули слишком много Силы... В первый раз так часто бывает. Я хотела помочь вам — чтобы вы не разнесли весь дворец.

— Не подходите ко мне, иначе я не ручаюсь за вашу жизнь.

— Как неблагородно угрожать даме, — Вивиан все еще смеялась, — ну хорошо, пойдемте отсюда!

Она взяла его за руку — казалось, что она видит в темноте, и потащила к выходу. Ее пухлая теплая ладонь вызывала омерзение. Брейд сам уже начал различать предметы в слабом свете, идущем из коридора, и грубо вырвался из хватки липнувшей к нему твари.

— Вы и в самом деле ненавидите меня, герцог? — ее голос звенел от страсти.

— Замолчите, если хотите жить.

— Вы пожалеете об этом! — в последний раз рассмеялась Вивиан и пропала за какой-то портьерой.

Брейд бежал по коридорам дворца, натываясь на стены и пугая слуг. Ему хотелось выхватить меч и зарубить кого-нибудь, лучше — себя, чтобы освободиться от черного демона, пожиравшего его душу. Он чуть не загнал коня на пути к дому. И только в спальне, выпив подряд три кубка вина, он понемногу вернул власть над помраченным разумом. Ему было по-настоящему страшно.

Глава 9. Сквозь весну

Госпожа Чанта встретила Тайру на пороге, ее раскосые глаза, округлившиеся от волнения, пытались прочесть на лице девушки ответ.

— Мы уже беспокоились, мне сказали, что тебя потеряли при въезде в столицу. Как ты добралась?

— Прекрасно, нашлись попутчики, довезли до самого дома.

— Ты видела королеву? — спросила Чанта вполголоса.

— Да, конечно, — Тайра покачала головой и тихо добавила, — нет, она не моя мать.

— Ты уверена? Все-таки двенадцать лет прошло...

— Абсолютно уверена.

Тайре было совестно разочаровывать Чанту. Если бы не ее совет, она никогда ничего не узнала бы о матери. Но и правду рассказать она не могла.

— Ну, что ж, значит, я глупости намечтала. Прости, что напрасно тебя обнадежила, — она даже обняла Тайру, снимая с нее плащ, отчего той стало совсем стыдно, — а у тебя тут гости.

Про гостей Чанта сказала холодно, почти брезгливо и Тайра почувствовала тревогу.

Чанта распахнула дверь в столовую. На скамье у окна сидел горский парень. Он нерешительно поднялся, беспокойно вглядываясь в Тайру, и она узнала Мариса, исхудавшего и вытянувшегося за зиму. Тайра чуть было не кинулась к нему на шею, но насмешливый взгляд Чанты и смущение самого Мариса остановили ее порыв. Она взяла себя в руки, неторопливо подошла к нему и поздоровалась с вежливой улыбкой.

— Я к тебе Ворона привел, — Марис слегка покраснел и смотрел куда-то вбок.

— А как же бабушка, неужто разрешил коня отдать? — тут же вмешалась Чанта, уже зная ответ — Марис дожидался Тайры с самого утра, ей хватило времени на расспросы.

— Отец не знает. Он меня свататься отправил к дочке скорняка: я ему сказал, что не глядя жениться не буду. Я не собираюсь возвращаться в Ашеру.

— Ну и как тебе невеста? — Чанта перехватила нить разговора и отпустить ее не собиралась.

— Лучше бы не глядел. Я служанке заплатил, она меня в сарай пустила с окошком во двор. Смотрю — выходят из дома две девицы, столько оборок на них, что и не поймешь, как выглядят, одни носы задранные видны. Одна другой корзинку подержать дала, чтобы ленты на чепце покрасивее завязать, а та корзинку в грязь нарочно уронила. Ну и сцепились, как кошки. Таких только за моряков отдавать, чтобы мужья раз в три года их видели — и то много будет.

Тайра хихикнула, а Чанта скорбно вздохнула:

— Не повезло тебе, парень — полдня в засаде просидел, а невеста нехороша оказалась. Была бы получше — не пришлось бы волю отцовскую нарушать, к Тайре заезжать, да и Ворон бы в хозяйстве остался.

— Тетя Чанта, ну зачем так? — возмутилась Тайра, но язвительные слова царапнули ее, впились под кожу и остались нарывать, как заноза.

— Я бы все равно к тебе приехал, — угрюмо сказал Марис.

«На свадьбу пригласить?» — подумала Тайра, а спросила с безразличным сочувствием:

— Что ты теперь собираешься делать?

— Работу надо искать. Думаю стражником наняться, как твой отец когда-то.

— Разве ты умеешь сражаться?

— Я всю зиму тренировался, меня старый Годи учил — он раньше в Гарсине стражником служил.

— Тетя Чанта, а, может быть, дядя Джакоб возьмет к себе Мариса? У него же есть стража.

— Вряд ли. У Джакоба люди годами служат, он не будет никого заменять.

За что Чанта так невзлюбила Мариса? Неужели только за то, что она предпочла его неведомому купцу?

Но отвязаться от Тайры, когда ей что-то втемяшилось, было трудно:

— Дядя Джакоб через три дня вернется, пусть сам и решает. Он наверняка что-нибудь придумает, он же самый умный купец в Гарсине. А можно пока Марису здесь пожить?

— В доме, где две молодые девушки? Он ведь не родственник нам, это недопустимо.

— А как же Ганс у нас живет?

— Ганс при конюшне, а не в самом доме. И он наш слуга, это совсем другое дело.

— Ну вот и Марис там у него поспит несколько дней, — Тайра подмигнула Марису и строго покачала головой — он порывался вскочить и отказаться от гостеприимства госпожи Чанты.

— Хорошо, пусть сегодня на конюшне переночует, а завтра я подыщу ему другое жилье.

Тайра радостно закивала и сделала Марису страшные глаза — у того уже желваки на скулах ходили.

— Я Марису свои вышивки покажу. — Тайра взяла его за руку и потащила наверх.

Чанта проводила их холодным взглядом, но возражать не стала — и так уже обидела девочку, выказав пренебрежение к ее приятелю. Она сердцем чувствовала — этот парень с глазами лани, нежным личиком и самолюбиво кривящимися губами добра Тайре не принесет. Нет в нем надежности.

— Я хочу завтра сбежать отсюда. Марис, поможешь мне?

Тайра утащила Мариса и Миррит в оконную нишу, подальше от двери, говорила шепотом. Миррит в другой раз и разрыдалась бы — но сейчас она глаз не могла отвести от Мариса, стоявшего так близко к ней. Кудри как черный шелк, ресницы бровей касаются — даже девушки такими красивыми редко бывают. Ну правда, какой там купец с ним равняться может?!

План побега они разработали детально, с такими хитростями и предосторожностями, как будто Тайра готовилась бежать из королевского острога, а не от доверчивой родни. Миррит, наконец, заплакала в преддверии разлуки, и была счастлива, что не только Тайра, но и Марис утешают ее и обнимают. Когда их позвали обедать, она уже цвела ярким румянцем и сверкала покрасневшими от слез влюбленными глазами.

За столом Чанта наставляла младших детей приличию и аккуратности, служанка, тоже из кочевниц, как обычно, выглядела глухонемой, и Тайра стала вполголоса расспрашивать Мариса про Ашеру. Марис сосредоточенно жевал, а в промежутках отвечал односложно.

— А с домом моим что, никто его не занял?

— Нет пока. Если к осени не вернешься — может, младшие Работы крышу положат и въедут.

— Хедрик женился, что ли?

— Ну да, на Данке.

Тайра рассмеялась:

— Вот, а говорил — помрет, если откажу!

— Слушай больше.

— А у Зеллы как дела?

Марис молчал.

— Марис, что с Зеллой?

— Давай я потом тебе расскажу.

Тайра схватила его за плечи и повернула к себе:

— Говори! Она... ее больше нет?

— Зелла умерла. Солдаты убили.

— Те же, что и отца?

— Да. Они вернулись на другой день, рылись в сгоревшем доме, в склепе, потом людей допрашивать начали.

— О чем?

— О разбойниках, об отце твоём, о тебе, — Марису не хотелось отвечать, он слышал, что разговоры за столом прекратились и все, даже дети, ловят каждое его слово. Но он не мог вырваться из плена бешеных зеленых глаз, в них не слезинки не было, только ярость.

— Кого еще они убили?

— Больше никого.

— Значит, кто-то сказал им, что я у Зеллы ночевала. Кто сказал?

— Кто угодно мог. Все же знали.

— Будь он проклят, будьте вы все прокляты!

— Не надо так, этого же было не скрывать. Но никто, ни один человек из деревни не сказал им, что у тебя есть дядя в Гарсине. Хотя ракайцы сулили хорошие деньги за любые сведения.

— Как она умерла?

— Не знаю я ничего, солдаты зашли к ней в дом, долго там были, потом подожгли. Никого не подпустили тушить. Ну не мучай ты меня, это все полгода назад было, что теперь сделаешь.

Чанта, давно уже прислушивавшаяся к разговору, обняла Тайру и вывела из-за стола.

— Иди к себе, поплачь. Завтра я закажу поминовение в храме. Миррит, посиди вместе с ней.

Тайра плакала, пока не заснула, а проснулась в темноте. Было трудно дышать, и пахло гарью. Тайра вскочила, принялась. Нет, почудилось. Она вдруг вспомнила, как задыхалась от дыма, когда скакала ночью по берегу Таны. Ей тогда показалось, что запах идет от развалин ее собственного дома, а это горел дом Зеллы. Может быть, она была еще жива и кричала из огня, и никто не мог ей помочь. А она сбежала и оставила Зеллу на растерзание солдатам. У какого зверя поднялась рука на маленькую, хлопотливую и заботливую, всем улыбающуюся женщину? Зеллина доброта была незаметна, как воздух. Тайра редко вспоминала ее, но всегда чувствовала себя под ее защитой. Теперь этого воздуха не стало, и жить невозможно. Зачем она сбежала? Лучше бы солдаты ее убили, от нее гораздо меньше пользы в этом мире.

Сквозь слезы она видела мерцание, что-то прерывисто светилось совсем рядом с лицом, на краю подушки. Она нащупала шарик, он искрился в темноте, был яркого голубого цвета.

— Шарик, Зелле было очень больно?

Погас на мгновение, зажегся нежным персиковым светом.

— Я должна была остаться в Ашере?

Опять погас, потом загорелся сердитым тускло-красным цветом, и снова стал голубым, а внутри — как будто крошечная розочка светится.

— А сейчас Зелле хорошо?

Розочка рассыпала золотые искры, и Тайра подумала, что сейчас через шарик с ней разговаривает Зелла.

— А отца ты видела? Как он там?

Шарик стал светло-сиреневым и в нем закружились золотые и розовые огни. Это было похоже на музыку, и Тайра долго не задавала следующего вопроса, чтобы не прерывать танец огоньков.

— Я завтра уезжаю отсюда, хочу найти маму. Это правильно?

Шарик стал таким, как обычно — голубым, с серебряной звездочкой внутри.

— Не правильно? — нисколько не изменился.

— Не вовремя? — точно такой же.

Не хочет отвечать. Это решение она должна принять сама. Тайра поцеловала шарик — вдруг Зелла это как-то почувствует — и заснула с улыбкой.

За завтраком все разговоры были о вышивке. Девушки никак не могли решить, нужны ли мелкие золотые кисточки по всему краю, или достаточно бахромы, а кисти лучше сделать только по углам, зато крупные. Позвали Чанту советоваться в светлицу. Чанта решила, что много мелких будет красивее. Но для кистей не было подходящей нити — потолще, витой. Чанта пообещала послать в лавку служанку. Миррит попросила заодно прикупить шелка, восьми оттенков, и тут же составила список. Правда, в списке цвета были указаны приблизительно — зеленый вот такой, как на этом листике: темный, немножко в изумрудный — ты ведь запомнила, мама? Служанка была неграмотна и в оттенках шелка не разбиралась, поэтому Чанта решила сходить в лавку сама — день погожий, приятно до соседней улицы пройтись.

Как только она вышла за порог, Марис заглянул к Гансу на конюшню — узнать, где тут кузнец поблизости живет: ему отец наказал Ворона в городе перековать. И Маяка тоже давно пора, госпожа Тайра просила. Ганс был доволен, что не ему придется этим делом заниматься, и вывел лошадей. Удивился, правда, зачем Марис на Маяка седло одел — но оказалось, что кожу на нем перетянуть надо, поистерлась она. Лошадь не хозяйская, седло — тем более, какая Гансу разница?

Ну а девушки в садик погулять пошли — в такую чудесную погоду грех дома сидеть. Как только из-за стены послышался свист, Тайра поцеловала Миррит, забралась на раскидистую яблоню, ветви которой лежали на ограде и перебросила через стену мешок с вещами, а потом и сама за ним последовала — прямо на руки Марису.

По узким улочкам Гарсина не проскачешь галопом, даже рысью ехать не всегда возможно — слишком много людей. И все с интересом разглядывают странную парочку — нарядную девушку, по-мужски сидящую на лошади в обнимку с крупной собакой, и горского паренька с большим мешком на луке седла. Пока они добрались до городских ворот, позади осталось не меньше сотни доброхотов, которые с удовольствием доложат людям Кариса о пути их следования. Как только Чанта обнаружит побег, все стражники Джакоба будут пущены по следу беглянки. Тайра, конечно, оставила прощальное письмо, щедро

пересыпанное извинениями и благодарностями, где объясняла свой поступок желанием уехать вместе с Марисом подальше из Кадара и не причинять никому хлопот. Но она не слишком верила, что письмо убедит Чанту предоставить Тайру на милость судьбы, и ждала погони.

За воротами на ближайшей развилке свернули налево, потом еще раз, и еще — так что в конце концов оказались с противоположной стороны Гарсина. Но косые взгляды встречных не оставляли надежды, что они действительно замели след.

— Марис, а одежда у тебя запасная есть? Мне бы только штаны и шапку, остальное у меня найдется.

— Лишние штаны есть, шапку могу свою отдать... ты что — парнем решила нарядиться? Да кто ж в это поверит, для парня ты слишком красивая.

— Никто не будет приглядываться к двум горским мальчишкам. По крайней мере, выворачиваться на нас перестанут.

Марису идея даже понравилась, а то он с этим дурацким мешком чувствовал себя слугой при знатной даме, и боялся дерзких мужских взглядов — не просто будет убереечь Тайру в пути.

Они отъехали с дороги на полускрытую кустарником лужайку, желтую от одуванчиков, и спрыгнули в траву. Тайра закружилась, раскинув руки, подставив ладони солнцу. Лихорадочная спешка сборов, страх преследования, чувство вины перед Миррит, которой предстояло оправдываться за участие в побеге — все это разом исчезло. Осталась весна, синее небо и безграничная свобода на пороге огромного мира с тысячью дорог.

— Не вздумай подглядывать, — Тайра забежала за куст с охапкой одежды. Рубашка и безрукавка были ее собственные, выстиранные и отглаженные, а штаны немного смутили — как будто голая в них. Зато на коне удобнее будет. Осторожно вышла на полянку, вот сейчас Марис над ней посмеется...

Но Марис не смеялся, смотрел на Тайру во все глаза.

— Похожа я на парня? — он помотал головой, и Тайра поняла, что дело в косе, — шапку-то мне отдай.

Коса в шапку не помещались, как она ее не скручивала.

— Давай помогу, — предложил Марис охрипшим голосом.

Он снял с нее криво торчащую шапку, и, как полоумный, стал целовать куда попало — в щеку, в нос, в губы, тяжело дыша, жадно, почти жестоко. Совсем не так, как раньше в Ашере — тогда он был нежным и бережным. В его глазах исчезли янтарные искры, которые так нравились Тайре, они были темными, звериными.

— Отпусти меня, — крикнула Тайра, пытаясь вырваться, — отпусти, люди же смотрят!

По дороге и впрямь ехала телега, смотрел ли на них кто-нибудь — непонятно, могли и смотреть.

Марис с трудом разжал руки, его трясло.

— Нам ехать надо, — осторожно сказала Тайра. Ее тоже била дрожь, она до полусмерти испугалась Мариса, — здесь нас могут найти.

— Прости меня. Я ужасно соскучился по тебе.

Тайре стало стыдно за свой страх, Марис казался таким несчастным.

— И я очень скучала. Но нельзя терять время, мы слишком близко к Гарсину.

Пока Марис навьючивал Маяка, Тайра нашла кинжал и обрезала косу по плечи. Жалко было, но зато теперь она точно как парень. Когда Марис обернулся и увидел ее, он даже

побледнел.

— Что ты наделала?!

— Ничего, отрастут, главное — теперь шапка налезет.

Марис подобрал ее косу, свернувшуюся, как змея, в траве. Погладил, прижался к ней щекой и спрятал на дно сумки. Вид у него был такой, как будто хоронил кого-то.

— Поехали? — Тайра вскочила в седло. Все-таки в шганах несравненно удобнее, чем в платье.

— Надо решить, куда мы едем. Я думаю, нам лучше отправиться в Карент, в столице работу легче найти.

— Мне нужно попасть в Ракайю, в Гилатиан.

— В Гилатиан? Что ты там потеряла? Хуже Ракайи ничего нет.

— Я недавно узнала, что там у меня родственники. По матери.

— Твоя мама не была ракайкой.

— Они кадарцы, потом уже в Гилатиан перебрались. Мне надо их найти, я хочу узнать хоть что-то о маме, — Тайре было неприятно обманывать Мариса, но она дала слово молчать.

— До Гилатиана ехать месяц, а у меня только два рина, этого нам не хватит.

— У меня есть деньги, от отца остались.

— Не могу же я жить за твой счет! Я должен найти заработок.

— Ну ты ведь хотел в стражники пойти? Вот, будешь меня охранять.

— Брать у тебя деньги за охрану? — Нет! — он, кажется, всерьез обиделся.

— Марис, в Гилатиане ты найдешь работу, потом меня будешь кормить. А не понравится там — в другой город поедем, но сейчас мне правда нужна твоя помощь, не ехать же мне одной через две страны?

Марис думал так долго, что Тайра уже решила — откажет, но потом он все-таки кивнул и сел в седло.

Она ничего не могла рассказать Марису, да и себе не могла объяснить — зачем ей нужно увидеть мать. После встречи с королевой Литанией она уже знала, как это будет: на каком-нибудь празднике, которого придется долго дожидаться, скрываясь в труппах Гилатиана. Издалека, из глубины восторженно орущей толпы. И на этот раз она не станет махать скатеркой, чтобы ее заметили, а прикроет лицо платком. Просто посмотрит, сядет на коня и уедет из Ракайи навсегда. И тогда прошлое станет прошлым и оставит ее в покое, и можно будет начать все заново.

Гилатиан стоял на берегу моря, и дорога к нему, если добираться напрямую, шла через множество сел, замков и городов Ракайи. Лихие люди куда страшнее хищных зверей, и Марис с Тайрой выбрали другой путь, ближе к горам, где местность была малонаселенной. И солдат меньше, и разбойников, и внимания на них никто обращать не будет.

Они ехали по белой песчаной дороге среди золотисто-зеленых лугов и старались не смотреть друг на друга. Кони встряхивали гривами и норовили перейти в галоп, Шмель радостно скакал по новорожденной траве, в бездонном небе плавали пушистые круглые облака и звенели невидимые жаворонки. Тягостное молчание так не вязалось с ликующим весенним днем, что у Тайры защемило в груди. Она искоса глянула на своего спутника. Марис чуть обогнал ее, его лица не было видно, только плащ, да рука, сжимающая повод. Длинные тонкие пальцы — вовсе не стражника, а музыканта. Такие родные руки, согревавшие ее холодными вечерами, ласково перебивавшие ее волосы.

Тайра закрыла глаза, чтобы понять, что чувствует теперь, когда они, наконец, вместе. Раньше, когда им удавалось улучшить минутку и остаться наедине, она была на седьмом небе от счастья. Почему доверие и беззаботная радость сменились тревогой и неловкостью? Они ведь и правда любили друг друга. Любили? А теперь?

Тайра вглядывалась в Мариса в поисках ответа. Он ехал с опущенной головой, погруженный в себя, как будто был в полном одиночестве на этой дороге, черные пряди скрывали лицо. Но каждое его движение — чуть натянуть узду, откинуть волосы — было свободным, беспечно-юношеским, отзывалось в груди Тайры, как музыка. Кажется, она все еще его любит. На душе посветлело, отступила тоска, ставшая привычной за последние полгода. Жизнь снова свела их вместе — может быть, он и правда дарован ей Единым?

Марис, будто почувствовав ее взгляд, обернулся. Тайра улыбнулась ему.

Они сидели у ночного костра, довольно далеко друг от друга. Так получилось по вине Тайры — она все время вскакивала по разным надобностям — то котелок с кашей отодвинуть к краешку, чтоб не подгорела, то подкинуть хворосту в высокое пламя, и с каждым разом оказывалась все дальше от Мариса. Ей было страшно. Она понимала, что должно произойти между ними, сто раз видела, как это бывает у животных — смешно и немножко стыдно. Почему мужчины так к этому стремятся? Может быть, у людей это как-то иначе, красивее? Она не знала, что сковало ее ледяной корой, почему она ни пошевелиться не может, ни слова вымолвить. Только оттого, что они не муж и жена? Но браки заключаются перед людьми, чтобы жить вместе без срама, детей растить. А они одни на этом свете, кому какое дело до них?

— Марис, на что ты там смотришь? — он и правда очень долго сидел, не отводя слезящихся глаз от пламени.

— Саламандру жду.

— Кого?

— Саламандру, неужели ты не знаешь? Это ящерка, она живет в огне, когда она маленькая, она добрая, даже, говорят, исполняет желания. Но если дать ей вырасти, она превращается в дракона и пожирает все вокруг, пока еда не кончится. А потом снова становится маленькой красивой ящеркой.

Значит, ее дом в Ашере съела вырвавшаяся на волю саламандра.

Марис достал из-за пазухи дудочку и тихонько заиграл. Тайра хотела было подпеть, но это была не песня, просто мелодия. Ее грустный голосок вторил журчанию ручья, треску огня, соловьиному щелканью из прибрежных зарослей. Иногда Марис просто повторял понравившуюся птичью трель, соловьи послушали и стали отзываться, соревнуясь с незнакомой птицей.

Марису тоже было страшно. Зимние ночи в Ашере были бесконечными и очень холодными. Виринея сэкономила топливо, ее любимая присказка — «в доме тепло, пока вода в тазу не замерзнет» — навязла у всех в ушах. Марис только и отогревался, что музыкой да воспоминаниями о смуглой дерзкой девчонке с золотыми косами. А встретил бледную городскую барышню, почти знатную даму. Еле убедил себя, что эта нарядная сдержанная девушка — та же самая Тайра, и тут же она превратилась в молчаливого деревенского паренька. Как его обнимать-то?

Марис больше не передразнивал соловьев, играл что-то свое. Тревожное, одинокое. Временами он останавливался, и тогда в мелодию вплетались звуки ночи. Тайра смотрела в

костер, она ждала, когда появится саламандра. Языки пламени казались живыми, огонь так похож на быструю воду. Мелкий хворост догорел, над большими раскаленными сучьями извивалась целая стайка золотых змеек. Какая из них — саламандра? Может быть, та яркая белая струйка огня, что все время возникает на краю дотлевающего бревнышка? Она казалась то ящерицей, то танцующей девушкой. Ящерка-ящерка, подари мне счастье. Марис замолчал, птицы тоже стихли. Тайра перевела взгляд на темную стену леса, окружившего их полянку. На черном фоне плавало яркое рыжее пятно, след пламени в уставших глазах. Оно сужалось, темнело, снова разгоралось. И вдруг превратилось в огненную фигурку ящерицы. Тайра успела рассмотреть и круглую голову, и изогнутый хвостик, даже растопыренные пальцы на коротких лапах. Повисела в темноте — и растеклась красной бесформенной закорючкой.

— До рассвета уже совсем немного осталось, — Марис снял свой плащ и расстелил на приготовленной с вечера куче сухого прошлогоднего тростника, — нам придется спать рядом, чтобы не замерзнуть.

Он протянул руку и поднял Тайру с земли, она покорно пошла за ним и стояла, не шевелясь, пока он распутывал завязки ее плаща.

— Тайра! — вскрикнул Марис — растерянно, как будто во сне. Он прижал ее к груди, на этот раз она не стала вырываться, у нее просто не осталось сил, и сама потянулась к его губам. Колени подкашивались, она бы упала, если бы он не обнимал ее так крепко, ей казалось — она летит в глубокий колодец. За край гаснущего сознания зацепилась последняя мысль — как это все будет? Марис бережно положил ее на ложе из тростника, она успела увидеть над собой звездное небо, пристально смотрящее на нее миллионами глаз, но его тут же заслонило лицо Мариса, неразличимое в темноте, у него были горячие губы и ледяные руки, не прерывая поцелуя, он потянул за тесемку рубашки, холодная ладонь скользнула под ворот.

— ТАЙРА! — окликнул ее бесплотный голос внутри головы, и она очнулась.

В то же мгновение Марис отдернул руку и стал дуть на обожженные пальцы. Тайра и сама почувствовала жар на груди, рванула цепочку и вытащила шарик. Он был темно-красным и горячим.

— Что это у тебя?

— Это мой талисман, — шарик медленно остывал в ее руке.

— Выбрось его, он же опасен! — Марис попытался стащить цепочку через голову Тайры, она отняла ее и спрятала шарик под рубашку.

— Нет. Он просто предупреждает, если я что-то делаю неправильно.

— Что неправильно? Выбрось, это какая-то черная магия, чтобы разлучить нас. Кто тебе его дал?

— В горах нашла. Марис, я ведь сама чувствую, что он прав. Нам лучше подождать.

— Чего нам ждать?! — Марис хотел поцеловать Тайру, но она отворачивалась, подставляла затылок, сжалась, как ежик, в комок.

— Значит, ты больше не любишь меня, — Марис оставил девушку в покое, сел на корточки возле костра и начал раздувать гаснущее пламя.

Тайра уткнулась лицом в колени и разревелась.

— Дело не в шарике. Я просто не могу, я не знаю почему. Мне надо заново привыкнуть к тебе.

Марис молчал. Потом достал дудочку, покрутил ее в руке.

— Поиграешь мне? — спросила Тайра, вытирая мокрые глаза.

Он поднес дудочку к губам, глянул на Тайру. Переломил пополам и бросил щепки в догорающий костер.

— Марис, зачем?!

— Она мне больше не нужна.

Пару дней после этого они почти не разговаривали, избегали прикосновений. Потом снова начали болтать, как ни в чем не, бывало, дурачились, радуясь солнечным дням, движению и свободе. Иногда им удавалось переночевать под кровлей, на постоялом дворе или просто на сеновале, а если нет — спали под одним плащом, отвернувшись друг от друга; оба чувствовали себя одинокими и отвергнутыми. Но ко времени ночевки они так уставали от верховой езды, что сил на обиды уже не оставалось. Иногда Марис долго не мог уснуть, Тайра знала об этом и старалась не шевелиться.

Здесь реже встречалось человеческое жилье. Иногда где-нибудь на опушке попадались обугленные остовы домов, да посреди дикого поля цвели никому уже не нужные сады. Это были окраины княжества Наррат, так и не восстановившегося после войны.

С самого утра они не видели ни одного человека, а ночью на привале слышали волчий вой. Неожиданно показавшийся из-за поворота конный отряд даже обрадовал их — все-таки живые люди. Всадники, развернувшись полукольцом, галопом поскакали им навстречу. Каски тарелками, кирасы поверх черных курток — можно не сомневаться, ракайские солдаты.

— За разбойников, что ли нас приняли?

Всадники окружили Мариса и Тайру, недвусмысленно наставив на них копья.

— Сдайте оружие, — приказал их главный. Он был в полном доспехе, только шлем привязал к седлу по случаю жаркого весеннего дня.

— Почему? Это же наши собственные мечи, — удивился Марис.

У главного брови полезли на лоб.

— Вы что, с луны свалились?

— С горы они вчера слезли, — подсказал кто-то сбоку.

— Вы находитесь в ракайской империи. На территории империи крестьянам, ремесленникам, жителям горских племен и другим представителям низших сословий ношение мечей запрещено, — равнодушно произнес рыцарь вызубренный наизусть текст. Этих баранов, имевших наглость препоясаться мечами, он имел полное право зарубить на месте, но видно же — по дурости закон нарушили. Он не любил брать на себя лишнюю кровь.

— Капитан, мы имеем право на ношение оружия, — Тайра сорвала шапку и тряхнула пышной золотой копной, ослепительно улыбаясь, — мы с другом путешествуем инкогнито.

Капитан Леттин внимательно взгляделся в ее лицо. Где он ее видел? Да на портрете, в каждом кабаке висит. Девчонка — копия императрицы, только совсем молоденькая. Из нарратских князей, что ли? Их же вроде всех вырезали...

— Простите, госпожа, откуда я мог знать? Но вы напрасно выбрали этот наряд. Если вы не хотите носить одежду, соответствующую вашему положению — наденьте купеческую или жреческую, правда, тогда вам придется носить мечи привязанными к седлу. А эти тряпки снимите. Следующий патруль может, не разобравшись, зарубить вас и вашего спутника,

горцев здесь не любят.

— Спасибо, капитан, мы воспользуемся вашим советом, — всадники расступились, освобождая дорогу непонятной парочке. Леттин кусал губу. Все-таки он обязан был задержать их, хотя бы потребовать грамоту. Но связываться со знатью...

— Узнали ее, ребята? Фрейлина новой нарратской княгини, путешествует инкогнито с хахалем! — весело крикнул Леттин, обернувшись к отряду.

Солдаты засмеялись.

— А мы думали — из старых нарратцев, с императрицей на одно лицо.

— Так их же всех того... Хотя, может, дальняя родственница.

Вот так-то лучше. При княжеском дворе полно всяких блондинок, не повесят же его за то, что обознался. Капитан Леттин ни на йоту не доверял своим людям.

— Слушай, Марис, а он прав, — Тайра, снова превратившаяся в горца, заматывала меч в свою домашнюю юбку, — давай купцами оденемся.

— Да, и поярче, побогаче, чтобы нас разбойники уж точно не прозевали, — Марис думал о том же, но все варианты казались ему ненадежными.

— Тогда жрецами.

— У них тоже деньги водятся, может, правда, на них нападать не станут... А ты какие молитвы знаешь, нас же в каждом селении будут просить чего-нибудь освятить?

— Единый всеблагий творец всего сущего... благослови... нет, благоволи... Я плохо помню, я обычно просто прошу, или спасибо говорю.

— Отлично! Позовут нас новую телегу освящать, ты руки возденешь и этак торжественно: — спасибо небесам за хорошую телегу, пусть ездит, не разваливается. Лучше уж крестьянами оденемся.

— Ну давай. Правда, для здешних крестьян наши кони больно хороши, видел, на каких клячах они ездят?

— Послушай, а если солдатами?

— Ракайцами? Лучше голая поеду!

— Я не против, — ухмыльнулся Марис, — скажу, ведьму в трубе поймал, на суд везу — все разбегутся кто куда. Он еле увернулся от запущенной ему в лоб шишки.

— Почему обязательно ракайцами? Здесь каких только нет, сама же видела. Болтаются по дорогам, ищут, кто бы их в стражники или в войско нанял.

— И мечи не надо будет прятать...

Крюк до ближайшего городка занял целый день пути, зато там нашлась лавка оружейника. Тайре казалось, что она везет с собой несметное богатство, но, услышав цены на доспехи, она почувствовала себя нищей. Так что Мариса, присматривавшегося к полному комплекту рыцарских лат, пришлось окоротить:

— Нам же во всем этом железе по жаре ехать.

— Так в пути доспех на седле везут, зато в бою вам ни стрела, ни меч не будут страшны, вы только пощупайте, какая броня, — оружейник и не надеялся, что горские мальчишки замахнутся на серьезную покупку, просто раззадорить хотел.

— Нам не на войну, нам бы в стражники, к барону, или, может, к купцу... — как ни горько, но пришлось вернуться из баллады о подвигах доблестного рыцаря Мариса в унылую реальность. Не надо им с Тайрой в бой, да и деньги-то не его.

Тайра перемерила все, что было в лавке, и выбрала стеганный жакет, тяжелый и

неудобный нагрудник и шапку с железными полосками — ни один меч не возьмет, по словам оружейника. Марис вспомнил, что доспехи им нужны только для виду, и тоже выбрал что подешевле. На прощанье оружейник, чтобы совесть не слишком мучила, пожелал им удачи и защиты Единого Всемогущего, которая крепче всякой брони.

В военном наряде было жарко и неудобно, но он магическим образом вселил в Тайру самонадеянность и молодецкую удачу.

— Марис, а научи меня на мечах биться, раз уж я теперь солдатом считаюсь.

— Зачем тебе это? Чтобы драться, как настоящие рыцари, надо долго учиться, я и само еще не очень умею.

— Мне не надо, как рыцари, хоть немножко покажи. Вот нападут на нас воры — ты что, один защищаться будешь?

Марис был абсолютно уверен, что с ворами должен разбираться мужчина, а Тайре лучше ускакать побыстрее или спрятаться куда-нибудь, если они окажутся пешими. Но потренироваться и в самом деле не мешало бы.

По дороге Марис выдернул две толстые жерди из поваленной изгороди, и весь вечер вырезал из них увеличенное подобие их мечей. Перед завтраком он, надувшись от важности, выбрал подходящую ровную полянку и прочитал Тайре долгую и занудную лекцию о технике боя, вложив в нее всю премудрость, усвоенную им от бывшего стражника Годи. Тайра не слушала и злилась, что придется махать какими-то деревяшками вместо нормального оружия. В атаку она кинулась так рьяно, что чуть было не проткнула Марису глаз. Ему пришлось жестко блокировать удар и Тайра, скривившись, схватилась за растянутое запястье.

— Так не пойдет. Давай каждый удар по очереди разучивать.

Теперь их утро, когда они ночевали под открытым небом, начиналось с тренировки. Поначалу у Тайры адски ныла правая рука, и Марис неустанно повторял, что меч — не женское дело, уж лучше бы кинжалом защищалась. Потом все пошло на лад, они приспособились друг к другу и бой начал напоминать красивый танец. Иногда Марис просил Тайру драться настоящим оружием, чтобы рука привыкала к тяжести железа. В качестве врага в этих случаях выступала вязанка соломы.

Им сказали, что в Кашту они приедут до заката, но солнце ушло за холмы, оставив на западе малиновое кружево легких облачков, а жилья и в помине не было. Может, ехали медленно — под вечер случился короткий, но щедрый ливень и копыта лошадей скользили по грязи, а может, все-таки с пути сбились. Дорога долго тянулась вдоль окраины леса, а тут вдруг завернула прямо в чащу. На опушке они остановились. Весенний лес заманивал птичьими трелями и казался праздничным и безопасным — но еще немного и совсем стемнеет, а кто его знает — что там дальше в глуши?

— Давай тут и заночуем, под тем деревом здоровенным?

Тайре хотелось под крышу, просушить сырую одежду, горячего поесть, но они сидели в седле с раннего утра, пора было отдохнуть. Она кивнула и повернула коня вслед за Марисом обследовать место для ночлега. Опушка была усеяна крошечными белыми цветочками, а посредине росло древнее чудище — тысячелетний дуб. И еще столько же прожить собиралось, ветви — каждая сама, как могучее дерево — все живые, верхние к небу вздымаются, нижние до земли прогнулись, кора грубая, как драконья шкура, но вся целая, нигде не осыпается. Листья еще не проклюнулись из почек, вместо них дерево украшала

бахрома разноцветных ленточек. Понизу, куда с земли можно дотянуться, она была густой, выше их навязывали пореже, но и на самую верхушку какие-то смельчаки добрались.

— Святое место?

— Марис, поехали отсюда, не надо здесь ночевать. Шарик стал совсем ледяным и тяжелым, как из чугуна. Тайра вытащила его из-за ворота, он был беспросветно черным.

— Это что, тебе твой амулет дурацкий приказал? — зло огрызнулся Марис и спрыгнул с Ворона, — совсем как бабка полоумная стала. О, тут и вода есть!

Недалеко от дуба из травы выглядывала невысокая каменная кладка круглого колодца.

— Марис, здесь опасно — неужели ты сам не чувствуешь?

— В лесу среди ночи зато отлично будет, с волками и медведями. Хватит чушь нести, я давно понял, в чем магия твоей висюльки. Как только тебе что-то в голову взбредет — она цвет меняет. А ты сама веришь и другие должны. Слезай — или езжай куда хочешь, надоело уже.

Тайра рывком развернула Маяка к дороге, проехала несколько шагов, обернулась. Марис спиной к ней расседлывал Ворона. Вот так они и расстанутся, наверное — навсегда. А если здесь и вправду опасно, и этот идиот погибнет? Или шарик просто предупреждал о ссоре?

Они не стали разводить костер, поужинали хлебом с мясом, да запили ледяной водой из колодца. Трех слов за едой не сказали, молча легли под шелестящий от ночного ветерка полог из ленточек и отвернулись друг от друга. Шмель для тепла пристроился между ними.

А проснулась Тайра от негромкого собачьего рыка. Уже начало светать, все вокруг синевато-серебряное, замершее. Полоски ткани висят неподвижно. Шмель стоит рядом и глухо рычит куда-то в сторону, шерсть дыбом. Тайра выглянула из-под веток туда, куда смотрел пес. Вроде бы никого. Потом увидела — на краю колодца сидит какая-то зверушка чуть побольше кошки. Или птица — в полутьме не разобрать, вроде бы у нее крылья.

— Марис, что это? — прошептала Тайра.

Он осторожно подобрался к краю кроны, сунул меч в руку Тайре.

— Где? А, это... Мышь летучая, бывают же такие громадные!

— Ее Шмель боится.

— Да он только простых мышей не боится.

На душе у Тайры потеплело, вчерашняя обида растаяла. Она завозилась, поудобнее устраиваясь, чтобы понаблюдать за удивительным животным. Под коленом хрустнул сучок. Мышь вскинула голову на длинной змеиной шее и пронзительно замыкала. Шмель не выдержал, с лаем бросился к зверушке. И тогда в колодце что-то взорвалось. Как будто в воду лошадь упала — или из-под воды выпрыгнула. Над камнями показалась острая морда размером с бычью, когтистые лапы ухватились за край и с натугой вытолкнули громадное черное тело. Зверь встал на дыбы и распахнул кожаные крылья.

— Шмель, назад!

Стоящая на задних ногах жуткая тварь была похожа на великана в развевающемся плаще. Повисший на ее лапе пес казался не больше котенка, напавшего на воина. Тварь зашипела, поводила ощеренной мордой по сторонам, осматривая поляну. Подцепила зубастым клювом детеныша и швырнула в колодец, потом отодрала от лапы Шмеля и отправила следом. Оттуда, из глубины, послышался приглушенный визг и бултыханье. «Живой, если справимся с ней — спасем», — с облегчением подумала Тайра.

Чудовище подпрыгнуло, взлетело над поляной и спикировало туда, где за миг до этого сидели Тайра с Марисом. Они шмыгнули за толстую, в полный обхват, ветвь, дугой

спускающуюся к земле, и выставили мечи. Удар отбросил их стволу, ветвь треснула, но остановила бросок.

Тварь отпрянула, ломая сучья, взмыла вверх и полетела вокруг дуба, высматривая прогалину в кроне для следующего нападения.

— Мы даже ее не ранили!

— Она убьет нас, — и тогда Тайра бросила меч, выхватила шарик и, растирая его в пыль между ладонями, заорала — Эрвин!

Тварь падала прямо на них — и на мальчишку, вставшего впереди с поднятыми вверх безоружными руками ...

Солнце уже спряталось за холмами, а обещанное встречными путниками селение так и не появилось. Дорога заворачивала в лес.

— Давай тут и заночуем, под тем деревом здоровенным?

Шарик похолодел, стал оттягивать цепочку, предупреждая о чем-то.

Они повернули коней на лужайку, там рос древний дуб, весь увешенный цветными тряпочками. Под деревом стоял рыжий деревенский парнишка.

— Добрые господа, вы в Кашту едете?

— Эрвин! — чуть не завопила Тайра, но осеклась — эльф явно не собирался показывать, что они знакомы. Он был более ли менее прилично одет, в штанах и холщовой курточке, и явно изображал обычного сельского паренька.

— А тебе-то что за дело? — раздраженно спросил Марис. Он промок, устал и хотел одного — слезть с коня.

— Так вам не сюда, по дороге через перелесок проедете — там и Кашта сразу будет.

— И долго ехать?

— Да не, рядом же — засветло доскачете.

— Спасибо тебе, мы уж заночевать тут собирались, — вмешалась Тайра.

— Езжайте, пока еще хорошо видать, — и, уже в хвосты удаляющимся лошадям, крикнул: — Не ночуйте у глубоких вод и пещер — Хогга охотится за вами! И запомни — одна встреча из трех уже была!

— Что он сказал? — Марис остановил коня, но мальчишка куда-то подевался.

— Не поняла, ты же сам видишь — он странный такой.

— Дурачок, думаешь? А можно ему верить насчет Кашты?

— Даже дурачки знают дорогу к дому.

Глава 10. Лабораторные опыты

Это омерзительное задание Эрвину придется выполнить. Он не стал ловить овцу с пастбища, честно купил ее у мясника за украденную у герцога серебряную монету. Теперь она крепко спала, висая на его шее наподобие хомута. Готфрид вышел из замка и запер дверь за собой. Эрвин оглянулся, и, конечно, ничего, кроме трещины в скале, не увидел. Это было лучшее колдовство Готфрида — Верхний Замок. С какой стороны не смотреть — просто скалы на вершине горы, изъеденные ветрами. Разломы, круглые отверстия — работа ветра и воды. Однажды Эрвин даже залез в одно из таких отверстий и долго ощупывал его. И хотя он точно знал, что трогает стекло — а может быть, частый оконный переплет — но ощущал только крошащийся под пальцами песчаник. Нижний замок находился на склоне горы, там было много слуг, рядом — нищая деревушка. Бегали дети, пасся скот, ничего волшебного не было и в помине. В Нижнем замке Готфрид бывал только для разговора с управляющим, ну и в случае приема гостей, а это не каждый год случалось. Единственным неудобством Верхнего Замка была необходимость тайно доставлять туда провизию, впрочем, теперь для этого у герцога был раб.

Они спустились на узкое плато, ограниченное отвесным обрывом. На него можно было попасть только через Верхний Замок — или по Запретному Пути. Отсюда открывался вид на вершины ближних гор и равнину за ними, если ее не скрывали низкие облака

На дальнем конце площадки возвышалась причудливо испещренная трещинами и пещерками скала. Готфрид не торопясь пошел к ней, раздвигая перед собой сеть чудовищных проклятий, раскинутую по всему плато. Камнепад, Удар Молнии, Холодный Огонь, три вида Мгновенной Смерти. Увлечшись устранением магической защиты, он чуть было не проворонил обычную волчью яму, вырытую перед центральным, самым большим гротом.

Войдя внутрь, колдун опустился на колени и стал водить пальцами по гладкой стене. После множества заклинаний плита отъехала в сторону. Отъехала бы и без заклинаний, Эрвин знал порядок прикосновений, их было одиннадцать. За дверью обнаружился широкий круглый колодец. В его стенах была вырублена винтовая лестница без перил, витки уходили в непроглядную темноту. Эльф поежился. Кто придумал такую дикую конструкцию?

— Спускайся первым, — Готфрид сунул факел в свободную руку Эрвина. Древние ступени, припорошенные тяжелой каменной пылью, были совершенно ровными, с острыми гранями. По ним очень редко ходили. Эльф с овцой на горбу резво кружил по спирали, уводящей в бездну. Оставшийся без света герцог почти полз, вжимаясь боком в склизкий камень.

— Да стой же ты, скотина!

— Простите, ваше сиятельство, я забыл про ваш радикулит, — донесся звонкий голос откуда-то снизу. Звук отразился от стен и поскакал, как мячик, вверх по ярусам: улит... улит...улит...

— Убью, — беспомощно прошипел герцог, но они оба уже стояли на дне колодца. Кажется, пару витков Готфрид пропустил благодаря какому-то очередному фокусу эльфа.

Обычная дубовая дверь, укрепленная полосами меди. Дерево уже начало крошиться от времени, но десяток ударов тарана она выдержит. Она появилась намного позже колодца с лестницей, вряд ли дверь была старше Верхнего замка. Готфрид открыл ее обыкновенным

ключом. Проход вел в естественную галерею, по дну которой бежал подземный ручей. Здесь было его верховье, до впадения в озеро еще с полчаса ходу, и Эрвин был рад этому — он не любил встречаться с Хоггой.

— Послушай, раб — ты говоришь, что бессмертен. А как ты это ощущаешь? — неожиданно спросил колдун.

— Ну а как вы ощущаете, что живы? Вот и я так же.

— Не увиливай. Человек смертен, эльфы — нет. В чем разница, как понять, когда становишься бессмертным?

— Нет особой разницы. Вы-то, люди, тоже бессмертны, только тело теряете.

— Хватит чушь нести. Я и есть мое тело, мой разум находится у меня в голове, не будет головы — и разума не будет.

— Ну а у меня раньше не было этого дурацкого тела, и потом не будет, но я же помню, как до этого жил.

— И как же ты «жил» без тела?

— Да было оно у меня, только другое — не это, уродское, а нормальное, мне соответствующее. Это вот — временное, чтобы можно было вместе с людьми существовать, — Эрвину ужасно надоел этот разговор, поэтому он ответил напрямую, — вы, ваша светлость, пока еще в смертном теле находитесь, и все ваше колдовство только замедляет старение, точно вам говорю.

— А потом? Когда обретают бессмертие? Тело становится таким же, как у эльфов?

— У вас-то вряд ли станет. Для этого умереть надо — а вы же не хотите.

— Ну да, умереть, прилететь в Светлые Небеса, и там меня непременно превратят в эльфа... — Готфрид злобно расхохотался, — не дожدهшься моей смерти, уродец.

Эрвин промолчал. Теперь он, кажется, понял, чего так боялся колдун — не смерти, а расплаты.

Впереди живой плеск ручья гас в черном безмолвии озера. Полоска прибрежного песка стала немного уже за последние недели. Хогга росла, незаметно и неотвратимо. Сейчас она была тиха — спала или выжидала? С поверхности поднималась почти невидимая прозрачная дымка, на разной глубине висели голубоватые сгустки то ли фосфоресцирующей воды, то ли гниющей плоти. Над некоторыми светящимися пятнами парили души поглощенных Хоггой. Почему они здесь? Что держит их в этом безжизненном мраке? Эрвин окликнул их, и услышал шепот:

— Как хорошо... Мне больше не надо убивать ради пищи...

Наверное, это душа вон того полуразложившегося волка. Но нет, шепот принадлежал разбойнику, сотню лет назад не сумевшему найти выход из пещеры. Волк говорил другое:

— Мне не больно... Мне никогда не будет больно... — он приполз сюда умирать от старости, и теперь был счастлив.

— На что ты там пялишься? Положи овцу на берег.

Готфрид воздел руки и запел древнее заклинание на давно забытом гортанном языке. Но здесь не действовали заклятия, это было царство Хогги. Надтреснутый голос колдуна становился все слабее, и пение оборвалось на полуслове.

— Раб, опусти овцу в воду.

Эрвин повиновался и с тоской смотрел, как кудрявая шкурка отплывает от берега и окутывается голубым сиянием. Испуганный комочек сознания отделился от тела и заметался над поверхностью озера.

— Не бойся, здесь нет боли и страха, — сказала Хогга овечьей душе.

— Ну нет, она тебе не достанется, — Эрвин тихонько свистнул, комочек приник к его плечу. Он подтолкнул его в сторону ручья:

— Беги, здесь опасно. Беги к свету.

Надо будет потом найти ее, а то глупышка заблудится. У управляющего скоро ожеребится белая кобыла. Была овцой, станет лошадкой.

— Хогга, я принес тебе жертву, и ты стала сильнее. Позволь мне взять частицу твоей плоти...

С этими словами колдун опустил в озеро черпак с длинной ручкой и бережно перелил в колбу немного воды. Он успел отбросить черпак и закрутить пробку, когда от озера отделилась прядь тумана и обвилась вокруг его груди.

— Вечная жизнь... Я буду жить вечно... — прошептали его губы.

Эрвин взял его за шкурку и оттащил от берега.

— Эльф, зачем... там же... — Готфрид тянул дрожащую руку к воде.

— Там смерть, ваша светлость. Смерть, понимаете?

Колдун, шатаясь, побрел прочь от озера.

Готфрид не мог оторвать восхищенного взора от колбы с мутноватой, отливавшей свинцом жидкостью. Поставил ее на середину рабочего стола, ходил вокруг, что-то бормотал, поглаживал. Радость распирала грудь, хотелось разделить ее хоть с кем-то.

— Мертвая вода... ты понимаешь, заморыш — ею можно исцелить целое войско, снова и снова, они смогут воевать бесконечно... Да куда тебе понимать, разве ты человек? А кстати — ты помог мне, когда Хогга попробовала меня затащить. Хотелось бы знать, зачем? Отошел бы в сторонку — и был бы свободен. Ведь я же, с твоей точки зрения, зло?

— Ну, пока не такое уж большое. К тому же, я к вам как-то привык.

— Все привыкают к рабству, даже эльфы. На, лови!

Эрвин ловко поймал монетку. Попозже он подложит ее в кошель герцога, откуда он утром свистнул денежку, и не будет ему ничего должен. Кстати, колдун правильно оценил свою жизнь: не дороже овцы.

А Готфрид все не мог успокоиться, ему был нужен просвещенный собеседник для беседы, но рядом торчал только этот недоумок.

— Раньше я считал, что эльфы враждебны людям. Вижу, что ошибался — ты уж сколько раз лез из кожи вон, чтобы спасти какого-нибудь проходимца.

— Просто мы стараемся держаться от вас подальше. А мне пришлось жить среди людей, теперь я знаю, что не все они такие, как мы про вас думаем.

— И что же думают эльфы о людях?

— Вы похожи на нее — эльф мотнул головой, показывая куда-то на пол, — ну, может, не каждый — но многие. Вас мучит жажда. Хотите иметь больше, чем у вас есть, потом — еще больше, потом — вообще всё. А всё — оно одно, на всех не хватит, вот и грызетесь, как свора собак за кость, при этом топчя тех, кто просто хочет жить.

Готфрид чуть-чуть улыбнулся, глядя на эльфа с удивлением:

— Я ждал чего-нибудь поинтересней, чем святошеские глупости, которыми меня потчевали еще в детстве. Мораль неудачников. Человек тем и отличается от животного, что не останавливается на достигнутом — в этом его величие.

— Да. Вот только если бы вы, не останавливаясь, становились умнее или счастливее...

— Счастье — в достижении желаемого.

— Станет ли Хогга счастливой, когда сожрет всю жизнь на земле?

— Хогга, боюсь, станет очень голодной. Человек — не Хогга, он разрушает ради созидания. Ладно, философ, я тебя понял. А теперь принеси мне мышь.

Эрвин давно ждал этого, но беспрекословное подчинения было не в его правилах.

— Мышь? Эльфы не ловят мышей. Может, лучше обратиться с этой просьбой к коту?

— Это приказ.

Фигурка эльфа дрогнула, почти исчезла — и вот он снова стоит перед Готфридом, на ладошке — серый попискивающий зверек. Эрвин ласково погладил его пальцем, мышь свернулась в клубок и заснула. Готфрид бережно открыл колбу, с величайшей осторожностью всосал несколько капель жидкости в стеклянную трубочку. Переложил мышь на фарфоровое блюдо и откусил длинным желтым ногтем половину хвоста. Приставил окровавленный жгутик к оставшемуся обрубку, подправил, и, шепча заклятие, капнул две капли из трубочки на разрез. Легкий голубой дымок, вытекшая из хвоста капелька крови стала прозрачной. Хвостик заблестел, стал плавиться, туман окутал мышь, вся она медленно оседала, как снежок в натопленной комнате.

— Хм... Кажется, концентрация слишком высокая... Интересно, можно сейчас ее оживить?

— Уже нет. Бросьте ее в огонь.

— Зачем?

— Она превращается в маленькую Хоггу. Представьте, что с вами будет, если вы случайно притронетесь к ней?

Мышь полетела в камин, где польхал десяток сосновых поленьев. "Любопытно, когда он успел развести огонь, — мельком подумал герцог, — впрочем, что значит — когда? Эльф же".

Зашипело, из камина с треском разлетелись искры. Мышь не исчезала, лежала голубым светящимся комочком на краю полена и медленно растекалась, разъедая плоть дерева. Потом жар взял свое, с шипением и едким дымом мокрое пятно стало съеживаться, вскоре его охватило зеленоватое пламя.

— Плоть превращается в мертвую воду... Если побрызгать корову, можно получить пару бочек, не надо будет спускаться за ней под землю.

— А потом ее станет еще больше, потому что она вас притянет и слопает. Вы уже забыли, герцог, что случилось в пещере?

— Еще одну мышь.

Эта мышь уже спала глубоким сном, она была плешива и так помята, как будто Эрвин вытащил ее из мышеловки. Готфрид недовольно прищурился, но тут же решил, что такой опыт будет более показательным.

— Попробуйте развести обычной водой в четыре раза.

— Откуда ты знаешь о свойствах мертвой воды? Лазил в пещеру, разнюхивал тайком от меня?

— Помилуйте, ваша светлость! Добровольно играть со смертью? Я навел справки, пока путешествовал в поисках мыши. Был один маг лет двести назад, он тоже проводил эксперименты с Хоггой, она тогда спала и была менее опасна. Остались записи.

— К чему привели его исследования?

— Хогга его все-таки сожрала.

Снова голубоватый дымок, но блеска на теле не было. Поначалу совсем ничего не происходило, потом мышь перестала дышать. Через полчаса уже трудно было определить место соединения обеих частей хвоста, вмятины на тельце стали менее заметными.

— Достаточно. Теперь я приказываю — не смей за мной следовать.

Готфрид удалился в опочивальню и вернулся с крошечной, с фасолину, мензуркой, на дне которой играла отражениями сияющая жидкость.

Эрвин усмехнулся: «Когда ты был в сокровищнице, тебя выбрал флакон с живой водой. Ты лекарь, а не маг».

Смоченной в воде стеклянной палочкой Готфрид начертил на спинке мышцы круг. Тельце вздрогнуло, мучительный первый вдох сопровождался еле слышным писком. Не дожидаясь, когда зверек окончательно вернется к жизни, Готфрид прижал его к блюду и точным движением скальпеля отсек голову. Эрвин горестно вздохнул.

На этот раз колдун долго и очень тщательно прилаживал голову к телу, стараясь, чтобы не только шейные позвонки, но и трахея, и пищевод идеально соединились. Иногда он поглядывал на эльфа в надежде на толковый совет, но тот молчал и смотрел в стенку. Пришлось полагаться на собственные знания и чудодейственную силу мертвой воды. Окончив манипуляции с мышью, колдун расположился в кресле, приготовившись к долгому ожиданию, и с неожиданным любопытством уставился на Эрвина.

— Эльф, а почему ты так не любишь убивать? Ваш закон это запрещает, или, может быть, религия?

— Нет у нас таких запретов, иногда ведь и нам приходится...

— Не лгать! Ты обязан говорить мне правду. Я прекрасно вижу, что тебе неприятна даже мышьяная смерть, опять же всяких мерзавцев от меня спасаешь. Отвечай — в чем причина?

— Ну, мы все-таки иначе устроены. Даже у вас, с вашими примитивными ощущениями, есть слово «сочувствие».

— То есть — вы чувствуете чужую боль, как будто собственную? И вам от этого плохо?

Колдун так внимательно посмотрел на Эрвина, что тот сразу понял — лишнее сболтнул.

— Предназначение эльфов — творить гармонию в мире живых существ. Преждевременная смерть нарушает гармонию.

— Гармония... — Готфрид откинулся в кресле и задумчиво барабанил пальцами по подлокотнику, — здоровье и красота, безусловно, гармоничны, уродство — нет. Если эксперимент с мышью пройдет успешно, следующим будешь ты. Мертвая вода в правильной концентрации делает именно это — восстанавливает утраченную целостность и гармонию организма. Я избавлю тебя от горба.

— Спасибо за честь, ваша светлость, но я категорически отказываюсь от вашего предложения. Горб полностью соответствует моей теперешней сути и, поэтому, абсолютно гармоничен. Никакая вода тут не поможет.

— Ты хочешь сказать — ты и внутри такой же урод, как и снаружи?

— Конечно, ваша светлость. Иначе как бы я мог состоять у вас в услужении и выполнять ваши указания?

Готфрид хмыкнул, но пропустил оскорбление мимо ушей. Пока что без помощи раба ему не обойтись.

— Ладно, приведешь мне какого-нибудь бродягу. Оно и лучше — может, мертвая вода по-разному действует на эльфов и людей. Если с человеком все пройдет удачно, вторым

исцеленным буду я.

— Хотите вылечить радикулит? Не поможет, живую воду вы ведь пробовали.

— И без тебя знаю. Ты на мышь посмотри — у нее ведь не только раны срастаются, она моложе стала. Шерсть гуще, тело более сильное и крепкое.

— Ааа... Простите, ваша светлость, я, конечно, мертвой водой вас побрызгаю, если вы мне это изволите приказать. Но ведь вы умрете — и кто вас тогда оживлять будет? Я-то вам клялся в покорности до самой смерти, так что все мои обязанности в этот трагический миг и закончатся.

— Если ты не оживишь меня, это будет равносильно убийству, а эльфы не убивают.

— Ну, так умертвлю-то я вас по вашему же указанию... А вот оживлять вас омоложенного — это, по нашим понятиям, большое зло. В молодости вы даже не сравнить, насколько хуже были, чем сейчас.

— Ты зарываешься, щенок. Превращу в мышь и отрежу лапки. Лечить не буду.

— Не успеете, сами ведь знаете, ваша светлость.

Хрупкое терпение Готфрида разбилось вдребезги.

— Значит так, — прошипел он, — ты будешь доставлять мне по ребенку из моей деревни ежедневно. Сам будешь их калечить и убивать, а я буду проводить эксперименты по исцелению, пока не отточу технику в совершенстве. Это приказ, и ты не можешь ослушаться. Выполняй!

— Да, ваша светлость. Выполню. Я немедленно отправлюсь в деревню за ребенком, но пока меня не будет, вас навестят другие эльфы — мы ведь не бросаем друг друга в беде. И тогда я, к великому сожалению, не успею прийти к вам на помощь.

Эрвин улыбнулся и добавил:

— Запомните, герцог — я больше никого не буду для вас убивать. Даже мышей.

Колдун заглянул в ледяные глаза эльфа и осекся. Разумный хозяин не доводит рабов до бунта.

— Дело твое, сам себе работы добавляешь. Скажи-ка, сейчас где-нибудь идут сражения?

— Да, Ракайя бьется с Феруатом за крепость на перевале.

— Завтра доставишь мне убитого, лучше — феруатца, и не слишком изрубленного. Ну, как там наша мышь?

Мышь выглядела абсолютно целой, красивой и непоправимо мертвой.

Капля живой воды — и она вздрогнула и открыла глаза. Но дышать почему-то не начала. Она медленно и беспомощно скребла лапками по блюдцу, как спасенная из горшка с медом пчела. Тусклые глаза поворачивались в орбитах, вправо — влево, как заводные. Готфрид решил проверить, как срослись ткани у нее на горле, но как только его рука оказалась в поле зрения мыши, она высоко подпрыгнула и вцепилась зубами в палец. Ошеломленный колдун затряс кистью, пытаясь скинуть взбесившегося зверька, но мышь висела, как приклеенная.

— Сожгите ее, ваша светлость.

— Добиваешься, чтобы я уничтожил первый удачный результат своих опытов?

— Так она же дохлая, вы разве не заметили?

Готфрид, наконец, отодрал мышь от пальца вместе с клочком кожи и выругался: она тут же впилась в другой, и на этот раз прокусила его насквозь.

— Дохлая?!

— Ну да, чем-то вроде вурдалака стала. Видите же — не дышит она.

Готфрид, кривясь от боли, отцепил мышь и зашвырнул подальше в огонь. Охваченный пламенем зверек с пронзительным визгом выкатился из камина и понесся по комнате. Эрвин ловко подхватил его на совок и зашвырнул обратно, а потом придерживал содрогающийся комочек кочергой, пока он не сгорел дотла.

Колдун поочередно макал искусанные пальцы в кубок с вином, как будто был не магом, а простым ремесленником, случайно саданувшим ножом по руке. Только когда боль поутихла, он вспомнил о простейших целительских навыках и прошептал заклятие, затворяющее кровь.

— Ну что же, раб, объясни мне, невежде, что я сделал не так на этот раз? — саркастический тон плохо скрывал растерянность колдуна.

— Не надо было голову ей отрезать, кому охота помирать два раза подряд? Ее душа испугалась, что вы ее опять оживите и будете мучить, вот и сбежала куда подальше.

— Душа? У мыши? Я всегда говорил, что ты идиот. Скорей всего, я недостаточно точно соединил дыхательное горло. Не смогла дышать — и воскресла не полностью.

Эрвин изумленно уставился на колдуна. Ну не может быть, что он не видел отделяющейся от тела светлой звездочки, как она металась по комнате, а потом юркнула под дверь. Да нет, видел, конечно. Смотрел-то Готфрид как раз на порог этой двери, причем очень злобно. Как же он боится посмертия, бедняга...

— Этот опыт может быть полезен... Даже если убитого солдата не удастся воскресить до конца, он все равно будет грозным воином.

— Ну да, правда, безоружным. Мертвецы только бегать и кусаться умеют. И как вы ему объясните, что надо грызть вашего врага, а не вас?

— Придется использовать некромантию. Да будет тебе известно, неуч, что маги прошлого прекрасно умели управлять мертвецами, и даже заставляли их пользоваться мечами.

— Наверное, у них живая вода была целыми бочками.

Готфрид фыркнул. Он и без мартышки знал, что его флакона даже на тысячу человек не хватит. Небольшая армия злобных, но тупых и с трудом управляемых трупов, с которой легко справится пара тысяч вооруженных осиновыми кольями крестьян. Ему нужно было другое — возвращать к жизни лучших из лучших, настоящих бойцов, и делать их еще здоровее и сильнее, чем они были перед смертью.

— А можно спросить, ваша светлость — с кем вы воевать собираетесь? Вы же все-таки ученый человек, а не какой-нибудь безмозглый барон, который только и умеет, что солдат в бой руганью поднимать.

— С какой стати лично мне этим заниматься? Пускай император Янгис воюет, он это дело любит. Полагаю, с моей помощью он покорит... ну, может быть, и не весь мир, как ему бы хотелось, но Феруат и еще пару государств — несомненно. После его смерти я найду другого полководца, он раздвинет границы империи еще дальше.

— А вам-то его завоевания на что сдались? Мы ведь в Кадаре живем, а не в Ракайе.

— Ты что, забыл, что я имею больше прав на ракайский престол, чем ублюдок Янгис?

— Безусловно, ваша светлость. Но вы же всегда представляетесь своим собственным внуком, и, соответственно, считаетесь всего лишь троюродным дядей Янгиса. А если вы поведаете правду, что вы старший брат самого Гилата, то люди вряд ли поверят вам. Вы слишком хорошо сохранились для своих ста пятидесяти лет.

— Я знаю это и без твоего напоминания, раб. Именно поэтому я избрал более

медленный, но надежный путь к престолу. Когда-нибудь Янгис умрет, к тому времени, безусловно, умрут и его дети — к счастью, их всего трое, от остальных наследников он сам давно уже избавился. И тогда империя станет моей. Понимаешь, эльф — все человеческие начинания превращаются в дым из-за мизерного срока, отпущенного на долю даже лучшим из нас. Несколько десятков лет процветания — а потом место великого правителя занимает его скудоумный отпрыск, и разрушает все, созданное его предшественником. Мне не понадобятся наследники. Я буду продлевать жизнь достойным, мыслителям и творцам. Я увижу плоды своих замыслов, и, если они меня не удовлетворят, у меня будет время, чтобы начать все сначала. Бесконечное время, чтобы создать совершенное государство.

Герцог помолодел лет на пятьдесят, его глаза засияли таким безумным восторгом, что Эрвин посовестился разочаровывать старика. Но такого будущего он не видел. Никакого совершенного государства под началом бессмертного колдуна — ни на одной, даже самой захудалой и маловероятной линии возможностей.

Готфрид недовольно глянул на безучастно ковыряющего угол стола мальчишку. Да уж, нашел перед кем распинаться... Еле слышная капель клепсидры напомнила ему о приближении события исключительной важности. Острие клюва бронзовой цапли уже указывало на цифру пять, ему оставался только час на подготовку.

— Приготовь зеркала к обряду.

Эрвин сдернул покрывало с огромного, в человеческий рост, серебряного зеркала. Его поверхность была так искусно отполирована, что отразила фигурку эльфа не хуже водной глади. Эрвин с наслаждением скорчил перед ним парочку рож и показал себе нос. Второе зеркало, плоская пластина обсидиана в раме из черного дерева, было вдвое меньше, но отшлифовано еще лучше. Смотреться в его темную глубину было так же неприятно, как в воды Хогги — оно было древним магическим артефактом и имело скверное прошлое. Эльф поставил темное зеркало напротив светлого, положил между ними два больших медных конуса и отошел в сторону. Если бы ему было позволено, вообще бы сбежал — в ближайший час Готфриду будет не до него.

Колдун облачился в серый балахон и вполголоса завел бесконечное монотонное заклинание. Быстрыми движениями рук он плел и плел, как громадный паук, невидимую паутину вокруг зеркал. По магическим нитям иногда пробегали искры, в комнате стало зябко и тоскливо — сеть ткалась из энергии Хогги. Эрвин ежился и скучал, неуклюжая людская волшба всегда казалась ему безобразной и бессмысленно сложной.

Магия Зеркал была всего лишь частным случаем магии подобия, основанной на резонансе струн времени. Чисто человеческая хитрость — люди, запертые в клетку грубой материи, давно научились создавать игрушечный образ желаемого события, рассчитывая на то, что он отразится в реальности. Иногда у них получалось — но отражение почти всегда выходило кривым и безобразным, как и сами цели колдунов. Магия зеркал была даже проще, поскольку касалась не столько времени, сколько пространства. Через несколько веков люди, если выживут, освоят ее так хорошо, что и магией не будут считать.

— Пора, — торжественно промолвил Готфрид, — действуй.

Эрвин, поднатужившись, взвалил на плечи тяжеленное обсидиановое зеркало, сунул подмышку пустой медный конус и шагнул в город Гилатиан. А именно — в тот зал императорского дворца, где вскоре соберутся люди в серых балахонах, чтобы послушать откровения Учителя.

Семисвечник уже стоял на столе, но еще не горел, и зал был пуст. Эрвин прислонил зеркало к дальней стене, обтянутой, по просьбе Учителя, черным бархатом. Зеркало не слишком бросалось в глаза на этом фоне, Эрвин проверял. На этот раз он внес в приготовление к таинству некоторые поправки — зеркало было установлено не на скамье, а на огромном подносе, положенном на таз (оба предмета были заблаговременно уведены из дворцовой кухни). Эрвин укрепил обсидиановую пластину в деревянном зажиме, покрутил поднос туда-сюда, он вращался достаточно свободно. Чуть-чуть наклонил зеркало назад, подпер поленом, чтоб не падало, полюбовался на свое отражение, и занялся конусом. Его следовало поставить впереди, раструб направить в сторону зрителей, но немного выше голов — чтобы голос отражался от стен и звучал со всех сторон. Эльф тщательно выполнил инструкции колдуна, для проверки прошептал: «Готфрид — дурак» в дырочку на острие конуса. Получилось громко и загадочно. А потом залепил отверстие тестом.

Колдун всматривался в зеркало, чтобы убедиться, что раб правильно выполняет его распоряжения. Но эльф опять намудрил со временем, и отражение показало ему только завершающий момент — уже установленную обсидиановую пластину, и гордо подбоченившегося Эрвина рядом с ней. Покрасовавшись перед хозяином, эльф зажег свечи на алтаре — щелчком пальцев, мошенник, а врет, что магией не владеет — и вернулся в замок.

Готфрид повесил на шею серебряный шар и погрузился в молитву.

— Хогга, Хогга, Хогга... — непрерывно шептали его губы. Между колдуном и подземной тварью возникла связь, не хищное щупальце тумана, а настоящее силовое поле, наполнявшее Готфрида темной энергией — озеро щедро делилось мощью в преддверии роскошной трапезы. Эльф съежился в углу кабинета, ему было плохо. Камин догорел, комнату освещало только зеркало. Стекло почти исчезло, огни свечей на далеком алтаре разбрасывали блики по колбам и ретортам. Там, в отражении, люди в сером рассаживались рядами, негромко переговариваясь между собой. Точнее, совсем беззвучно — обычно голоса, хоть и слабо, но доходили сквозь зеркало, но на этот раз гости молча склоняли колпаки друг к другу, иногда взмахивали широкими рукавами — и не произносили ни слова.

Дождавшись, когда последний балахон займет свое место, Готфрид натянул клобук на лицо и шагнул вперед.

— Приветствую вас, идущие в вечность!

Рупор, пристроенный немного сбоку, чтобы не отражался в зеркале, превратил напоенный силой Хогги голос колдуна в громовой раскат. В Гилатиане его эхо пронесется над головами слушателей, вызывая священный трепет в сердцах. По рядам действительно пронеслась легкая дрожь.

А Эрвина уже не было в кабинете, он сидел под столом и разглядывал сквозь касавшуюся пола белую бахромку собрание хоггопоклонников. Спокойно сидят, даже не перешептываются. Тогда он отодвинул ткань с другой стороны. Готфрид, непривычно высокий, слегка парил в воздухе, энергично взмахивая руками. Из медного конуса доносились невнятные глухие звуки, похожие на жужжание шмеля. Если вслушаться, можно было разобрать отдельные слова:

— Познавшие истину... в сей грозный час... сердца отвагою...

Вот почему они так тихо сидели — пытались хоть что-то расслышать. Эрвин выбрался из-под стола и пополз к зеркалу, прямо под зависшим в воздухе хозяином. Алтарь надежно защищал его от глаз сидящих в зале. Для начала эльф убрал полено и поставил обсидиановую

пластину прямо. Колдун опустился на пол, вызвав несколько удивленных вздохов. А теперь можно немножко покрутить поднос. Готфрид, прозрачный и светящийся — если смотреть со стороны зеркала, а не из зала — резко похудел, снова поправился. Вот он раскинул руки в патетическом жесте, маленький поворот — и тощий червяк размахивает коротенькими лапками. При вращении зеркала фигура колдуна смещалась то влево, то вправо. Поворот посильнее — Готфрид выехал за пределы алтаря, и все увидели, что у него нет ног. Послышались вскрики:

— Что это?! Это колдовство какое-то! Я уйду, мне страшно... А может быть, это чудо?

Эрвин достал тесто из рупора. Оттуда вырвался громоподобный возглас:

— Да прославится великое имя...

Эльф закрыл отверстие в конусе ладонью, оторвал руку, снова закрыл, теперь по залу разносилось оглушительное кваканье:

— Хог! Ах! Га! Хо!

И в завершении, Эрвин сильно накренил зеркало в сторону и назад. Над алтарем взмыла безногая фигура колдуна. Он наискось висел в воздухе с воздетыми куда-то вбок руками и зывал:

— Хогга! Хогга!

— Это грязное колдовство! Кошунство! Убить колдуна!

Люди вскочили с мест, но все еще не решались приблизиться. Если бы образ был более устрашающим, все бы кончилось паническим бегством. Но криво висящий над алтарем проповедник был слишком похож на ожившую куклу, и страх ушел. Двое смельчаков выбежали на сцену, а благоразумный Эрвин поспешил вернуться к своему господину.

Готфрид все еще раскачивался, протягивая раскрытые ладони к потолку, и призывал Хоггу. Он так глубоко погрузился в транс, что не осознавал начавшиеся в зеркале беспорядки. А там мелькали руки нечестивцев, пытавшихся ухватить бесплотный силуэт опозоренного и отвергнутого Учителя. На миг в комнату заглянула красная рожа графа Хавермонца с разинутым в крике ртом. Сверкнул чей-то меч. Потом отражение вздрогнуло и исчезло, в кабинете стало темно. Значит, кто-то уронил обсидиановое зеркало.

Эрвин зажег свечи и с тревогой смотрел на хозяина. Во время прежних молений с зеркалами сила Хогги беспрепятственно текла в зал, многократно умножалась участниками собрания и возвращалась в озеро полноводным потоком. И каждый молящийся обретал частицу великого дара Хогги — умения ненавидеть и убивать. Но теперь плавное движение силы было прервано.

Поднятые руки Готфрида дергались в конвульсиях. Казалось, что его скрюченные пальцы вцепились в невидимую веревку, а тело, как тряпичная кукла, безвольно болтается на ней. Серебряный шар летал на тяжелой цепи вокруг шеи, то и дело со стуком ударяясь в плечи и грудь герцога. Монотонные восклицания слились в непрерывный вой. Голова колдуна в треугольном клубке моталась взад и вперед, все сильнее и сильнее.

«Сейчас она ему башку оторвет», — эльф выхватил из-под ворота голубой шарик и с силой прижал его к сердцу Готфрида. Тот захрипел, подпрыгнул и, словно от сокрушительного удара, пролетел через весь кабинет, грохнувшись на рабочий стол. Эрвину пришлось сделать шаг в прошлое, чтобы убрать флакон с мертвой водой и другие бьющиеся предметы. Когда он стащил клубок с головы колдуна, то увидел посиневшее лицо, измазанное окровавленной пеной и закатившиеся белки глаз.

Эльф протер жутковатую физиономию хозяина мокрой тряпочкой и влил немножко вина в закушенные губы. Зрачки опустились на место, колдун попробовал приподняться, но тело, сотрясаемое дрожью, не повиновалось ему.

— Эльф, она хотела меня убить, — прошептал Готфрид.

— Да ладно, ваша светлость, не убила же... Вы бы в кресло лучше пересели, мне на столе прибраться надо.

Эрвин бережно укутал хозяина собольим плащом прямо поверх балахона и сунул в руку кубок с вином. Герцог рыскал по углам безумным взглядом и беспокойно бормотал:

— Я делал ее сильнее, я дарил ей рабов — а она опять чуть не убила меня... Зачем?

— Да ей все равно, что жрать. Она же — смерть.

— В Гилатиане что-то пошло неправильно... Это твоя работа?

— Ну, может, зеркало неровно поставил, — чистосердечно признался Эрвин.

— Ты это сделал нарочно, — голос колдуна звучал слабо и бесконечно устало, и гнева в нем не было, — объясни — чего ты добивался?

— Нельзя ее больше кормить. Вы не можете с ней справиться, вы же видите.

— Я понимаю. Ты снова меня спасал, да? А теперь убирайся отсюда, и чтобы я тебя больше никогда не видел.

— Прощайте, ваша светлость. Рад был находиться у вас в услужении. Если чего вдруг понадобится — колокольчиком подольше звоните, а то я спать ужасно хочу.

Эрвин настолько устал, что устроился на ночлег в кладовке замка на куче старого тряпья. Но перед тем, как заснуть, он все-таки мельком глянул на линии будущего своих подопечных. Вроде бы в ближайшие часы гибель никому из них не грозила, а с остальными неприятностями он разберется потом.

Глава 10. Наемники

Кашта стояла у единственной переправы в верхнем течении реки, и к ней вело множество дорог. Она все еще называлась селением, но жители уже считали себя горожанами и даже имели на это некоторое право — со стороны реки был возведен внушительный тын с закрывающимися на ночь воротами, чтоб удобнее собирать подать с проезжающих. Сельским хозяйством каштяне почти не занимались, куда доходнее было обслуживать путников. Три постоянных двора, кузницы, лавки сапожника, оружейника, кожевенника... Даже мальчишки не бездельничали, а целыми днями удили рыбу для знаменитых каштянских пирогов.

Вчера Марис и Тайра слишком поздно нашли гостиницу, очаг уже не горел, и сонная служанка выставила на стол остатки холодного супа и жилистый кусок вареного мяса — все, что осталось от ужина. По ее мнению, для таких голодранцев разводить огонь среди ночи стоило. Зато сегодня они проснулись как раз к завтраку, и наслаждались тающей во рту жареной рыбой с печеными овощами, Марис еще кувшин с пивом потребовал, а Тайра — сладкие пирожки на закуску. Выползли из-за стола отяжелевшие и не в меру веселые, пошли лавки смотреть. Ничего толком не купили, только новый гребешок для Тайры взамен сломавшегося, зато наторговались вволю.

Хмель понемногу уходил, и Тайре стало что-то беспокойно. Она украдкой глянула на шарик, он был совсем нехороший, мутно-красный.

— Нам, наверное, ехать пора.

Они побрели к гостинице, да, как на грех, по пути лоточник попался, убедил, что побывать в Каште и рыбного пирога не отведать — все равно, что со свадьбы трезвым уйти. Пирог был горячим, сочным, начинка вываливалась, так что они сели в тенечке на поленницу под чьим-то высоким забором и постарались прочувствовать несказанную вкусность знаменитого каштянского блюда. По правде сказать, им уже кусок в горло не лез, еле справились.

Расплатившись в гостинице, они безо всякой охоты залезли на коней и лениво потрусили к воротам. Очень хотелось вернуться назад и снова завалиться спать. Жарко было, тянущиеся к переправе возы поднимали густую желтую пыль. Наставленные в грудь пики неведомо откуда появившихся всадников не слишком впечатлили их. Ну, проверка очередная — ракайцы же...

— Подорожная есть?

— Какая подорожная? Мы в Гилатиан едем, на работу наниматься.

Старший уловил сильный акцент и обрадовался.

— И откуда вы едете?

— Из Кадара.

— Из Кадара, без подорожной... Давайте-ка их к капитану доставим.

Трактир у ворот не работал уже давно — его заняли под казарму. Хозяин не жаловался: какая разница, гостей проезжих или солдат кормить. Хлопот меньше, порядка больше. Половину слуг рассчитал. Война — это надолго.

В помещении, куда втокнули Тайру и Мариса, народу было мало. У самого окна знатный рыцарь что-то диктовал писарю, да в глубине зала тихо выпивали четверо воинов.

— Господин капитан, эти двое ехали без подорожной, говорят — из Кадара. Не иначе — шпионы. Кони хорошие.

Рыцарь — довольно невзрачный господин с изящно закрученными усами на одутловатом лице — безразлично глянул на пленников и кивнул своим воинам:

— Продолжайте объезд, — пододвинул к себе исписанный цифрами лист бумаги и, углубившись в расчеты, брезгливо процедил:

— Кто такие? Почему без подорожной?

— Братья Джан и Марис Карисы из Кадара, едем в Гилатиан, хотим на службу наняться, — бойко ответила Тайра. Марис изумленно уставился на подругу. Джан — это понятно, в память отца, но почему вдруг Карисы, а не Баркеты?

— Чем докажете, что не шпионы?

— Так мы же из Кадара, мы же ваши союзники... — и тут глаза Тайры стали совсем круглыми, — куда повели наших коней?!

— Ваши лошади именем императора конфискованы для нужд армии. А вы, если не докажете вашу невиновность, — рыцарь выразительно потер пальцами, — будете заключены в темницу, допрошены и, вероятнее всего, повешены.

Марис, доселе потерянно молчавший, шагнул к капитану и выкрикнул срывающимся от ярости голосом:

— Вы не имеете права! Мы приехали, чтобы служить императору!

Рыцарь поднял брови и посмотрел на пленников несколько внимательнее.

— Кребс, может, возьмешь этих? У тебя как раз двое дезертировали.

Один из сидевших в углу обернулся. Тайра похолодела — он был похож на вепря: бурая щетинистая рожа с отрубленным кончиком носа, глубоко спрятанные под нависшим безбровым лбом свирепые глазки.

— Этих? Они что, воевать могут?

— Мы умеем сражаться на мечях, — хмуро сказал Марис, уже начинающий понимать, что они влипли в очень нехорошую историю.

Вепрь неохотно отставил кружку и вылез из-за стола.

— Ну, пошли, покажете, что вы там умеете, — голос у воина был под стать наружности — сиплый рык.

Их вывели во двор, у коновязи на месте Маяка с Вороном дымилась кучка навоза. Трое сабутьельников тоже выбрались из трактира и с глумливыми ухмылочками прислонились к стене в ожидании развлечения.

— Чего ждете? Начинайте.

Они всегда дрались на деревянных мечях. Почувствовав в руке тяжесть железа, Тайра запаниковала — они же могут ранить друг друга. Марис подмигнул Тайре и встал в стойку. Он атаковал чуть медленнее, чем обычно, и показывал глазами, куда собирается нанести удар. Вскоре Тайра осмелела и сама перешла в нападение. Они не напрасно тренировались — бой получался что надо, с прыжками, криками, Марис даже пару раз перекувырнулся, уходя от удара.

— Ладно, хватит.

Тайра, увлекшись, чуть было не рубанула по плечу сразу остановившегося на окрик Мариса.

— Хорошо пляшете, ребята. Можете на ярмарке выступать — представлять «Бой короля Фуфеля с великаном Грымзом», полную шапку денег накидают. На коне так же прыгать

будете? Вот ты, давай-ка, — Кребс кивнул Марису, вытаскивая меч, — и не прыгай, считай, что на коне сидишь.

Марис был бледным и собранным, он не вполне понимал — это только игра, или профессиональный убийца может для потехи зарубить его насмерть.

Воин рубил в основном сверху, явно вполсилы, Марис парировал, стараясь показать все приемы, выученные в Ашере. На седьмом ударе его меч, крутясь, полетел в пыль.

— Неплохо. Правда, ты своему коню два раза бошку отрезал, а так — ничего. Ну, теперь ты давай... Щит только возьми.

Тайра щит и в руках-то никогда не держала, у Джана его и быть не могло. Хорошо, догадалась, что петля с обратной стороны — чтобы на руку его цеплять. Но, когда увидела, как на нее меч падает — щитом отбила. И раз, и два, и три, про свой меч вспомнила, только когда он на землю упал.

Из караулки выглянул главный начальник.

— Что, берешь этих?

Капитан смерил Тайру с Марисом убийственным взглядом, сплюнул.

— Да куда деваться, возьму. Захотят жить — по дороге подучатся, а нет, так и хрен с ними.

— Идите подпись ставьте.

На том берегу Шенны раскинулась бескрайняя пустошь. Порывы теплого ветра до земли прочесывали невысокую траву и редкие чахлые кустики. Даже пешему не укрыться, разве что ползком, а двое всадников будут красоваться в степи, как бородавки на лысине. Тайра с Марисом обреченно переглянулись и пристроились ближе к хвосту отряда. Придется потерпеть, пока снова не начнутся леса.

На них никто не обращал внимания. Солдаты ехали шагом, приноравливаясь к неспешному движению четырех тяжело нагруженных телег обоза, время от времени капитан скакал назад вдоль цепочки и рявкал на отстающих, чтоб не растягивались. Вместе с капитаном держали строй трое немолодых латников, они кружили вокруг отряда и орали на новичков еще злее своего начальника. Наемников было десятка два, в основном — иноземные. Больше из ближних краев, но попадались и дочерна загорелые степняки с девичьими косами, и даже совсем уж смуглый островитянин, разрисованный цветной глиной. Между собой все они говорили на искореженном почти до неузнаваемости ракайском. Кадарцев видно не было, но обсуждать побег вслух все равно не стоило — в разноплеменной империи многие знали по два-три языка.

Когда впереди обозначились первые перелески, Тайра поняла, что не доживет до свободы. Выпитое с утра пиво просилось на волю, она уже давно сидела на коне очень прямо, втянув живот, и пыталась обмануть природу. Руки отекали на глазах, избыток жидкости, казалось, ударил даже в голову. Все прочие солдаты справляли нужду прямо с седла, а в серьезных случаях спрыгивали с лошади на обочину, а потом вскачь догоняли отряд. Тайра не знала, куда глаза девать. В Ашере только дети позволяли себе такое свинство, да и то их ругали.

Когда они, наконец, добрались до первых деревьев, Тайра кивнула Марису и придержала коня.

— Может, попозже? Дальше лес вроде гуще.

— Сейчас. Иначе я умру.

Они пропустили вперед последнюю телегу и свернули в заросли. И тут же услышали конский топот и хруст ломаемых веток за спиной.

— Стоя-ать!! — к ним неслись сразу четверо ракайцев, наводя луки, — удрать вздумали?!

— Да животы у нас прихватило, пирогов объелись, — жалобно ответил Марис,

— На обочину, как все, — рявкнул капитан.

— У нас даже детям это не разрешается, позор же! — в отчаянье воскликнула Тайра.

— Вам что, религия запрещает? — удивился самый младший из ракайцев.

— Они из Кадара, нет там такой религии.

— Не знаю, как в остальном Кадаре, а в нашей Ашере прилюдно гадить запрещено, — твердо ответил Марис, понимая, что Тайру надо спасти.

Глядя на корчащегося в седле солдатыка, Кребс задумался. С одного боку понятно — сбежать хотят. С другого — мало ли, может и правда вера у людей такая. Вот, трое степняков рыбу едят, а двоим нельзя — грех. Или тот, с островов — возит с собой полено с глазами и хлебом его кормит. Капитан снисходительно относился к религиозным чудачествам наемников, лишь бы воевали.

— Ладно, раз религия — разрешаю. Только по очереди. Если один сбежит — второго казнь на месте, как пособника дезертира.

Тайра пустила Маяка в галоп.

Оставалась надежда на ночной побег. Но к вечеру отряд остановился возле озерца на широком лугу, телеги поставили квадратом и по углам развели костры, которые до утра поддерживали часовые, сменявшиеся три раза в ночь. К табуну еще двоих приставили. Почти всем солдатам приходилось за ночь разок подежурить. Кроме Мариса с Тайрой, их раз и навсегда прозвали «красавчиками» и «дезертирами», вроде бы не обижали, но и глаз не спускали. После ужина — невкусного, зато обильного — солдаты развалились вокруг центрального догорающего костра. Кто-то сразу уснул, но после легкого перехода у многих оставались лишние силы, хотелось выпить и потрепаться перед сном.

— А чего это мы сегодня обороняемся, как будто у врага в тылу, что в этом краю такого опасного? — спросил наемник из Наррата.

— Так мы в земли графства Виндом вошли, — ответил один из ракайцев.

— А что, графство Виндом — не Ракайя?

— Ракайя, конечно, только ни император, ни граф Виндом к тебе на помощь не прискачут, если на нас Волк нападет.

— Это мы, значит, волков так боимся? Отряд в двадцать пять человек? — все, кроме ракайцев, заржали.

— Досмеетесь, дурни. Их по тридцать, а то и по пятьдесят нападает, с луками и арбалетами, из темноты стреляют.

— Волки, что ли, из луков стреляют?

Тут уже ракайцы расхохотались.

— Хватит над новичками издеваться, откуда им знать — пришлые, — вмешался ракаец постарше, — не звери они, разбойники это здешние. Волком их вожака кличут. Он-то и правда в волка перекидывается, оборотень он.

— Брось заливать!

— Не знаешь, так помолчи. Они, когда нападают, по-волчьи воют. А вожак этот никогда свой шлем не снимает, морда у него шерстью заросла.

— А я другое слышал, — сказал второй ракаец, — проказа у Волка, лицо почти все сгнило.

— Была бы проказа, свои давно бы пришили. Кому заразный вожак нужен? Сгорело у него лицо, деревню поджег и сам в кольцо огня попал.

— Когда это Волк деревни палил? Он только на богатые караваны нападает и на военные обозы, а в деревнях какую добычу возьмешь — кур, что ли? Точно вам говорю — он или оборотень, или просто псоглавец.

— Все они оборотни, я своими глазами видел, — низенький, забитый и никем не уважаемый ракайский солдатик впервые привлек всеобщий интерес. Поэтому рассказ он вел важно и неторопливо, стараясь продлить минуты нежданно выпавшей на его долю славы.

— В позапрошлом году я стражником к одному купцу нанимался, и вот как-то раз вели мы караван из Кашты через Виндом. Вечер уже, пора лагерем становиться — а кругом лес, страшно. Решили до поля добраться, там и ночевать. И вдруг сзади вой волчий. Наш главный велел к обороне готовиться, а купец посмотрел на него, как на дурня, и говорит — удирать надо, пока целы, а возы оставить. И сам вперед поскакал. Ну, мы что — наше дело маленькое, едем за ним. Немножко проехали — а впереди тоже воют. Мы в лес, коней бросили, в кусты залегли. Слышим, мимо нас отряд проскакал. И все, тишина. Так до утра и пролежали. А когда вернулись к возам — глядим, половина-то добра целехонька, волы стоят себе, а лошадей наших нет. И взяли они только оружие, которое купец на продажу вез, провизию и вино, а ткани шелковые, дорогие, не тронули. Ну, это понятно — зачем хищным зверям шелк? Купец так нам и сказал — если с оборотнями в драку не лезть, они на людей не нападают, даже товар не весь заберут. Ну а с лошадьми придется распрощаться — мяса-то волкам хочется.

— А чего ж они волов ваших не сожрали?

— Так волы-то с рогами, себя в обиду не дадут.

Тайра про оборотней не слишком поверила, но на разбойничий набег понадеялась — вдруг удастся убежать в суматохе.

Но и эта ночь, и все следующие проходили спокойно. Дни были ужасны. Весеннее солнце подсушило дороги, и солдаты ехали с замотанными до глаз лицами в собственном облаке невесомой, разъедающей веки белой пыли. Кожа зудела от пота и расчесанных в кровь блошиных укусов. Через пару ночевок у Тайры нестерпимо зачесалась голова, и Марис выудил из ее волос крупную вялую вошь. Пару раз по пути попадались реки, это оказалось самым тяжелым испытанием. Тайра плашмя лежала в траве, чтобы не видеть радостную ораву плескавшихся в воде голых мужиков и еле сдерживала слезы зависти. Марис из солидарности сидел рядом с ней и злобно объяснял любопытствующим, что у них в Ашере мыться — страшный грех, даже смотреть на такое зазорно.

Одному только Шмелю дорога показалась райским наслаждением. Не надо трястись на конской спине, не надо бежать за хозяйкой, глотая пыль. Он подружился с веселым маркитантом и теперь сутками спал на его телеге или просто валялся на вершине горы мешков, лениво озирая окрестности. Наемники уважали Шмеля, отчего-то сочтя его боевым псом, и щедро делились с ним недоглоданными костями. Скоро он начал откровенно жиреть, временами Тайра сгоняла его с повозки и заставляла идти пешком, чтобы он совсем уж не превратился в свинью.

Капитан берег лошадей и между переходами устраивал длинные дневки. К людям он не испытывал ни малейшего сострадания: пока кони паслись, солдаты рубили мечами и кололи

копьями соломенных врагов, стреляли по ним из луков. Тайра договорилась с Марисом, что целиться они будут исключительно в кусты — хорошие лучники в отряде ценились, и присмотр за ними мог стать еще строже. Впрочем, и того, что был, вполне хватало. Лагерь всегда ставили в открытом поле, маркитанты отправлялись в ближайшее селение за провизией, и попытки увязаться за ними грубо пресекались. Когда приходилось проезжать через селение или густой лес, ракайцы носились взад-вперед вдоль строя не хуже пастушьих псов.

Где-то через неделю они стали понимать, что побег невозможен. Даже если бы представился случай — усталость, нарастающая с каждым днем, отупляла и сковывала волю, как чугунная цепь. Оставалось надеяться на пункт прибытия, там наверняка начнется неразбериха. Но куда их гонят? За ужином Тайра подседа к трепливому ракайскому наемнику, любителю поучать новичков.

— Мы, конечно, за Ракайю пошли воевать, но хотелось бы поточнее узнать — с кем мы воюем и из-за чего эта война ведется?

— Ну, темнота! Одно слово — кадарцы.... Феруат уж почти двадцать лет наш злейший враг. Как старый император помирать начал, они тут же вообразили, что теперь Ракайя у них в кармане. Тамошний герцог — двоюродный брат нашего Янгиса, вот он и заявил права на престол. Янгис будто бы незаконный сын. Как он может незаконным быть, когда в законном браке родился? Мало ли чего про мать его брещут, было бы это правдой — император ее с дитем нагулянным враз бы казнил, ну или хоть прогнал бы.

— А почему только через двадцать лет войну начали?

— Так сначала с Нарратом надо было разобраться, они тоже на ракайский престол зарились. Жена князя ихнего — старшая сестра нашего Янгиса была. А зачем нам баба на троне?

— У нас в Кадаре муж наследной принцессы может стать королем, только если сыновей нет.

— Так и у нас точно также! А Наррат мало того, что Янгиса пащенком объявил, они еще и про то забыли, что двоюродный брат вперед мужа старшей сестры наследником считается. Ну, от их выводка, слава Небесам, мы никого не оставили. Одна только Стефания ваша кадарская, да она не в счет, — она покойному нарратскому князю племянница, на наш трон не полезет. Потом мы с горцами воевали, мятежей тоже много было, не до Феруата. Лет пять назад с графством Раттен разобрались, там дядя Янгиса сидел, он тоже, старый хрыч, претендентом считался. Только теперь руки до Феруата дошли. Они до того оборзели, что на перевале крепость выстроили — от нас защищаться. Да еще с караванов наших пошлину дерут, как будто ихний герцог Янгису не родня. А нам оно надо?

Тайра помотала головой, запутавшись в династической премудрости.

— Да, дела... И что, император уже со всеми претендентами на престол разделался?

— Вот как возьмем Феруат — тогда и будет все. Из тех, кто мог бы против императора пойти, один герцог Брейд останется — он тоже двоюродный, по другой линии, но он нам не враг. Когда престол делили, Брейд еще пацаном был, а отец его одним из первых Янгису присягнул.

Значит, Феруат. Это даже не граница империи — герцогство отделяла от Ракайи неприступная гряда Драконьих гор. Там, где они соединялись с Великими горами, по речным ущельям шел единственный путь на перевал. Тайра попыталась вспомнить карты из «Полного описания земель, морей и островов». Когда-то она затерла их до белых пятен, вода

по ним пальчиком и предаваясь идиотским мечтам о дальних странствиях (лучше бы кулинарию изучала). В самом уголке между двумя разлапистыми полосками, изображавшими горные массивы, стояла жирная черная точка. Город Рокингем. Его не миновать по дороге к перевалу, и в нем должны стоять войска, готовящиеся к захвату Феруата. Если они не сумеют затеряться в этом городе, значит, погибнут в первой же битве.

Кажется, капитан Р. не слишком торопился на войну. Чем ближе к Рокингеми, тем чаще их обгоняли отряды конников. Да и пешие воины, утром оставленные далеко позади, снова проходили мимо них во время привалов. Ракайцы то подгоняли, то притормаживали наемников, стараясь не смешивать отряд с людским потоком. Медленнее, чем они, передвигались только рыцарские копыта. Каждое копыто сопровождали тяжело нагруженные повозки, десятки слуг, оруженосцы вели в поводу огромных боевых коней в наглухо закрытых разноцветных чепраках. Когда Тайра увидела первого такого коня, она не поверила, что перед ней живое существо, решила, что это какая-то военная машина. Его и разглядеть было невозможно: синяя узорчатая ткань доходила почти до земли, как юбка, на морде — чехол с вырезами для глаз. Не бывает таких огромных лошадей.

А через несколько дней они проезжали мимо ручья, на берегу которого стоял нарядный шатер. Богатырски сложенный рыцарь свирепо рубил воздух мечом, оттачивая удары. У воды двое слуг держали под уздцы совершенно невероятного, черного как ночь зверя, еще двое надраивали щетками его сверкающие бока. Макушки людей и до холки ему не доставали. Могучая грудь с лепными буграми мышц была шире, чем у быка. Конь слегка переступил копытами, зазевавшийся слуга потерял равновесие и двумя руками вцепился в повод.

— Вот это да-а-а, — протянула пораженная Тайра.

— За такого я бы год жизни отдал, — вполголоса сказал Марис, но Тайра услышала и немедленно обиделась за своих лошадей.

— На что он нужен? Ты посмотри, на них даже не ездят, водят на поводке, как собачек.

— В бою перед ним никто не устоит. Поставь наших кляч рядом — вроде ослов будут выглядеть.

— Сам ты осел и кляча. Наши кони через всю империю нас провезли, а эти — только людей давить годятся. Ты что, обменял бы Ворона на такого бычару?

— Нет, наверное, — но в голосе Мариса явственно слышалась печаль.

Тайра молчала, ей было чуточку стыдно за то, что пришлось охать действительно великолепного зверя. Почему она постоянно лается с Марисом? Все, связанное с войной, вызывало у нее раздражение. Мужчины устроены по-другому, и ничего с этим не поделаешь.

Дорога все теснее прижималась к предгорьям. Дневные привалы стали короче, изнурительные тренировки прекратились. И вот с вершины очередного холма открылась синяя зубчатая линия, она тянулась вдоль всего горизонта. На следующий день стена гор выросла, стала распадаться на ближние и дальние вершины. Лагерь разбили задолго до заката, прямо посреди вытоптанного крестьянского поля. Капитан и еще один ракайский латник куда-то уехали, вернулись поздно, после ужина. Марис и Тайра не разговаривали между собой, стараясь не привлекать лишнего внимания, и почти не спали. Завтра — Рокингем, и они должны будут бежать.

Скала ребристой тушей вползала в узкое ущелье, и речке, бегущей по дну, приходилось петлей огибать огромный камень, стоящий здесь испокон веков. Дорога тоже была древней, ее столетиями понемногу расчищали и выравнивали, теперь она бесконечной ровной лентой

тянулась по склону горы, повторяя все изгибы ущелья. Там, где на пути встречалась скала, дорога продолжалась по вырубленной в камне широкой ступени.

На вершине скалы сидел Эрвин и уже в третий раз просматривал все линии возможностей наступающего дня. Смотри — не смотри, а в полдень на этом повороте Хогга неизбежно убьет Тайру и Мариса. Человеческие жизни, унесенные во время последних битв, раскормили сознание Хогги, она обрела способность к предвидению и уже ясно чувствовала, что Тайра может стать одним из звеньев цепи, которая когда-нибудь ее скует. До других звеньев Хогге пока не добраться — но Тайры она однажды коснулась, и теперь легко брала ее след. И сама девушка, и каждый, кто был рядом с ней, находились под пристальным взглядом смерти. У Эрвина не было ни малейшей власти над теми силами, которыми пользовалась Хогга. А вот жертву можно попытаться подменить.

Лагерь спал, и часовые тоже дремали у костра. Вблизи Рокингема, переполненного внутри и окруженного снаружи ракайскими войсками, им ничего не угрожало. Закутанный в темный плащ мальчишка бродил среди палаток, вглядываясь в лица спящих, пока не обнаружил того, чья жизнь должна оборваться в предстоящей битве. Почти наверняка — хотя совсем небольшая вероятность выжить у него была. Теперь не будет. Он был отчаянно смелым, этот парень. И наступающий день он мог пережить только потому, что привык повиноваться приказам. Эрвин достал его фляжку и доверху наполнил крепким вином. И что теперь приказы для молодецкой удали? Жаль героя, одно хорошо — не убить ему в последнем бою нескольких феруатцев.

Второй обреченный на скорую гибель был трусом. Не из-за подлости или непомерной любви к себе — просто нервы у него от природы были слабыми, а воображение — сильным. Что его заставило податься в наемники? Эрвин мельком глянул на прошлое бедолаги. Все, как обычно — нищета сгубила. Браконьерствовал, чтобы подкормить семью, в угодах своего барона. Был пойман и отправлен воевать вместо другого, более дельного парня. Еще повезло, что война началась, а то бы просто повесили. Такому совсем немного надо, чтобы на тот свет его отправить. Тем же крепким красным вином, сворованным у маркитанта, эльф нарисовал на пологе палатки скрещенные кости и поставил красную метку на лоб солдата. Остальное доделает воображение. Проверил новые линии будущего — вроде должно сработать. Эрвин выбрался из палатки, сторбившись еще сильнее, чем обычно. Он почти ненавидел себя.

Острые крыши Рокингема повторяли очертания возвышавшейся над городом стены Драконьих Гор. Ученые люди говорили, что Драконьи Горы древнее Великих, возможно, они стояли со дня сотворения мира. Их зубцы и пики, абсолютно недоступные для людей, действительно напоминали вздыбившиеся гребни ящеров. Но прозвание они получили не за сходство с драконами — эти горы были когда-то обителью древних чудовищ. Обвалы часто обнажали гигантские кости и зубастые черепа, наводившие ужас — одна такая тварь без труда могла бы уничтожить войско.

Отряд снялся на рассвете, еще затемно перекусив остатками ужина и щедро нарезанными ломтями вяленого мяса. Предупредили, что до вечера остановок не будет. Перед городскими воротами капитан рявкнул: «Красавчиков ко мне, живо!» и взял под уздцы Ворона. Маяка повел один из троицы латников, двое других прихватили ракайского замухрышку, хваставшегося знакомством с Волком, и еще какого-то парня, кажется, родом из Раттена.

Марис попробовал возмутиться:

— Вы что, нас за трусов держите? Мы и не думали бежать!

— Вот и не думайте, геройчики. От мыслей голова болит, а от болтовни — зубы, —

Вепрь выразительно покрутил мясистым кулаком с надежно зажатым поводом.

Улицы города были забиты воинами, повозками, лошадьми. Ни одного горожанина. Орала командиры, выстраивая солдат, орали солдаты, разыскивая друг друга в толпе. Тайра, стиснув зубы, пересчитывала все упущенные возможности побега. Их было много. Вот тут — чуть отстать, напролом рвануть через шпабеля припасов, перегораживающих кривую улочку... Здесь — замешаться в гущу всадников. Перерубить мечом повод, и вскачь... Но как подать сигнал Марису? Он далеко впереди, и Вепрь обещал убить его, если она сбежит. И не было уверенности, что она отобьется от своего конвоира. Точнее, было знание — ракаец прикончит ее без раздумья.

Сразу за дальними воротами дорога завернула в ущелье. Их отряд пристроился в хвосте длинной вереницы всадников, вслед за ними потянулась цепочка следующего отряда. Справа бежала быстрая мелкая речушка, похожая на Тану, и Тайра все думала: когда их отпустят — не могут же их тащить на прицепе до самого Феруата — они перемахнут на тот берег и скроются в зарослях. Ракайцы не станут ломать строй ради расправы с беглецами, ведь вплотную за ними едут другие всадники. Потом дорога пошла вверх, речка нырнула под крутой откос, а слева вырос склон горы с деревьями, спеленутыми непролазной сетью ежевики. И только тогда она увидела поджидающего ее на обочине Мариса. Он обмяк в седле, как мешок с картошкой, и выражение у него было точно такое же — серое и бессмысленное

— Что, теперь сами поедете? — ракаец отпустил Маяка и поскакал назад, в хвост отряда.

— Слушай, мы завтра в Феруате удерем. Не будут же они в бою нас за ручку водить! — прошептала Тайра, стараясь не смотреть на обреченное лицо Мариса. Он молча кивнул и медленно развернул Ворона — так, чтобы между ним и Тайрой оказалось несколько всадников.

Впереди раздались крики и надрывное ржание коней. В этом месте ущелье было довольно узким и круто заворачивало вправо, огибая скалу, так что причина паники оставалась непонятной. Оползень? Атака феруатцев? Там, у поворота, всадники прыгали с лошадей и исчезали в кустах. Наконец волна крика докатилась до их отряда:

— Дети Хогги!

— Слеза-ай! Все в укрытие, лучники — к бою! — заорал капитан, соскакивая с коня.

Ничего не понимающая Тайра повернула Маяка к кустам. Какой-то ракаец схватил ее за локоть, швырнул на землю и вырвал поводья из рук.

— С дороги! Брось коня, затопчут!

Из-за поворота к ним мчался обезумевший табун. Маяк вскинулся на дыбы и влился в грохочущую лавину взмыленных коней. Ближайшую телегу вместе с не успевшей развернуться на узкой дороге лошадью смело с обрыва. Несколько споткнувшихся коней бились на земле. Табун пронесся мимо, сея панику в идущих следом войсках.

— Вот он!

Лучники натянули луки. Ящер летел над ущельем, медленно и тяжело взмахивая кожаными крыльями, в его лапах дергался живой человек.

— Целься в крылья!

Полетели редкие стрелы, все боялись попасть в висящего в небе воина. Было уже видно, что в руках человек держит меч — снизу он выглядел обломком соломинки— и этой соломинкой он бил и бил по вцепившимся в него лапам. Наконец ящер разжал когти и выпустил непокорную жертву. Глядя на кувыркающуюся в воздухе фигурку, люди осеняли себя кругом.

— Лучше так, чем быть сожранным.

Под градом стрел ящер круто набрал высоту и пропал из виду.

— Второй!

Этот летел низко, высматривая добычу и не обращая внимания на отскакивающие от чешуи стрелы.

— В глаза!

Лучники лежали на обочине и выпускали стрелу за стрелой, зная, что в любого из них могут впиться кривые лезвия когтей. Ящер еще немного снизился, расставил лапы, выбирая жертву. Кто-то не выдержал и метнулся в кусты — его сбил с ног удар крыла. Зверь на лету изогнул змеиную шею, чтобы подхватить лежащую на дороге еду — и грянул оземь. Металлический скрежещущий рев пронесся по ущелью, ящер забился, пытаясь взлететь, взметая облака пыли.

Его окружили, расстреливали из луков и арбалетов, бросали в него копья, рубили мечами крылья — пока он не перестал содрогаться, и жизнь не ушла из оранжевого птичьего глаза. Второго не было, в кровавой глазнице торчал арбалетный болт.

Забыв про сгинувших невесть куда лошадей, солдаты столпились вокруг чудовища. Не так уж он и велик был, тело не больше бычьего, ну, конечно, еще хвост, похожий на гигантскую толстенную змею, и голова размером с конскую на длинной шее. Морда длинная, узкая, вроде бы в клюв переходит, только клюв этот был зубастым. Вот крылья — это да, каждое поболее телеги. Шкура покрыта крупной костяной чешуей, между пластинами торчат обломки стрел и арбалетные болты.

— А рассказывали — дети Хогги давно исчезли.

— Мой дед одного такого видел, пацаном. Говорил, что ящер — это дурное знамение, а тут сразу два.

— Второй-то не вернется?

— А шут его знает.

— Чего их лошади так боятся, он же коня не поднимет?

— Так они же такую жуть в первый раз видят, а в старину, говорят, всадники с ними бились.

Вспомнив о лошадях, отправились их искать. Они встретились неподалеку — те, что выжили. Табун врезался в едущее сзади войско и унес в пропасть много конских и людских жизней. Четверо всадников из отряда стали теперь пехотинцами. Но Маяк и Ворон были целы, сами пришли к хозяевам.

Когда десяток солдат, дружно ухая, сталкивал ящера в речку, под тушей обнаружили раздавленные ошметки побежавшего воина. Скинули с обрыва вместе с ящером — хоронить было совсем нечего, разве что кольчугу.

— Почему их называют детьми Хогги? — спросила Тайра, когда отряд, наконец, двинулся дальше. Солдат посмотрел на нее с недоумением — что тут ответишь, все равно, что объяснять, почему корова коровой называется. Потом подумал немножко и сказал:

— Ну как, они же смерть несут, и в пещерах живут.

— А сама Хогга — это что такое?

От такого вопроса солдат впал в столбняк. Кадарцы, известное дело, невежды, но чтобы настолько...

— Вам что, сказок в детстве не рассказывали? Хогга — демон подземный, у нее три ряда зубов, восемь пар рогов, на хвосте — жало, кто ее увидит, сразу умирает от страха.

— Другие у нас сказки, — ответила Тайра. Как у озера может быть восемь пар рогов? И от страха она не умерла. Мало правды было в словах солдата.

Весь день воины задирали головы к небу в ожидании нового нападения ящера, и это спасло много жизней. Кто-то вовремя заметил маленькую фигурку на нависшем над дорогой обрыве и поднял тревогу. Отряд подался назад, обрушившиеся со склона камни сбили в пропасть только одного всадника. Посыпавшиеся сверху стрелы причинили еще меньше вреда — коней пустили галопом, прикрывая головы щитами. Пала одна лошадь и кому-то прострелили ногу, а десяток воинов уже карабкался на обрыв. Никого, конечно, не нашли, но засаду спугнули.

— Горцы, гаденыши. Они тут на стороне Феруата воюют.

По цепочке передали, что передний отряд потерял пятерых в такой же засаде. Ехали без остановок, на подъемах кони хрипели и покрывались черными пятнами пота, но ночевка в этих горах означала смерть. И когда к вечеру за очередным поворотом показалась крепостная башня, воины завопили, потрясая копьями, как будто одержали славную победу.

Глава 11. Битва при Мозире

За крепостью начинался горный склон, сплошь заполненный рядами палаток. Их отряд разместили ниже, в лесочке. Там тоже на каждом шагу можно было споткнуться о натянутую веревку, но все-таки палатки стояли не так густо. Воспользовавшись суматохой, Тайра бросила Мариса обустроить жилище и углубилась в лес в поисках уединенного местечка. Куда не сунешься — везде солдаты слоняются. В конце концов отыскала яму, заросшую высокой крапивой, и присела, обстрекавшись до пояса. Выскочила, преисполненная злобы и твердой решимости немедленно дезертировать. Но побег следовало начать с разведки. Лес оказался совсем жиденьким, тянулся узкой полоской вдоль горного подножья. Тайра за полсотни шагов прошла его насквозь. Вдоль внешней опушки уже стоял двойной ряд телег, огораживающий территорию лагеря. Часовые разводили костры. Тайра забралась на ближайшую телегу и ахнула — перед ней открылся вид, какие на гобеленах для красоты вышивают. Поле, покрытое алыми маками, плавно спускалось к заросшему цветущей черемухой оврагу. Белая-белая дорога пересекала поле, исчезала в ложбинке, а потом уходила влево, к городу на вершине холма, светящемуся теплым золотом под косыми лучами уходящего солнца. Он стоял далеко, и все равно было видно, как высоки его стены и башни, как прекрасен стрельчатый собор, возвышающийся над ними. Огненный силуэт города казался очень четким и все же нереальным, как будто не каменные здания, а гряда вечерних облаков лежала на холме. А направо, вокруг ясного солнечного диска, небо нарисовало сказочное подобие прекрасного города — столбы облаков, похожие на башни и замки.

Пожилой солдат с висячими белыми усами вскочил на повозку, осмотрелся и добродушно улыбнулся Тайре:

— Красиво, да? Это Мозир, завтра его брать будем.

— А долго осада будет длиться?

— Какая там осада, завтра же и возьмем.

— Такие высоченные стены?

— Стены хорошие, были б там воины — до осени бы продержались. Так-то воины, а то горожане, баранье стадо, запасы подьедят и сдадутся, как миленькие. А этот Мозир и обороняться не станет, как войско подойдет, сразу с поклонами ключи вынесут. Это же вольный город, зачем им за феруатского герцога кровь проливать? Еще и на поставках заработают. Так что, сынок, на грабежи и девок особо не надейся, это все потом будет.

— Там что, пожар? — спросила Тайра, не желавшая продолжать разговор о девках. Блекнувшие краски заката перечеркнул столб черного дыма над дальней деревушкой.

— А, это мародеры наши шалят. Не могут по-людски — провиант спокойно собрали и в лагерь привезли, обязательно все пожечь надо. Ты из пехоты или всадник?

— Всадник.

Тогда запомни, если осада все-таки начнется — вперед не суйся, от конницы во время осады проку нет, зато мишень хорошая. Сзади держись.

— Спасибо, запомню.

Тайра с облегчением избавилась от добросердечного дядьки, еще чуть-чуть, и он стал бы давать ей уроки грабежа. План бегства был готов. Назад через ущелье, по которому тянутся имперские войска, конечно, нельзя. Но Мозир стоит почти на границе с

королевством Ликейей, а ее столица — портовый город. Завтра во время осады они с Марисом незаметно отобьются от своего отряда и уйдут в горы. Гряда тянется как раз до берега, там выступающий в море вулкан отрезает путь для сухопутного сообщения с Ракайей. Но кто мешает им нанять лодку?

— Вста-аать! По коням! — пинок сапога чуть не обрушил палатку. Шмель, обычно относившийся к военному начальству с трусоватым уважением, спросонья вызверился и с лаем кинулся в бой.

— Пса к палатке привяжи, в битве затопчут, — посоветовал ночевавший вместе с ними ракайский наемник и сунул Марису в руку две красные полоски ткани.

— Велели на руку повязать, чтоб своих с чужими не путали.

— А чего нас в такую рань подняли, темно же еще? — недовольно поинтересовался заспанный Марис.

— Напали на нас, часовые сказали — конница от Мозира к нам идет. Живей давайте, наши все выехали, — сам солдат был уже в доспехах, не рыцарских, конечно, но и кольчуга и шлем у него были, так что натягивавшая жалкую шапку с железной крестовиной Тайра завистливо вздохнула. Солдат понял ее и подбодрил:

— Ничего, с убитых потом доспехи снимете.

Тайру передернуло. Утешало, что на ее обноски никто не позарится, так похоронят.

Под ругань командиров и ржание наспех седлаемых коней всадники выстраивались на опушке. Небо побелело, и с пригорка хорошо было видно вражескую конницу. Они шли рысью, широким клином, издали казалось, что их не так уж много. Сколько всего было ракайцев, Тайра не видела — они с Марисом оказались почти на самом краю правого фланга, знамена командиров развевались где-то сбоку от них.

— Старайся держаться сзади, в кучу не лезь, — тихо сказал Марис, перегнувшись к Тайре. Она кивнула и заранее выставила щит, прикидывая, как бы им защититься со всех сторон. Впереди зазвучал горн, ему откликнулись рога капитанов, а кони уже скакали. Тайра ослабила повод, Маяк сам выбирал путь в несущемся галопом табуне.

— Ракайя! Единый Бог — единая империя! — орали вокруг нее. Тайра вцепилась в пик, чувствуя себя частью несокрушимой лавины. Сердце тяжелыми ударами гнало кровь в голову, затуманивая рассудок. Впереди тоже запел горн. Маяк понемногу обгонял соседних коней, несущих крупных мужчин. Тайра, опьяненная бешеным галопом, слегка пришпорила лошадь — и вырвалась на открытое поле. Навстречу летела ощеренная пиками конница врага.

Обе лавины столкнулись и разбились друг о друга. Кто-то продолжал скачку сквозь войско противника, где-то завязались поединки, несколько человек уже были сбиты на землю, под копыта лошадям.

Неприятельская конница скакала вразброд, Маяк выбирал просветы и мчался вперед, не сбавляя скорости. Навстречу вылетел какой-то парень с пикой наперевес, он был не старше Тайры. Она мотнула головой в сторону и пронеслась мимо, парень округлил глаза, но пропустил ее. Следующий воин не дал Тайре уклониться от боя и направил коня прямо на нее. Привстал на стременах, замахнулся копьем. Тайра отбила удар снизу, древко ушло куда-то вбок и пика вырвалось из рук. Маяк, весь в пене, вынес ее на открытое поле и остановился. Крики и лязг оружия остались позади. Ракайские всадники, прорвавшиеся сквозь битву, разворачивали лошадей, чтобы ударить врага с тыла. А со стороны оврага

быстрым шагом поднималась шеренга пехоты. Это было городское ополчение — кто с копьем, кто с луком, кто с топором.

Оказавшись в одиночестве между двух войск, Тайра утратила боевой задор. Поискала глазами Мариса — но в гуще сражения ничего, кроме конских круп и грив да блеска лат, нельзя было разобрать. Темная вопящая масса мельтешила, кишела движением, разбрызгивала алые фонтаны то ли крови, то ли маковых лепестков, но оставалась на одном месте. Тайра решила обогнуть битву и переждать где-нибудь сбоку. Из месива боя на поле вырвался всадник, кажется, он не был ракайцем: и красной перевязи не видно, и шлем плоской тарелкой. Тайра попыталась объехать его, но он скакал наперехват с занесенным для удара мечом. Тайра тоже на всякий случай достала оружие и лягнула Маяка, он нехотя поднялся в галоп. Воин пришпорил свою серую кобылу, она заржала и понеслась так, что чуть не врезалась в Маяка. Тайра чудом отбила удар тяжеленного меча и завизжала:

— Нет! Не надо! — надеясь, что воин поймет, что она — девушка и поищет себе более достойного противника.

Но воин тоже что-то орал и не слышал ее. Следующий удар прошел мимо — Маяк уводил хозяйку из-под меча, кружась вокруг кобылы. Воин, оскалившись, вопил: — «Мозир! Мозир!» и упорно преследовал Тайру. Он был хорошим бойцом, Тайра пару раз увернулась, заслонившись щитом, но достать его не могла. Рука сама собой потянулась к шарику. — «Нет». Она не знала, откуда пришел абсолютно непререкаемый ответ, но поняла, что на этот раз ей придется справляться самой. Воин рубанул с такой силой, что Тайра чуть не вылетела из седла. К счастью, в момент удара Маяк рванулся вперед, лезвие скользнуло по лезвию, но руку свело болью. Еще пара атак — и все... Надо бежать.

Она стукнула коня пятками, тот захрапел, свечой вскинулся на дыбы. Тайра потеряла поводья и кубарем полетела на землю, тут же провалившись в синюю тьму.

Когда дыханье восстановилось, и она смогла привстать, обе лошади неслись по кругу. Хозяин серой нещадно всаживал шпоры в ее бока и бессмысленно дергал закушенную узду. Шеренга пехотинцев приближалась размеренным бегом, уже можно было различить их лица.

— Ма-яяк!! — закричала Тайра из последних сил. Конь наконец остановил кобылу, сшиб всадника передними копытами и с торжествующим ржанием взгромоздился на ее круп. Тайра попробовала подняться на ноги, не смогла, уткнулась лицом в колени и в голос разревелась.

Это было первое сражение Мозира с империей, и его защитники еще не научились считать каждого ракайца бешеной собакой, которую надо немедленно убить. Увидав лошадиную случку на поле боя, а рядом — громко рыдающего молоденького солдатика, ополченцы заржали не хуже коней и побежали дальше, отпуская похабные шуточки по поводу возможной причины горьких слез.

Один из них хлопнул Тайру по плечу и сказал на ломаном ракайском:

— Не плачь, парень, она тебе тоже потом даст.

Смерть с жизнерадостным хохотом промчалась мимо.

Маяк натешился, подошел к хозяйке и виновато склонил голову. Чуть поодаль скромно стояла серая кобыла. Тайра ухватилась за роскошную белую гриву и кое-как поднялась. Руки-ноги вроде были целы, только сломанное ребро мешало дышать. Серая подошла поближе. Она была на редкость хороша — легкая, тонконогая. спина в белую крапинку, хвост и грива вороные. Ну не бросать же такую красавицу! Девушка погладила ее по носу,

осторожно подобрала поводья и, кусая от боли губы, забралась в седло. Маяк-то уж точно от хозяйки не удерет. Конь, кажется, удивился такому повороту судьбы, впрочем, возражать не стал и весело побежал в поводу.

— Эээ!

Тайра обернулась на крик. Ее недавнему противнику досталось сильнее — Маяк задел его копытом по лицу, из разбитого рта текла кровь. Стоял он скрючившись, но махал обеими руками, показывая, что лошадь ему надо вернуть. Тайра ответила неприличным жестом.

Сражение перемещалось в сторону лагеря, оставляя за собой корчащиеся тела и бьющихся на земле лошадей. Из-за леса, где стояли палатки, валили клубы дыма. Тайра усвоила опыт — к битве близко лучше не соваться — и поехала вдоль нее, осторожно огибая тела. Когда же кончится этот ужас? Она несколько не сочувствовала ракайцам, неизвестно зачем напавшим на Феруат — но жаль было напрасно загубленных жизней. И было страшно за Мариса. Внезапно Тайра увидела его. Непонятно, как она различила друга среди одинаковых коричневых фигурок, да и черных лошадей было немало — но сразу же поняла, что ему нужна помощь. Он бился с двумя всадниками одновременно. Тайра выхватила меч и вскачь погнала лошадей. Один из противников Мариса свалился с коня, другой — но он, кажется, не был противником — хлопнул его по спине и ринулся в гущу битвы.

— Не ранен?

— Вроде нет, плащ только порвал. Зашьешь потом?

— Давай выбираться отсюда, а то опять в драку попадем, — пока они стояли, совсем рядом здоровенный мозирец оглушил щитом ракайца, и, отбиваясь от его расвирепевшего коня, уже поглядывал на Тайру с Марисом — не сшибиться ли с ними.

И тут затрубил горн. Мозирская конница развернулась и понеслась вниз по склону поля. Ракайцы не стали их преследовать, поскакали к лагерю.

Там все было в дыму и огне. Палатки на поляне уже дотлевали, их пытались тушить, чтобы пламя не перекинулось на соседние, но примерно треть — те, что ближе к лесу — превратилась в черные вонючие лохмотья. Маяк шарахнулся, чуть не наступив на убитого, чуть подальше лежали еще двое. Значит, цепочка пехоты, что бежала краем поля и пощадила Тайру, даром не ввязывалась в бой — у них была другая задача, уничтожить лагерь.

В лесу было хуже — огонь перекинулся на деревья. Их палатка стояла где-то с краю. Тайра с Марисом погнали храпящих коней на истошный собачий визг, в самую дымину. *Только визжи, не замолкай, иначе мы тебя не найдем,* — беззвучно просила Тайра. Из серой едкой мглы под ноги лошадям метнулся Шмель, забыв про привязь, чуть не удушил себя от радости. Марис соскочил с коня и перерубил веревку, пес тут же взлетел на Маяка и полез целоваться к кашляющей и плачущей Тайре. Палатку спасти смысла не было — ее никто не поджигал, но огонь добежал до нее по траве, и одна сторона уже занялась. Зато сумки оказались целыми, Марис сгреб их в охапку и кое-как залез на Ворона. Конь с места сорвался в галоп, и Марису пришлось выбирать — то ли без вещей остаться, то ли шею сломать. К счастью, когда сумки посыпались на землю, они уже вырвались из горящего леса. Вернулись, подобрали свое имущество.

— Слушай, им ведь сейчас не до нас, давай попробуем сбежать? — предложила Тайра, когда они чуть отдышались, смыли с лиц копоть и напились восхитительно прохладной воды из ручья. Вокруг них действительно был полный хаос — все кричали, бегали, что-то таскали. Судя по направлению общего движения, лагерь переносили ближе к крепости.

— Назад через ущелье?

— Там нас сразу же остановят. Нет, нам надо на поле, где бой был, а потом вдоль гор, в Ликейю. А из Ликейи морем в Гилатиан.

— А как же лошади?

— А что, на корабле лошадей не возят? Заплатим — и коней довезут.

— Мы через лес сейчас не проедем.

— Ерунда, вот же прогалина, через которую войско сейчас ехало, там и не горит ничего.

— Ладно, давай попробуем.

Марису хотелось лежать и не шевелиться, но он понимал, что из этого ада надо выбираться, пока живы. Оставив серую от усталости и боли Тайру сидеть на камушке, он прилаживал сумки на спину коням — не подвели бы, бедняги, им-то больше всех досталось — как вдруг по его плечу ударила тяжеленная кожаная рукавица.

— Вот они где, бездельники. Пошли, хватит прохлаждаться. Коней — в загон, вещи — ко мне в палатку, а сами — на поле за ранеными.

— Дайте хоть передохнуть, мы же только из боя! — возмутился Марис, видя, как рушатся их надежды.

— Пока вы тут отдыхаете, паразиты, ваши товарищи кровью истекают! Ну, живо, а то на всю ночь часовыми поставлю, — рявкнул капитан.

Сквозь дымящийся лесок уже тянулась вереница повозок, на каждой — по несколько человек, тоже еле живых от усталости. Но ведь все равно ехали — и будут таскать на себе изувеченных в битве людей.

Обе телеги поставили рядом, одну для раненых, другую для убитых. Поодаль стояла такая же пара телег, дальше еще, и еще... Солдаты деловито таскали тела. Их участок вроде уже был кем-то прочесан, поблизости валялась только одна дохлая лошадь, которую расклевывала воронья стайка. В небе кружил вихрь черных птиц, одни рассеивались по полю, другие со всех четырех сторон стягивались на погребальную трапезу. Марис с Тайрой пошли, куда глаза глядят, очень надеясь, что человеческие трупы им не попадутся. И тут же наткнулись на солдата, скорчившегося в заросшей высокой травой ложбинке. Он по-собачьи поскуливал и что-то пытался сделать со своей рукой. Тайра присела на корточки. Кисти у него не было, из культи толчками вытекала кровь. Вот для чего им тряпки раздали... Марис отрезал рукав, Тайра затянула жгут под локтем.

— Убейте меня, ради Единого, — лицо у него было совершенно безумным.

— Ты же цел совсем, только рука вот...

— Убейте, будьте людьми. Не хочу жить калекой.

Тайра вызверилась:

— У моего отца руки по локоть не было, а он и мечом бился, и из арбалета стрелял. Ты воин, или баба?

— Сам ты баба, — оскалился раненый.

Тайра расхохоталась, никак не могла остановиться, даже повизгивала.

Солдат вытаращился на нее с недоумением

— Ты что... и правда девка, что ли?

— Ну да, только не говори никому, — Тайра всхлипнула в последний раз и подхватила его за плечи.

— Ну охренеть, девка — и в солдаты пошла. Точно, отец у тебя настоящим воином был. — солдат даже попытался встать на ноги, но тут же начал терять сознание и свалился

на руки Марису.

— Чего мы с ним делать будем? Носилок-то нет.

— Сам дойду. И правда — дошел, временами обмякая и повисая на шеях у ребят.

— Кто меня без руки здесь держать будет? Лучше б прирезали, чем с голодудохнуть да попрошайничать.

— Вылечись сначала, потом стражником... — тут Тайру озарило — нет, потом иди в Кадар, в город Гарсин, найдешь на Суконной улице купца Джакоба и скажешь, что Тайра прислала, пусть работу тебе найдет. Только не говори, что на поле боя меня видел, скажешь — в Ракайе, на дороге, от худых людей меня спас. Запомнил?

Как только они отошли от телег, Марис накинудся на Тайру:

— Ты что, все войско к Джакобу отправлять собираешься? После каждого сражения таких калек — десятками. Скольких он сам убил, сирота горемычная...

— Ладно, сама знаю — глупость сделала. Я отца вспомнила и подумала — вот его нет, так пусть кто-то другой живет.

— Сравнила Джана с ракайским наемником...

Второго раненого Тайра запомнила на всю жизнь.

Он сначала был без сознания, непонятно — живой ли, непонятно — чей, красной тряпки на рукаве не было, так ведь и потеряться могла. Пока Тайра щупала жилку на горле, как ее Зелла когда-то учила, он очнулся, и по страху в глазах стало ясно: мозирец. Марис расшнуровал кожаный панцирь, под ним все в крови было.

Раненый пытался что-то сказать, невнятно, с напором. Феруатский хоть и похож на ракайский, но слово, которое он все повторял, они не знали, поэтому под ласковое бормотание Тайры его перевернули на бок и подняли рубашку. Кожа на ребрах была рассечена, виднелась кость, вроде бы целая. От этих манипуляций солдат замычал и сказал уже по-другому:

— Резай зараз, резай...

— Да что они, сговорились — теперь уже Марис разозлился. Никто тебя резать не будет! Лечить будут. Вот рану завяжем и лечить понесем, понял? Понимаешь меня?

Мозирец подумал немного, потом неуверенно кивнул. Внимательно посмотрел на Мариса и отчетливо выговорил по-ракайски — Спасибо тебя. Они кое-как замотали его тряпками, на них сразу же проступило красное пятно. Попытались поставить на ноги. Он взвыл и упал.

— Кажется, у него и с ногой чего-то... Что делать будем?

— Давай к телеге дотащим, пусть лекарь потом разбирается.

Марис старался взять основную тяжесть на себя, но у Тайры все равно темнело в глазах от боли в боку. Когда они доволокли его до телеги, она даже разогнуться не сразу смогла — стояла скрючившись, зажимая сломанное ребро.

Молодой конопатый солдат брезгливо пнул раненого.

— Вы зачем эту падаль сюда приволокли? Трупы — на ту телегу.

— Он живой, — с трудом выговорила Тайра.

— Ну так прирежь его. Пленных сказали не брать.

— Безоружного? Не буду.

— Так ты у нас рыцарь, оказывается? Благородный владетель плешивой козы? Видать, сдохла твоя коза — с голодухи в наемники подался.

От вида этой мерзко скалящейся рожи у Тайры потемнело в глазах, она разогнулась и до

боли ждала рукоятку меча. Солдат, не переставая улыбаться, потащил свой меч из ножен, Марис растерянно встал между ними. А раненый тем временем очнулся и с отчаянной надеждой смотрел на Тайру. Кажется, он понял, что свара завелась из-за него.

— Ну, хватит тут, — вчерашний седоусый воин лениво отпихнул Тайру в сторону и коротким точным движением воткнул кинжал в горло раненому. Тот захрипел, пару раз дернулся и затих, мертвеющие глаза так и не оторвали взгляда от лица Тайры. Они были голубыми.

— На ту телегу кладите. И больше дурью не майтесь, носите только наших. С этими воронье разберется.

Марис схватил Тайру за руку и почти бегом потащил в сторону.

— Сволочи... какие сволочи, — она заходилась от рыданий и все пыталась вырваться и вернуться назад.

— Этот, старый, тебе жизнь, между прочим, спас.

— Зачем раненого-то убивать?

— Приказ такой кто-то дал. Зря мы его подобрали, может, свои бы спасли.

На поле и правда оставались мозирцы, некоторые сами пытались ползти к оврагу, кого-то волокли легко раненые. На них не обращали внимания. Вдали по склону холма крошечные фигурки ковыляли к городу, навстречу уже спускались подводы из Мозира.

Третьим был рыцарь Его бы ни за что не нашли, он лежал в самом овраге, но Марис старался увести Тайру как можно дальше от телег. У оврага стояла лошадь, можно поймать и в лагерь привести, даже похвалят, и Тайре развлечение. Кобыла как-то странно стояла, как неживая, опустив голову в траву. Пыталась отогреть дыханием своего хозяина, а может, просто прощалась. Ее всадник был совсем маленький, ниже Тайры. В рыцарском шлеме, слишком большом для худенького тела и кожаной куртке вроде тех, что носили наемники, только зеленой и с тиснением. И он был разрублен от плеча наискось, тронешь — развалится. Марис откинул забрало. Ну да, ребенок, мальчишка лет тринадцати, еще и ростом не вышел. Кто его в бой послал? И как его тащить — по кускам, что ли?

И тут они увидели в кустах черемухи белый конский бок. Там лежал громадный рыцарский конь, из тех, которыми так восхищался Марис. Его роскошная броня просто кричала о знатности хозяина: алая попона с блестящими бляхами, нагрудник с умбонами, позолоченный налобник в виде драконьей морды. Он был еще живым — сучил ногами, когда ворон тащил кишки из распоротого брюха. Не такой уж большой разрез, человека хороший лекарь бы спас. Увидев людей, конь приподнял голову в нелепой маске и заскреб копытами по траве, пытаясь встать. Не вышло.

— Марис... Перережь ему горло, я не смогу.

Он растерянно поглядел на Тайру, на умирающего коня и рубанул под запрокинутой в небо мордой со всей силы, чтоб уж наверняка.

— Прости нас, — прошептала Тайра и отвернулась. Марис стоял, как истукан, и смотрел на последние судороги великолепного зверя, за которого обещал отдать год жизни. Конь захрапел, и откинул полуотрезанную голову на грудку железа.

— Тут еще мертвец есть.

Под изломанными цветущими ветками лежал латник, лошадиная морда покоилась у него на поясице.

— Что, нам и его нести?

— Мы их не дотащим, давай я за помощью сбегаю, ты тут подожди.

— Телега с убитыми уже отъезжает, не успеешь.

— Так они оба знатные, им специальную подводку пригонят.

Груда железа содрогнулась, пальцы в похожей на рачью клешню перчатке беспомощно заскребли землю.

Когда они вытащили его из-под коня и с великим трудом перевернули, сквозь решетку забрала на них глядели два выпученных налитых кровью глаза. Бессмысленных, постепенно стекленеющих.

— Стащи с него шлем. Он помирает.

Лицо у рыцаря было цвета свеклы. Тайра побрызгала на него из фляжки и положила мокрую тряпку на лоб, сильно сомневаясь в полезности своих действий.

— Кровь бы ему отворить...

— Где мой меч? — прохрипел рыцарь.

Марис вложил ему в руку очень грязный меч — они использовали его как рычаг, чтобы перевернуть бронированную тушу — и отошел подальше, а то мало ли...

— Коня, ублюдки!

— Сдох твой конь, — мстительно сказала Тайра.

— Знаю, кретин — он на моей спине помирал. Другого коня!

— Этого, что ли — Марис кивнул на застывшую над телом мальчишки кобылу.

Рыцарь приподнялся на локте и пригляделся. Его рожа, постепенно приобретающая естественный красный цвет, начала резко белеть.

— Конфетка? Что она тут, к свиньям, делает? Я ж ему велел в лагере сидеть... Помогите встать!

— Лежите, ваша милость, я сюда коня приведу, — у Тайры возникло очень скверное предчувствие.

— Встать помоги, урод!

Они подхватили его подмышки и поставили на ноги, уверенные, что сейчас эта гора грохнется и кого-нибудь придавит, но он выпрямился и почти бегом заковылял к лошади. Что-то у него было не так с ногами. Дойдя до мальчишки, рыцарь взвыл и упал на колени. Он стонал и раскачивался, как крестьянка на похоронах. Странно было видеть здорового хама, так горько оплакивающего своего оруженосца.

Рыцарь попытался поднять тело на руки, оно распалось надвое. Повернул к Тайре с Марисом залитое слезами лицо.

— Мозирские псы... На ребенка руку подняли... Что я матери его скажу?

— Что он погиб, как герой. Защищая своего господина. И это правда.

— Как дурак он погиб, а не как герой. Я ж его доспехи в сундук запер, так он мой шлем нацепил и в бой поперся. Принесите попону с моего коня.

Марис не стал возиться с пряжками, срезал подпругу концом меча и поставил высокое, обитое узорной кожей седло в кусты. Вдвоем с Тайрой они долго пытались вытащить попону из-под тяжелого тела, но сил не хватило, и Марис просто обрезал ее застрявший край.

— Он маленький, этого хватит завернуть.

— Приподними ему морду.

Тайра отцепила тисненый золотом повод и погладила длинные белые косы коня.

— Такой красивый...

Рыцарь не позволил им прикоснуться к мальчику, рыкнул, как волк. Сам закатал его в

изгвазданный конской кровью обрывок попоны с гербами, перевязал уздечкой и только когда полез на лошадь, велел подать тело.

Руки у него были заняты свертком, кобылу повел Марис.

— Что с вашей ногой, сломана? — спросила Тайра, чтобы он, наконец, перестал раскачиваться и стонать.

— Да черт с ней, с ногой, лекарь вправит, завтра в бой пойду. Слушай, парень, как же так — я ж хотел ему лен пожаловать, в рыцари посвятить — а он... Я ведь латы его спрятал, чтоб он жив остался...

— И в доспехах погибают, это судьба, — Тайра была уверена, что дело не в судьбе, а в непроходимой дури этого барона или кто он там, потащившего мальчишку на войну.

— Какая, к лешему, судьба — мозирская сволочь Кевина зарубила, я их, гадов, всю жизнь убивать буду.

— А как вы в овраге оказались, бой же наверху был? — попыталась Тайра переменить тему.

— Я мозирцев гнал, один, мои люди разбежались, как крысы, сшиб одного гада, а он с земли моего коня мечом саданул. Ну, мы и свалились, дух из меня вышибло, пришел в себя — шевельнуться не могу, конь на мне помирает.

— Не один ты был, твой Кевин скакал тебя, дурака, спасать, — но этого Тайра, конечно, не сказала, только вздохнула.

— Куда теперь? — они подошли к опушке леса, и было видно, что неподалеку копают ров для погибших в бою.

— В лагерь. Я отправлю Кевина в замок и прикажу похоронить его в фамильном склепе. Я господин, где захочу — там и похороню своего оруженосца.

— Родственник?

Рыцарь помотал головой, потом посмотрел на сверток на коленях, и сказал твердо:

— Он мой сын. Плевать, что бастард.

Тихим шагом они миновали догорающий лесок и стали подниматься к крепости. На склоне уже почти не осталось палаток, только обугленные лохмотья да одинокий шатер, должно быть, его хозяин погиб в бою со всем своим копьём.

— Это что здесь было? — вскинулся рыцарь.

— Мозирцы во время боя лагерь подпалили.

— А мой-то шатер где?!

— В ущелье, наверное, переставили.

И впрямь, в гуще палаток позади крепости он быстро усмотрел свой флажок над роскошным малиновым шатром.

— О тряпках позаботились, крысы, а про господина и думать забыли? Перережу предателей на хрен, других наберу, — лютовал рыцарь, и было понятно, что ничего этого он не сделает, — а давайте, парни, я вас к себе в оруженосцы возьму. Вы у кого служите?

У капитана Кребса, милорд, — глаза Мариса так заблестели, что Тайра поспешила вмешаться:

— Мы не покинем капитана Кребса. Он наш командир, и мы верны ему.

— Да бросьте, скажете, что граф Хавермонц вас забирает, он и не пикнет. Или не хотите? Я своим вдвое больше плачу.

— Благодарим за честь, милорд, но нам бы не хотелось менять командира, — твердо заявила Тайра, передавая поводья в руки набежавшей челяди.

— Ладно, хотите служить у безносого — служите. Я уважаю верность. А передумаете — приходите, возьму.

— Каждый раз, когда к нам подъезжает удача, ты ставишь ей палки в колеса! — накинулся на Тайру Марис, как только они отошли на десять шагов, — неужели не ясно, что у графа нам было бы лучше? И платит больше, и быть оруженосцем — совсем не то, что простым солдатом.

— Хуже, в сто раз хуже! В нашем отряде ни один человек не погиб, и всего двое раненых. А твой граф — тупица, думаешь, почему его люди в бою бросили? В одиночку надумал с войском биться! Ему и на себя, и на других наплевать, лишь бы поубивать побольше. Ну зачем, скажи, нам в оруженосцы идти? Мы что, за Ракайю решили воевать? Нам бежать надо как можно скорей.

— Без коней? А от него-то как раз и сбежали бы. Сама же говоришь — тупица.

Тайра промолчала. Конечно, Марис прав — у графа никто бы за ними не следил, бардак у него. Не хотелось даже самой себе признаваться, что ей было бы стыдно предать эту свинью, поверившую в них с Марисом. Предать человека, только что потерявшего сына. Каким бы он ни был.

Чтобы окончательно не разругаться, она отправилась за Шмелем, оставленном при табуне. За это время в лагере что-то неуловимо изменилось. И дело было не в переставленных на другое место палатках. Там как раз все выглядело как обычно — горели костры, из котлов пахло вкусным. Полсотни слуг рубили деревья по склонам, сооружая засеку перед крепостью, набивали на раскуроченные ворота железные полосы, но воинов среди них не было. Солдаты бестолково слонялись вокруг да около, мрачные и злые. Было много пьяных, двоих уже разнимали. У кого-то, наверное, друг погиб, у кого-то вещи сгорели. Но не горе висело в воздухе, а тревога и злость.

— Эй ты, солдат — как там тебя, Джан? — дружка своего позови, дело есть. Кребс сидел на краю телеги, настолько пьяный, что было непонятно, почему до сих пор не свалился.

Тайра нашла Мариса у костра, он тоже добыл где-то бурдюк вина и королевским жестом протянул его девушке.

Тайра жадно отхлебнула несколько глотков.

— Пошли, нас там Вепрь дожидается.

— Чего ему еще понадобилось? Да ну его на фиг, можно людям отдохнуть наконец!

— Ладно, правда, ну его.

Но какое-то смутное беспокойство подняло Тайру на ноги.

— Давай все-таки подойдем, вдруг он палатку новую выдаст?

Кребс сосредоточился и разглядел бурдюк в руке Мариса.

— Давай сюда! Ты чего, начальника угостить не хочешь?

После пары добрых глотков он вроде даже протрезвел, в налитых кровью глазах проявилось выражение привычной лютости.

— В общем, так. Завтра утром мы все тут поляжем. Армия феруатская на нас прет, разьезды еще днем их видели. Нас тут сколько? Тыщи не осталось. Может, отсидимся в раздолбанной крепости, может — нет.

— А как же император с войском?

— А не будет завтра императора. Он в Рокингеме заночевать изволил, к вечеру пожалует — нас хоронить. Ты мне вот чего скажи — на хрена ты эту... Джанетту свою на

войну приташил? Чего глаза вылупили? Я что, по-вашему, слепой — сразу девку не распознал? В дороге-то мне наплевать было, мне сказали — двадцать человек командиру доставить, я и доставил. Уж кто они там, хоть бабы, хоть дети малые — не мое дело. А в бою она мне даром не нужна. Какой из нее солдат, я сегодня вдоволь насмотрелся. С лошади свалилась, сидит посреди поля, слезы кулаком размазывает. Ты-то что скалишься? Сам не лучше — вдвоем еле-еле одного мозирца одолели. В общем, так. Сейчас в город подводы с ранеными пойдут, я вас в охрану поставлю, до места доедете — и проваливайте в свой Кадар. Еще раз в лагере увижу, своими руками придушу.

Дотемна они успели совсем недалеко отъехать от лагеря, развели маленький костерок под защитой нависавшей над ущельем скалы. Здесь можно было не опасаться нападения горцев — их вроде бы выбили в ближайших окрестностях крепости. Тайра так и не уснула, помогала лекарю ухаживать за ранеными, в крепости их успели только наскоро забинтовать, да и то не всех. Двое возчиков держали несчастного, а старый жилистый лекарь, больше похожий на кузнеца, выковыривал из них наконечник стрел, зашивал и прижигал раны. К счастью, в обмен на серую кобылку она успела выменять у графа Хавермонца бочонок крепкого вина и фляжку со сбором успокаивающих трав, но все равно они ужасно орали. К утру один, с раной на шее, умер.

На рассвете горное эхо принесло невнятный шум боя — то ли крики, то ли звон стали., и они сразу же тронулись в путь. Каждую из трех повозок тащила пара крепких мохноногих битюгов, на равнине они могли бы и день прошагать без усталости, но горная дорога с крутыми подъемами быстро вымотала их. Пришлось устроить привал, что было плохо — на жаре несколько человек потеряли сознание, и стало понятно, что до Рокингема дотянут не все. К полудню тропа пошла под уклон, лошади пошли поживее. Тайра торопила возчиков, солнце и мухи изводили даже здоровых, а больные стонали и бредили под густой жужжащей сеткой насекомых.

Дорога становилась уже, впереди была та самая скала, где на войско напали драконы. Из ущелья слышался оглушительный птичий гвалт — на туше ящера пировало воронье. Шмель лаял, забегал далеко вперед, Тайра думала, что его пугает трупный запах.

Когда они обогнули выступ скалы, стало понятно, что беспокоило пса — дорога, на сколько хватало глаз, была занята идущим навстречу войском. Пронзительные птичьи крики заглушили людской и конский топот. Авангард — это был отряд пехоты и несколько конников во главе — уже свернул на вырубленный в камне уступ.

Марис с Тайрой заорали и замахали руками, чтобы остановить их. Войско, не сбавляя шаг, перло вперед. Тайра прищпорила Маяка и поскакала к ним, из строя выехал один из рыцарей.

— Прочь с дороги! — рявкнул рыцарь, оскалив для острастки черные пеньки зубов. Был он пожилым безземельным бароном, попеременно промышлявшим разбоем и служением отечеству. Ему выпала невероятная честь — возглавлять императорское войско, и он гордился ею, хотя и понимал, что пехоту поставили вперед в расчете на возможное нападение горцев.

— Мы везем раненых, капитан, пропустите подводы, — крикнула Тайра, стараясь перекрыть вороний гай.

— Поворачивайте назад, живо! За нами следует император,

— Здесь невозможно развернуться, вы же видите. Пропустите нас, мы проедем по краю.

— Ты что, ослеп? Там уже обоз по скале едет.

— Да разминемся мы, в том конце дорога шире.

— Это что, император вас дожидаться должен, пока вы тут тащитесь?! Эй, вы — он ткнул хлыстом ближайшего солдата, — выпрягите лошадей и разверните повозки.

— Их здесь не развернуть, — попыталась возразить Тайра, но несколько солдат уже подбежали к упряжкам и рьяно принялись развязывать постромки. Раненые — те, что полегче — в ужасе полезли с повозок. Всем было понятно, что подводы намного длиннее, чем ширина дороги. Тайра глянула вниз и в ужасе осадила коня. Останки ящера были скрыты под черной клубящейся тучей — полчища крыс сражались за добычу с несметной стаей ворон.

Солдаты навалились. Сначала оглобли, а потом и переднее колесо повисли над обрывом. Двое раненых, оставшихся на телеге, не заметили этого — один спал, другой таращился в небо и беззвучно шевелил губами.

— Да скиньте их в пропасть! — рыцарь зверел на глазах, оказанная ему честь грозила обернуться суровой карой за задержку войска.

— А людей-то куда?

— Кто может идти — пусть проваливаются, а дохляков — в речку. Все равно до Рокингема не доживут.

Солдаты не шелухнулись, делая вид, что не слышат страшный приказ. Каждый из них знал, что завтра может оказаться на такой же телеге — изрубленный в бою, беспомощный, надеясь только на сострадание братьев по оружию.

Лекарь спрыгнул с подводы и встал перед рыцарем.

— Я не позволю убивать императорских солдат!

— Ты щас первый в пропасть отправившись!

По бокам лекаря уже стояли Маяк с Вороном, и оба возчика, сзади подбегали раненые, еще способные держать оружие. Тот, без правой руки, тоже вышел на защиту товарищей — не зря Тайра его спасала.

— Это солдаты графа Хавермонца, вы ответите перед графом за гибель его людей! — крикнула Тайра.

Барон прищурился. Хавермонца он знал, не приведи Единый с ним связываться. И видел, что без серьезной драки проблема не разрешится.

— Ты-то кто, щенок? — из-за шести полумертвых безродных калек — ровно столько оставалось на телегах — рисковать навлечь на себя гнев императора?! Это было выше его разума. Значит, мальчишки по-настоящему боятся Хавермонца.

— Мы — оруженосцы его сиятельства, — надменно ответил Марис.

Лицо барона пошло красными пятнами, если парень не врет — одежка-то на них нищенская, а наглость на трех маркизов тянет — то он влип в серьезную беду.

— Сюда едет граф Виндом, — осторожно подсказал барону кто-то из его людей.

— Вот пусть он с вами и разбирается, — ухмыльнулся барон. Щас он разберется...

Они уже видели этого рыцаря — того самого владельца вороного боевого коня, которым восхищался Марис по пути к Рокингему. Он был огромен и устрашающе красив, как бывает прекрасен могучий хищник — медведь или тигр. Монументальные черты будто вытесаны из мрамора, смоляная буйная грива кольцами рассыпалась по широченным сверкающим наплечникам, глаза какого-то небывалого бирюзового цвета смотрели пристально, как у

зверя перед прыжком.

— Что тут у вас?

Тайра выехала навстречу.

— Раненые из крепости, мы возем их в Рокингем по приказу графа Хавермонца.

Прикажите пропустить подводы, милорд.

— Что, бой был? — голос Виндома был под стать его внешности: низкий рокочущий бас.

— Да, милорд. Вчера на нас напали ополченцы из Мозира. Сегодня утром подошли войска герцога Н, крепость захвачена.

— Кто ты?

— Джан Карис, оруженосец графа Хавермонца.

— Я доложу императору. Эй, ты — он повел взглядом на почтительно застывшего барона, — убрать падаль с дороги!

— С-сволочь! — прошипела Тайра в отчаянии.

Прежде, чем кто-то успел двинуться с места, она крикнула:

— Я плачу по два серебряных лата каждому, кто поможет откатить подводы с ранеными!

— А они у тебя есть? — спросили сразу несколько человек.

Тайра подняла кошель над головой и выразительно позвенела.

Не слушая окриков, передние ряды солдат облепили телеги.

— Все, достаточно! По пятнадцать человек на подводу! — Марис развернул Ворона поперек дороги: не то все войско набежит, лишь бы места хватило хоть палец на оглоблю поставить.

Солдаты резвой трусцой покатили повозки, пришлось силой останавливать их, чтобы загрузить раненых. Растерянные от неожиданной удачи Тайра с Марисом поехали следом, ведя выпряженных коней в поводу.

— Тебе хоть хватит денег расплатиться с ними?

— Должно хватить. У меня еще в чепраке кое-что зашито.

— Ты ненормальная. Отдавать последнее, чтобы спасти врагов? Я бы скорее крысу пожалел, чем ракайского солдата.

— Какие они теперь враги? Все равно что больные дети или дряхлые старики — только лежат и стонут.

— А когда поправятся?

— Не мое дело. Нельзя добивать раненых — ни своих, ни чужих.

Подходящее место нашлось почти сразу за скалой — узкая лужайка между дорогой и крутым склоном горы. Они перевернули телеги на бок, чтобы создать хоть полоску тени для раненых. Императорское войско тянулось мимо них несколько часов, самого императора никто не видел — видимо, он внял предупреждению Виндома и решил не рисковать своей царственной особой. Тайра была в ярости — некоторым из ее подопечных за это время стало совсем худо. Только из-за того, что какой-то старый баран не захотел уступить дорогу. Она смачивала уксусом потные лбы, осторожно вливала воду в потрескавшиеся губы, а когда уставала — облакачивалась на край телеги и подробно отвечала на расспросы идущих мимо нее солдат: «Да, поражение, да, очень много убитых, да, феруатцы взяли крепость». Ее рассказы неизменно вызывали нужный эффект — часть солдат начинала внимательно оглядывать окрестные склоны, высматривая удобный путь к дезертирству. А Марис лежал на

солнцепеке, закинув руки за голову, и тупо разглядывал вершину горы. Злой, измученный. И совершенно чужой.

Глава 12. Шайка Волка

Выжившие солдаты — они все-таки потеряли по дороге еще двоих — остались в рокингемском монастыре. Оказалась, что подорожную, на которую Марис с Тайрой даже не посмотрели в суматохе сборов, Кребс выписал до самой Кашты. В пути они почти не разговаривали, только о самом насущном: что поесть, где переночевать. Как-то раз, после очередной проверки документов, Тайра с веселой благодарностью помянула Вепря, и Марис скривился: «И охота тебе вспоминать всю эту дрянь». Так уже было в самом начале их путешествия, и Тайра надеялась, что со временем стена молчания рассыпется сама собой.

Под вечер они выехали к реке. Гремящим потоком она вырывалась из узкого горного ущелья, а дальше притихала, разделялась на рукава, петлявшие по каменистому ложу среди бескрайней пустоши. Дорога, тянувшаяся по краю предгорий, здесь круто забирала влево, на пологий холм. Там, довольно высоко над водой, на мощных каменных опорах лежали свежеструганные сосновые стволы — неожиданно новый и надежный мост для такой глуши.

— Кажется, тут рядом чей-то замок, — задумчиво сказал Марис безо всякой радости.

— Лучше пообедем. Пстой, Марис, но это же... Это ведь Шенна, вторая большая река после Рокингема.

— Шенна была шире.

— Ну да, но мы переправлялись через нее гораздо ниже. Смотри, тут есть дорога вдоль берега — это ведь к Каште!

— Не уверен, — буркнул Марис и повернул коня к мосту.

— Подожди, Марис, ты же хотел объехать замок? Нам направо.

— Нам нельзя в Кашту.

— Мы не будем переправляться к Каште, просто поедем по правому берегу, потом свернем к Гилатиану.

— В Гилатиан нам тем более не надо.

— Марис, я туда еду.

— Ты туда едешь одна, — в прищуренных глазах Мариса поблескивала злость.

— Ну, значит, все? Мы здесь расстаемся?

— Тайра, поехали домой, в Кадар.

— У меня нет дома в Кадаре.

— У меня тоже... Но зато там не эта проклятая Ракайя.

— Марис, мне надо.

— Ну, что ж. Надо — так поезжай, а мне там делать нечего. Давай тогда вещи разберем, а то у нас все вперемешку.

Они распотрошили поклажу на пригорке возле моста. Молча подсовывали друг другу всякие тряпочки и сверточки, разбирая кладь на две неравные кучки — у Тайры побольше, у Мариса — поменьше. Сталкивались руками и взглядами, ждали, что кто-то сдастся первым. Но заговорили только тогда, когда дело дошло до денег. Марис отодвинул свою половину к Тайре

— Это не мое.

— Марис, но как же... Мы же вместе...

— Теперь уже не вместе. Это твои деньги.

Взбешенная его холодным упрямством Тайра брякнула недолжное:

— Ты, помнится, ко мне в охранники нанимался? Бери, это заработанное.

— Хорошо, — Марис говорил очень медленно, на застывшем лице под черным, недавно пробившимся пушком криво дергалась губа — как будто какой-то странный зверек в агонии. Он положил на ладонь одну золотую монету и пять серебряных.

— Тогда считай: охранникам обычно платят четверть рина в неделю, я работал на тебя шесть недель. Вот это мой заработок.

Брезгливо ссыпал монеты в карман, затолкал как попало свои вещи в подсумки, вскочил на коня. Потом застыл.

— Ворон твой, я пешком пойду.

— Ты совсем свихнулся? Что я буду делать с двумя конями? Отведи его дяде Джакобу, он позаботится о Вороне, — хоть на это у нее ума хватило, в то ведь так и пошел бы, с подсумками через плечо — до первых лихих людей.

— Что я должен сказать твоему дяде?

— Что я сбежала, ты не смог уговорить меня вернуться домой и поехал со мной, чтобы защищать от разбойников. А в Каште я познакомилась с состоятельным семейством, следующим в Гилатиан, и напросилась к ним в компанию. Тебя взять с собой отказалась. Кстати, именно это я и собираюсь сделать — найду кого-нибудь в попутчики.

— Понятно. Ну, я поехал.

Тайра затягивала подпругу, даже не оглянулась. Топот копыт по бревнам моста... Шмель тьякнул раз-другой, укоризненно глянул на хозяйку и помчался вслед за Марисом.

— Шмель, назад!

Обернулся, гавкнул с вызовом — и дальше бежит. Вот предатель! Марис попробовал отослать Шмеля, но он путался под ногами у Ворона и возмущенно лаял.

И что с миротворцем блохастым поделаешь? Когда Тайра догнала их, они сидели в обнимку на дальнем конце моста.

— Видишь, он не хочет, чтобы мы расставались.

— И я не хочу. Марис, поехали вместе в Гилатиан, не бросай нас.

Он только покачал головой. Привязал к ошейнику обрывок веревки, сунул его Тайре в руку и вскочил в седло.

— Оставь Ворона себе, он тебя любит.

Марис неуверенно кивнул.

— Счастья тебе, Марис!

— Удачи тебе.

Тайра поехала шагом вдоль реки, таща на веревке упирающегося Шмеля. Скоро он все понял и перестал сопротивляться, понуро трусил рядом с Маяком. Горы остались за спиной. Плоская скучная местность даже в теплом вечернем свете наводила тоску. Серая река среди серых камней, островки тростника да кое-где низкий кустарник среди болотистого луга. Впереди — темная полоска леса. Сколько ехать до Кашты? Тайра слезла, отвязала пса и впервые посмотрела назад. На пыльной, красной в закатном свете дороге — черный силуэт коня и всадника. Уже далеко. Скоро они совсем пропадут в синей мгле, надвигающейся с востока.

Зачем они расстались, ведь ближе Мариса у Тайры никого нет, и у него — тоже... Ну да, они все время ссорились — но ведь это потому, что Тайра не могла довериться ему, вот и он не доверял ей, злился. Надо вернуть его, пока не поздно. А их уже не видно, скрылись за

деревьями у дальней горы. Длинноногий Ворон быстрее Маяка, но на галопе она его догонит — Марис не спешит, может быть, ждет ее. А как же мама? Тайра вытащила давно позабытый шарик. Он был мутным, в глубине проплывали темные полосы.

— Мне ехать в Кашту?

Шарик резко потемнел.

— Догнать Мариса?

Стал чуть светлее, но темные линии сгустились.

— Ну и что мне делать? Стоять на месте?

Никакого знака, звездочка не загоралась, тусклый, холодный камень. Шмель вдруг насторожился и побежал назад, зовя хозяйку тревожным лаем.

— Опять ты за свое?

Но и Маяк, к чему-то прислушавшись, заржал и метнулся в сторону. Хорошо, что Тайра не отпускала повод — успела остановить и вскочить в седло. Конь рвался прочь от реки, она еле удерживала его на дороге. Что такое с рекой? Ничего там нет, только вода шумела чуть громче и неслась чуть быстрее. Со стороны ущелья доносился гул, как будто где-то далеко сходила лавина. Птицы с криком вылетали из прибрежных кустов. И тогда Тайра поняла, и погнала коня обратно, под защиту гор. Она выросла у речки, Тана была совсем маленькой, но какой же страшной она становилась во время наводнения...

Маяк все пытался завернуть в поле, он хотел умчаться подальше от беды, но Тайра гнала его напрямую к горам, понимая, что вся равнина сейчас превратится в непролазную топь. Они успели доскакать до развилки и повернули назад, прочь от страшного ущелья, когда бурый вал — грязь вперемешку с выдеранными деревьями — с ревом пронесся за их спинами. Маяк мчался как последний раз в жизни, вытянулся в струну, почти летел над землей огромными прыжками. Тайра кое-как остановила его, чтобы подхватить на седло полузадохшегося Шмеля.

Вроде бы дорога оставалась сухой, хотя за обочиной среди травы поблескивали ручейки, ближе к реке они уже слились в тускло-розовое вечернее озеро. Над затопленными гнездами с криком кружили осиротевшие птицы. Может быть, мост все-таки не снесло? Он ведь был довольно высоко над водой. Пинками и руганью она попыталась развернуть храпящего Маяка, но тут же сама увидела, что сзади через невысокий бугор перекатываются бурлящие струйки и бегут по дороге, заполняя колеи, превращая светлую пыль в темную жижу. Нужно забраться на гору, кто знает, как высоко поднимется вода? Тайра на скаку вглядывалась в заросли, стараясь отыскать хоть какой-то просвет в колючках, где можно провести коня, и вдруг увидела широкую накатанную тропу. Она круто поднималась по склону и вела назад, в сторону ущелья. Хорошо бы, пока совсем не стемнело, сверху глянуть на мост. Вдруг все-таки вал прокатился под ним, и он уцелел?

Если его разбило в щепки, придется переждать в лесу, пока спадет вода. Потом она вернется в ту деревушку, возле которой они ночевали в последний раз, узнает короткий путь на Гилатиан и постарается забыть про Мариса. Где он сейчас? Тот берег тоже наверняка затопило, значит Марис, как и она, поднимется в горы. Разведет огонь, будет смотреть на пламя и ждать саламандру. Может, новую дудочку смастерит. Куда он потом подастся? Она подарила ему Ворона, значит, не заедет он к Джакобу. Вряд ли они когда-нибудь встретятся.

Дорога уходила все выше, на ней даже в полутьме виднелись колеи от колес, где-то здесь должна быть деревня. А возле нее — висячий мост через реку. Тайра прямо увидела его: прочный, на шести канатах, как в Ашере, доски крепко сбиты. Она сможет перебраться

через ущелье, спуститься к равнине и ехать над бескрайним озером, пока в темноте не мелькнет костерок Мариса.

Но никакого жилья не попадалось, тропа тянулась сквозь оплетенный ежевикой лес, петляла между скалами над ревушей где-то внизу Шенной. Вскоре конь начал оступаться в густой темноте. Дальше ехать было нельзя. На первой же прогалинке Тайра расседлала Маяка и повалилась на землю. Вот уже второй раз взбунтовавшаяся река встает между ней и тем, кого она любит. Тогда, перед маминой могилой... Впрочем, какой могилой? Мама ведь жива. Все было обманом: и насыпь — простая куча камней, и круг — старый обод от колеса. Только отцовская рука на плече была правдой.

Так может, и на этот раз вода отводит ее от ошибки? На всякий случай она решила посмотреть на шарик. В руке засияло крошечное солнышко. Неожиданно успокоившись, Тайра почти на ощупь нарвала кучу папоротника для подстилки, попутно наткнувшись на сухие ломкие ветки поваленного дерева. Вскоре на полянке уже потрескивал уютный костер, а Тайра грызла кусок солонины, заедая еще совсем свежим хлебом. Она дождется, когда дорога подсохнет, и поедет в Гилатиан, это ее путь. А Мариса она найдет потом — он самый родной, он ее брат, они не могут потерять друг друга.

От солонины пересохло горло, хорошо, что в запасе была вода. Она вытащила пробку из бурдюка, сделала хороший глоток и зашла в кашле.

— Зараза Марис!

Жидкость оказалась настолько крепкой и терпкой, что без привычки и не выпьешь. Перепутать бурдюки было нетрудно, оба из одной лавки — значит, купил себе красавец на получку какой-то дряни. Догадывался, наверное, что у Шенны они расстанутся, позаботился об утешении на первый одинокий вечер. Вот пускай теперь чистой водицей утешается. Смешно, конечно, но ей-то что делать? Глупо страдать от жажды во время наводнения.

Шенна шумела где-то рядом, Тайра вытащила горящую ветку из костра и посветила с кручи. Высоко, но спуститься нетрудно — снизу поднимались кривые стволы и торчали петли корней. Вылила ядовитую гадость на землю, зажала ремень от бурдюка в зубах и осторожно, проверяя на прочность каждую ветку, на которой собиралась повиснуть, полезла вниз. Шмель сунулся за ней, пить-то и ему хотелось, но оценил такой спуск как самоубийство и с визгом носился по краю. Наверное, пытался отговорить от опасной затеи.

Путь был легче и короче, чем казался сверху, земля осыпалась, но густая растительность отлично выдерживала ее вес. Только вот набрать воды из стремительного потока оказалось не просто. Тайра повисла на мощном корне, белые хлопья пены пролетали под самыми ногами, брызги окатывали до пояса — и раз за разом закидывала бурдюк в реку. Течение проносило его поверху и рвало ремень из рук. Наконец она догадалась, наковыряла мелких камешков и зачихнула в горловину. Теперь бурдюк не летел, как чайка над волнами, разочек нырнул. Наверное, набралось на пару глотков. Она отхлебнула — и выплюнула добытую с таким трудом влагу: пахло землей и спиртом, на зубах заскрипел песок. Наверху Шмель зашелся совсем уже безумным лаем, не зверь ли из лесу вышел?

— Уйми пса, пристрелю! — рявкнул чей-то голос.

— Шмель, нельзя! Ко мне! — заорала Тайра и стремглав взлетела на обрыв, не замечая обваливающихся под ногами камней. Осторожно выглянула через край. Прямо над ней две высокие тени целились в Тайру из луков. Рядом третий наводил стрелу на взъерошенного надрывающегося Шмеля.

— Нельзя, Шмель! Молчать!

Пес рычал, но больше не кидался. Тайра осторожно выбралась на тропинку, показала безоружные руки.

— Не трогайте его, он не укусит.

— Ты кто? Ты тут один?

— Я Джан. Ехал в Кашту, а тут река разлилась. Я один.

— Откуда ехал?

— Из Рокингема.

— Из Рокингема в Кашту не ездят через горы.

Кто они? По-ракайски говорят еще хуже, чем Тайра. Что им можно сказать?

— Я тут местность плохо знаю, я из Кадара. Слышал, что Кашта возле Шенны стоит, вот и подумал — вдоль гор с пути не собьюсь.

— Значит, едешь из Кадара в Кашту через Рокингем? Совсем за дураков нас считаешь?

— Я из армии сбежал. Меня в Каште вербовщики поймали, коня хотели отнять, в Рокингеме удалось сбежать. Обрато еду.

— И опять в Кашту, чтобы еще раз поймали? Долго врать будешь? Сейчас в реку скинем, там ври.

— Я не вру, просто сразу не объяснить, чтоб понятно было.

— Ладно, Волку объяснять будешь. Пошли.

— У меня конь тут.

Они вышли к костру, Шмель, слыша спокойный разговор, притих, но загрибок еще щетинил. При свете стало видно — люди военные, только не понятно, у кого такие неказистые солдаты могут служить. Один в легком шлеме без забрала, двое в кожаных шапках. Кираса только у одного, сильно помятая, штаны латаные. Наемники? Люди какого-то нищего барона? Вероятней всего — разбойники.

— Можжевеловкой-то как воняет. Где она у тебя?

— Вылил. Вон туда, в траву.

— Можжевеловку вылил? Может, он просто чокнутый?

— Чего мы с ним возимся? Скинуть щенка в реку, и всех делов.

— Пускай Волк разбирается с этим крысенком. Помнишь, того придурка с лютней чуть не прирезали — а он его человеком был. Когда Волк скажет, тогда и прикончим.

Тайра почувствовала, что эта страшенькая болтовня ведется напоказ, чтобы пленник сильно не рыпался, и от сердца немного отлегло. Значит, пока не собираются убивать. Что за Волк? Она уже слышала эту кличку, что-то очень нехорошее говорилось о нем. Разбойники попытались накинуть седло на Маяка, конь шархнул, встал на дыбы. Тут же развернулся задом и двинул копытом по обидчику. Жаль, не сильно зашиб, тот сразу вскочил. Тайра вспомнила — на Маяке никто кроме нее ни разу не ездил.

— Дайте я надену.

— Ладно, седлай. Сам его поведешь. Только если ногу в стремя поставишь — сразу пристрелю.

Когда они уйдут от костра, целиться станет трудно. Тайра вскочит на коня, сшибет того, кто будет идти первым и спрячется в лесу.

Будто прочитав ее мысли, разбойник вытащил из мешка моток веревки и грубо заломил ей руки за спину. Стянул локти сзади, накрутил вокруг тела множество витков и примотал повод к связанным кистям. Свободный конец веревки взял сам.

— Иди. Не вздумай нас дурить.

Тайра шла на привязи, как корова, и мечтала только о том, чтобы Маяка ничего не напугало. Понесет — и ей конец.

Как же хорошо, что с ней нет Мариса. Двоих эти трусливые сволочи не стали бы брать в плен, просто перестреляли бы из темноты. Может быть, Марис что-то предчувствовал, поэтому и хотел уехать отсюда. А она слепо верит шарикю, который так радостно светился как раз перед засадой.

Путь был коротким, они подошли к высокой стене и постучали в ворота.

— Кто там?

— Свои, Лысый, мы тут шпиона поймали.

Значит, она, как последняя дура, устроилась на ночлег возле самого логова разбойников. Еще и костер развела.

Стена как у крепости — а внутри низенькие домишки. В одном из них ярко горело окошко. Пожар? Тайра напряглась, но огонь был ровным, без всполохов. В этот дом ее и привели на веревке, хорошо хоть Маяка отцепили. Тайра прищурилась от яркого света. По всей комнате расставлены толстые восковые свечи, будто во дворце. Даже в доме у Джакоба никому не пришлось бы в голову так бестолково сжигать немалые деньги. А обстановка самая простая, как у них в Ашере: грубо обмазанный глиной очаг, длинный стол без скатерти. Вокруг него сидели какие-то бородатые мужики, на том, что занимал место во главе, был рогатый шлем с опущенным забралом. Все они ужинали, а в шлеме кушать несподручно — значит, ради чужака его напялил. Он и есть Волк?

— Это кого вы притащили?

— Да вот у самой крепости костер жег. Говорит, что сам из Кадара, ехал в Кашту через Рокингем. Ну точно шпион.

— Шпион бы не стал жечь костер. Ладно, возвращайтесь на позицию. Ты кто такой?

— Джан.

Эти люди — солдаты, хоть и выглядят, как сброд, а здесь Ракайя. Нельзя говорить, что сбежала из армии. Те, кто поймал ее, уже ушли — можно придумать другую историю.

— Мы с другом ехали из Рокингема. Он возвращался на родину, в Кадар. А мне хотелось столицу посмотреть, да и родня у меня там. Вдвоем безопаснее, поэтому мы доехали вместе до Шенны, он успел через мост перебраться, а я к Каште свернул — и тут река разлилась. В гору полез, чтоб не утонуть, вижу — дорога, ну и поехал по ней, думал, может людей встречу, переночую...

— А в Рокингем-то вы как попали?

— Да что тут спрашивать, Волк — дезертиры они. В Каште вербовщики стоят, всех подряд гребут.

— Мы не дезертиры, нам капитан велел проводить обоз с ранеными в Рокингем и больше не возвращаться.

За столом заржали.

— Что за раненые? Битва была? — серьезно спросил Волк. Его голос сквозь шлем звучал гулко, как будто из колодца.

— Да. Мозирская конница напала на лагерь, перебили много ракайцев.

— А император?

— Янгис тогда был в Рокингеме.

Рядом с Волком сидел молодой безбородый парень, все это время он внимательно смотрел на Тайру, потом прошептал что-то — для себя, ни к кому не обращаясь. Если бы

Тайра стояла ближе, то слышала бы: — «Джан... из Кадара».

— Волк, я, кажется, знаю, кто это. Девчонка из того дома в Ашере, где... Снимите с нее шапку, тогда точно скажу.

Один из воинов подошел к Тайре, срезал путы, стащил шапку. Грязные обкромсанные волосы не сделали ее более похожей на девушку, но парень узнал ее. Да и она его тоже — тот самый раненый солдатик, которому она бросила тряпку, чтобы унять кровь.

— Подойди сюда, — голос Волка казался почти дружелюбным.

Тайра не шевельнулась.

— Что с тобой? Мы не враги тебе. Поешь и расскажешь, что случилось.

— Он был с теми, кто убил моего отца. Я не буду ничего говорить.

Парень вскочил, как ошпаренный.

— Я не убивал его! Клянусь тебе, я никого там не убивал!

Тайра молчала.

— Я поговорю с ней наедине.

Все, кто сидел за столом, встали и вышли. Не слишком торопясь, без суеты, но и без промедления, оставив неоконченную трапезу. Когда дверь закрылась за последним из них, Волк снял свой шлем.

Мог бы и не одевать — Тайра все равно впервые видела его лицо. Лет сорока, судя по аккуратно подстриженной бороде — из благородных. Темные волосы, сильная проседь в заложенных за уши прядях. Ничего особенного — ни шрамов, ни проказы. Откуда взялись чудовищные слухи?

— Есть хочешь?

Тайра помотала головой, потом не выдержала:

— Воды тут нет? Просто воды, не вина?

Волк плеснул из кувшина в глиняную кружку, протянул Тайре.

— Чистая вода. Он и правда не убивал твоего отца, он был с теми людьми не по своей воле.

— Какая мне разница? Я даже не знаю его имени.

— Вот и отлично. Теперь сядь и расскажи мне все с самого начала. Может быть, мне удастся тебе помочь.

Волк сдался через час. Девчонка готова была болтать обо всем как нельзя подробнее — но ровно с того момента, как она решила сбежать от дяди со своим дружком. Непонятно, что она потеряла в столице — имена своих родственников она явно выдумала на ходу. С семьей у нее что-то странное, впрочем, это не его дело. Про карту она явно врала — вроде лежала на столе, потом Ригид спрятал ее под одежду и больше она ее не видела. Но его люди тщательно обыскали склеп через неделю после похорон. Ригид обгорел меньше других, и ни кусочка пергамента, даже обугленного, на нем не было. Неужели карта попала в руки Янгиса? Ну что ж, придется...

Волк пошарил под подоконником, извлек небольшой флакон с коричневой жидкостью и встал у Тайры за спиной.

— Хочешь вина?

— Нет.

Тогда он запрокинул ее голову назад, резко надавил пальцами на щеки и влил немного жидкости между разжавшихся зубов. Придержал подбородок, чтоб проглотила. Она рванулась к двери, пришлось помочь, чтобы не упала.

— Не бойся, это не опасно. Это просто лекарство, оно не причинит тебе вреда.

Посадил обмякшую девушку обратно на скамью и ласково бормотал какую-то ерунду, пока не увидел, что глаза Тайры стали совсем стеклянными.

— А теперь расскажи мне все с самого начала.

Ранним утром старый князь Ашва Терсунский, глава древнего горского рода, застал Волка седлающим коня. Тот, как обычно, был в закрытом шлеме.

— Уезжаешь?

— Да, дела появились. У меня к тебе просьба — проследи, чтобы девчонку доставили к ведьме, и она никуда не подевалась до моего возвращения.

— Она сказала что-то важное?

— Сначала нет, пришлось тем зельем поить. А потом... Ты все равно не поверишь, но она была в пещере.

— Слушай, Волк, ты же умный человек. Нет там никакой пещеры, я те края знаю. На карте все не так было нарисовано, как на самом деле есть.

— Она шла по карте и попала в пещеру. Видела там все, о чем я рассказывал тебе — и сокровищницу, и оружейный склад, и магические предметы. Откуда она могла о них знать?

— И где был вход?

Волк замялся.

— Девочка, наверное, слегка помутилась разумом после пережитого. Многие вещи она воспринимала искаженно. Говорила про какого-то эльфа, который провел ее в пещеру кружным путем. Впрочем, это мог быть обыкновенный мальчишка из челяди герцога Ильмарского, его замок где-то неподалеку. Мальчишки часто знают лазейки, неизвестные взрослым.

— А гномов эта девица случайно не видела?

Волк промолчал.

— Она много чего наговорила, кое-что я могу проверить. Если все окажется ее большими фантазиями, обещаю тебе — я больше не стану искать эту пещеру.

— Давно пора. Ты уже потерял двух своих людей ради этой глупой сказки.

Глава 13. Ведьма с мельничной запруды

С утра у Тайры раскалывалась голова, она никак не могла понять, почему лежит на охапке сена в углу горницы, а не в светелке на втором этаже. Память возвращалась кусками, принося с собой только боль. Это не Ашера. Всего, что было когда-то, больше нет, а есть воровской притон, где знаменитый разбойник Волк долго выпрашивал ее о чем-то. Этот Волк не выглядел таким уж свирепым, может быть, он отпустит ее по-хорошему?

Загремел засов, Шмель тяжело плюхнулся со стола, где он беспрепятственно наслаждался остатками разбойничьей трапезы, и лениво залаял.

Вошел угрюмый молодой парень с тазом воды и полотенцем. Каждым своим движением он старался показать, как оскорбительна для него обязанность обслуживать пленницу.

— Умойся и ешь, — он кивнул головой на стол. Потом разглядел, что на нем творится после обильного собачьего завтрака, и добавил: — еду принесу.

Тайра оказалась ужасно голодной, так что и вчерашней каше обрадовалась. Но не успела трех ложек проглотить, как парень опять заглянул в дверь:

— Выйди, князь тебя ждет.

Во дворе стояло несколько человек, все в простой темной одежде. Один из них, седобородый, выделялся осанкой и взглядом, пронизывающим насквозь. Тайра подошла к нему и молча поклонилась. Князь Ашва еле заметно кивнул в ответ и протянул ей маленький свиток.

— Волк тебе письмо передал. Прочитай.

Тайре еще не приходилось получать писем, и она с интересом рассматривала скрученный в трубочку листок бумаги, он был перевит шнурком и скреплен печатью с изображением оскаленной волчьей морды. Наконец она не без сожаления сломала красивую печать и развернула послание. На обратной стороне обнаружили несколько строчек, написанных крупным, почти каллиграфическим почерком.

Благородной девице Тайре

От человека, известного тебе под именем Волк

Я вынужден был уехать, не попрощавшись с тобой. Вчера ты доверила мне свою тайну, но тебе не надо беспокоиться об этом — я сохраню ее. Я отправляюсь к той, кого ты считаешь своей матерью и, если твои предположения о вашем родстве подтвердятся, мне, возможно, удастся устроить вашу встречу. На время моего отсутствия тебя препроводят в приятное и безопасное место. Умоляю проявить терпение и дождаться моего возвращения, иначе мне не удастся тебе помочь. Надеюсь на твое благоразумие.

Совершенно потрясенная, Тайра дважды перечитала письмо и разорвала его на мелкие клочки. Как она могла рассказать разбойнику с большой дороги то, что обещала хранить даже под пыткой? Почему-то не получалось ни слова вспомнить из этого разговора. Он отправился на встречу с императрицей? Волк? Правда, выглядел он как человек благородного происхождения, да и слог письма не соответствовал образу грубого хищника. Возможно, у него есть знатная родня, имеющая доступ в императорский дворец. А если он предаст ее? Это безумие — верить человеку, живущему грабежом и убийством. Тайра отвернулась от князя Ашвы и украдкой вытащила шарик. Сегодня он был безмятежно голубым и прозрачным.

— Мне доверять этому Волку или лучше бежать?

Искорка мигнула и погасла — ну да, нужно ставить вопрос более определенно.

— Надо ли выполнить его просьбу и дожидаться его возвращения?

Внутри шарика засветился крошечный белый огонек.

Ее размышления были прерваны самым неприятным образом.

К ней подвели какого-то низкорослого черного коня, на нем было седло Маяка, а по бокам висели обе ее сумки.

— Садись, ехать пора.

— Это чужой конь. Где мой Маяк?

— На пастбище утром увели. Ты его заморила совсем, ноги сбиты, ребра торчат. Вернешься — здоровый и красивый будет. Там, куда ты едешь, конь тебе не к чему.

Маяка забрали, чтобы она не сбежала. Правду ли князь говорит, что вернет его — кто знает, но спорить сейчас бесполезно. Сумки она даже проверять не стала, ясно, что разбойники деньги стащили.

— Вещи проверь, все ли цело. А то будешь потом говорить — князь Ашва меня обокрал.

Тайра вспыхнула и замотала головой.

— Я вам верю.

Под тяжелым взглядом князя Тайра забралась в седло и свистнула Шмелю. Лошадь шарахнулась, когда пес прыгнул ей на спину.

— Собаку оставь, ни к чему она тебе там.

— Я не поеду без него, он мой охранник.

— Дрянь это, а не охранник. Такую собаку убить надо: трусливая, в дом лезет, еду ворует. Вернешься — я тебе хорошую собаку подарю, злую.

Тайру как ветром сдуло с коня, она схватила Шмеля в охапку и заорала на князя:

— Вместе нас убивай! Он мой друг!

Старик усмехнулся и покачал головой:

— Пес у тебя друг? Ну, забирай своего друга, только пускай пешком бежит, конь его не повезет.

Двое всадников подъехали к Тайре, один из них взял под уздцы тайрину клячу, и процессия тронулась. Тайра внимательно смотрела по сторонам, стараясь запомнить путь для предстоящего побега. Запомнить было просто — вверх по течению Шенны, потом дорога сворачивала влево и шла по глубокому ущелью вдоль небольшого притока. Ущелье было узким, местами скалы нависали над головой, иногда приходилось вброд объезжать сорвавшиеся с кручи и перегородившие тропу каменные глыбы. Там, где горы немного раздвигались в стороны, к крутым склонам лепились маленькие, но хорошо укрепленные деревни. Вокруг высоких каменных стен бродили тощие коровы и длинношерстные черные козы. Ни одного человека так и не встретилось, только один раз в середине пути их окликнули откуда-то сверху. Разбойник приложил руку ко рту и коротко взвыл по-волчьи. Наверху посмеялись, перекинулись парой фраз на непонятном языке с тайринскими спутниками, на тропу спускаться не стали.

Поначалу Тайра пробовала разговорить конвоиров, спрашивала, куда они едут, долог ли путь, но они даже не оборачивались на ее голос. Изредка обменивались короткими замечаниями, и было видно, что они не в ладах между собой. Неожиданно один из воинов остановился и спрыгнул с коня.

— Все, дальше сам ее вези, я здесь подожду.

— Что, струсил?

— Хватит с меня, в прошлый раз, когда мы с Ником к ведьме ездили, у меня башка два дня трещала, чуть не сдох.

— Она не от ведьмы у тебя трещала, а от можжевельовки. Сколько вы тогда выжрали, полбочонка?

— Так пили-то наравне, а болел я один. Ведьма на меня порчу навела за то, что я сплюнул в ее сторону, мамой клянусь.

— В другой раз не будешь плевать, дурень. К старой жабе надо с уважением относиться. Ладно, сиди, без тебя обойдусь.

Конвоир дернул повод тайриной лошади и погнал коней быстрой рысью. Оставшись без напарника, он немного подобрел к девушке, даже вздумал приободрить:

— Ты ведьму не бойся, мы часто пленников у нее селим, все живы-здоровы. Тем более, жаба-то кадарка, как и ты — не тронет она землячку.

Это показалось Тайре слабым утешением. Значит, место приятное и безопасное? У ведьмы, которую до дрожи боятся лихие разбойнички? Она утвердилась в намерении бежать, желательно, еще засветло. Лучше в горах переночует, а Маяка она найдет и выкрадет.

Впереди послышался шум воды. Речка вильнула в сторону, огибая скалу, за ней был водопад, а на круче медленно вращалось огромное, в три человеческих роста, колесо. К колесу был приделан красивый двухэтажный домик с черепичной крышей. Тайра не сразу сообразила, что это мельница — в диком горном ущелье ее просто не могло быть.

Дорога поднялась на плотину, и пространство распахнулось, вмещая в себя синее небо с облаками, отражающимися в просторной, как озеро, запруде, широкую долину с деревушкой вдаль, высокую скалистую гору с ледником на вершине. На покатых отрогах этой горы зеленели поля, а ближний берег круто поднимался к отвесной стене скал, тянущихся до самого конца долины. Посреди склона белели развалины разрушенных почти до основания зданий. Внизу у самой воды стайка кур разгуливала вокруг то ли криво сложенного каменного сарая, то ли убогого человеческого жилья. Вросшая в землю хибарка была совсем крошечной, но с окошками — значит, все-таки люди жили.

Конвоир ссадил Тайру, расседлал лошадь и кинул седло и сумки в траву. Подкрался к двери в лачугу, бросил в нее камешком, тут же отскочил подальше. Заскрипели петли, из двери вперевалку выкатилась маленькая полная женщина. Ходила она с трудом, но лицо не до конца потеряло былую яркую красоту, живые горячие глаза казались совсем молодыми.

— Что, пленника опять привез? Да неужто девушку? Ну входи, входи, дочка

Парень сунул Тайре кошель с деньгами:

— Ведьме отдай, скажешь — Волк передал, — взял под уздцы освободившуюся лошадь и ускакал не оглядываясь. Тайра несмело протянула кошель старухе.

— Заходи в дом, не бойся. Сейчас на стол накрою.

Снаружи дом казался не краше хлева, а внутри — уютно. На полу свежая солома, яркие занавески, на полках — аккуратные ряды горшочков, кувшинчиков и полотняных мешочков. Все стены и потолок завешены пучками душистых трав. Зелла тоже сушила травы на зиму, но больше те, что в суп годятся, из лечебных она собирала только самые простые — от простуды, от живота. А тут благоухало все, что можно найти на горных лугах и в лесных зарослях, даже дышать трудно с непривычки.

— Чего жмешься, набрехали тебе, что я ведьма? Не отвечай, все равно не услышу, глухая совсем. Не верь глупым людям, не ведьма я, знахарка. Болезни лечу. Тебя как звать?

— Тайра,

— Погромче, не слышу я тебя

— ТАЙРА!!

— Айра? Красивое имя.

Тайра начертила в воздухе букву Т.

— Ты, Айрочка, знаки-то не рисуй, не понимаю я их, неграмотная. Если что надо — пальцем покажи или говори громко. А меня Хасият зовут. Ты меня-то понимаешь?

Тайра кивнула. Бабуля говорила на ужасном ракайском, но как объяснить ей, что можно говорить по-кадарски?

В открытую дверь забежал отлучавшийся к запруде Шмель С довольной морды капала вода.

— Уйди, тварь! Уйди, скотина проклятая! — заорала старуха и швырнула в пса тряпкой.

Тайра вышла из дома, села возле своих сумок и обняла обиженного Шмеля. Что им теперь делать? Возвращаться к разбойникам, говорить, что ведьма выгнала? Пешком дня два идти, а с вещами и три получится.

— Доочка! Айра! — завопила показавшаяся на пороге бабка, огляделась и обнаружила обнявшуюся парочку.

— Это твой волкодав, что ли? Зачем сюда зверюгу притащила?

Тайра погладила «волкодава» и из вредности поцеловала в носик.

— Тьфу, нашла кого целовать — жениха, что ли, нету? В сенях привяжи, а то кур моих поест.

Никакой опасности от ведьмы, кроме на редкость скверного нрава, Тайра пока не ощущала, но была настороже. Поела только то, что Хасият сама пробовала, от непонятной настойки отказалась. Когда стало темнеть, старуха поставила на огонь котелок, по очереди бросала в него травы, помешивала, что-то нашептывала. Тайра в оба глаза следила за ворожкой.

— И не гляди, не дам тебе, для себя варю — от суставов, тебе рано еще, — заявила Хасият, по-своему истолковав упорный взгляд девушки, — или болит у тебя чего?

Тайра вспомнила, что и правда ноет ребро, намученное ежедневной ездой на лошади, и решила рискнуть. Ткнула пальцем в больное место, изобразила, будто щепку надвое ломает. Хасият подошла, пощупала шишку на боку, губы поджала.

— Ну, есть у меня одно снадобье... Да делать его трудно, травы редкие нужны... За леченье завтра пойдешь коз моих пасти, свежий воздух при переломах только на пользу.

Намазала на тряпочку какой-то жирной вонючей гадости, велела приложить на больное место и ложиться спать.

Утром Тайра проснулась — боли как не бывало. Захотелось чем-нибудь отблагодарить целительницу, только ее не было нигде, коз она тоже не нашла. Проспала все на свете... Что можно делать в чужом доме, а чего нельзя, никогда не угадаешь, поэтому она свистнула Шмеля и пошла на запруду.

Стрекозы носились над водой, кружила чайка, утки плавали у дальнего берега. На плотине весело визжали и пихались полуголые мальчишки. Как-то лень было думать о побеге, может, и правда пожить здесь, Волка дожидаться? Если не приедет за ней до середины лета — тогда и придется что-то решать... И тут случилось ужасное. Один из ребят не рассчитал, столкнул с плотины товарища. Тот камнем ушел под воду, больше не показался. Двое оставшихся прыгнули за ним и тоже исчезли в глубине. Тайра закричала, надеясь, что с мельницы ее услышат, придут на помощь. Никто не выглянул. Неужели так и

погибнут? И тут на середине запруды показалась одна голова, потом другая, третья. Слишком далеко от берега, и лодки нет, как их спасти? Но они, выбрасывая из воды руки и бултыхая пятками, сами поплыли к берегу. Быстро, как утки. Вылезли, забрались на плотину, снова в воду попрыгали. Тайра с замиранием сердца ждала их появления. Вынырнули, довольные, смеются. Это было чудо. Люди же не рыбы, чтобы плавать... Тайре до слез захотелось так же, как они, резвиться в воде, не опасаясь утонуть.

— Вот бы кто-нибудь меня научил! — прошептала она, и тут же поняла, что не научат. Хороша она будет в платье с фартуком посреди запруды...

Ну а ведьма с ней подружилась — водой не разлить.

Старуха очень любила пленников, считая их за временно одолженных Волком рабов, и постоянно поминала добрым словом. Один ей крышу перекрыл, другой огород вскопал, третий мостки у самого дома поставил, теперь стирать удобно. Парней она селила вместе с козами и курами в хлеву, это только Тайре такая честь выпала — с хозяйкой в одной комнате спать. Измучившись от постоянной старушечьей воркотни, она часто думала — лучше бы с козами.

Утром раненько Хасият, пошептав молитвы и испив чистой водицы, уходила собирать травы. Тайре к ее возвращению следовало коз подоить, кур покормить да печь растопить. Когда старуха сильно задерживалась, а бывало это почти каждый день — ходоком Хасият была ненамного резвее улитки — то и огородик к ее приходу был прополот, и хата выметена. Появлялась она к полудню, сажала Тайру вязать пучки из трав, а сама к печи становилась — завтрак готовить

Как только на стол выставлялась плетенка с горячими пирожками, на их манящий аромат слетались внуки Хасият, их то ли четверо, то ли пятеро было — Тайра никак не могла точно сосчитать, поскольку они с собой еще и друзей приводили. Приходили не с пустыми руками: то горшочек с медом несли, то рыбину из запруды, поутру выловленную мельником, а кто постарше — волок полмешка муки. Их появление смывало с лица Хасият кислую мину, глаза обретали задорный блеск, а движения — девичью легкость и поворотливость.

Набив животы, ребятня разбегалась, но двое-трое обязательно оставались, подпирали рукой подбородок и выжидательно смотрели на бабушку. Хасият вздыхала для виду — опять бабке покоя не дают — перебиралась в удобное плетеное кресло и таинственным голосом заводила сказку:

— В стародавние времена жил на свете...

Дальше по-разному бывало: когда про короля, когда про осла, иногда смешно, иногда жутко — но всегда так занятно, что Тайра вместо того, чтобы посуду мыть, тихонько пристраивалась на низенькой скамеечке у входа и сидела до самого конца, даже если сказка была знакомой. Хасият, конечно, замечала бездельницу, но не сердилась — значит, и правда складно у нее получается, раз девка на выданье с раскрытым ртом старушечьи побасенки слушает. Удивительно, что детвора, между собой болтавшая на непонятном местном диалекте, с бабушкой переходила на кадарский, так что похоже было, что Хасият их с пеленок воспитывала. А как это быть могло, если ни сын с невесткой у нее никогда не появлялись, ни она на мельницу не ходила? Или не всегда в семье была такая рознь?

Прибравшись после завтрака, Тайра уходила пасти скотину. У Хасият ее немного было — черный козел с желтыми коварными глазами демона и душой ласкового котенка, да

четыре смиренные серые козочки с козлятами. Чаще всего Тайра гнала стадо к развалинам. Козы разбрелись среди руин под присмотром Шмеля, а она садилась в тени разрушенных стен, и смотрела сверху на жизнь долины.

К запруде приходили женщины с корзинами белья, рыбаки выдергивали из воды бьющихся рыбок, на дальних полях копошились крошечные человечки. Вокруг нее осыпались цветы, распускались новые, прилетали и улетали птицы. Солнце медленно катилось над долиной, чтобы скрыться за правым склоном горы и отметить розовым фейерверком окончание еще одного дня. Тайра все реже думала о побеге, ей было хорошо в этом мире, так похожем на родную Ашеру, но чужом, не царапающем душу памятью о прошлом.

С Тайрой Хасият тоже перешла на кадарский: заметила, что девушка с детишками бойко болтает, удивилась и спросила, откуда она родом. Как узнала, что землячка — нарадоваться не могла, каждый вечер усаживала ее за стол с угощениями, садилась напротив и всласть отводила душу. Хасият явно благоволила к Тайре, но более всего ценила в ней кроткие и безотказные уши, в которые можно лить нескончаемый поток жалоб. Старушечьи причитания о плохом здоровье, неблагодарных детях и трудной жизни надоели до одури, а выпытать у нее что-нибудь интересное — замучаешься руками махать.

Как-то раз после ужина Тайра пересела на скамеечку, подперла голову кулаками и даже рот приоткрыла, изображая предельную заинтересованность. Хасият посмотрела на нее раздвинутой и захихикала:

— Чего тебе, сказку рассказать? Ты что, маленькая?

Тайра радостно закивала.

— Какую тебе — здешнюю или кадарскую?

Тайра подумала и в пол пальцем потыкала — мол, здешнюю. Кадарские сказки она и сама знала во множестве.

В Кадаре обычно рассказывали исторические сказки, о подвигах, иногда о приключениях купцов в дальних странах. А местные были больше про горных духов и о встречах с мертвыми монахами, предрекавшими гибель или дававшими совет в безвыходной ситуации, чаще всего — очень страшные. В одной из них упоминались эльфы, только непонятно было, плохие они или хорошие: заблудился пастух в горах и в плен к ним попал, а вернулся через сто лет. Какие-то безалаберные эльфы ему попались, Эрвин таких промашек не совершал.

Память у Хасият была удивительная, она не только дословно повторяла когда-то услышанное ею, но и передавала каждую интонацию, каждый взгляд и вздох рассказчика. Сразу понятно — вот дед внукам своим о древних героях рассказывает, а это скоморох на ярмарке народ небылицами развлекает, а теперь бабка детишек страшными побасенками запугивает, чтобы из дома далеко не бегали.

В один из вечеров Тайра достала свою вышивку и показала Хасият. Старуха поднесла ее к светильнику и одобрительно зацокала языком.

— Хорошая работа, аккуратная. Сама вышивала?

Тайра замотала головой и закричала:

— Нет, мама!

Хасият на этот раз расслышала.

— Матушка твоя рукодельница была. Померла, наверное, раз ты одна по свету

скитаешься?

Тайра кивнула, ей хотелось поговорить о другом. Хасият просто кладезь неисчерпаемый старинных преданий, может быть, и о пяти птицах ей известно. Она поочередно коснулась пальцем каждой из них и вопросительно склонила голову набок.

— Ты что, не знаешь, что тут вышито? Это же герб нарратский, только на новый лад. Раньше на нем посередке две серые башни были, замок их княжеский, да теперь, говорят, тех башен больше нет. Почему матушка твоя вместо них кадарский замок вышила — не знаю, может, потому что старая королева Стефания родом из Наррата.

Об этом Тайра и сама догадалась: нарратские птицы свили гнезда в Кадаре. Она снова обвела их пальцем, для наглядности помахала руками, будто крыльями и заглянула в глаза Хасият.

— Про птиц хочешь узнать? Это девиз их княжеский, а происходит он от старинной легенды. Неужто не слышала никогда? Ну, давай расскажу, раз тебе эти птички от матушки достались.

Хасият выпрямилась, сложила руки на коленях, и Тайра увидела перед собой седовласого сказителя. И они уже не в лачуге, заполненной душистыми травами, а в рыцарском замке. Зимний вечер, в очаге последние языки огня танцуют на почерневших поленьях, и гости прервали пиршество, чтобы услышать историю о волшебстве и давно отгоревших страстях.

...Первый нарратский князь был великим воином, не было подобных ему среди властителей. Он одержал множество славных побед, и покорил обширные земли. И когда пришло ему время подумать о наследнике, он сказал так: «Я возьму себе в жены деву, чья красота будет равна моей доблести». Много достойных рыцарей предлагали князю в жены своих дочерей, но не нравилась ему ни одна. У той глаза серые, а он желал невесту с голубыми очами, другая всем хороша, да ростом его превосходит, третья прекрасней ангела — да волосы черные, а не золотые. И вот однажды на охоте он увидел деву, которую искал так долго и безуспешно. Она ехала по берегу озера на белом коне с витым рогом во лбу, волосы ее блестели, как золото, и спускались ниже седла. «Постой!» — крикнул князь, но дева испугалась и поскакала прочь. Единорог летел быстрее ветра, а княжеский конь был горяч и вынослив, и к вечеру пал ее скакун без дыхания. И сказал князь деве, плачущей над телом единорога: «Прости меня, что я лишил тебя такого прекрасного коня. Взамен предлагаю тебе свою руку и сердце». Но сказала дева: «Я не могу стать твоей женой, назавтра у меня назначена свадьба». И ответил ей князь: «Три года я искал такую, как ты, и нашел. Забудь о своем женихе, тебе суждено стать княгиней Наррата». Он бросил деву поперек седла, и как ни плакала она и ни молила о пощаде, привез в свой замок. И опоил ее зельем, чтобы она не могла говорить и была покорной, и сыграл пышную свадьбу, на которой невеста молчала и была бледнее молока. Но все, кто видел ее, признали: не было на свете девы прекраснее. Через год его жена родила близнецов с золотыми волосами, мальчика и девочку, и умерла.

Князь любил своих детей больше жизни, особенно дочку, которая напоминала ему умершую жену. Возвращаясь из походов, он дарил ей тончайшие ткани и драгоценные ожерелья, а когда ей исполнилось шестнадцать, сказал: «Я нашел для тебя супруга, достойного твоей красоты. Король Салема, великой страны, просит твоей руки». Но девушка ответила: «Я не хочу быть женой старого короля Салема. Я люблю второго сына графа

Ратгена и уже тайно обручена с ним». И сказал князь с улыбкой: «Разве садовник спрашивает розу, когда пересаживает ее на лучшее место? Как может юная дева знать, что для нее во благо?» Ничего не ответила княжна, но наутро ее не нашли в замке. По всей округе искали ее и воины, и челядь, и сам князь, обезумевший от горя, но даже следов ее никто не видел. И подумал князь: не разбойники ли похитили его дочь, и поехал с дружиною в горы биться с разбойниками.

Вдруг началась ужасная гроза, княжеский конь испугался молнии и понесся неведомо куда, и упал с высокого обрыва. Когда князь очнулся, то увидел, что лежит в нищей хижине, и старая женщина накладывает снадобья на его раны. Заметив, что князь открыл глаза, она спросила его: «Что ты делал в горах в такую страшную грозу?» И почувствовал князь, что не может ни словом солгать этой женщине, и сказал: «Я искал свою дочь, она убежала из дома и теперь я не знаю, жива ли она». — «А почему твоя дочь убежала из дома?» — спросила старуха. «Потому, что я не позволил ей выйти замуж за человека, чье положение слишком низко. Я нашел ей супруга, достойного нашего рода: король из Салема попросил ее руки. Разве не властен отец над детьми своими? А дочь моя отвергла короля, и убежала, и я боюсь, что ее нет на этом свете». Тогда сказала старая женщина: «Плохо поступил ты, князь Нарратский, что неволил дочь свою пойти против сердца ее. Родители дают тело своему ребенку, а душа приходит с небес, и никто не властен над нею. Что ты готов отдать, чтобы дочь твоя вернулась живая?» «Все отдам, до полкняжества», — вскричал князь. «Оставь княжество себе, но обещай, что выдашь дочь за того, кто ей по сердцу». «Выдам хоть за свинаря, лишь бы вернулась», — ответил князь и заплакал. И тогда старая женщина сказала ему: «Завтра раны твои заживут, и ты сможешь вернуться в свой замок, но запомни — если не выполнишь обещания, рана под сердцем раскроется, и ты умрешь».

Наутро проснулся князь, и видит — лежит он возле старого дуба, рядом конь его пасется, а от ран ни следа не осталось. Решил он, что и гроза, и старуха во сне ему привиделись. А на третий день княжну привезли, нашли ее в глухом лесу по пути в графство Ратген. Князь чуть не умер от радости, устроил пышное празднество, а когда пир закончился, сказал дочери: «Если боги захотели вернуть мою белую голубку в гнездо, больше не дам ей улететь. Будешь сидеть в высокой башне до самой свадьбы с королем Салемским». Заплакала княжна и взмолилась отцу: «Лучше убей меня, но не отдавай за немилого!» И сказал ей князь: «Все девушки так говорят перед свадьбой, а потом рожают детей и бывают счастливы». Позабыл он, что его собственная жена умерла от горя. После этих слов раскрылась рана у него на груди, и истек он кровью.

Похоронили князя на берегу озера, там, где он когда-то встретил прекрасную деву верхом на единороге. И когда опускали его в землю, прилетели пять птиц, одна за другой — орел, цапля, ворон, лебедь и сова. Сведущие люди истолковали это знамение так: орел означает отвагу, цапля — красоту, ворон — смерть, лебедь — любовь, а сова — мудрость. И да будут отныне эти слова девизом рода князей Наррата: «Отваги с красотой союз не вечен, его разрушит смерть. Любовь и мудрость — вечны», и прорекли, что не прервется род нарратский до тех пор, пока потомки будут следовать своему девизу.

Когда кончились дни траура, сыграли свадьбу княжны со вторым сыном графа Ратгена. Говорят, что император Гилат происходил от потомков этого рода. А брат ее, взойдя на княжеский престол, женился на дочери герцога Каверли, с которой он познакомился на свадьбе своей сестры и полюбил ее всем сердцем.

— Видишь, Айра, прервался род нарратских князей, значит, сказка это была, хотя и записана на первом листе их летописи. А может, и не совсем сказка — нарратцы все светловолосые, и близнецы у них часто рождались. Но что точно — был у них нерушимый обычай: прежде, чем дочку замуж выдавать, ее согласия спрашивали. Скажет «нет» — значит, не играли свадьбу.

А у мамы все было наоборот, — подумала Тайра — сначала с любимым жила, потом за ненавистного насильно выдали. Может, и я свое счастье потеряла, и не будет его у меня никогда... И спросила свое сердце — был ли Марис ее суженым? Сердце долго молчало, а потом ответило: «Он тебе названный брат».

Глава 14. Ведьмина подружка

Тайре плохо спалось при полной луне. Даже зимой, когда небо не было затянуто сплошным серым покровом, она закутывалась потеплее и долго смотрела с крыльца, как во мраке то одна, то другая снежная вершина начинает светиться призрачным синеватым светом, а над ними летит круглый лик в водовороте клубящихся облаков. Пока палец к середке не приставишь — ни за что не поверишь, что луна на месте стоит. Возвращалась замерзшая, садилась к огню отогреться и до утра читала книгу с балладами. А уж летом... Джан недоволен был, говорил, что надо солнцу, а не луне радоваться, если хочешь счастья. Но не запрещал — что поделаешь, если дочка в мать пошла.

Вот и сейчас ночные птицы ей спать не дали. Как тут заснешь, когда на каждом дереве свой певец заливаётся? Шмеля свистнула, вышла потихоньку — а за дверью живой оркестр как на свадьбе наяривает. Соловьи бубенчиками звенят да шелкают, дрозды вторят нежной флейтой, вскрикивает сова. Старушечий хор лягушек то громогласно вступит в ночной концерт, то затихнет, уступая черед птичьим солистам. И так складно — то один поет, то двое перекликаются, то все вместе грянут... А на небе звезды в такт мерцают.

По светлой дорожке Тайра дошла до плотины, присела на краю насыпи. Луна еще не взошла, только по краю ближней горы разгоралась серебряная кайма. Лягушки совсем разгулялись, пляски устроили — то в воду шлепались, то плавали наперегонки, раскачивая отражения. Звезды и над головой горят, и под ногами дрожат, и проплывают среди деревьев... То есть как это среди деревьев? Тайра огляделась — над берегами и впрямь скользили яркие огни, их было не меньше, чем на небе. Таких крупных светляков у них в долине не было. Огоньки цвета кошачьих глаз чертили зигзаги между прибрежных кустов, взлетали к верхушкам ив, гасли в траве. Вскоре зеленоватое сияние заполнило заросли, темная листва растворилась в переливах света. Звездочки засновали над водой, почти касаясь замершей от восхищения девушки. Их становилось все больше и больше, сияющая метель закружилась над запрудой.

Ослепленная вихрем светлячков, Тайра не заметила, что под сверкающей гладью среди бликов и теней проступило светлое пятно. Птицы затихли, только журчанье падающей воды да одинокий голос лягушки сопровождали безмолвный танец ночных огней. Шмель напрягся, заворчал, потом разглядел что-то и с яростью залаял на воду. Плеснуло — и исчезло. Тайра не то увидела, не то почудилось ей — под водой лицо было. Смутное и светящееся, как в подземном озере по имени Хогга. «Остерегайтесь глубоких вод...» А запруда глубокая? Как ошпаренная, она кинулась к хижине. Шмель все оборачивался и лаял.

— Собаку свою уйми! — на пороге стояла Хасият со светильником в руках, страшно рассерженная.

— Чего ночами шляешься, русалку мою пугаешь? Ну что глаза вылупила, думаешь, они только у вас на равнине водятся? Наша запруда старая, ей лет двести, как русалке не быть? Кобеля своего привяжи, и дверь не открывай, — Хасият, кряхтя, вышла из дому, оставив растерянную Тайру в полной темноте.

Вернулась она не слишком скоро, немного успокоившаяся, но все равно продолжала ворчать:

— Захотелось девочке на светлячков посмотреть — а тут ты. Что она тебе плохого

сделала, чтоб собакой ее травить?

— Ты с ней разговариваешь? — Тайра показала на окно, на Хасият и подвигала губами.

— Поговорить, что ли, хочешь? Ложись, поздно уже.

Тайра помотала головой, повторила пантомиму и изобразила руками рыбий хвост.

— Какой еще хвост? Это у крокодила твоего злющего хвост, а у девочки — ножки. Сама подумай, как я с ней говорить могу? Она шепчет что-то, а я и не слышу.

Тайра не унималась — ей хотелось развеять жуть. Вылепила в воздухе статную девицу маленького роста, показала с улыбкой на Хасият, — и снова хвост.

— Молодая когда была? Вот что тебе до этого? Ладно уж, садись, расскажу, раз все равно ты меня разбудила. Хасият поставила на стол кувшинчик с каким-то отваром, придирчиво понюхала и плеснула себе в кружку.

— Раньше-то говорила, да. Подружками мы были. Знала, что нельзя с ними дружбу водить — да так тошно мне здесь поначалу жилось, хоть сама топись. Муж меня сюда привез, а через неделю его воевать забрали, на три месяца. Вот и осталась я со свекром да свекровью. Злые они были, как демоны, ненавидели меня, что я по-ихнему не понимаю. Муж-то со мной по-ракайски говорил, а они и его не знали. Вот орет свекровь на меня, по щекам бьет — а я не пойму, чего она хочет. Уйду на плотину и плачу целый день, бывало, что и ночью убегу. Так мы и подружились. Русалки ведь — они вроде колдуний, и желание выполняют, и на вопрос ответят... Да после все навыворот получается. Вроде что просила, то и вышло: и свекор со свекровью рано померли, и муж невредимый с войны воротился, всю свою жизнь ко мне ласковый был, и дети здоровые да удачливые. Только как похоронил он родителей, так и запил; бывало, я по месяцу одна мешки с зерном ворочала. А как пятого родила, свалился он по пьянке под мельничный ворот. Хорошо, мы не совсем уж бедные были, я работника взяла, чтоб не надорваться. А у детей, слава Единому, все в порядке. Не бедствуют. И где они, дети мои? Старшую торговец увез, трое средних в столице стражниками, а младшенький со мной остался, я русалку отдельно об этом просила. Да нужна я ему, как крыса в подполе. Раз в неделю внука пришлет с кулем муки — вот и вся его забота, — Хасият смахнула пальцами слезы с ресниц, — ну а ты сходи к моей подружке завтра ночью, зовет она тебя. Только пса своего дома привяжи.

Тайра отчаянно замотала головой.

— Да не бойся, один-то разговор вреда не принесет. Раз зовет — значит надо, если ее не послушаешь, плохо будет. Она девочка добрая, но нельзя с ней ссориться. Живем-то на запруде.

Прополов огород, Тайра пошла на берег с кувшином. Сегодня запруда казалась совсем обычной, даже скучной. Ни птиц над ней, ни рыбьих кругов на воде, только белесое небо в ровной глади отражается. Никого поблизости не было, и Тайра шепотом окликнула русалку. Лучше уж днем с ней встретиться, не так страшно. Снова позвала. Что-то в тростнике шевельнулось, вот еще раз — поближе. Из травы показался бурый лягушонок, проплыл чуть-чуть и вскарабкался на лист кувшинки, глядя на Тайру.

— Русалка, я пришла поговорить с тобой!

Налетел ветерок, разбил отражения на тонкие полоски. Засвистел. У дальнего берега вскипела вода. Белый гребень с громким шипением понесся прямо к Тайре, бурля и поднимаясь все выше, ветром рвануло волосы. Пенная волна плеснула под ноги и ушла, выбросив на песок полосатую рыбку. Рыбешка забилась, перекувырнулась и прыгнула обратно в запруду. Снова тишина да гладь неподвижная. Тайра набрала воды и ушла

побыстрее. Ей совсем расхотелось видеть русалку.

Старуха даже и не думала ложиться спать. Уже темнеть стало, а она затеяла печь рыбный пирог. Накрошила туда, по своему обыкновению, десяток разных трав, запах пошел — хоть сырым его ешь. В котле другие травы запарила, меду добавила целый горшочек, хитро улыбнулась — и долила полную кружку вина. Глядя на ее хлопоты, Тайра обреченно поняла, что от встречи с русалкой не отвертеться.

— Ну, иди. Пора тебе.

Эта ночь была совсем другой. Светлячки куда-то исчезли, и было совсем тихо. Иногда соловей неуверенно заводил руладу, но тут же обрывал ее. Даже лягушки молчали, только плескались у дальнего берега. А над водой поднимались высокие столбы тумана. Недавно взошедшая желтая луна просвечивала их насквозь, и было видно медленное движение волокон и сгустков их сияющих тел. Тайра переводила взгляд с одного призрачного великана на другого, гадая, который из них обратится в русалку. Столбы шевелились, меняли форму, у одного из них начали вырастать крылья.

Под ногами плеснуло, тонкие руки легли на край плотины. Одно движение — и рядом уже сидит высокая гибкая девушка. Вода с темного сарафана стекает обратно в пруд, огромные светлые глаза вглядываются в Тайру.

— Спасибо, что пришла.

— Вот, тебе Хасият передала...

Сердце птицей колотилось в горле. Тайра осторожно положила сверток и кувшинчик возле русалки. Та наклонилась, аккуратно разворачивая тряпочку, зеркально-черные волосы упали ей на колени, по прядям пробежала светлая дымка — а теперь уже волосы белые, концы потянулись вверх и тают в лунном свете, превращаясь в туман. Русалка разломилась кусок пирога надвое и протянула половину Тайре.

— Мы уже ужинали с Хасият.

— Ешь, так нужно, — голос тихий, нежный, но от него мурашки бегут по спине.

Тайра еле заставила себя проглотить кусочек, на котором блестели капельки воды. Из кувшинчика, к счастью, ей дали выпить первой.

— Хлеб преломили, вино разделили, теперь говори, чего ты хочешь.

— Чтобы к Хасият вернулся слух, — это желание Тайра придумала еще днем, — но разве она тебя об этом не просила?

— Два раза просила. А кричала она мне — ничего больше слышать не хочу — шесть раз. Попроси еще три раза.

Тайра послушно повторила.

— А почему ты сама не могла ей помочь, вы же подруги?

— В моих словах силы нет, я только над водой власть имею.

— Как же ты желания выполняешь?

— Не я выполняю — вода. Каждое слово водой омоется, в воде отразится, там, где хоть капля воды найдется — сбудется. Спасибо тебе за Хасият, столько лет я мечтала снова с ней разговаривать...

Тайра уже меньше боялась русалки, хотя в светящиеся глаза старалась не смотреть. При каждом движении ночного воздуха ее ресницы — длинные, до бровей — клонились, как трава под ветром.

— А отчего все просьбы Хасият ей на беду пошли, если ты ее любишь?

— Смерти другому желать — себе горе кликать.

— Так свекровь сама ее со свету сживала!

Русалкины волосы снова темнее ночи, ветерок их колышет, лунный свет на волнах поблескивает. Голос зажурчал, словно быстрый ручей по камушкам.

— Поздно я узнала, за что свекровь ее била, все уже сбылось и не исправишь. Ни на той, ни на другой вины не было. В первый раз била за косы распущенные. Хасият как тростинка на ветру была, глаза звездами горели. Мужа на войну забрали, а она платье красное наденет и порхает по дому, воронье кудри кольцами до пояса падают. Свекор уж на что жену любил — а и то стал заглядываться. Свекровь один раз ей косу заплела, платок повязала, другой раз — а невестка в толк не возьмет, для чего это нужно. А однажды она с огорода в дом заскочила — Хасият сидит рядом со свекром, на вещи разные пальчиком показывает, хочет узнать, как что называется. Слова путает, смеется, а он улыбается, глаз с нее не сводит. Ну и вскипело у женщины сердце, раскричалась, по щеке ударила, тряпкой дырявой волосы замотала. Свекор дверью хлопнул и больше с Хасият не разговаривал, чтоб жену в гнев не вводить. Хасият и вздумалось, что он тоже ее ненавидит, сказала в сердцах — он еще передо мной на коленках поползает, злыдень старый, когда муж вернется.

Второй раз била за корову издохшую. Хасият ее на болото погнала, где травы ядовитые растут, откуда ей знать — в городе всю жизнь жила, это уж после коровы она у меня выпрашивать стала про травы вредные и целебные. Ну а третий раз — за меня. Пришла ко мне на плотину поплакать, а свекровь за ней подсматривала, проследить захотела, куда невестка молодая ночами ходит. Я в воду кинулась, свекровь и решила, что парень с ней миловался — сарафана-то еще у меня не было. Хасият только через год наряжать меня придумала, — то ли показалось, то ли русалка и вправду покраснела.

— Вот тогда ей и досталось с лихвой. А как кончила свекровь ее за косы таскать, Хасият закричала над водой: «Чтоб ты сдохла скорей, ведьма лютая!».

По слову недоброму и вышло, на третий день свекровь занемогла, год протянула, с постели не вставая, себе и другим в тягость — и умерла. Над свекром ее воля злая позже исполнилась, через три года, видно, меньше обиды в том пожелании было. Но все одно — пошел он зимой на охоту и упал со скалы. Ногу сломал, пока полз — обе отморозил, пришлось костоправу звать, ступни отпиливать, помирал он совсем. Наползался потом на коленках и перед Хасият, и перед всеми. Она уж позабыла, как проклятие кричала, его ведь все любили, внуки особенно, добрый был и веселый. Да и я не помнила. Проползал два года, стараясь хоть какую-то пользу семье принести — и грохнулся с лестницы, сразу насмерть. Это уже его желание сбылось, сколько раз жаловался: «Зачем я жену свою пережил, теперь зря хлеб ем, обрубок бесполезный». Муж Хасият с тех похорон и запил. Не столько родительская смерть его радости лишила, сколько пересуды соседские — что привез он ведьму из Кадара, она всю деревню помаленьку изведет. То пил, то зарекался, а потом и полетел вниз головой под мельничное колесо. Ну а что дети неласковые — так каково им пришлось, когда их мать ведьмой-душегубкой каждая соседка называла? И ведь сами бабы не особо верили, а то бы давно расправились с ней, болтали со зла — что красивая да гордая, ото всех сторонилась, язык хатунский за десять лет еле-еле выучила...

Тайре мать вспомнилась — ее точно так же в деревне невзлюбили, хоть мама с русалками не водилась и никого не проклинала. Пожалела Хасият, больше всего за то, что своими же руками судьбу себе сломала.

— Так отчего ж ты ей не сказала, чтобы она свои злые слова добрыми исправила?

— Что я тогда в людских делах понимала? Ее любила, ее и слушала, жалела, что

обижают ни за что. Это уж когда все умерли, свекровина сестра с подружкой за водой пришла, села на берег, на дуру-невестку стала жаловаться — я и узнала, как дело было. Хотела Хасият рассказать, да как ей расскажешь? «Не мучай меня, ничего я слышать не хочу» — вот и весь разговор. Ну а теперь скажи, чего тебе для себя нужно, за одну ночь три желания исполняются.

Тайра молчала. Доверить самое важное девушке из пруда, с каждым движением меняющей обличье?

— А можно спросить, не обидишься?

— Так что спрашивать, все твои мысли во мне отражаются, — рассмеялась русалка, — хочешь знать, почему про нас молва идет, что парней заманиваем, да топим? Так то не диво, у вора всегда монета виновата, что ярко блестела. Увидит дурак молодой русалку, да повадится каждую ночь к воде ходить, все поймать надеется. Житья от него не станет, ну и затащит она его в воду, чтоб отвязался наконец, пощекочет, попугает. А он потом: «заманила, да чуть не утопила, еле живым ушел».

— Никогда не топите?

— Почему никогда? По-всякому бывает. Или человек худой совсем, убийца, лихоимец, или сама русалка зло на людей затаила. Кто знает, откуда душа в воду пришла, хозяйкой воды сделалась? Может, с облаками летала, место искала, нашла и с дождем пролилась. А может, девушка жить не захотела, в воду бросилась, а обида, как камень, вниз тянет, в Светлые Небеса взлететь не дает. Вот и останется она там, где смерть приняла. Такая может и зря утопить. Ну а после у нее вода тиной зарастет, болотом делается, люди кикиморой звать начнут. Нет, я человеком не была, напрасно боишься.

Тайра задумалась. Было у нее три желания, можно только о двух просить — да вот стоило ли?

— Чтобы не просила пустого, дай-ка я сначала на твои вопросы отвечу. Ты их столько раз в мыслях повторила, что даже улитки придонные наизусть выучили. Русалка уже не говорила — шептала, как будто камыш шелестит.

— Мать свою и без меня встретишь при новой луне. Тому, кого любимым звала, ты сама счастья на мосту над водой пожелала, исполнится. А суженого тебе звезда укажет, что на сердце носишь. Есть у тебя еще желание, оно трех других важнее, да ты его еще не узнала, словами не назвала. Моих сил на него не достанет, научись звезде верить — узнаешь помощников. Ну а теперь говори, чего ты хочешь.

— Так ты сама уже все сказала, даже не придумаю, о чем просить.

— Себе не о чем — другому добра пожелай.

Тайра молча глядела в ночь, и на душе было совсем тихо. Столбы тумана расплылись светлым пологом, он висел высоко над водой. Луна зашла, а небо светлело. Если правда, что русалка ей нашептала — чего еще желать? Кому? Может, бедной Хасият — чтобы дети ее полюбили?

— Пусть у Хасият хоть старость счастливой будет, пусть ее дети и внуки любят.

— Спасибо тебе. За это — помогу в трудный час. А последняя просьба какая будет?

Глаза русалки ждали, о чем-то молили. Чужие просьбы выполняет, а ведь ей самой тоже может чего-нибудь хотеться...

— Скажи, а вы всегда по одной живете? — как будто кто нашептал Тайре этот вопрос.

— В больших озерах нас много бывает, ночами хороводы водят, песни поют, — ее голос был грустный-грустный, — и здесь место для подружки нашлось бы — да не приходит сюда

никто. Хорошо, Хасият у меня пока есть, а умрет — опять одна останусь.

Теперь она казалась совсем ребенком — с тусклыми голубоватыми волосами цвета предрассветного озера.

— Третье желание — чтобы с тобой добрая подружка в запруде жила.

Девочка заливисто рассмеялась, обхватила Тайру холодными руками, расцеловала.

«Сейчас утащит на дно, буду ей подружкой» — в ужасе подумала Тайра. Но русалка соскользнула в воду и исчезла. Ни плеска, ни кругов — как туман растворился.

— Приходи ко мне днем попрощаться, — зазвенел голос из кувшинок.

— Так ты днем где-то прячешься!

— Как прячусь? Запруда — это ж я и есть.

Не сумела Хасият Тайру дожидаться, сон сморил прямо за столом, щека на скатерти, спит, улыбается. Услыхала шаги — взметнулась, как ошпаренная.

— Видела ее? О чем разговаривали?

— Да вот, попросила слух тебе вернуть.

— А она что? Не может, наверное, сколько раз я сама ее просила...

— Как не может? Ты же меня слышишь.

— Ничего я не слышу, что ты ерунду мелешь!

Тайра не выдержала, расхохоталась.

— Не стыдно над глухой старухой смеяться-то, — потом все-таки призадумалась, — а может, и правда слышу что-то, сама не пойму... Ну-ка, скажи еще чего-нибудь, что она еще говорила?

— Что у тебя теперь все хорошо будет.

— Да уж откуда взяться хорошему-то, — глянула Хасият в окошко, а там совсем светало, — придется теперь ночи ждать, не выйдет она ко мне до темна... — и, страшно довольная, полезла на свой сенник.

Только выспаться ей не удалось.

Рано-рано в дверь отчаянно забарабанили. Хасият отпирать не стала, недовольно крикнула из-под одеяла:

— Чего надо-то?

— Мама, открой — Ирис заболела, помирает.

Хасият выскочила к сыну в чем была, только шаль поверх рубахи накинула. Встревоженная Тайра развела огонь и повесила на крюк котелок с водой — мало ли, вдруг зелье какое-нибудь понадобится сварить. Светлые Небеса, лукавая тихоня Ирис, бабушкина любимица!

Вот они, русалочки милости...

А болезнь оказалась черной чумой. Хасият только раз прибежала, закутанная до глаз и страшно воняя чесноком — за травами для очищения крови. Тайре велела тоже чесноком натереться, ни к мельнице, ни к деревне даже близко не подходить, оставила на нее хозяйство. На пороге обернулась, сказала сердито:

— Еще чего, своей-то внучке не дам помереть!

Тайра подумала-подумала и не стала чесноком мазаться. Дети в доме каждый день бывали, если уж заразилась — поздно оберегаться. А больше они сюда не придут, раз Хасият

на мельницу перебралась. Медленно, как одурманенная, переделала все домашние дела. Уже за полдень поднялась с козами к развалинам, присела на замшелый ряд камней. В долине было пасмурно и душно, только на мельницу падали косые лучи из-за клубящихся и на глазах распухавших облаков. В камышах возились братья Ирис, что-то вылавливали в прибрежной тине. Шмель понесся к ним — помогать. Тайра хотела его окликнуть, да вспомнила, что вроде бы собак чума не берет. Что с ним будет, если зараза выкосит всех в долине? Одичает и прибьется к деревенским псам, трупы жрать и на домашний скот охотиться?

Мальчишки ушли в дом, неся кувшин с добычей. Что они там ловили, пиявок, что ли? Тайра вспомнила, что русалка звала ее попроситься. Перед чем, перед гибелью? И ведь выполнила просьбу, нежить болотная, помирила Хасият с сыном — но какой ценой? Ну, ладно же...

Она сбежала с горки к берегу, встала на песок.

— Слушай меня, русалка! Я тебя просила мир принести в семью Хасият — а ты беду на них накликала? Сейчас же исцели Ирис, и пусть ни один человек в долине чумой не заразится! А не выполнишь — всем расскажу, что это ты болезнь навела, люди выживут тебя из запруды. Дай мне знак, что услышала!

Примчался Шмель, лапы и морда в тине, в шальных глазах — охотничий азарт. Вытер нос о хозяйкину юбку и сунулся в заросли остролиста. Оттуда, тревожно посвистывая, выскользнула утка с тремя утятами, повела выводок на другую сторону. Пес с разбега кинулся в воду — догонять. Поплыл неумело, торчком, изо всех сил колотя по воде передними лапами. Точно так же, как плыл через Тану в детстве, когда чуть не утонул. Видно, Шмель тоже вспомнил, что вода может забраться в рот и потащить на дно, сам испугался своей смелости.

Утка уже спрятала утят в тростнике, обратно повернуть — далеко и страшно, а рядом плавает бревно с развилкой вроде козьих рогов, вот он и полез на него спасаться. Не было там раньше никакого бревна, да и быть не могло — большие деревья у берега не росли. Тайра позвала пса по-хорошему, потом заорала на него, а он уселся на развилке, смотрит на хозяйку несчастными глазами и жалобно повизгивает. Тайра разозлилась и пошла в сторону. Надоест сидеть — приплывет. Шмель отчаянно завыл тоненьким щенячьим голосом. Вокруг ни души, небо мраком заволокло, гроза надвигается. Козы одни брошены, хорошо, если к дому пойдут, а если разбегутся?

Тайра, наконец, придумала, как выручить дурного пса. В зарослях ольхи выломала длинную хворостину с рогатиной, скинула башмаки и юбку и осторожно зашла в воду. Вода теплая совсем, и мелко. Сначала по колено, дальше — по пояс. Еще пару шагов, и можно будет дотянуться до бревна. А что дальше случилось, Тайра не успела понять, только увидела, как изо рта вверх вырываются светлые пузыри, и не вдохнуть. Забилась, вынырнула к свету и воздуху, опять ушла под воду. Ну вот и все... По ногам шваркнуло что-то мерзкое, склизкое. Тайра в ужасе отдернулась, снова оказалась на поверхности, забила по ней руками и ногами и поняла, что плывет. Лишь бы до бревна добраться, вот же оно... Шмель больше не мог смотреть, как тонет его хозяйка, спрыгнул в воду и со страху полез лапами на голову Тайре. Она двинула его кулаком в бок, чтобы не утопил, схватилась за ошейник и повернула мордой к берегу. Насмерть перепуганный пес надрывался, но вез на себе Тайру. Она помогала ему, подгребая свободной рукой. Когда попробовала болтать ногами — так, как

будто бежишь — почувствовала, что и без собаки сможет добраться до берега. Только встать на дно было страшно, и она плыла до тех пор, пока не ткнулась коленкой в песок.

Отдышавшись, она натянула юбку на холодную липнущую рубашку, и не то разревелась, не то рассмеялась взახлеб. А когда смогла говорить, выкрикнула в сторону запруды:

— Значит, любые желания выполняешь? Плавать меня научила, дура мокрая?!

Серебряный ветер пронесся по прибрежным кустам, гоня тонкую белую пыль, выворачивая листья наизнанку. На долину напознала клубящаяся, ворчащая, как сердитый пес, туча. Внутри у нее полыхало то белым, то желтым. Темные космы дождя заволокли деревню, скоро и запруду накроют. Тайра вспомнила про коз и побежала, спотыкаясь, к развалинам. Казалось, что туча втягивала в себя весь воздух, в левом боку дергало болью, порывы ветра мешали движению. Вымокнуть-то не страшно, больше уже и некуда, но на открытом склоне молния вполне могла нацелиться на одинокую фигурку. На полдороге она увидела стадо, вприпрыжку скачущее навстречу — Шмель с веселым лаем гнал его к дому.

И тут обрушилась стена ливня. Такого, что сбивал с ног, в нем можно было захлебнуться. Чуть ли не кувырком, по скользкой траве и расползающейся глине, она добралась до хибарки, а когда уже запирала дверь за козами, вспомнила про «дуру мокрую». Говорила ведь Хасият — нельзя с русалками ссориться...

В доме темно было, как ночью, только яркие вспышки за окном на мгновение озаряли комнату. Огонь Тайра разводить не стала — говорят, что в грозу нельзя. Вытерлась досуха, на ощупь отыскала свое единственное нарядное платье и села у окошка смотреть на молнии. На пол летели брызги, надо было бы ставню закрыть, но глухая тьма казалась страшнее. Грохотало так, что пришлось уши зажать — а все равно и жутко, и весело. В небе вырастали сверкающие ветвистые деревья, белые зигзаги били по дальней горе, высоко на склоне уже тускло светилось рыжее пятнышко огня — видно, сухое дерево вспыхнуло.

Небесная ткань разодралась с диким треском, и на запруду упало ослепительное пламя. Тайра вскочила. Мрак за окном, и шум дождя, больше ничего. А потом над водой прозвенел хохот. И эхом — второй, но низкий, как рокотание грома.

— Мама родная... Ей не русалку, а водяного с неба прислали, — прошептала Тайра. Не скоро теперь Хасият свою подружку дозвется.

С утра за окном висела серая муть, вроде бы и не дождь, а выйдешь — насквозь промокнешь. Облако зацепилось за склон горы и застряло в долине, теперь неизвестно, сколько непогода продлится, может, и неделю. На мельнице было тихо, никто оттуда не выходил. Тайра растопила очаг, чтобы высушить одежду, вчера брошенную комом на пол, надоила молока на завтрак, со скуки затеяла печь лепешку. Слишком много теста намесила для себя одной, из излишков решила что-нибудь вылепить — как в детстве, когда делать было совсем нечего. Получилась сидящая на камне девушка с длинными волосами, в длинном платье, чем-то знакомая. Тайра рассмеялась, смяла подол платья и превратила его в рыбий хвост. Мало ли что у нее ножки, с хвостом понятнее.

Налюбовавшись на свое творение, Тайра свернулась клубочком на кровати и незаметно заснула под шорох снова закапавшего по соломе дождя.

Шмель громко и радостно лаял, прыгал на дверь. Неужто так соскучился по Хасият, которая его только крокодилком и величала? Тайра пригладила волосы и откинула щеколду. Прищурилась — в глаза било солнце, отраженное в тысячах капель, сверкавших на каждой

травинке. Пес, размахивая хвостом, кинулся к мельнице. С плотины спускались три всадника, один из них был в рогатом шлеме. Всадника три, а коня-то четыре — в поводу вели еще одного, гнедого, с белой гривой. Не получилось удержать белогривого — он вырвался, галопом поскакал к хозяйке.

— Принимай гостей, хозяйюшка, — пока Тайра миловалась с Маяком, разбойники привязали своих лошадей к плетню и без спроса зашли в лачугу.

— Нет, огня не разводи — некогда. Кони передохнут, и поедем, — Волк с одобрением оглядел Тайру — чистенькую, нарядную, с отросшими волосами, — а тебе жизнь у ведьмы на пользу пошла.

Два других молодца пялились на девушку с откровенным интересом.

— А что это у тебя? — один из них заметил на столе фигурку из теста.

— Русалка, — Тайра опрометчиво кивнула на открытое окошко, за которым виднелась запруда.

— Значит, правду говорят, что при мельнице нечисть водится? Ты что, своими глазами ее видала?!

— Ну а как же! Мы с ней по ночам на плотине сидим, выпиваем, про ведьму сплетничаем, — ехидно улыбнулась Тайра любознательному парню.

— Ладно, хватит моих дурней пугать. Тебе письмо, прочитай, — Волк протянул Тайре крошечную, во много раз сложенную бумажку. Тайра неловко развернула ее задрожавшими пальцами.

«Любимая моя! С болью узнала о смерти твоего отца и той, что была тебе опорой и лучшим другом. Плачу вместе с тобой. Мне рассказали о испытаниях, выпавших на твою долю. К счастью, они позади, теперь ты под надежной защитой. Тот, кто передаст тебе это письмо, достоин доверия, и, если будет на то воля Небес, в ближайшем будущем он поможет нам встретиться. Да хранит тебя Единый!»

И все? Ни одного имени, ни одного слова, по которому можно было бы угадать автора письма. Наверное, на случай если оно попадет в чужие руки — но ведь такое мог сочинить кто угодно, тот же Волк. Аккуратные кругленькие буквы ничем не напоминали почерк волкова послания, врученного князем Ашвой. Но и на мамину стремительную мелкую вязь с крупными росчерками были совсем не похожи.

— Это мама писала?

— Нет, конечно. Продиктовала камеристке. Зачем ненужный риск?

Так ведь и сам разбойник мог любому писцу надиктовать. «Достоин доверия», как же!

— А вы... сами встречались с моей матерью? — спросила Тайра, вглядываясь в серые глаза в прорези забрала.

— Да. Но сейчас не время говорить об этом. Собирайся, мы уезжаем.

Тайра пошла за вещами, потом застыла в растерянности:

— Я не могу оставить дом. У Хасият внучка заболела, я ей обещала помочь.

— Мельничиха за всем присмотрит, я с ней договорился. А девочке уже лучше, — глаза в железной рамке, кажется, улыбнулись.

— Ведьма девчонку пиявками да лягушками пользуется, у них там на лавке горшки стоят, а в горшках дрянь эта плавает. Одна жаба из-под тряпки на пол как выпрыгнет, — с омерзением наябедничал разбойник

. — При болезни пиявки — доброе дело, если в умелых руках. В бою храбрецы, а лягушек боитесь? Лучше помощи девушке коня седлать

Глава 15. Волк, предводитель разбойников

— Ашва, сколько людей ты можешь мне дать? Я хочу захватить Белую Чайку.

— Зачем тебе это? Ради женщины? Я не пошлю своих людей на смерть, чтобы ты получил ту женщину, которая тебе нравится

— Я знаю, Ашва. Но Лаэрту любит народ, и если она выступит против Янгиса, многие примкнут к ней. Если мы свергнем императора, кончится война и народы гор обретут независимость.

— Ты хочешь скинуть Янгиса? И самому стать императором?

— Нет, Ашва. Народ Ракайи пойдет за Лаэртой, за мной пойдут только горы. В Ракайе меня знают как верного вассала Янгиса, потребуется время, чтобы люди поняли — я никогда не был на его стороне. Возможно, потом, если императрица Лаэрта решит заключить второй брак...

— Я понял тебя. Ты хочешь стать императором, Брейд, но только немного позже. Ну, что ж, я скажу людям, что ты набираешь войско. Пусть молодые поучатся воевать.

Эрвин закрыл глаза. Значит, Брейд выбрал эту развилку. Страна, охваченная кровавой междоусобицей. Чума. Брейд, истыканный стрелами, конница скачет по его трупам. Литания и Тайра, спина к спине привязанные к столбу, и ревушая толпа поджигает хворост. А если так?

Старый князь скорчился в седле и прижал руку к животу, острая боль выворачивала внутренности наизнанку. Того, кто поднес ему испорченный кумыс, он убьет собственной рукой. Какой-то поганый рыжий мальчишка...

— Ашва, сколько людей ты можешь мне дать? Я хочу захватить Белую Чайку.

— Ради бабы? Ты хочешь, чтобы я послал своих людей на смерть ради твоей бабы?

— Ашва, ты мне друг, и я всегда тебя уважал. Не надо называть Лаэрту бабой в моем присутствии.

— Хорошо, Брейд, прости меня. Ради женщины. Ради императрицы. Ни одного человека не дам, так и запомни. Больше не говори со мной об этом.

— Я тебя понял. Ну что ж, обойдусь своими силами.

— Хочешь помирать — помирай, но без моего народа, — Ашва слез с коня и, стараясь не ускорять шаг, удалился в сторону кустов.

К разбойничьей крепости они подъехали к обеду, но даже коней не расседлали, только подруги ослабили и задали овса. Тайра умаялась с отвычки, за стол не пошла, заснула на куче соломы возле конюшни, так что Волку пришлось ставить караул возле спящей девушки, чтобы парни ненароком не обидели.

Но передышка оказалась короткой, разбудили — и снова в седло. Никак не получалось выяснить, куда ее везут: Волк ехал первым, Тайра — в самом конце цепочки, а когда спустились на равнину, им встретились какие-то всадники, и Волк умчался с ними далеко вперед, потом и вовсе исчез.

Уже в полной темноте они проехали то ли деревушку, то ли городок — подковы зацокали по мостовой, поднялись по крутому холму, на вершине которого чернела крепость и остановились перед аркой в высокой каменной стене.

— Открывай, приехали!

Заскрипел ворот, решетка поползла вверх. На широком, заваленном горами хлама дворе, их встретили несколько солдат с факелами. Рогатого волчьего шлема вроде бы видно не было. Сильные руки сняли Тайру с седла и бережно поставили на брусчатку. Она подняла глаза — и встретилась с хмурым взглядом на грубом женском лице. Громадная женщина, похожая на медведицу в нарядном чепце и фартуке с оборками, рывкнула через плечо:

— Коня расседлайте, вещи госпожи несите за мной, — и чуть помягче обратилась к девушке, — пошли, за меня держись, еле на ногах ведь стоишь.

Тайра послушно вцепилась в пышный рукав и заковыляла к замку. Это был не грубый куб донжона, пристанище удачливой разбойничьей шайки или дружины воинственного барона, а настоящий замок, такой должен принадлежать знатному лорду, возможно, даже графу. В стрельчатых окнах горели огни, лунный свет скользил по черепице высокой крыши и узорчатым флюгерам, чуть покачивающимся над башнями. Над входом — вензель. Может, Волк и правда беспутный отпрыск знатной семьи. Ну а какое тогда положение у самой Тайры? Гостья? Заложница?

Внутреннее убранство замка намного больше соответствовало представлению о разбойничьем логове. Лестница с грязными стертymi ступенями, голые стены со следами недавно ободранной обшивки, окна без занавесей, почти никакой мебели. Попадавшиеся по пути слуги одеты богато, зато с такими рожами, как будто их господин Гутрис нанимал. Тайра окончательно уверилась в том, что замок захвачен и разграблен людьми Волка, а законные владельцы, скорее всего, убиты.

Богатырша привела ее в тесную комнатку, посередине стояла огромная бочка, над которой струился пар.

— Раздевайся, хозяин велел помыть тебя перед ужином.

Тайру смутилась, но спорить не стала. От нее и правда несло конским потом, да и своим тоже.

Вода оказалась в меру горячей, приятно пахнувшей травами. Тем временем разбойница унесла куда-то тайрину одежду, потом брезгливо порылась в подсумках.

— Мятое все, совсем нечего надеть. Давай я тебе что-нибудь из платьев герцогини подберу — она маленькая была, вроде тебя. На меня-то все равно не налезает.

Тайру передернуло. Надевать одежду убиенной герцогини было ужасно противно.

Принесенное платье и правда оказалось в самый раз. Очень красивое, синее, расшитое голубыми цветами. От него исходило еле заметное ощущение ветхости, как будто его не надевали много-много лет. Что ж, по крайней мере, несчастная погибла не в нем.

— Поторопись, его светлость ждет тебя к ужину.

Все-таки — «его светлость»? Значит, не Волк тут хозяйничает. Мало ли отчего здесь так убого, может быть, замок ремонтируют. И герцогиня, скорей всего, жива — просто когда-то она была худенькой, а потом поправилась и отдала старый гардероб служанке.

Служанка с улыбкой — надо же, умеет улыбаться — распахнула дверь. Тайра увидела высокого седовласого господина с надменным лицом и робко поклонилась.

— Добрый вечер, госпожа, разрешите проводить вас к столу, — старик предложил ей руку.

— Благодарю вас за гостеприимство, ваша светлость.

— Называйте меня господин Гремм, если не возражаете, госпожа. Я кастелян его светлости.

В гробовом молчании старик провел растерянную Тайру по пустым коридорам, крутой лестнице, и только перед дверью склонился к ее уху.

— Как вас представить, госпожа?

— Тайра.

— Госпожа Тайра, ваша светлость!

Полукруглая комната, видимо, часть башни. Длинный стол, сервированный массивным серебром, в центре — канделябр на двенадцать свечей, по бокам — спинки пустых стульев. Гремм выдвинул ближайший стул, с легким поклоном указал на него Тайре. Она помедлила, вглядываясь сквозь пламя свечей в человека на противоположном конце стола. Безо всякого сомнения, на резном позолоченном кресле восседал все тот же Волк, только в темном бархатном камзоле и красиво причесанный. Что за дурацкий маскарад... Гремм бережно выкладывал на ее тарелку какие-то ароматные кусочки, Тайра даже не взглянула на них, хотя еще недавно чувствовала зверский голод.

— Благодарю, Гремм, можете идти. Дальше мы сами о себе позаботимся.

— Простите... Как мне следует к вам обращаться? Ваша светлость или господин Волк? — идиотские игры разбойника настолько взбесили Тайру, что она совершенно перестала его бояться.

— Ваша светлость будет разумнее. Волком можешь меня называть, если увидишь на мне рогатый шлем, но вряд ли в ближайшее время тебе предоставится такая возможность. О чем ты хотела спросить?

— Так вот, ваша светлость, мне хотелось бы понять, кто я — пленница, или гостья? Если все-таки гостья, могу ли я завтра продолжить путь в Гилатиан?

— Можешь, конечно, я даже дам тебе экипаж, чтобы ты не слишком утомилась в дороге. Только я не вполне понимаю, зачем тебе Гилатиан? Мне казалось, ты хочешь увидеться со своей матерью.

— Вот поэтому я и собираюсь туда.

— Твоя мать в последние годы живет в Белой Чайке, замке в трех днях пути от столицы. На днях я поеду в те края, думаю, тебе лучше присоединиться ко мне: одной тебе вряд ли удастся попасть в крепость.

Тайра немного подумала и неуверенно спросила:

— А вы действительно сможете туда пробраться?

Волк фыркнул, как девчонка, и позвонил в колокольчик.

— Прости. Я ведь не представился тебе, — и обратился к чересчур быстро возникшему на пороге кастеляну, — Гремм, я предложил госпоже Тайре погостить в моем замке, и она любезно приняла приглашение. К сожалению, я не успел назвать себя. Представь меня моей гостье, пожалуйста.

— Госпожа Тайра, перед вами — герцог Атерли, кузен императора Янгиса Первого, — лицо господина Гремма было непроницаемым, а голос настолько ледяным, что Тайра без труда прочитала его мысли: «его светлость изволил притащить в дом деревенскую девицу, причем настолько тупую, что она даже не понимает, какой чести удостоилась».

— Благодарю, Гремм. Больше вы не понадобится. Передайте вашей супруге, чтобы приготовила спальню для госпожи Тайры.

Герцог прислушался к удаляющимся шагам и удовлетворенно кивнул.

— Пересаживайся поближе, и тарелку сюда переставь., — он подвинул ей соседний стул, — я терпеть не могу кричать через всю комнату. К сожалению, Гремм считает своим

долгом свято блюсти все самые неудобные традиции. Он еще моему отцу служил, я до сих пор его побаиваюсь.

Тайра не поддавалась на дружеский тон. Что мешало этому типу заранее подготовить спектакль с Греммом? Она перебралась на указанное место и сидела, сложив руки на коленях, демонстративно разглядывая светлый квадрат на стене, где, судя по всему, недавно висела какая-то картина.

— Так, кажется, я понял. Ты считаешь, что я ограбил свой собственный замок. Все намного скучнее — я планирую перебраться в более удобное поместье и вряд ли вернусь сюда. Уезжал ненадолго, поручил Гремму собрать все ценное и переправить на новое место. Я не предполагал, что он считает ценной каждую вещь, принадлежавшую моим родителям — вплоть до дверных ручек. Отправил двадцать четыре подводы, спасибо, хоть черепицу не разобрал.

Тайра улыбнулась, и герцог налил ей вина.

— На этот раз не отравлено. Если сомневаешься, можешь обменяться со мной бокалами. Ну, хорошо. У твоей матери родинка под левым глазом, когда она злится, то откидывает голову назад, а смеется беззвучно, как будто часто дышит. Ты помнишь что-нибудь из этого?

Тайра неуверенно кивнула. Родинку она не помнила, но вот смех... Иногда звонкий, залиvistый, а иногда такой, как он сказал.

— Я мог бы это знать, если бы никогда не встречался с ней? Теперь поверила?

— Возможно, ваша светлость. Что она сказала, когда узнала обо мне?

— Ничего. Вышла из комнаты, через пару часов появилась в очень густой вуали и передала письмо для тебя. Говорила с трудом — ее поразило известие о смерти твоего отца, кажется, она любила его. Ну а наутро мне пришлось отвечать на тысячу неудобных вопросов, ее интересовало все, вплоть до твоей прически.

— А мне вы позволите задать еще один вопрос?

— Сколько угодно. Не обещаю, что отвечу на все — но можешь попробовать.

— Я все-таки не понимаю. Я слышала — бароны часто промышляют разбоем, но зачем это нужно герцогу?

— Если хочешь, расскажу. Но в двух словах вряд ли получится. Так что лучше отложим эту историю на завтра, тебе надо отдохнуть.

— Если можно, сейчас. Мне все равно не уснуть, пока я не пойму, в чьих руках оказалась наша с мамой тайна.

— И можно ли мне доверять? Ну что ж, тогда слушай. Только с условием — съешь все, что лежит у тебя на тарелке. Ты ни к чему не прикоснулась, а госпожа Гремм очень старалась тебя побаловать.

Я был вторым сыном герцога Атерли. Титул и замок предназначались старшему брату, ну а мне предстояло либо служить при императорском дворе, либо получить образование. Я выбрал второй путь и в пятнадцать лет отправился в салемский университет изучать юриспруденцию. В то время я был уверен, что справедливые законы и честные судьи сделают мир лучше. Бакалавром стать мне не удалось, проучился я всего три года.

Путь из Ракайи в Салем долгий и опасный, так что оба гонца с письмами из дома прибыли в один и тот же день. В первом письме сообщалось, что мой брат погиб при штурме нарратского замка, во втором — что мой отец скончался от отравления и мне следует

немедленно вернуться, чтобы вступить во владение наследством.

Горе надломило здоровье моей матери, но не ее волю. Перед смертью она успела устроить мой брак с младшей сестрой Янгиса. Невеста показалась мне привлекательной и трогательно скромной, она почти не поднимала глаз — только потом я понял, что... В общем, через несколько месяцев, мне пришлось отправить ее в Салем и выплачивать очень приличное содержание с условием, что она никогда не пересечет границы Ракайи.

Итак, мне девятнадцать, я единственный, кто остался в живых из нашего рода и у меня на руках разворованная казна и разоренные земли. Горцы и разбойники поочередно грабят деревни, крестьяне не выходят в поле без оружия. Я выгнал кастеляна и казначея и поставил на их места двоих друзей детства. Нанял большой вооруженный отряд, пытался охранять границы и села. Все было бесполезно. Горцы появлялись ночами и угоняли скот в ущелья, куда мои люди боялись заглядывать. Местные шайки к утру растворялись, как дым. Те разбойники, кого удавалось поймать, оказывались моими же крестьянами, настолько нищими, что рука не поднималась отправлять их на виселицу — я приговаривал их к работам, дороги они у меня мостили.

Но однажды горцы не ограничились овцами и коровами — сожгли деревню и угнали в плен девушек. Это уже нельзя было считать обыкновенным грабежом, это было объявление войны. Я посадил на коней всех деревенских парней, кто способен был сидеть в седле — получилось внушительное войско — и отправился вдогонку. Дорога привела в большое селение у подножия крепости. Она принадлежала молодому князю Ашве. Мы не стали брать ее штурмом, просто окружили и через пару часов Ашва выслал парламентеров с просьбой о переговорах. Силы были примерно равны, он мог продержаться до тех пор, пока подоспеет помощь. К счастью, в тот момент у них шла межплеменная война и Ашва был заинтересован в сильном союзнике. Мы договорились на том, что я помогу ему одержать победу, а он прекратит набеги и будет охранять мои торговые караваны, идущие в Салем, за небольшую мзду. Так я стал обладателем единственного безопасного перевала в Салем, что неплохо отразилось на моем финансовом положении, а Ашва — верховным князем трех племен.

— А что стало с теми похищенными девушками?

— Девушек пришлось оставить у Ашвы — они на коленях умоляли меня не возвращать их в родную деревню, к голоду и побоям. Ты не устала еще слушать?

— Нет. Вы ведь собирались рассказать, почему герцог иногда превращается в Волка.

— Я же оборотень, разве ты не знаешь? — улыбнулся герцог, — ладно, раз уж обещал... Ну так вот, я заключил мир с горами, теперь следовало покончить с разбоем. В лесах засели десятки шаяк, по дорогам нельзя проехать без отряда охраны, селения отрезаны друг от друга. Очистишь лес от одной банды — через неделю в нем уже орудует другая. Да и мои солдаты, набранные из тех же деревень, часто предупреждали своих дружков об облаве.

Так продолжалось до тех пор, пока мои люди не взяли в плен вожака одной из крупных шаяк по кличке Волк. Во время налетов они были по-волчьи, были неплохо вооружены, наводили ужас даже на других разбойников. Парень оказался не только смелым, но и очень неглупым, со своим понятием о чести — держал слово, не давал в обиду женщин и детей. Я нанял всю его шайку, они получали деньги, коней и оружие и беспрекословно выполняли мои приказы. Через год ни о каких разбойниках, кроме Волка, в герцогстве и слуха не было. Остатки разбитых шаяк либо уходили в другие края, либо нанимались к нему же. Дисциплина у него была железная, за любой проступок — штраф, за самовольный налет казнил на месте. Трогать мирных жителей запрещалось, купцов можно было, но только

ракайских, тех, кто без разрешения пытался вести караван через мой перевал. И не убивать, оставлять часть товара. Имперские отряды, разумеется, были вне закона.

На моих землях наступил мир, постепенно восстановились земледелие и торговля. Имя Волка стало легендой — благородный разбойник, защитник бедных. А однажды ночью мне сообщили, что Волка ранили в бою с отрядом ракайских солдат. Когда я прискакал на место, он уже умер. Вокруг сидели убитые горем соратники — он был их героем, их кормильцем. И уже метали друг на друга яростные взгляды, еще чуть-чуть, и прямо над телом вожака разгорится драка за право занять его место. Все они были заурядными хищниками, похоронят Волка — и герцогство снова погрузится в хаос. Я снял с него шлем, одел на себя и сказал: «Волк жив». Разбойники прекрасно знали, на чьи деньги существует их шайка, и заорали: «Слава Волку!». Вот, собственно, и все. Теперь они — моя вторая армия. Поддерживают порядок в моих землях, понемногу грабят Виндом для поддержания легенды. Караваны и солдат Янгиса, как обычно.

— Значит, не справедливые законы и честные судьи сделали ваш мир лучше? — не удержалась Тайра.

— У меня есть трое честных судей — после того, как двоих пришлось посадить за решетку. Возможно, мой мир не так уж хорош, но здесь не торчат виселицы на дорогах и люди не умирают от голода. А теперь отправляйся спать, тебя проводят.

Кажется, она слегка задела герцога.

К Белой Чайке Брейд прибыл во главе небольшого войска. Его хорошо знали в крепости, и когда он подъехал ко рву с десятком рыцарей, охрана без слов опустила мост. Ну, стоят за ним двести конников, так это и понятно — на войну собрался, по пути заехал с Лаэрттой попрощаться. Правда, когда вслед за рыцарями через мост поскакала лавина всадников, часовые забеспокоились, послали за капитаном Дреббом.

Дребб был сонным и не совсем трезвым, удивленно уставился на заполняющее внутренний двор войско.

— Добрый вечер, герцог. Что это вы столько людей сюда нагнали? Они же тут все загадят, парк потопчут. Пускай на поле лагерь ставят.

— Так безопаснее. Я приехал сменить ваш отряд, вы должны отправиться в столицу сегодня же вечером.

— Как сегодня? Людям же собраться надо. И почему вдруг вы, ваша светлость? Меня же герцог Виндом должен сменить, он уже на пути сюда, наверное. У меня письмо от Янгиса лежит.

— Планы изменились. Ваш отряд освобождает крепость сегодня. Это приказ.

Дребб побледнел.

— А бумага у вас есть?

— Это устное распоряжение. Мое.

— Я не могу сдать вам крепость, герцог, я же присягу давал.

— Капитан, у вас здесь пятьдесят человек. У меня двести. И еще тридцать моих людей в замке, помогают вам нести службу. Будем сражаться?

— Ваша светлость, меня же повесят...

— За что? Крепость вероломно захвачена превосходящими силами противника. Повесят меня, а не вас.

— Брейд, давайте договоримся по-хорошему. Я остаюсь в крепости, ваши люди тоже. Ну

размещу я их как-нибудь.

— Дребб, в этом случае вам не избежать обвинения в предательстве. Вам кто-нибудь приказывал впускать в замок мое войско? Смотрите, к нам уже ваши люди подходят, чем дольше мы с вами беседуем, тем меньше все это похоже на внезапный захват крепости.

И тогда Дребб заорал:

— Седлать коней! Живо! Выступаем немедленно!

В дверь постучали, императрица Лаэрта подняла голову от книги. Она просила не беспокоить ее, но из сада уже давно доносились возбужденные голоса и ржание коней, поэтому она ожидала, что кто-нибудь придет и доложит о происходящем. В дверях стоял улыбающийся Брейд, какой-то солдатик выглядывал из-за его плеча.

— Ваше величество, простите, что осмелился ...

— Да входите же, герцог, я так рада, что вы приехали! Еще два дня — и вы не застали бы меня, я получила письмо с приказом приехать в Гилатиан.

Брейд перестал улыбаться и сменил тему разговора:

— Капитан Дребб покинул Белую Чайку, теперь вас будут охранять мои люди.

— Да? Он казался мне достаточно верным человеком. Но если вы сами будете командовать вашими людьми, я буду чувствовать себя в полной безопасности.

— Я обещаю вам это, моя госпожа.

— Благодарю...

Что-то все время отвлекало императрицу, мешало сосредоточиться на разговоре. Наконец, она поняла — стоявший у входа парень как-то странно, слишком пристально глядел на нее. Встретившись с ней взглядом, он снял шапку, золотые волосы рассыпались по плечам.

Лаэрта замерла на полуслове — и бросилась обнимать солдатика.

— Тайра?! Светлые Небеса, ты совсем не изменилась!

Барон Цеприс, управляющий Белой Чайки, ложился в постель сразу после захода солнца. Но сон нескоро вытеснял беспокойные мысли о предстоящих делах и длинные столбцы цифр из его многозаботливой головы. Поэтому осторожный стук слуги не застал его врасплох. Выслушав несуразную новость о захвате крепости герцогом Атерли, он накинул халат, перебрался в примыкающий к его спальне кабинет и занялся сортировкой бумаг, и без того пребывавших в идеальном порядке.

Герцог Атерли явился примерно через час.

— Извините, что потревожил вас, барон, — улыбка Брейда выглядела почти смущенной.

— Ничего страшного, ваша светлость — я ждал вашего визита.

— Значит, вы уже в курсе последних событий? Мне пришлось ввести войско в крепость, по моей информации сюда направляется граф Виндом. Он намерен захватить Белую Чайку и взять в заложники ее величество и их высочеств.

— Вот как? — кустистые брови Цеприса поползли вверх. Такого наглого вранья... Виндом, безусловно, должен забрать Лаэрту с детьми в Гилатиан. Но это называется не захватом заложников, а выполнением приказа его императорского величества.

— Сколько дней осады может выдержать Белая Чайка? Учитывая, что у меня полторы сотни воинов, с конями.

— Ну, что касается провизии — недели две. Сена и овса тоже достаточно, мы как раз

сделали запасы на зиму. А вот воды хватит дня на три, не больше. Та, что в цистернах, годится только для полива. Может, для коней и сойдет, не знаю. Питьевую воду приходится подвозить каждый день, вам же это известно.

— Трех дней мне будет достаточно. На всякий случай с утра наполните все емкости, какие найдутся в замке. Не беспокойтесь, осада не будет долгой, за ее величеством придет корабль, и я открою ворота.

— Я и не беспокоюсь, ваша светлость. У меня к вам только одна просьба — перед тем, как вы впустите сюда Виндома, привяжите меня к вот этому креслу, на котором я сижу, и засуньте в рот кляп.

— Как пожелаете, — Брейд грустно улыбнулся старому трусливому лису, — но вы ведь можете покинуть крепость вместе с гостями и свитой, Виндом не появится раньше полудня. На рассвете разбудите всех, кто находится в замке, и попросите немедленно его покинуть. Также рассчитайте прислугу, здесь должны остаться только мои солдаты и императорское семейство.

— Ну что же, так я и поступлю, милорд. В этом ящике ключи от всех помещений. Не забудьте, пожалуйста, что вы приставили меч к моей груди, прежде чем я их вам отдал. А потом силой вышвырнули меня из замка.

Уже середина ночи, а они все не угомонятся...

Брейд скинул одеяло и лежал на кровати в одной рубашке. Видно, и ее снять придется, духотища невыносимая. Когда же они спать отправятся? Лаэрта с дочкой так и сидели в мастерской, куда Брейд привел Тайру, как раз над его спальней. И говорили, говорили... Сначала негромко, рассказы перемежались испуганными вскриками и долгими паузами — очевидно, на слезы и объятия. Теперь смеются. После трехдневной скачки Брейд хотел только одного — выспаться, завтра будет тяжелый день, а эти... Он все-таки открыл окно, хотя знал, что болтовня будет звучать еще громче.

Где-то рядом о стены крепости тихо плескалось море, но окно выходило в парк. Дневная жара застоялась в квадрате высоких стен, ни дуновения ветра, ни шороха, кипарисы как будто нарисованы тушью на искрящейся ткани ночного неба. Брейду было слышно каждое слово, что говорилось наверху. Они, конечно, тоже сидели у распахнутого окна. В конце концов, сами виноваты, могли бы уйти.

— Ты не представляешь, как он со мной намучился, — это был голос Лаэрты, — я же вообще ничего не умела. Нас учили кулинарии, но только по книгам. Один раз все-таки сводили на кухню, шеф-повар нам показывал разную утварь. Там шум ужасный был, толкотня, Лаэрта умудрилась за горячий вертел схватиться, а я себе на платье полную соусницу опрокинула. Больше нас туда не пускали.

Ну да, они же поменялись именами. Она говорит о Литании. То есть наоборот — Литания говорит о настоящей Лаэрте. В общем, неважно.

— В начале я даже не могла нормальную лепешку испечь, внутри — сырое тесто, сверху уголь. Как Джан их ел — не знаю, я не могла.

Джан, Джан... Что такого было в этом деревенском парне, что Лаэрта с нежностью вспоминает его после двенадцати лет разлуки — того, что она не может найти в Брейде? Он почувствовал, как сжимается его кулак, и устыдился. Все просто. В той горной деревушке она была свободна и счастлива. И в это время рядом с ней оказался именно Джан.

— А когда он послал меня овец доить... — кто-то прыснул, кажется, сама Лаэрта, —

корову я уже доила, а овцу — в первый раз. Она от меня шарахается, потом вроде присмирела, но молока не дает. Тут Джан заходит, спрашивает, что это я делаю, я ему говорю, — голосок стал жалобным и капризным, — Джа-ан... У меня не получается! Корова гладкая, у нее все видно, а овечка такая лохматая! У коровы четыре соска, ты сказал, что у овец их два, а я только один нашла, и молока очень мало! Джан стал красный совсем, я думала, он на меня орать начнет, как тогда, когда я ему живого скорпиона принесла показать. А он по стене на землю сползает и хохочет. Потом отдышался и говорит: — Лита... это же баран!

Брейд, зажимая рот рукой, тихонько закрыл окно. Ну их! Надо будет балладу написать — «О нежной и возвышенной любви императрицы Ракайской и барана». И почему он не баран?

Глава 16. Штурм Белой Чайки

Мама еще спала, свернувшись клубочком на краю огромной кровати. Тайра тихонько выбралась из-под балдахина, влезла в штаны и вышла на балкон, чтобы посмотреть на море. Ночью она засыпала под легкий шелест его дыхания, но увидеть ничего не смогла — бескрайняя тьма с редкими отблесками, почти как в пещере, только оно было живым, шевелилось, иногда отражало тоненький серп молодого месяца или несколько звезд, на миг выглянувших из облаков.

Она сделала шаг на площадку — и отступила. Под ногами у нее было синее небо с быстро бегущими клочьями облаков. И грохот, как возле большого водопада. Потом она поняла, что небо — вверху, оно было спокойнее и светлее, а то, что внизу — и есть море. И все волны с пенистыми гребнями неслись прямо на замок, чем ближе, тем они были выше и бурливей. Тайра осторожно заглянула через перила. Огромный вал разбился о подножие замка, отхлынул, за ним уже нависал следующий, еще выше, брызги его крушения оросили руки и лицо холодными каплями. Сейчас волны разнесут замок вдребезги... Ведь говорят, что капля камень точит, а тут такое! Потом она вспомнила, что крепость стоит на скалистом утесе, и ей лет сто. Наклонилась вниз, и ощутила восторг и чувство полета, как будто скачешь галопом по бескрайнему полю.

Тяжелые удары воды и свист ветра заглушили тихий стук. Тайра насторожилась, только услышав мамин голос. В спальне было совершенно некуда спрятаться, разве что под кровать. Она не успела.

— Да, Селия... — сонно пробормотала мама, и в дверь заглянула горничная. Тайра сделала все, что могла — отвернулась к морю.

— Госпожа, мне показалось, что вы проснулись, — и тут служанка заметила длинноволосого юношу на балконе, — о, простите меня!

— Все хорошо, Селия. Принеси мне одежду. Сегодня, кажется, опять жарко — так что платье лучше белое, с вышивкой, а на голову — легкий палантин. Для молодой госпожи — зеленое, шелковое, оно прохладное, вуаль сама подбери по цвету. И приличное белье. Она была вынуждена бежать... из Кадара. В дороге ее ограбили, так что позаботься обо всем необходимом. Завтрак подашь прямо сюда, и не надо никому рассказывать о моей гостье

— А она правда никому не расскажет? — спросила Тайра, когда за горничной закрылась дверь.

— Надеюсь, что нет, Селия хорошая девушка. Впрочем, это неважно — ну, допустим, ночевала в моих покоях какая-то беглянка из Кадара. Она же тебя не видела. Все равно твое присутствие в замке невозможно скрыть, главное — чтобы никто не знал, кто ты. Позже мы обсудим с герцогом Атерли наши планы. К сожалению, сейчас мое положение настолько непрочное, что без его помощи я не смогу обеспечить тебе надежной защиты.

Этим утром дворцовый сад оставался единственным спокойным местом в Белой Чайке. На главном дворе кучера запрягали экипажи разъезжающихся гостей. Служанки, внезапно получившие расчет, обхаживали конюхов, чтобы те подвезли их пожитки до ближайшей деревни. По всем покоям и лестницам дворца сновали слуги, нагруженные сундуками, корзинами и тюками.

Господин Цеприс не сразу обнаружил императрицу. Она сидела на скамейке,

полускрытой пышно разросшимися рододендронами и оживленно беседовала со своей новой гостьей. Принцесса Агния обучала прибывшую вместе с этой дамой беспородную собаку ловить и приносить мяч. Вторая часть программы не всегда удавалась, принцесса то и дело хватала собаку за хвост и вытаскивала мячик из слюнявой пасти.

Несмотря на преклонные годы, господин Цеприс обладал острым умом и зрением ястреба. Картина, представшая перед его глазами, повергла его в ужас: неизвестная девица откинула вуаль, и профили собеседниц оказались почти зеркальным отражением друг друга. Если бы художник нарисовал эту идиллическую сценку, он мог бы назвать свое произведение «Три возраста женщины». Беззаботное дитя, юная дева, зрелая женщина. Три возраста, одно лицо. Господин Цеприс громко кашлянул, чтобы прервать беседу, но все равно до него донеслась последняя фраза незнакомки:

— Все будет хорошо, мама. Мне кажется, Брейд всегда держит слово.

Мама... Это словечко могло принести целое состояние — если найти нужного покупателя. А также могло стоить жизни. Лучше бы Цеприс не слышал его. Совершенно правильно — он его не слышал.

— Ваше величество, я пришел проститься и узнать ваши последние распоряжения.

— Значит, вы тоже... Вы уверены в необходимости вашего отъезда? Без вас здесь все развалится.

Цеприс с ненавистью глянул на гостью: вуаль она, конечно, опустила, но и сквозь полупрозрачную ткань только слепой не заметил бы сходства. Если бы не эта девица, то, может, он и остался бы. Но старый кастелян не собирался заканчивать долгую и почти безупречную службу на плахе.

— Ваше величество, как только вы вернетесь в Белую Чайку, сообщите мне, я немедленно приеду и приступлю к выполнению своих обязанностей. А во время вашего отсутствия в моем пребывании в замке нет необходимости. Слуги уволены, ваша библиотека, рукоделие и наряды упакованы и отправлены по адресу, указанному герцогом Атерли. Герцог обещал оставить в крепости шесть человек охраны, уверен, они справятся со своей миссией без моего участия.

— Спасибо вам, барон... Вы так много сделали для моей семьи. Надеюсь, мы еще увидимся с вами. Если вас не затруднит, отведите Агнию к Сите, ей пора спать, и позовите сюда Атерли.

Литания была в такой ярости, что Тайра предпочла не заговаривать с ней до появления Брейда.

— Брейд, мы с вами условились, что вы сообщите гостям о моем отъезде и попросите Цеприса рассчитать часть слуг, раз уж я вынуждена покинуть Белую Чайку. Но с какой стати вы выгнали Цеприса? Он один из немногих людей, которым я доверяю.

— Я не выгонял его, госпожа, это его собственный выбор. Если случится так, что граф Виндом появится здесь прежде, чем за вами придет корабль, то придется закрыть ворота. Все, кто находился в крепости во время осады, могут быть обвинены в предательстве, поэтому я взял на себя смелость отправить из замка всю вашу челядь. Но барона Цеприса я был вынужден ввести в курс дела, и он самостоятельно принял решение не рисковать репутацией.

— Никакой осады не будет! Если ваш корабль задержится, я просто отправлюсь с Виндомом в Гилатиан. Вы преувеличиваете опасность, эта поездка мне ничем не грозит.

— К сожалению, не преувеличиваю. Я только что получил копию письма императора к

леди Вивиан. Прочитайте, и сами во всем убедитесь.

— И как вам удалось его раздобыть?

— Ну, если вам угодно знать подробности... В придорожной таверне мои люди встретились с виконтом Нортеном, одним из оруженосцев Янгиса, перевозившим императорскую корреспонденцию, и его отрядом. Люди Нортена выпили лишнего, и, пока они спали, мои ребята успели просмотреть письма. Ничего важного там не было — кроме вот этого.

Брейд не стал упоминать о сонном зелье, щедро подмешанном в кувшин с вином — в последнее время ему слишком часто приходилось пользоваться снадобьями Хасият, и он чувствовал себя несколько запятнанным сотрудничеством с ведьмой. А также о том, что письмо уже два дня лежало у него за пазухой. Он до последнего надеялся, что ему не придется использовать этот аргумент.

— Я не читаю чужие письма.

— Тогда мне придется прочесть его вслух. Прошу простить меня, но это слишком важно, вы должны знать, что отправляется в ловушку.

Императрица брезгливо, двумя пальчиками, взяла листок. Ей начинало казаться, что в ловушку ее загоняет именно Брейд.

Возлюбленная госпожа моего сердца!

Я благодарен тебе за заботу о чести моей семьи, но твои подозрения беспочвенны. Со дня бракосочетания за Лаэртой велось непрерывное наблюдение, и я могу быть абсолютно уверенным в моем отцовстве. Если ты дорожишь моим расположением, никогда больше не упоминай об этих отвратительных домыслах. Гораздо более важными являются все чаще поступающие сведения, что Белая Чайка превратилась в гнездо заговорщиков, планирующих покушение на мою жизнь и возведение на престол Лаэрты. Но ты можешь не волноваться обо мне: я приказал доставить Лаэрту в Гилатиан, и она никогда больше не покинет его. Уверен, что она со всей возможной искренностью расскажет мне о заговоре и назовет имена предателей.

Ни о чем не беспокойся и не грусти. Ты увидишь меня не позже, чем через две недели.

Брейд терпеливо наблюдал, как Лаэрта рвет листок на узкие полоски, складывает их и с усилием раздирает на крошечные квадратики. Наконец она перестала кусать губы и сказала:

— Я все поняла, Брейд. Надеюсь, что корабль придет. Но если нет — я все-таки поеду в Гилатиан. Позаботьтесь о Тайре, и как можно быстрее покиньте Ракаю — я не уверена, что выдержу пытки и не оговорю вас. Остальных детей он не тронет, это его кровь, и это важно для него.

— Но почему?! — не выдержала Тайра, — почему не дождаться корабля? Эта крепость выдержит какую угодно осаду!

— Потому, что осада — это всегда гибель многих людей, и нападающих, и защитников. Я не считаю, что за мое спасение нужно платить десятками жизней.

Брейд только плечами пожал, логика Лаэрты не вмещалась в его голову.

— Рисковать жизнью — профессия солдата. Каждый из них убивал, каждый знает, что может быть убит. Но в данном случае я могу вам обещать, что во время осады не прольется ни одной капли крови. Эту крепость не так просто взять, потребуется несколько дней для подготовки штурма. Вы просто дождетесь корабля, уплывете, и я мирно открою ворота.

— А что будет с вами?

— Ничего. Я поеду в Гилатиан и представлю доказательства, что способствовал вашему

бегству во избежание покушения на вашу жизнь. Они у меня есть.

— Вы уверены, что это поможет? Вы же знаете — Янгис мстителен и непредсказуем.

— Абсолютно уверен. А сейчас простите меня — мне нужно кое-что приготовить на случай осады. Чтобы она действительно была бескровной.

Когда они снова остались вдвоем, Тайра долго молчала, прежде чем спросить:

— Ты чуть было не согласилась на пытки, чтобы не пострадали ракайцы, готовые во славу империи усеять костями весь мир. Неужели эти звери того стоят?

— Не все они звери, обычно нужда заставляет людей идти в солдаты. Да нет, дело не в том, какие они. Просто я однажды дала себе слово, что больше ни один человек не погибнет по моей вине.

— Из-за отца?

— Нет, гораздо раньше. Ты ведь, наверное, считаешь, что меня насильно выдали за Янгиса, но я сделала это по своей воле. Когда меня привезли в Карент, мать, прежде чем выслушать мое решение, отправила меня по селениям с отрядом сборщиков податей. Выдала мешок с серебряными монетами, сказала, что могу тратить, как хочу. В деревнях вокруг столицы никто особо не голодал, только мужчин было мало — в основном старики да подростки, ну и инвалиды. Там еще удавалось кое-что собрать, хотя в некоторых домах была такая нищета, что я оставляла хозяевам пригоршню монет. А чуть дальше... Скота ни у кого нет, только куры. Поля не вспаханы, у большинства крестьянок хватало сил только на огороды. Иногда матери на коленях молили, чтобы я забрала их детей, им нечем было кормить их. Скоро на повозках не осталось места — но там не оброк лежал, а больные и дети. Деньги кончились, и те, что мать дала, и те, что собрали. Сборщики помалкивали, видимо, мать приказала выполнять все мои прихоти. Но я же понимала — другие отряды деньги не раздают, а отбирают. Последние деньги, последнее зерно. И по-другому нельзя — маме надо чем-то кормить слуг и солдат, во дворце было продано все, что можно. Знаешь, я одну женщину до сих пор помню, беременную. У нее муж лежал в горячке, вернулся с войны без ноги, и рана воспалилась. Она оставила его на верную смерть и поехала с нами, чтобы спасти хотя бы ребенка. Роды начались еще в дороге. Она была слишком истощена, не выжила ни она, ни ребенок. Погибли тысячи кадарцев — были убиты на войне, умерли от голода и болезней. И все из-за того, что две девчонки сбежали из дома, чтобы устроить свое счастье.

Тайра не нашла, что ответить матери. Она могла представить, что можно чувствовать вину за зло, сотворенное не тобой. Но добровольно покоряться злу, чтобы не было худшей беды?

Замок опустел, после полудня закрылись ворота. Половину своего войска Брейд поставил в резерве у ближайшей речки, чтобы напрасно не расходовать ограниченные запасы воды. На всех трех дорогах, ведущих к Белой Чайке, выставили караулы. Брейд руководил подготовкой к осаде, трижды поднимал и опускал мост, усиливал противовесы на подъемных механизмах, распределял людей по стенам, натаскивал солдат на слаженное и четкое выполнение абсолютно идиотских, по их мнению, приказов. Так воевать они не привыкли. Дело сильно осложнялось тем, что время от времени на стене появлялась Лаэрта и задавала каверзные вопросы, причем не Брейду, а любому попавшемуся под руку солдату:

— А эти бочки зачем?

— Огонь тушить, ваше величество. Если вдруг нас поджечь попытаются

— А эти вот трубы в бойницах?

— Для освещения, ваше величество, чтобы втихаря на стену не полезли.

Брейду временами хотелось попросту запереть ее в подвале, желательно — в пыточной.

Чтобы подробно изучила хранящиеся там орудия и осознала наконец, от какой участи он пытается ее избавить. Но ведь Литания ему не простит. Да он и сам уже сомневался в необходимости всей этой суеты. Море постепенно успокаивалось, корабль мог появиться с минуты на минуту. Даже если он задержится, у Виндома уйдет не меньше суток на подготовку штурма. Брейд не позволял себе думать о том, что корабль может вообще не прийти. К примеру, его разбило штормом. А в крепости семьдесят воинов с лошадьми, и воды на три дня.

Ближе к вечеру часовые сообщили о приближении войска Виндома: по дороге двигалось около двухсот воинов, сопровождаемых обозом. Ехали они не спеша, до крепости доберутся уже к ночи.

Граф Виндом был усталым, голодным и очень злым. В этой военной кампании он не получил ни царапины, зато проигрался до нитки. Он очень рассчитывал поправить свое финансовое положение в Белой Чайке после того, как арестует императрицу: В замке было много ценностей, Лаэрте они все равно уже не понадобятся.

Те фальшивые оруженосцы наврали — горную крепость никто и не думал захватывать. Он обнаружил в ней графа Хавермонца с чудовищно распухшей ногой, помешавшей ему участвовать в битве, и еще человек пятьдесят защитников. Все, остававшиеся снаружи, были мертвы или тяжело ранены, а герцог Дилейн отступил с поля боя. Как оказалось, недалеко — в первую же ночь, когда вновь прибывшие войска еще не успели толком разместиться, его солдаты ворвались в лагерь, перебили едва ли не четверть ракайцев и снова исчезли. Потом был месяц земляных и строительных работ — укрепляли крепость и готовили осаду Мозира: двигаться дальше, оставив за спиной непокорный город, было нельзя. Вот тогда граф Виндом и проиграл в кости почти все свои средства — в Феруате у благородных рыцарей было слишком мало развлечений.

За день до намеченного штурма пришла страшная весть — в Рокингеме началась чума, и император покинул город, приказав взять Мозир во что бы то ни стало. Это означало одно: их ожидал голод. Никто не рискнет везти провиант через чумной город, а ближайшие деревни давно уже были разграблены. Выполнять распоряжение императора остались воины помоложе, не участвовавшие в осаде Тилуана, когда застрявшее в весеннем лесу войско поело всех коней, а под конец и трупы убитых врагов пошли в ход. В городе, сдавшемся два месяца спустя, не щадили никого. Те, кто помнил Тилуан, бросили прислугу и обозы самостоятельно выбираться из ловушки и галопом пронеслись через опустевший Рокингем. Ну а Виндом вывез все, что у него было, предупредив, что каждый, кто прикоснется в зараженном городе к чему бы то ни было — хоть к камню в стене — будет убит на месте.

Императора он нагнал на полпути в Гилатиан. Янгис, разумеется, был разгневан дезертирством Виндома, но не слишком — он уже успел пообщаться с маршалом Рейвисом, который объяснил ему, что сокращение численности осаждавших отчасти решает вопрос с их снабжением. За ужином император поведал графу, что черную смерть в Рокингем занесли чумные доктора мерзавца Дилейна, а вовсе не крысы, якобы привлеченные неубранными трупами и дикой грязью, разведенною вокруг города императорскими войсками — как

полагают некоторые предатели и враги короны. Белая Чайка находится всего в трех днях пути от Рокингема, а посему графу Виндому надлежит немедленно перевезти императрицу Лаэрту вместе с их высочествами в Гилатиан, пока чумные доктора не наведались в крепость.

С севера наплзали плотные свинцовые облака, в тусклом холодном свете свежесбеленные стены Белой Чайки казались мрачными и заброшенными. Разводной мост был поднят, хотя до настоящей темноты оставалось несколько часов.

Юный оруженосец, избранный глашатаем за громкий, разлетающийся по всей округе голос, крикнул:

— Открыть ворота графу Виндому!

Тишина.

— ОТКРЫТЬ ВОРОТА!!

— Кто там? — донесся ленивый, тягучий ответ из надвратной башни — видно, часовой только что проснулся.

— Граф Виндом со свитой! Опускай мост, живо.

— А сам-то он где?

Виндом, вне себя от злости, сорвал шлем и выехал вперед.

— Видишь меня, дубина? Открывай!

— Не могу, ваше сиятельство. Не велено до утра никого не пускать. Завтра приезжайте.

— У меня срочный указ императора, скотина! Опускай мост!

— У вас указ, а у меня приказ — ночью въезд в крепость запрещен. Я своего командира слушаюсь.

— Завтра же получишь плетей за неуважение к императору. Зови сюда капитана Дребба!

— Сейчас, сейчас, милорд. Я бегом за ним схожу.

Часового все не было, всадники спешили и ослабили подпруги, чтобы усталые кони могли пощипать травку, слуги и пехота бродили по берегу, собирая плавник для костров. Граф Виндом был недвижим, как конная статуя Гилата, лицо его становилось все мрачнее. Наконец в одной из бойниц вроде бы показалось что-то блестящее.

— Ваше сиятельство! Докладываю — капитан Дребб вместе с гарнизоном вчера покинул крепость, теперь она находится под защитой герцога Атерли, — голос был уже другой, моложе и энергичнее.

— Передай герцогу, пусть немедленно явится сюда, иначе он будет отдан под суд за неповиновение императору.

— Я попробую передать, милорд, но герцог уже отдыхать изволит... Может быть, до завтра подождете? Мы ворота рано открываем.

— Живо, мерзавец! Плетей захотел?

— Сейчас доложу, ваше сиятельство.

Вдоль берега горели костры, солдаты уже поняли, что сегодня они будут ночевать в чистом поле.

— Что они, вымерли там все? — люди из личного копия Виндома до сих пор не спешили из солидарности с господином и теряли остатки терпения.

— Сейчас они проснутся. Собрать лучников!

После небольшой суматохи лучники выстроились вдоль берега.

— Стреляй!!!

Рой огненных птиц взвился над стенами. Потом еще один. Красноватое пламя ненадолго озарило верхушку стены, помелькало в бойницах и как-то очень быстро погасло.

— У них там все каменное, милорд, — один из рыцарей уже бывал в Белой Чайке.

— Что встали, готовьте штурм!

— Сегодня?! Эту крепость не взять без осады! — младшие командиры были уверены, что ее вообще не взять. Остров, окруженный толстыми стенами, у подножия которых плещутся волны... Если только с моря, и целой армией, а не кучкой в двести человек.

— Заткнитесь и исполняйте. Там нет защитников, только эти два идиота, которые боятся разбудить Атерли. Быстро!

Приказ командира надо выполнять, даже если он идиотский — все, кто воевал под началом Виндома, знали это на зубок. Вдоль рва понемногу вытягивался ряд перевернутых телег, их обильно поливали водой, чтобы предохранить от огня. Поблизости нашлась молодая сосновая роща, и застучали топоры. Была уже глубокая ночь, когда атакующие обзавелись десятком лестниц, даже катапульту начали сколачивать, хотя и понимали, что до утра не закончат. Со стороны крепости не доносилось ни звука, похоже, ее действительно некому было защищать. Поначалу солдаты старались прятаться за телегами, потом осмелели, ходили по самому краю рва.

Лезть на стены по канатам охотников нашлось мало — десятка два пехотинцев, да пара совсем молоденьких рыцарей, так что надеялись больше на лестницы. Их установили на телегах, и солдаты с большим сомнением косились на них — слишком длинные и пологие, могут проломиться.

— На штурм! — проревел Виндом. Ему начала нравится эта затея — он освобождает крепость от захватившего ее герцога Атерли. Нажрался Брейд, что ли? Хоть бы не проснулся, прежде чем люди Виндома откроют ворота.

Двадцать крючьев взвились в воздух, три зацепились за зубцы с первого раза. Лестницы медленно приближались к стенам, одна из них уже нависла над воротами.

И крепость ожила: с галереи в ров полетели открытые бочонки с черной жидкостью.

— Лучники, к бою! Заорал Виндом, но целиться было уже не в кого.

— Зачем они смолу в воду-то льют, совсем сдурели? — удивился кто-то из рыцарей.

Второй, с более тонким обонянием, истошно завопил:

— Все назад! — и сам рванул прочь от берега.

С надвратных башен в ров пролились два огненных потока, и вода загорелась.

Брейд прошелся по галерее. Все выглядело прекрасно — языки ревущего пламени вздымались до середины стены, клубы черного дыма заслоняли вражеское войско, но он и так знал: убрались подальше от огня. Не зря он с такими предосторожностями вез из Синтейна бочки с земляным маслом и горшки с ликейским огнем. Теперь можно передохнуть. Он с снял шлем и растянулся под защитой зубца — становилось жарковато. Стены заново белить придется... Брейд усмехнулся, его позабавила собственная рачительность. Придется, но это уже не его забота.

Агния наконец-то уснула в объятиях Ситы. В кресле у изголовья кровати мирно посапывал Тобиас, сам себя убаюкав бесконечной повестью о странствиях и подвигах отважного кота. Его неожиданное решение сопровождать императорское семейство

показалось Лаэрте прекрасным: «В Гилатиане меня давно никто не хочет слушать, а вашим детям еще не надоели мои сказки». Раймонд был назначен в караул, охранявший здание дворца — это был единственный способ удержать принца от беготни по крепостным стенам.

В соседней комнате Лаэрта и Тайра в третий раз перекладывали дорожные сундуки. Брейд попросил их взять как можно меньше вещей: только деньги, драгоценности и самую простую одежду, какую носят небогатые горожанки. Селия успела закупить целый ворох тряпья у разъезжающихся служанок, надо было отобрать подходящее и по размеру, и по скромности — женская прислуга замка имела привычку щеголять в шелковых и бархатных платьях, всего пару раз надеванных добрыми хозяйками.

— Мама, а ты не хочешь взять с собой меч? Мы едем в чужую страну, мало ли что может случиться.

— Меч — неподходящее оружие для женщины. Тяжелый, неудобный, любой мужчина управляется с ним гораздо лучше — у них и сил больше, и практики. Вот, смотри, — Лаэрта вытащила из корсажа длинное тонкое лезвие.

— О! Тебе приходилось им пользоваться?

— Один раз. После пира я шла по коридору, чья-то лапа зажала мне рот и потащила в темную комнату. Я воткнула в нее стилет, и лапа тут же исчезла. На другой день рука графа Виндома была перевязана шелковым платком, — Лаэрта довольно злорадно улыбнулась, — но тренировалась я часто.

— А как же... Ты ведь говорила, что дала слово, что ни один человек из-за тебя не погибнет?

— Это совсем другое дело. Каждый имеет право защищать себя и тех, кто ему дорог. Это справедливо, а вот гнать людей на убой ради чужих интересов — нет.

Тайра задумалась, потом осторожно спросила:

— Послушай... А тебе никогда не приходило в голову избавить мир от Янгиса?

— Поначалу я только и жила этой надеждой. Но перед входом в его опочивальню меня заставляли принимать ванну, снимали все драгоценности, даже кольца, и одевали в другое платье. Мой супруг не слишком мне доверял. Ну а днем, при всех — смелости не хватало. Его охрана зарубила бы меня прежде, чем я прикоснусь к нему. Позже я поняла, какая бойня разгорится после его смерти. Меня казнят, Раймонд еще слишком мал — война за престол оказалась бы страшнее, чем все, что творит сам Янгис.

В комнату ворвался не к добру помянутый принц.

— Райми? Что ты здесь делаешь?

— Там сражение идет, такой пожар за стенами! Пожалуйста, скажи нашему главному, чтоб сменил меня кем-нибудь. Я должен участвовать в бою!

Лаэрта схватила сына за руку и потащила вниз по лестнице. Крикнула на бегу старшему по караулу:

— Если принц Раймонд еще раз покинет свой пост, арестуйте его и посадите под замок! — и вихрем полетела к воротам.

Эта было прекрасное и героическое зрелище, достойное быть воспетым в стихах и балладах, украсить собой поля летописей и дворцовые гобелены. Жаль, что ему оказалось не суждено оставить незабываемый след в хрониках Ракайи. Разве что какой-нибудь ветеран, участвовавший в осаде Белой Чайки, спьяну рассказывал собутыльнику:

— Вот представь — ров пылает, стрелы летят, а императрица стоит на самом верху

башни, вся в белом, золотые волосы развеваются по ветру, и кричит не своим голосом: — «графа Виндома ко мне»!

— Да брось заливать-то, — отвечал ему приятель, — не было этого. И осады никакой не было. Про такую историю все бы знали, а не один ты, брехун старый.

— Граф Виндом! — что есть сил крикнула Лаэрта, пытаюсь перекрыть рев пламени и шум голосов. Она стояла между двух зубцов над крепостными воротами, сотни глаз смотрели на нее с той стороны рва.

— Виндом! Прекратите осаду, сейчас я...

Брейд все еще сидел на стене. «Идиотка, надо было ее в пыточной запереть» — в три прыжка он пролетел галерею, отшвырнул часового, промчался по винтовой лестнице на верхнюю площадку и успел повалить Лаэрту на пол прежде, чем стрелы просвистели над его закованной в латы спиной.

— Отпустите сейчас же!

Лаэрта вырывалась, и Брейд заткнул ей рот поцелуем, чтобы она не успела сказать что-нибудь непоправимое.

Сидевший за соседним зубцом солдат был в полной растерянности. Он уже год служил в крепости, и Лаэрта ему нравилась. И вообще, покушение на императрицу — государственное преступление, надо бы прийти на помощь. Но ведь герцог Атерли — его господин, он ему первому в верности присягал. Может, аккуратно дать ему щитом по башке? Шлема-то на нем нет. Тут он заметил, что пальцы ее величества нежно перебирают волосы Брейда, и облегченно отвернулся. Не его собачье дело, он солдат, а не нянька.

Брейд, наконец, отпустил Лаэрту и помог ей перебраться под укрытие зубца. Еще пара стрел упала на площадку.

— Тебя хотели убить, — он кивнул на дрожащее древко косо вонзившейся в бочонок стрелы.

— Может быть, это случайность?

— Пять выстрелов прямо в тебя? Ты не нужна Виндому живой. Иди в замок и больше не появляйся здесь.

— Нет. Вы нарушили обещание, Атерли. Идет сражение.

— Где вы его видите, госпожа?! У меня двое раненых, обоим стрела в руку попала. У Виндома — ни одного, если не считать свалившихся в ров солдата. Вымок, бедняга.

— Сгорел...

— Тогда ров еще не горел. Я поджег его позже — чтобы больше не совались.

От подножия башни, со стороны моста, донесся громовой голос:

— Ваше величество, я хочу поговорить с вами!

Лаэрта попыталась встать на ноги, и Брейд прижал ее к стене.

— Не откликайся. Хоть раз послушайся.

Ветер подхватил край ее накидки. Она затрепетала между зубцов, как белое знамя, и упала, пробитая стрелой.

— Прости меня, — Лаэрта украдкой погладила его по стальному плечу, и он почувствовал прикосновение сквозь металл — я попробую научиться доверять тебе.

Над люком показалась голова Ланса.

— Брейд, там корабль, и к замку плывет лодка.

— Отлично. Проводи ее величество в замок и помоги погрузить вещи. Поедешь с ними

— им нужна надежная охрана. Тобиас хороший друг, но он не воин.

— Но, дядя... — простонал Ланс. Перспектива охранять взбалмошную императрицу с тремя детишками привела его в ужас. И еще эта девочка с собакой, которая смотрит на него как на пустое место, ни на миг не забывая о его участии в гибели отца. Правда, один раз в дороге она сама к нему подъехала, спросила, можно ли верить князю Ашве — обещал ухаживать за ее конем, как за своим собственным, вдруг обманет? Ланс объяснил ей, что никто не понимает в лошадях лучше князя Ашвы. Девушка носик сморщила: «Ну ладно, а тебе мне выдали не пойми что, как на мешке с картошкой еду» — а сама сидит не лучшим иноходце Брейда с на редкость мягким и ровным аллюром. Он поинтересовался, зачем же она своего такого великолепного коня отдала в чужие руки, а та в ответ: «Волк из крепости морем поплывет, лошадей брать не будет. Пришлось Маяка оставить на время этому Ашве. Лишь бы не загубил». Ланс был вынужден упрашивать строптивую девушку не называть прилюдно герцога Атерли Волком. Она плечиком передернула: «Пусть будет герцог, мне все равно. Как волка не зови...» — и ускакала. Нет, лучше он с Виндом сразится...

— Ты хотел служить у меня? Это приказ.

Брейд помог императрице подняться на ноги, внимательно следя, чтобы она все время находилась под защитой зубца.

— Ваше величество, поторопитесь, как только вы подниметесь на борт, я смогу открыть ворота, — и вполголоса добавил, — я постараюсь приехать за вами как можно скорее.

— Я до сих пор не знаю, куда вы меня отправляете, герцог.

— Вам скажут об этом на корабле. Капитан абсолютно надежный человек, я обязан ему жизнью, но все-таки не называйте своего имени даже ему. Счастливого пути, госпожа, — голос Брейда дрогнул, но поклонился он так церемонно, что часовые на башне поняли: предыдущая сцена им привиделась в дыму и пляске огня.

Волны разбивали пламя на островки и уносили их в открытое море. Крепость молчала, вскоре на стену опять полетели крючья. И тогда с башни раздался крик:

— Граф Виндом, герцог Атерли хочет поговорить с вами. Выходите к мосту!

Виндом опустил забрало и выехал вперед. «Арбалетчики, приготовиться!» — тихо скомандовал он. Конь сделал пару шагов в сторону рва и попятился. Виндом кожей почувствовал, что из бойниц на него направлены десятки стрел.

Между зубцов, там, где прежде стояла Лаэрта, показался рыцарь с закрытым забралом.

— Кто ты? Я не вижу твоего лица.

— Ты знаешь мой голос, Виндом. Императрица Лаэрта покинула замок. Если хочешь, зайди и проверь.

— Покинула? Улетела на крыльях?

— Уплыла на корабле. Ты можешь взять десять воинов, въехать в крепость и обыскать ее.

— Хорошо. Опускай мост.

Виндом вполголоса роздал приказы, и за его спиной стал выстраиваться узкий клин рыцарей. Заскрипели цепи, мост медленно опрокинулся на каменные сваи. Никто не трогался с места, пока не распахнулись створки ворот и не поднялась стальная решетка.

И тогда лавина всадников с мечами наизготовку ринулась в крепость. В тот же миг четверо солдат захватили крючьями цепи, еще двое рубили их топорами.

Мост начал подниматься. Скакавших по нему рыцарей, как с горки, смело в ворота. Еще

двое всадников с разлета перемахнули внезапно возникший провал. А сзади лошади вставали на дыбы, пытались развернуться, били копытами встречных коней. «На-заад!» Кто-то из латников слетел под ноги обезумевших животных, кому-то повезло свалиться уже на валу. Солдаты с крючьями повисли в воздухе. Трое успели спрыгнуть на неподвижную часть моста, четвертый сорвался в огонь. С грохотом упала решетка.

Ворвавшиеся на крепостной двор рыцари — их было менее двадцати — остановили лихой разбег. Они оказались в середине широкого круга конников со взведенными арбалетами. Их подмывало вступить в отчаянную схватку, прорвать оцепление и добраться до подъемных механизмов, но на таком расстоянии арбалетный болт калечит лошадей и сминая броню.

— Ты вор и предатель, Атерли. Ты ответишь за все перед Янгисом. Он уничтожит тебя и весь твой Синтейн, — заорал Виндом, обращаясь непонятно к кому.

Арбалетчики расступились, освобождая проход Брейду. Он был пешим и безоружным.

— Мы оба ответим, Виндом. Я — за то, что спас императрицу Лаэрту, а ты — за то, что пытался убить ее. В нее стреляли твои лучники.

— Вранье! Я не знаю, кто стрелял, я сам казню его. Ты захватил крепость, ослушался приказа императора и подверг опасности жизнь ее величества!

Рыцари, видя, что в ближайшие минуты истребление им не грозит, выстроились в красивое каре за спиной своего предводителя.

— Ты предал императора, Арс. Я поймал твоего шпиона. У меня есть твои письма, где ты требуешь, чтобы он оклеветал ее величество.

— Я не писал никаких писем, лжец!

— А почерк-то твой. Вот послушай, если забыл, — Брейд вытащил из-под нагрудника бумажную трубочку и неторопливо развернул, чтобы заинтересовавшиеся всадники успели подъехать поближе.

— Мне плевать на твои бумажки! Сразись со мной, если считаешь себя мужчиной! — Виндом направил коня к нешелохнувшемуся Брейду.

Десяток коротких стрел лязгнули по брусчатке перед самыми копытами, конь шарахнулся.

— Следующий выстрел будет в тебя. Господа! — Брейд перешел на крик, — выслушайте письмо, и я открою ворота. Если будете мешать, останетесь в крепости.

— Да пусть читает, ваше сиятельство, нам-то что, — ответили сразу несколько голосов. — Пусть прочтет, если ему надо, нас всех тут перебьют! — Читай!

Виндом, не видя поддержки, проворчал:

— Ладно, читай, трус. Пусть все услышат твое грязное вранье.

Виндом вошел в круг и развернул послание:

Сайлас, опять переписываешь пустые сплетни?

Я тебе за это плачу? Мне плевать, что Лаэрта назвала Янгиса жестоким, мне плевать, что она поворачивает портрет императора лицом к стене, когда работает в кабинете. Всем и так известно, что эта илюха ненавидит своего мужа. Найди что-нибудь, за что Янгис сможет отправить ее на эшафот. Если продолжишь увливать, в следующем месяце вдвое урежу плату.

Внутри каре послышался негромкий гул голосов. Лаэрту — на эшафот? Ладно бы Янгис, он в своем праве, но Виндом-то куда лезет? Для сестрицы место на троне готовит?

Виндом в ярости повернулся к вышедшей из повиновения свите:

— Это ложь! Он сам это написал!

— Кто-нибудь знает почерк графа Виндома? Подтвердите подлинность письма

Сразу два рыцаря выехали вперед. Оба были молоды и не могли справиться с любопытством.

— Соврете, что это я писал — вам не жить, — прошипел Виндом.

Один из всадников вернулся в строй, второй успел отъехать подальше и не расслышал угрозы.

— Как вас зовут?

— Виконт Шермант, ваша светлость.

— Поклянитесь на мече, что скажете правду.

Рыцарь осенил лицо кривым кругом и сделал вид, что целует гарду. До него уже дошло, что он вызвался в свидетели себе на беду.

— Клянусь говорить правду, — пробормотал виконт, со страхом разглядывая поданный ему листок, — но тут же нет подписи.

— Я спрашиваю вас не о подписи, а о почерке. Вы узнаете почерк графа Виндома?

— Не знаю. Вроде бы похож, у графа он тоже размашистый. А может, кто-то подделал, не могу точно сказать.

— Вы поклялись, виконт.

— Да не знаю я! — выкрикнул несчастный парень и галопом вернулся в самый хвост каре.

Рыцари глухо переговаривались, сцена была понятна каждому из них.

— Он сказал — кто-то подделал! — торжествующе провозгласил Виндом, — ты лжец, Брейд, теперь это знают все!

Но его свита угрюмо молчала. Что за черт, на чьей они стороне?! Граф перешел в атаку:

— Откуда нам знать, что ты не прячешь ее величество? А может, ты убил ее вместе с детьми?

— Я помог ей бежать из крепости, чтобы ты не отправил ее на эшафот. Вивиан очень пойдет корона, не так ли?

— Мерзавец, мерзавец и лжец! — похоже, у Виндома закончились слова, — я вызываю тебя на императорский суд. Расскажешь там Янгису, куда подевал его жену и детей.

— Я принимаю вызов. Отправимся с утра, каждый со своим войском. А сейчас поднимись на башню и прикажи своим людям, чтобы отступили от моста на два полета стрелы, тогда я открою ворота.

Глава 17. Суд императора

Со стороны могло показаться, что город Гилатиан осажден вражеской армией. По обе стороны от главных ворот выстроились шатры и палатки, дымили костры, бесились на привязи добрые породистые кони. Лагерь по левую руку был больше и богаче — он пестрел яркими рыцарскими шатрами, над которыми реяли значки начальников копий. Над самым высоким развевалось полковое знамя. По правую руку шатер был только один. Его окружали простые солдатские палатки, зато их обитатели выглядели куда более грозными воинами. В поход на Белую Чайку Брейд не взял ни одного барона, с ним было его второе войско — шайка Волка. Загорелые дочерна, угрюмые (им уже неделю запрещалось пьянствовать) — они с тоской поглядывали на развеселых соседей, втайне мечтая, что ночью раздастся знакомый вой, и начнется битва. Хорошая была бы пожива...

Но приказа к атаке не было. Брейд валялся в шатре и читал скучнейший рыцарский роман. «Благородный господин, я преклоняюсь перед вашей доблестью и всем сердцем надеюсь, что вы окажете мне честь и примете мой вызов на поединок». Он представил эту фразу в устах... ну, к примеру, Хавермонца, и расхохотался. Надо будет ему присоветовать, а то все «убью гада», да «убью гада».

— Веселишься? — Видий откинул полог и без спроса уселся в ногах у Брейда. Глумливый, изящный, с зализанными назад каштановыми кудряшками и щегольскими рыжеватыми усиками, бархата и кружев больше, чем на самой леди Вивиан. Брейд искренне обрадовался появлению старого друга.

— Говорят, Янгис только через два дня прибудет. Так и будешь торчать в чистом поле?

— А что делать? Кастелян запретил вводить войска в город. У него, видишь ли, императорский указ. Что мне, с боем прорываться?

— Тоже вариант, но у тебя же есть дворец в Гилатиане. Ты что, не можешь к себе домой зайти?

— Не хочу бросать своих людей без присмотра. У них руки чешутся пообщипать богатеньких рыцарей Виндома.

— А говорил — выдрессировал. Волки не поддаются дрессировке, тем и хороши. Я к тебе зачем пришел — выпить мне не с кем. Пошли к речке, посидим, поболтаем.

— Пошли. Только пить, прости, не буду.

— Что, зарок дал? Ты же вроде и так пьешь, как красна девица. Ладно, давай хоть поедим, у меня тут... — он кивнул на статного белого жеребца, нагруженного сумками с провизией.

— Не обижайся, но тебе придется одному все это съесть. Пост у меня до суда.

Не мог же он рассказать, что в последнюю ночь в Белой Чайке к нему в комнату неизвестно как проник слуга старого Готфрида, горбатый мальчишка, и попросил его ничего не есть и не пить до самого суда. А он послушался, даже не успев спросить о причине странной просьбы — мальчишка выпрыгнул с подоконника в сад и бесследно исчез. По пути ему постоянно навязывали угощение самые разные люди из окружения Виндома, а здесь, в лагере, к нему вдруг зачастили шапочные знакомые из Гилатиана — так что, судя по всему, послушался он правильно. Иногда, не выдержав, пил воду из ближайшей речки, грязную, но явно безопасную, ее и скотина пила.

— Пост?! — заржал Видий — ты что, в жрецы решил податься? Ну да, ну да, мне уже

рассказывали, как ты с Виндомом сражался: под ноги ему стрелял. А на опакалах биться не пробовал? Тоже неплохое оружие. Скажи, а правду говорят, что ты ему сонеты читал?

— Вот черт, не догадался, Виндом бы их оценил, — его уже начали раздражать плоские шутки Видия, — послушай, я выиграл время и не потерял ни одного человека. Зачем мне было драться с этим болваном?

— Затем, что в результате твоих игр ты предстанешь перед судом Янгиса. Ты веришь в его правосудие?

— У меня есть документы, за которые Виндома можно трижды отправить на плаху. Я что, даром учился на юриста?

Видий помотал головой:

— Виндом Янгису нужен, а ты — как кость поперек глотки. Не рассчитывай на справедливость. Лучше выслушай мой план.

Они подошли к реке и расположились на краю обрыва в тени одинокого дерева. Прежде, чем сесть, Видий покрутил головой по сторонам, даже крону внимательно осмотрел.

— Ну, говори.

— У кастеляна во дворце тридцать человек охраны. И пятьдесят — городской стражи. Все остальные с Янгисом. Мы можем захватить Гилатиан.

— Про двести воинов Виндома забыл? Ты что, на солнце перегрелся?

— Я приведу завтра мою сотню, она в ближайшем селе стоит. А главное, в городе у нас много сторонников. Янгис всем надоел, он второй год воюет с Феруатом, дерет страшные налоги и все время проигрывает. Сейчас опять возвращается с почетным поражением. Гилатиан поддержит тебя.

Брейд посмотрел на друга с некоторым любопытством. В последние лет пять, после того, как жена Видия умерла третьими родами, он практически не вылезал из Гилатиана и вел крайне рассеянную жизнь. Так что в оценке столичных настроений ему можно было доверять. К сожалению, в тактике ведения боя он разбирался намного хуже.

— Допустим, в город мы вошли, половину людей потеряли, осталось взять замок. Он почти неприступен, точно говорю, я все стены облазил. Можно сделать подкоп, даже знаю, где именно, но на это уйдут недели. А через два дня появится Янгис с трехтысячной армией и перебьет нас как щенят.

— Не перебьет. На нашу сторону встанут не только свободные горожане, чернь тоже готова подняться. У них объявился некий Яник, за ним идет вся гольтьба. Все стены исписаны буквами ДП — это его лозунг: «Добро и Правда». Их тысячи, они вооружены и ненавидят Янгиса.

Брейд представил себе серьезную войну в многотысячном городе, и его передернуло.

— Я не буду сражаться в Гилатиане, битком набитом женщинами и детишками. Не знаю, чем кончится суд, но вряд ли тюрьмой: Янгису нужна моя армия, он никогда не мог справиться с горцами. Никто не мог. Ну а если дойдет до восстания, я выступлю всеми своими силами, а не с сотней разбойников и тысячей твоих голодранцев. Попробую поднять Наррат.

— Сколько лет ты об этом говоришь, а что мы видим? Янгис как сидел на троне, так и сидит, а ты тут судишься с самим Виндомом, королем тупиц, и слегка надеешься на победу.

— Ладно, там посмотрим. Извини, я пойду — с голодухи спать очень хочется.

В Тронном зале вокруг круглого Стола Истины собрались все члены Совета. Отдельной группой, прямо напротив императора, сидели четверо Старцев в белых одеяниях — вся верхушка Чистейших. Кроме самого Совершенного, присутствовали Второй, Третий и Четвертый. В Ракайе было великое множество жрецов Единого, некоторые были монахами, некоторые имели жен и детей. Но когда жреца принимали в орден Чистейших, он должен был отречься от всего мирского, даже от своего имени. Взамен он обретал порядковый номер, который менялся по мере восхождения Чистейшего по иерархической лестнице. Те, кто входили в первую десятку, назывались Старцами, они имели право возглавлять богослужение в соборе Единого Всемогущего и присутствовать на императорском совете. Последней из привилегий они пользовались нечасто, только в особых случаях. Значит, случай Брейда был особым, ему и Виндому предстоял Божий Суд. Брейд заранее обратился к Единому с просьбой простить все его вранье и интриги.

По традиции граф Виндом, в качестве истца, и герцог Атерли, как обвиняемый, должны были сидеть на особых скамьях немного поодаль от членов императорского совета, но обоих, изъяв оружие, проводили на их обычные места за Столом Истины. Брейд счел это неплохим знаком. Равно как и Виндом — он еще накануне доложил императору о случившемся мятеже и имел все основания полагать, что суд будет пустой формальностью перед неминуемой казнью Атерли.

Янгис, не взглянув на вошедших, обратился к Совершенному:

— Прежде, чем выслушать ваше известие, нам придется разобрать поступившую жалобу. Надеюсь, это не займет много времени. Лорд-канцлер, прошу вас приступить к рассмотрению дела.

Маркиз Балфор был канцлером еще при императоре Лодвиге. Брейд помнил его с детства, и он мало изменился с того времени — разве что плоские щеки обвисли немного сильнее, довершая сходство маркиза с тощим пожилым мопсом. Но подшучивать над неказистой наружностью канцлера никому не приходило в голову: он обладал огромным состоянием и почти безграничной властью. Будучи человеком умным и осторожным, он никогда не пытался влиять на Янгиса, предпочитая предугадывать каждое его желание, и император ценил его преданность. Брейд всегда старался избегать общества Балфора, и подозревал, что их антипатия взаимна.

Совершенный произнес молитву, призывающую Единого явить истину, обелить праведного и покарать преступника, и канцлер предложил истцу изложить суть жалобы.

Виндом положил руку на золотой оклад Книги Милосердия — собрания речений пророка Велетия, набрал побольше воздуха и, стараясь не сбиться, торжественно произнес:

— Именем Единого Всемогущего я, рыцарь Арс, граф Виндома, обвиняю Брейда герцога Атерли в мятеже и предательстве, в вероломном захвате крепости Белая Чайка, неисполнении императорского приказа и похищении ее величества императрицы Лаэрты, его высочества принца Раймонда и их высочеств принцесс Ситы и Агнии, — тут он перевел дыхание, и канцлер воспользовался паузой:

— Герцог Атерли, вы признаете справедливость предъявленных вам обвинений?

Виндом, заготовивший пространную речь, скривился, но замолчал. Янгис перестал следить за ходом процесса и углубился в лежащую перед ним кипу бумаг.

Перед Брейдом положили Книгу Милосердия, и он прижал к ней ладонь с наивной надеждой, что частица заключенной в ней мудрости перейдет в его душу.

— Именем Единого Всемогущего я, рыцарь Брейд, герцог Атерли, объявляю все

прозвучавшие обвинения ложью и готов подтвердить свои слова клятвой, мечом и показаниями очевидцев.

— Граф Виндом, у вас есть свидетели, готовые подтвердить ваше обвинение?

— Да, маркиз, есть. Все мое войско может подтвердить.

— Слово простолюдина не имеет законной силы на императорском суде. У вас есть поручители благородного происхождения?

— Барон Талгем и барон Скилфор ждут за дверью, — раздраженно бросил Виндом. Егс предупредили, чтобы он привел свидетелей, и он сделал это, но его бесило, что клятва благородного господина нуждается в каком-то дополнительном подтверждении.

Стражники ввели барона Талгема, одного из оруженосцев Виндома, молодого гиганта с покатыми плечами. Брейд неслышно вздохнул: этот поклянется в чем угодно, надо будет — скажет, что своими глазами видел обглоданные косточки императорского семейства.

И точно — парень сходу принялся рассказывать, как головорезы Брейда расстреливали мирно стоящее у стен крепости войско.

— Граф Виндом, сколько ваших людей погибло? — совсем некстати поинтересовался Балфор.

— Мой воин получил тяжелые ожоги, когда Атерли поджег крепостной ров, и у двух рыцарей переломаны ребра, — с вызовом ответил Виндом.

— Понятно. Герцог Атерли, вы признаете, что ваши люди подожгли обводной ров? Кстати, как они это сделали — там же вокруг стен море плещется?

— Да, я приказал поджечь ров с помощью ликейского огня. Он не гаснет в воде, ликейцы используют его во время морских сражений. Я был вынужден это сделать, чтобы предотвратить начавшийся штурм крепости.

— Значит, вы подтверждаете, что захватили крепость и удерживали ее, препятствуя графу Виндому передать ее величеству императорский указ?

— Нет. Я вошел в крепость через открытые ворота, и никто не чинил мне препятствий. Мои люди охраняют Белую Чайку наряду с имперским гарнизоном с того дня, как его величество император поручил мне привести замок в состояние, пригодное для проживания ее величества. На этот раз я взял с собой дополнительный отряд, чтобы усилить охрану императорского семейства, так как имел основания ожидать покушения на их безопасность со стороны графа Виндома.

— Это наглая ложь! Ты заплатишь за нее своей жизнью, — взревел Виндом.

— Граф Виндом, вы проявили неуважение к суду и прибегли к недопустимым угрозам, еще одна попытка вмешаться в судебный процесс — и нам придется рассматривать вашу жалобу без вашего присутствия, — канцлер смотрел на Виндома неподвижным змеиным взглядом до тех пор, пока тот не опустил голову.

— Герцог Атерли, вы понимаете серьезность предъявленных вами обвинений? Если они окажутся голословными, то поединок между вами и графом Виндомом будет неизбежен.

— У меня есть неопровержимые доказательства измены Виндома. Мои люди поймали шпиона, рывшегося в кабинете ее величества, я допросил его и узнал, что он подослан графом для сбора порочащих императрицу и ее окружение сведений. Шпион был арестован, с этого дня переписка между ним и графом Виндомом проходила через мои руки. — Брейд достал из-за пазухи стопку скрученных листов, разровнял и передал канцлеру, — вот все письма за последние полтора месяца, наиболее важные места отчеркнуты красными чернилами.

Сверху стопки лежало письмо самого Виндома, очевидно — последнее по времени. Канцлер покосился на императора, продолжавшего небрежно перелистывать свои бумаги, и зачитал текст бесцветным, намеренно невыразительным голосом:

— *«Сайлас, ублюдок паршивой суки, ты вообразил, что я плачу тебе за старательно переписанные меню обедов императрицы и маршруты ее прогулок? Где ее корреспонденция, где хотя бы неблагонадежные разговоры ее гостей? Если и в следующем письме я не увижу убедительных доказательств ее измены и конкретных сведений о заговоре, ты отправишься туда, откуда я тебя вытащил — в развалившийся курятник, который ты называешь своим замком, и там ты сгниешь в нищете и забвении»* — . Подписи и печати нет.

— Лорд-канцлер, передайте мне эти бумаги, — раздался голос императора. Янгис с еле заметной усмешкой перебирал страницы писем, иногда более внимательно вчитывался в отчеркнутые абзацы. Канцлер молчал, не зная, можно ли продолжать разбирательство.

— Какая чушь, — наконец произнес император и разорвал стопку на четыре части. Он встал, не обращая внимания на вскочивших с мест членов совета, подошел к камину и швырнул обрывки в огонь. Вернувшись на трон, он откинулся на спинку и с презрительной улыбкой обратился к Виндому:

— Граф, я поручил вам отправить вашего человека в Белую Чайку, чтобы следить за безопасностью императрицы Лаэрти, а не за ее благонадежностью. Вы отважный воин, но никогда более не пытайтесь заниматься политикой — это не ваша стихия.

— Атерли, я могу понять причину ваших подозрений. Но если у вас возникли какие-то сомнения в верности графа Виндома, вы должны были лично сопроводить мою супругу и детей в Гилатиан, обеспечив им полную безопасность, а не устраивать балаган с захватом крепости и огненными рвами. К счастью, она сама приняла разумное решение и отправилась в Кадар с давно запланированным родственным визитом.

Янгис сосредоточенно побарабанил пальцами по столу, и закончил речь с доброжелательной ноткой в голосе:

— Ну что ж, вы оба пытались проявить преданность ракайскому престолу и моей семье, хотя и перестарались. Разбирательство закончено, и я запрещаю вам поединок. Под страхом смерти. Идет война, не хватало еще, чтобы мои лучшие военачальники переубивали друг друга. Лорд-сенешаль, принесите Чашу Примирения.

Брейд вздрогнул и покосился на Виндома. Тот был бледен и сосредоточен, но страха на его лице не было. Примирение... Во времена Янгиса старый добрый обычай превратился в нечто вроде Божьего суда. Иногда чаш было две, и никто не удивлялся, когда один из мирившихся вскоре умирал от скоропостижной болезни. Иногда одна, тогда оба соперника либо оставались жить, либо уходили в Светлые Небеса. Пару раз случалось, что выживал только один из пивших общую чашу — Брейд объяснял это не столько промыслом Единого, сколько силой противоядий.

Сенешаль отсутствовал менее минуты — чаша была приготовлена заранее. Он остановился перед Виндомом, слегка склонив голову. Граф не шелохнулся, просто стоял и смотрел на протянутый ему кубок.

— Повторяйте за мной, — мягко сказал сенешаль, — я, граф Арс Виндом, хочу примириться с герцогом Брейдом Атерли. Наша ссора окончена.

Виндом глухо и безжизненно повторил формулу примирения. Поднял кубок над головой, подставил рот под алую струю. Несколько мощных глотков — и он вернул чашу

сенешалю, вытирая рукавом забрызганную бороду.

Брейда терзали сомнения. Он годами собирал свою коллекцию противоядий, но она осталась за стенами Гилатиана. Промедление может оказаться роковым. Что будет, если нарушить обряд? Просто поставить чашу на стол и выйти из зала совета. Тюрьма? Казнь? Никто никогда не отказывался от Чаши Примирения, о положенной за этот проступок каре можно только гадать. С другой стороны, у Янгиса вполне достаточно оснований уничтожить Брейда, а вот отравить обоих — вряд ли. Виндом предан императору, к тому же если убивать его — то вместе с Вивиан, не дав ей времени отомстить за брата. А леди Вивиан все еще интересна Янгису.

Брейд ответил на поклон сенешаля и принял чашу из его рук. Он впервые видел ее вблизи. Это был массивный серебряный кубок, на выпуклых боках — тонкая гравировка: пара целующихся горлиц, окруженная венком из листьев мирта. Как трогательно! Брейд сдержал неуместную ухмылку. Внутренняя позолота была полустерта от частого, очень тщательного мытья, кое-где сквозь нее проступали черные пятна. Брейд повернул чашу той же стороной, откуда пил Виндом — там на блестящем ободке остались темные влажные потеки. Кстати, мерзавец выпил не больше трети.

— Я, герцог Атерли, хочу примириться с графом Виндомом, наша ссора окончена.

Брейд поднял кубок не так высоко, как Виндом: ему не хотелось пачкать белоснежное кружево воротника и, стараясь не прикасаться к ободку губами, осушил чашу. Вино как вино, легкое, не слишком дорогое, но приличное. Никакого особенного запаха или привкуса в нем не было.

Чистейшие сидели с непроницаемыми лицами. В их присутствии на заседании суда не было ни малейшего смысла, если не считать желания императора подчеркнуть свое пренебрежение к служителям церкви. Но терпение угодно Единому, и они оттачивали его годами.

— Простите за ожидание, — обратился Янгис к Совершенному, — я придаю серьезное значение конфликтам между близкими мне людьми, их разрешение не терпит отлагательства.

Совершенный неторопливо поднялся с места. Он был немолод, но годы не оставили следов на чеканном лице жреца, только подернули инеем роскошную волнистую бороду. Говорили, что в его жилах текла кровь императора Гилата, и в это легко было поверить — в его осанке ощущалось величие, а в низком бархатном голосе — власть.

— Мир и милосердие — основа нашего вероучения. Я молился о примирении сторон, — Совершенный выдержал паузу, — мы пришли, чтобы поведать его величеству императору и достопочтенным членам совета об откровении, дарованном одному из наших братьев, ибо оно касается не только церкви, но и судьбы ракайского народа в целом. Полагаю, что будет правильно, если он сам расскажет о ниспосланной ему вести.

Встал Третий, лицо его озаряло пламя вдохновения. Третий был статным мужем во цвете лет, ранняя проседь посеребрила его бороду лишь по краям. Заговорил он тихо и проникновенно, но с каждым словом голос его набирал страстность и мощь, и раскатывался под сводами Зала Совета подобно грозе:

— Мне, недостойному, Единый Милосердный оказал великую милость — Он пожелал явить через меня свою святую волю. Накануне богослужения я затворился в келье, чтобы очистить себя постом и молитвой. Под утро я изнемог от усталости и уснул. В час перед рассветом мне было ниспослано видение. Увидел я храм Единого Всемогущего и алтарь с

жертвой, приготовленной к освящению. И поднялся великий ветер, и унес дары с алтаря. И услышал я некий голос, говорящий: «Миновало время, когда вы возлагали на алтарь дары полей ваших». Тогда увидел я агницу юную, непорочную, возложенную на алтарь. И голос сказал: «Преисполнилась мера грехов ваших, и для очищения вашего потребна иная жертва — ЖЕРТВА КРОВИ!» — теперь Третий почти кричал, а когда внезапно замолк, тишина показалась оглушительной.

— Агница — это овца? — вполголоса спросил Янгис у сидящего поблизости канцлера. Тот кивнул, но на лице его читались сомнение и некоторая брезгливость.

Третий поклонился Янгису и закончил речь, смиренно прикрыв глаза:

— Я был поражен видением, и почел себя недостойным его толковать. Перед богослужением я рассказал братьям об открывшемся мне, и мы горячо молились, чтобы правильно понять волю Единого.

Совершенный поблагодарил Третьего легким кивком и заговорил, размеренно и веско:

— Несомненно, что воля Всемогущего выражена в данном откровении прямо и непосредственно, и не нуждается в толкованиях. На Ракаю издревле была возложена великая миссия, но во дни мира народ погряз в грехе, себялюбии и идолослужении, и теперь мало способен к подвигу во славу Единого. Нам необходима очистительная жертва.

— Помнится, недавно вы говорили, что изменения в богослужебных текстах и прославление тайного имени Единого помогут империи обрести благословение и силу. Я не возражал, но не увидел никакого результата, кроме недовольства консервативно настроенной части духовенства, — Янгис смотрел на Совершенного из-под приспущенных век и говорил очень медленно.

— И благословение было дано — после соборной молитвы наши войска вновь освободили перевал и заставили отступить армию Феруата. Безусловно, с немалыми потерями с нашей стороны. Но разве возможны победы без потерь? Великие свершения требуют великих жертв. Ракайе предначертано изменить судьбы мира, и пролитая в сражениях кровь — наша дань Единому. Но благоговейно принесенная жертва на алтаре заменяет многие жизни, отданные на поле брани. Ради вечной славы Ракайи смерть не страшна, но, полагаю, если мы выполним волю Единого — человеческих потерь будет меньше.

Янгис выслушал Совершенного с легким любопытством и уже собирался дать согласие на нововведение, но Второй, доселе пребывавший в отрешенном молчании, тоже попросил слова. Второй был действительно глубоким старцем, в давние времена ему предстояло принять сан Совершенного. Он отказался от великой чести, сказав, что не чувствует в себе сил принять на себя обременительную ответственность и полагает, что Единый предназначил ему скромный путь молчаливой молитвы. Многие относились ко Второму даже с большим уважением, чем к Совершенному.

— Пророк говорил, что наши жертвы не нужны Единому, и так обладающему всем своим творением. Мы приносим на алтарь лепешки и овес не в качестве жертвы, а в память о Пророке, который принимал от последователей только эти дары — хлеб для себя и овес для своего ослика. Лепешки раздают беднякам, а овес рассыпают голубям для того, чтобы и люди, и птицы небесные возрадовались, и благодарность их служит Единому наилучшим даром. Поэтому я убежден, что вещий сон о жертве крови, возложенной на алтарь, не следует толковать прямолинейно. Я полагаю, что его надо понимать, как необходимость отдать Единому всю нашу жизнь, до последней капли крови, и тогда Он очистит и освятит

нас.

Совершенный, кажется, был разгневан. Он встал, и, возвышаясь над всеми сидящими, возгласил:

— Слишком часто мы бываем склонны аллегорически понимать обращенные к нам священные слова. Мы аллегорически помогаем бедным, аллегорически не крадем, аллегорически несем приношение в храм. Простое и ясное повеление Единого надо выполнить также просто и ясно. Во дни мира было достаточно овса и лепешек, но сейчас идет священная война во имя Единого, и Он ждет от нас свидетельства нашей полной преданности Его воле.

Тогда Четвертый тоже вскочил на ноги и крикнул:

— Как можно ставить сновидение выше воли Единого, возвещенной устами Пророка? Пророк говорил — кровавые жертвы вопиют к небесам об отмщении, а Единый ждет от нас милосердия и любви, подобной той, с которой Он сотворил наш мир!

— Достаточно, — сказал Янгис, которому надоело слушать богословские диспуты, и спорящие замолчали, — я готов принять любые изменения в ваших обрядах, если они увеличат благочестие народа и сделают его более самоотверженным. Но, я вижу, между вами самими не достигнуто согласия. Сначала договоритесь, а потом выносите ваши предложения на Совет.

— Через две недели состоится Праздник Плодов, было бы уместно принести жертву именно в этот день, — с деликатной настойчивостью возразил Совершенный.

— Я уже сказал, что готов одобрить ваши нововведения, но только на условии полного единодушия среди верхушки Чистейших, — оборвал его император, — религиозные распри слишком часто приводят к восстанию черни. Благодарю вас, что почтили Совет своим присутствием.

Янгис встал и поклонился Чистейшим, Совершенный осенил собравшихся святым кругом, и жрецы медленно и торжественно двинулись к выходу.

— Теперь о главном.

Военачальники, дремавшие во время туманных прений духовенства, оживились.

— Мы неоднократно обращались к королю Ликейи с просьбой позволить нашим войскам высадиться в их порту и проследовать к границе Феруата. И каждый раз получали отказ под разными надуманными предлогами. Это заставляет нас предположить, что Ликейя является тайным союзником Феруата и нашим врагом. Мы не можем больше дожидаться их согласия на высадку, наши войска в Феруате оказались практически отрезанными от тылового снабжения и подкрепления. Следует немедленно перебросить армию и припасы в Феруат морским путем, не ориентируясь на позицию правящего дома Ликейи по этому вопросу.

— Слава императору, — воскликнул граф Виндом, — ликейцы — трусливые торгаши, а не воины! Мы за три дня превратим Ликейю в кладбище этих обнаглевших крыс.

Маршал Рейвис раздраженно поморщился — он уже достаточно наслушался пустого бахвальства во время последней кампании, и обратился к Янгису:

— Ваше величество, в Ликейе около тридцати военных кораблей, а у нас их восемь, не говоря уж о том, что у Ракайи не было опыта морских сражений.

— Для переброски войск не нужны военные корабли, вполне достаточно и торговых. Мы не будем сражаться с Ликейей на море. Весь их флот стоит в порту Омейны, в трех днях пути от границы, а сразу за Драконьими горами расположена гавань, вполне подходящая для

высадки.

— Говорят, путь через перевал закрыт из-за того, что Рокингем поразила черная смерть. Это соответствует действительности? — спросил Брейд, обводя глазами Совет.

— Это ни для кого не секрет. Армия, осаждающая Мозир, отрезана от подкрепления. Именно поэтому нашим войскам необходим морской путь в Феруат, — терпеливо объяснил главнокомандующий. Атерли слишком надолго завяз в стычках с горцами, но теперь его поддержка необходима здесь. И на этот раз отвертеться ему не дадут.

— Даже если мы воспользуемся всем, что может плавать, вплоть до рыбацких шхун, этого не хватит, чтобы за один раз перевести достаточное количество воинов для захвата Ликейи. А ко второму разу нас уже будет встречать ликейский флот.

— Это маловероятно. Мы пока не планируем захват всей территории Ликейи, нам достаточно гарантировать безопасный морской путь в Феруат. Когда городской совет Дафноса даст нам официальное разрешение на высадку — а у него не останется другого выхода — король Ликейи будет вынужден смириться с создавшимся положением и скорее закроет глаза на переправку наших войск через Дафнос, чем решится на нападение.

— А если нет? Ликейю с Феруатом связывают давние торговые отношения и родственные связи правящих домов.

Янгиса явно раздражал этот спор, и он решил положить ему конец:

— Что такое этот Феруат? Союз с каким-то герцогством или с Ракайской империей — неужели не ясно, что они выберут? Я не понимаю, что вы предлагаете, герцог — бросить без помощи наши войска, осаждающие Мозир, и ждать, когда их перебьют?

— Я предлагаю снять осаду с Мозира до окончания мора. Ликейя, безусловно, согласится пропустить наших солдат к гавани и погрузить их на корабли.

— То есть сдать крепость и перевал, за которые положено столько жизней? Достаточно, Атерли, я не желаю обсуждать этот трусливый и предательский план. Если Ликейя попытается нам противостоять — мы уничтожим ее.

Холодные презрительные взгляды и кривые усмешки были закономерной расплатой за попытку найти мирное решение. Сегодня лучше помалкивать, его никто не станет слушать, что бы он не говорил.

Принесли карты, начали обсуждать детали предстоящей операции. Брейд шелковым платком вытирал со лба липкий холодный пот. В Дафнос, городок за Драконьими горами он отправил Литанию с детьми. И, кажется, его все-таки отравили.

— Брейд, не уходите. У меня к вам есть пара вопросов, — сказал Янгис, вставая из-за стола.

Участники совета потянулись к выходу. Только граф Виндом стоял посреди зала, глядя на императора с необъяснимым ужасом.

— Да, чуть было не забыл про вас. Вы тоже останьтесь, я побеседую с вами позже. В коридоре подождите, — тон Янгиса был оскорбительно небрежным, но Виндом явно приободрился, и шел за своим повелителем с растерянным видом побитой и уже почти прощенной собаки.

Янгис предложил Брейду сесть и с минуту молчал, внимательно разглядывая собственные руки. Потом медленно поднял тяжелый, как каменная глыба, взгляд.

— Куда вы отправили моих детей?

— Ваше величество, я предоставил ее величеству Лаэрте корабль, поскольку

существовала угроза для ее жизни. Но о ее дальнейших намерениях мне ничего не известно.

Он еле выговорил эти слова пересохшими губами, и прозвучали они неубедительно. Если в ближайшие пару часов не удастся очистить желудок и принять весь набор противоядий, у него почти не останется шансов. Как и многие приближенные ко двору люди, он регулярно пил небольшие дозы разнообразной отравы. Судя по стремительно ухудшающемуся самочувствию, на этот раз меры предосторожности не сработали.

Янгис вскочил с места и навис над Брейдом, его глаза были белыми от ярости.

— Не лгите! Нанимая корабль, вы не могли не сказать капитану, куда ему плыть. Мне наплевать, куда отправится Лаэрта, лучше бы — на дно, но она похитила моего наследника! Если вы немедленно не скажете, куда она повезла принца Раймонда, я казню вас, как изменника.

Брейд посмотрел на Янгиса с любопытством.

— Ваше величество, вы полагаете, что смерть от яда намного предпочтительнее плахи? Я отравлен, и, вероятно, умру еще до того, как приговор будет приведен в исполнение.

Янгис прошелся по комнате, сел за стол и провел пальцем по одному из ящиков.

— Я сожалею, герцог, я заметил, что вы сегодня неважно выглядите. Могу вам помочь, у меня есть противоядие от всех существующих в природе ядов.

— Безоар, ваше величество?

Император слегка дернул губой, он не привык проглатывать откровенные издевки, но на этот раз сдержался.

— Безоар и у вас, я полагаю, найдется. То, что есть у меня — уникальное средство, возможно, единственное в мире. Я могу гарантировать вам полное и немедленное выздоровление — разумеется, после того как вы сообщите мне местонахождение моего сына.

— Ваше величество, если бы я знал, куда именно направляется императрица Лаэрта, и дал бы ей слово молчать — неужели я бы впустил в крепость графа Виндома? Я отдавал себе отчет в том, что меня могут подвергнуть допросу, а возможно, и пыткам, именно поэтому я ни о чем не спросил ее величество. У нее хватит средств, чтобы самой расплатиться с капитаном даже за кругосветное путешествие.

— Как называется корабль?

— «Звезда морей», простая рыбацкая шхуна из графства Раттен.

— Если это правда — она, скорей всего, отправилась в Кадар, — задумчиво сказал Янгис, — хотя я уверен, что вы лжете. В любом случае — то, что вы не выяснили, куда увозят наследника ракайского престола — государственная измена.

— Я не отрицаю этого, ваше величество. Но передо мной стоял выбор — или отправиться на плаху, или позволить Виндому уничтожить вашу супругу, возможно — с детьми. Я выбрал первое.

— Еще немного, и вы убедите меня, что вас следует наградить за предательство. Виндом по моему приказу приехал в Белую Чайку для сопровождения императрицы Лаэрты в Гилатиан. Если у вас возникли какие-то подозрения на его счет — вы были обязаны сами привезти мою семью в столицу и обеспечить их безопасность в дороге. Вы предпочли помогать неверной и непокорной женщине украсть моего сына. Вы прекрасно знаете, что заслужили смерть. Но у вас есть возможность искупить свое преступление. Доставьте их обратно — и получите противоядие.

— Я сделаю все, что смогу. Но искать придется в Ракайе, Кадаре, Дарнии, Ликейе.

Возможно — в Салеме или даже Феруате. Боюсь, что всех моих людей не хватит, чтобы выполнить эту миссию.

— Ну что ж. Может быть, вам повезет и Единый Милосердный исцелит вас без моей помощи, — улыбнулся Янгис, — в любом случае, пока вы живы — исполняйте свой долг. Выберите пятьдесят солдат для высадки в Ликейе. Вы сами поведете их на Феруат. А всех остальных отправьте на поиски. Судя по вашему состоянию, у вас еще есть около месяца в запасе.

Янгис звякнул колокольчиком, на пороге возник капитан Дор-Моллан, пара рослых стражников возвышалась позади его тщедушной фигурки.

— Проводите герцога Атерли в Восточную Башню. Помогите ему устроиться со всеми удобствами. Посетителей не допускать, вся корреспонденция — только через ваши руки.

— Герцог, уединение не должно помешать вам готовиться к походу и руководить поисками, которые мы сейчас обсуждали. Ваши письменные приказы будут немедленно доставляться адресатам.

Брейд с тоской глянул на добродушно улыбавшегося и, кажется, подмигивавшего. Дор-Моллана. Он был идеальным тюремщиком — десяток ринов, и получишь все, что угодно: лучшее вино, противоядия, веселую девицу. Но всего состояния Брейда не хватит, чтобы купить его верность — возьмет с тысячью благодарностей, и тут же продаст тебя за пару золотых монет.

Выпроводив Брейда, Янгис приказал позвать Виндома и некоторое время молча разглядывал его. Могучий воин... А лицо усеяно мелкими каплями пота и губы трясутся от страха. Ничтожество. Нарочно упустил Лаэрту с наследником: отлично знает, что его сестрица беременна и рассчитывает, что трон Ракайи достанется племяннику. Сейчас, пока Вивиан не стала императрицей, он предан до мозга костей, а родится племянник — тут же постарается избавиться от своего владыки, объявит себя регентом и будет править. Больше всего хотелось налить ему чистой воды и отправить подышать. Но нельзя. Сейчас Виндом один из немногих людей, на кого можно положиться.

— Я благодарен вам, граф, вы все сделали правильно. Сейчас я приготовлю лекарство, и вы уснете уже здоровым.

Янгис плеснул воды в кубок и достал из письменного стола крошечный флакон. Колдун говорил, что трех капель должно хватить, на всякий случай он накапал четыре.

Глава 18. Город у моря

Теплым июльским вечером Литания сидела на ступеньках террасы и плела косу. Высокий гребень и серебряные шпильки лежали в шкатулке, ненужные и забытые, их хозяйка наслаждалась неприхотливой жизнью и абсолютной свободой.

Тайра и Раймон ушли бродить по городу в сопровождении Ланса, а Сита пожаловалась на головную боль и осталась дома. Она забралась на развилку яблони и прилежно вышивала свою синюю птицу с загадочным девичьим лицом. Выглядела Сита чуть получше, загорела и даже, кажется, подросла за этот месяц в Ликейе, хотя разговаривала редко, улыбалась — еще реже. Литанию мучило отчуждение, вызываемое сходством Ситы с Янгисом, легкий холодок в душе, и она старалась быть с ней более внимательной и ласковой, чем с остальными детьми. Но сейчас Литания предпочла бы остаться вдвоем с Агнией. Агни была точной копией пятилетней Тайры, неугомонный котенок с вечно растрепанными золотыми кудряшками и неотразимой улыбкой. Вот только что визжала и прыгала с высоких перил террасы, а теперь исчезла в глубине сада — и нет ее, и тихо-тихо. Наверное, охотится на какую-нибудь живность...

Садик был маленьким и запущенным, когда-то хозяин дома, владелец рыбацкой шхуны, сажал эти деревья ради жены и дочек. Но жена умерла, дочери вышли замуж, и теперь он только изредка выкашивал траву, а заброшенный клочок земли превратился в настоящие джунгли. Виноград и вьюнок оплели старые корявые стволы, перекинули побеги на соседние кроны, и сад покрыла густая зеленая сеть, под которой было прохладно даже в полуденную жару. В предзакатные часы Литания любила смотреть, как сад наполняется теплым розовым сиянием, и зреющие плоды сами собой светятся в бронзовой листве. Тогда ей начинало казаться, что она снова сидит на ступеньках своего дома в Ашере и ждет, когда Джан пригонит стадо, а во дворе носится маленькая Тайра. Это время принадлежало ее первой любви, Джан был где-то рядом, и ей не хотелось отпускать его.

Когда стемнеет, придет Тобиас с лютней и бутылкой вина, она уложит спать младших детей и накроет стол на террасе. Тобиас споет им свое новое сочинение, Тайра и Ланс начнут подпевать, путая слова и распугивая хохотом цикад и лягушек, у которых был совсем другой репертуар на эту ночь. Крупные редкие звезды будут мерцать над садом, большие пушистые бабочки — биться о сетчатый колпак над свечой. Этот колпак смастерил Ланс в самые первые дни жизни в Ликейе, чтобы Тайра не визжала при виде корчащихся телят с обгоревшими крыльями. Взойдет желтая луна и, рано или поздно, разговор свернет на Брейда. Тогда Литании придется надеяться, что огонек свечи слишком слаб, и никто не заметит вспыхнувшего на ее щеках румянца, а если и заметит, то оправдает его крепким вином и слишком теплой ночью... Но ранний вечер все еще оставался временем Джана.

Агни бродила в зарослях в поисках древесной лягушки. В Белой Чайке их почему-то не было, а здесь каждый вечер они кричали «ке-ке-ке-ке» и никогда не попадались на глаза. Одну она вчера нашла, квакша ползла вверх по стене, прямо как жук, и тут же спряталась под крышей дома. Но она не пела, а Райми уже видел, как они поют. Говорил, что у них на горле огромный пузырь надувается. Девочка кралась на цыпочках, стараясь не шелестеть высокой, по самый пояс, травой: лягушка кекекала где-то совсем рядом. И вдруг Агни увидела ее, сидящую на широком листе смоковницы, раздувшуюся, как шарик. Пузырь то опадал, то вырастал, он был намного больше ее головы, розовый, с красными прожилками. И сама

лягушка тоже надувалась, становясь похожей на сваренное вкрутую яйцо с прилепившейся сверху зеленой скорлупкой. Золотые глаза со зрачками как у козы смотрели в разные стороны. Ке-ке-ке... Надо поймать и маме показать, она точно не видела такой лягушки. Агни полезла на дерево, осторожно, чтоб не спугнуть, перебралась на толстую ветку. Квакша оттолкнулась задними лапками и прыгнула в соседний куст. Теперь не найдешь, зря лезла. И тут ветка затрещала и упала на землю вместе с девочкой.

Когда Литания с Ситой подбежали к ней, Агни уже не редела и сидела на четвереньках.

— Ушиблась? — Литания помогла Агни встать и приподняла подол платица. Коленки были красными, с белыми шершавыми ссадинами, но крови — одна-единственная капелька, поэтому Литания просто прилепила на нее подорожник.

— Я хотела лягушку поймать, а ветка сломалась.

— Не надо ломать деревья, им больно, — сказала Сита.

— Им не может быть больно, они деревянные!

— А коленки у тебя костяные, но им же больно.

Агни не нашла, что ответить, и, надувшись, как та самая лягушка, похромала к крыльцу.

— Посмотрите, какое небо... как будто ангелы прилетели, — замороженно прошептала Литания.

По бледному небу разметались перистые облака, похожие на силуэты то ли птиц, то ли крылатых людей.

— Говорят, такие облака — к непогоде, — заметила Сита.

— Это, наверное, эльфы! — воскликнула Агни. Она уже забыла про коленку и улыбалась.

— У эльфов нет крыльев, а это — небесные ангелы, — поправила ее Сита.

— Есть у них крылья, я на картинке видела.

— На картинке есть, а в жизни — нет. Мне Тайра говорила.

— Тайра ни разу не видела эльфов, откуда ей знать?

— Наверное, эльфы бывают крылатые, а бывают и бескрылые, — вмешалась в начинающийся скандал Литания, — давайте песенку споем. Какую хочешь, Агни?

— Про рыцаря с лошадкой.

Эти дурацкие песенки сочинял для детей Тобиас, чтобы они быстрее учили ликейский язык, чуть не каждый день появлялась новая. Сначала он пел их Литании, она всегда очень смеялась, но некоторые, самые сомнительные, выбраковывала. Это было бесполезно — Тобиас дарил их соседским детям, на другой день их пела вся улица, и Раймон с Агни тут же заучивали очередную глупость.

Ехал рыцарь на лошадке, лала-ла, лала-ла,

Пирожок ел вкусный-сладкий, лала-ла, лала-ла,

Вдруг лошадка поскакала, лала-ла, лала-ла,

В поле зайку увидела, лала-ла, лала-ла... Почему ты поешь «волка», а не «зайку», Агни?

— Потому, что лошадки не боятся заек, они волков боятся.

— Но там же дальше поется — зайку с длинными ушами, зайку с страшными усами?

— Нет, не так! Волка с длинными когтями, лала-ла, лала-ла, волка с страшными зубами, лала-ла, лала-ла! — выкрикнула Агни. Она покраснела, злые глаза возбужденно горели, как у всех детей, когда в них вселяется мелкий бесенок по имени Свинюк.

Ну, хорошо, — Литания обняла Агни, — давай просто посмотрим на небесных ангелов.

Наверное, дочка перегрелась на солнце... Надо запретить ей бегать по улице в самую

жару. Ангелов стало больше, они прилетали со стороны моря и чередовались с силуэтами облачных чаек.

— Мама... — Сита была белая, как мел, и смотрела куда-то в пустоту, — мама, они все сегодня умрут.

— Кто умрет, Сита?

— Они все... Райми, Тайра, Ланс... Мама, позови их... Пожелай им, чтобы они вернулись живыми.

— Что ты видела? Что с ними?

— Не знаю... они просто стояли, и ветер унес их на небо... Позови их, пока они еще здесь.

— Господь Единый, сохрани их... сохрани Раймона, Тайру, Ланса.

— И еще одного, с ними еще кто-то есть.

— И того, кто рядом с ними, пусть они все вернуться домой живыми и невредимыми, — Литания знала, что у Ситы бывают видения, и боялась их.

Агни разревелась и стала кричать:

— Тайра! Райми! Ланс! Вернитесь!

— Не получается, ветер уносит их все дальше. Им нужна помощь, попроси им помощи!

— Пошли им помощников, Единый Милостивый, спаси моих детей... Сита, накорми и уложи Агнию, я пойду поищу их.

Месяц назад Сита видела Белую Чайку в кольце огня — и лодку, увозящую их в ночное море. Тогда Литания не придавала этому значения: девочка просто скучает и фантазирует, тем более что Сита рассказывала это совершенно спокойно.

Дайн с Лансом выбирали сети. Попался десяток мелких рыбешек, зато половина ячеек была забита медузами. Жалкий улов был еле заметен среди груды прозрачных лепешек, а самые большие твари ушли, разорвав сеть в нескольких местах. Дайн был злой, как собака, хотя и понимал, что сам виноват — все нормальные рыбаки давно уже сняли сети, увидав нашествие медуз. Особенно его бесило, что Тайра с Раймондом бережно освобождают запутавшиеся в бечевке полужидкие шарики и выпускают их в море.

— Чего вы с этой дрянью носитесь, из-за них сегодня ни у кого рыбы нет.

— Пускай плавают, они смешные, — весело ответила Тайра, любясь желтым цветком на спинке лежащего на ладони странного существа. Дайн злобно сплюнул.

— Слушай, Дайн, ты же хотел в открытое море выйти, — окликнул его Ланс, которому уже надоела возня с сетями.

Дайн поднял якорь и начал ставить парус, лодка заскользила назад к берегу.

Ветер встречный... Справишься, Ланс? Я тебе показывал.

Суденышко шло плавными зигзагами, Ланс, нахмурившись, вцепился в рулевое весло, стараясь хотя бы не мешать работе Дайна с парусом. Когда они поменялись местами, «Орлица» уже вышла из бухты, и летела к горизонту, над которым стояла лиловая гряда облаков, обведенная багровой каймой

— Посмотрите, как будто ангелы летят —, крикнула Тайра, и ветер отнес ее голос в сторону быстро удаляющегося берега. Со стороны заката разлетались крылатые фигуры удивительно ясной, сияющей белизны.

— Это к шторму — сообщил Раймон, которому хотелось похвастаться своими познаниями перед старшими.

— Шторм будет ночью, успеем вернуться.

— Дайн, поворачивай. Я отвечаю за них, — Ланс уже обратил внимание на резкие порывы ветра, и слово «шторм» поставило точку в его размышлениях.

— Еще немножко, так хорошо — Тайре нравился прохладный ветер и брызги воды, когда лодка зарывалась носом в волны.

— Успеем поплавать, когда погода наладится, — Ланс был непреклонен, он вспомнил, что по возрасту он старший и должен принимать решения за всех.

Дайн заложил широкий вираж, чтобы все могли полюбоваться закатом. Теперь «Орлица» оправдывала свое название, она неслась, как на крыльях, гонимая попутным ветром. Впереди уже был виден маяк на мысу и серые кубики портовых построек. Они снова вошли в колонию медуз, теперь их стало намного больше. Ветер ослабел, и Тайра с Райми любовались их блестящими шапочками, отражающими краски заката. Они переливались перламутром, качаясь на волнах, а если посмотреть с борта прямо вниз, то было видно, что в глубине их тела соединялись в сплошное светящееся облако. И вдали сиреневое море отсвечивало белесым жемчугом, как будто его подернула корочка льда. Это было удивительно красиво и немного отвратительно.

— Тайра, глянь, какой зверь плывет!

Среди медуз мелюзга царственно покачивался огромный купол с фиолетовой каймой. Он лежал на боку, похожий на огромную шляпку гриба с прозрачной ветвистой ножкой.

— Дайн, давай ее поймем!

— Она ядовитая.

— Ну хоть сачком подцепим, я хочу ее разглядеть.

— Сачок порвешь, так смотри.

Ветер опять стал свежеть, налетал резкими порывами. Дайн решил подобрать парус. Раймон вглядывался в воду, незаметно зажав в кулаке ручку сачка. Если еще раз попадется такая красота, он не будет зевать. И как будто вызвал из глубины вожаделенную добычу. Купол всплыл возле самого борта, может быть, чуть поменьше первого, но тоже роскошный. Раймон быстро завел под него сачок, пока лодка не проскочила мимо, налег на ручку.

— Тяжелая, зараза, — и с этими словами он перевалился через борт.

Дайн попытался поймать его за шиворот и выпустил из рук трос. Парус захлопал на ветру.

— Райми! — Тайра кинулась к брату и схватила цепляющуюся за край руку, — залезай, я держу тебя!

Дно ушло из-под ног, и она с головой нырнула в холодную волну. Отчаянно бултыхаясь, вырвалась из водяного плена наверх, к воздуху. Сверху, из вздыбившейся над головой лодки, на нее валились сети, мешки — все барахло, что лежало на дне, шлепалось ей на голову, опутывало руки, тянуло вниз. Рядом барахтался Раймон, чуть подальше Ланс отбивался от Шмеля, лезущего к нему на спину. Увидев застрявшую в сети Тайру, он подтащил ее к лодке, как пойманную рыбу.

— Встань, у тебя борт под ногами.

Она нащупала опору и вцепилась в лежащую на поверхности мачту. Если выпрямиться, воды было по пояс, иногда высокая волна захлестывала лицо. Сначала ей казалось, что нависшая над головой лодка опрокинется вверх дном и утопит их всех. Но «Орлица», хоть и плясала на волнах, устойчиво лежала на боку: ее держал на плаву распластавшийся по воде

парус.

Ланс бережно высвобождал Тайру из сети. Когда лодку качало, их прижимало друг к другу, и у Тайры перехватывало дыхание. Она пыталась помочь, чтобы быстрее освободиться из плена веревок и смущающих ее объятий, и запутывалась еще сильнее.

— Стой смирно, — Ланс улыбался, скрывая собственную неуверенность. Ему доводилось обнимать девушек, но они не были дочками императрицы.

— Ух ты, какую рыбину поймал. Целую русалку, — это Райми пристроился рядом у мачты. Рожица у него была вполне довольная.

— Больше в море с нами не пойдешь.

— Нуу, Ла-анс — Раймон поднял брови жалостным домиком, — теперь я буду всех вас слушаться. И тебя, и Дайна, и даже ее.

— Конечно, будешь — сидя дома. С этого дня за ворота — ни на шаг, — медуза забралась Тайре под юбку, и ей хотелось кого-нибудь убить.

— Зря ты ее спасаешь. Русалки, они коварные. Ты ее выпутаешь, а она тебя утопит.

— Тебя я точно утоплю, прямо сейчас.

Ланс снял с тайриной головы последний виток сети, и их снова швырнуло друг к другу. Мокрая рубашка, которую он никогда не снимал, даже купаясь в море, сползла с плеча, и Тайра ткнулась щекой в шрам под ключицей — розовые, не так давно зажившие рытвины.

— Что это?

— Твой пес порвал, ну, тогда... Прости.

Оскаленная морда Хмурого с мертвыми глазами. Копье в спине отца. Тайра отвернулась, даже не поблагодарив за помощь.

Медузы были везде, море превратилось в живой склизкий кисель.

Шмель устроился лучше всех — забрался в приподнятый над водой нос лодки и сидел там, как в будке, упираясь лапами и фыркая, когда его окатывало брызгами.

— З-зараза, — Раймон скривился от боли, — обстрекала, тварь!

Он был в одних штанах, и ожог пришелся по голой спине. Тайра хотела съехидничать, что именно эту тварь он и ловил сачком, теперь может вволю с ней целоваться, но промолчала — было видно, что мальчишке и вправду больно.

С верхнего борта свесился Дайн.

— Нас несет к берегу. Ланс, давай ко мне — попробуем перевернуть лодку. А вы снизу толкайте.

Тайра что есть уперлась в днище, сверху Ланс и Дайн — четыре кулака с вздувшимися венами — раскачивали суденышко.

— Тайра, Раймон! А ну — на счет три! Раз, два, три! Раз, два, три!

Тайра всей тяжестью наваливалась на лодку, она качалась на волнах, вроде бы легко поддавалась усилиям. Пару раз мачта оторвалась от поверхности, но намокший парус тянул ее назад. Райми даже не пытался помочь, висел на мачте и корчился от боли. Хватал ртом то воздух, то воду. Тайра обняла его одной рукой, чтоб не смыло.

— Ланс, смотри — маяк! Нас сейчас о рифы разобьет. Снимай весло и прыгай. Плывите к берегу вдоль мыса, там дальше скал нет.

— А ты как же?

— Попробую спасти «Орлицу». Без вас она легче станет, может, выгребу на отмель.

Темная башня с огнем наверху вставала между гребнями волн, все ближе и ближе. Перед ней даже при легком волнении всегда кипели белые буруны.

Ланс подплыл к Тайре, держась за середину весла. Оно раскачивалось не в лад с мачтой, Раймон пару раз попытался схватить его, потерял равновесие, ушел под воду. Ланс выдернул его за волосы и просунул рукоять подмышками обмякшего, уже плохо соображающего мальчишки.

— Теперь ты.

Тайра нырнула под мачту, кое-как добралась до носа лодки, где дрожал насквозь промокший, какой-то тощий и жалкий Шмель, стащила его за ошейник в воду. Пес рвался обратно в лодку, к счастью, Ланс догадался подплыть поближе, и она ухватилась за весло рядом с Раймондом. Шмель вырвался, на секунду его накрыло волной, и тут же оскаленная морда с вытаращенными глазами полезла между ее плечом и спиной брата. Тайра завизжала и обеими руками вцепилась в ошейник — еще чуть-чуть, и пес сбросил бы Раймонда в море.

— Тайра, держись за весло! — крикнул Ланс.

— Нет, мы сами доплывем!

— С ума сошла? Держись!

Тайра развернула обезумевшего пса в сторону причалов, и он поплыл в нужном направлении, таща хозяйку на буксире.

— Ланс, Райми не потеряй!

Еще пару раз она увидела их головы на гребнях волн, потом ее отнесло в сторону. Кажется, Ланс что-то кричал, но у нее в ушах шипела вода.

Шмель уверенно держался одного направления. Тайра тоже вспомнила, что умеет плавать, заработала ногами, подгребала свободной рукой, стараясь держать лицо повыше — отвратительные скользкие касания медуз пугали ее больше, чем опасность утонуть.

Иногда она видела маяк — яркий свет мелькал впереди, чуть справа, потом ушел назад. Берег должен быть близко, но он все не показывался, только бесконечные ряды волн, крутые подъемы и головокружительные провалы, подъемы и провалы. На небо напознала сизая мгла, в ней вспыхивали беззвучные зарницы, Тайра перестала различать, где сполохи, где свет маяка. И всюду эта мерзость — живой студень заплывал под юбку, заставляя отчаянно барахтаться, шмякался прямо в лицо.

Она почти теряла сознание, перед глазами пульсировало темное пятно, то становилось прозрачным, то снова заволакивало. Чистая синяя волна раз за разом появлялась чуть впереди, Тайра все пыталась догнать ее, чтобы избавиться от медуз. Чья-то голова показалась над волной. Дайн? Нет, слишком длинные волосы, и они зеленые. Русалка? Кажется, да. Но это была совсем другая русалка, злая и дикая, она все время смеялась.

— Есть желанья?

— Да, — Тайра хлебнула воды и с омерзением выплюнула мелкую медузу, — убери медуз!

— Первое! — русалка расхохоталась, — еще будут?

— Чтобы мы все выбрались из моря живыми!

— Тогда пожелай, чтобы Хогга отпустила вас.

— Пусть Хогга отпустит нас, — Тайра заглянула в безумные лиловые глаза русалки и, задыхаясь, повторила, — чтобы мы все — все, кто был в лодке — Раймон, Ланс, Дайн, я и Шмель — выбрались на берег живыми.

— Зачем тебе Дайн? Он вам чужой. Он мне понравился, буду с ним играть!

— Все, кто был в лодке!

Синяя волна накрыла Тайру с головой и осталась позади.

Шмель больше не мог плыть, еле дышал, глотал воду. Тайра перехватила его ошейник, так, чтобы морда лежала на кулаке, теперь уже ей приходилось тащить собаку. Руку сразу же свело судорогой. Тонуть, так вместе — все равно не выбраться. Насколько ее хватит? Ненадолго, если видения пошли. Волны стали выше и спокойнее, реже перехлестывали через голову. На почерневшем небе сверкали молнии.

Литания выбежала во двор, Балтазар, только что вернувшийся с моря, отмывался у бочки с водой.

— Вы не видели Тайру с Раймондом?

— Видел, они на пристани. Случилось что-то?

Какой-то вид у женщины испуганный, он ее такую встрепанную ни разу не видел.

— Я не знаю, у Ситы предчувствие плохое было.

Балтазар, как все люди, полагающиеся на милость моря, верил в предчувствия, особенно — дурные, они частенько сбывались. К тому же ребята болтались на причале вместе с Дайном, шальным и безответственным парнем. Его отец утонул прошлой осенью, теперь Дайн, как старший, кормил всю семью — у Виарны, матери его, семь детей было. Хорошо, кстати, кормил — удачливый рыбак, но совсем безмозглый. Выходил в море чуть ли не в шторм, просто для развлечения, как будто издевался над смертью. Поэтому Балтазар натянул рубаху и сказал с ленцой:

— Так что, сходим, посмотрим?

На причале было много народу, рыбаки вытаскивали сети, кто с уловом, кто с медузами. Почти все уже вернулись, последние два суденышка заворачивали в бухту — море разгулялось.

— Никто ее ребят не видел? — крикнул Балтазар, махнув рукой в сторону Литании.

— Да с Дайном они, у мыса только что плыли, — отозвался какой-то рыбак, — а что-то паруса его больше не видно...

— Парни, моя команда по домам разошлась, кто со мной пойдет?

— Шторм начинается, куда ты пойдешь? — потом люди глянули на Литанию и отвернулись.

Вызвались только двое, бессемейный старик и мальчишка, чей отец, к счастью, уже ушел с причала. Литанию Балтазар не пустил на борт, рявкнул: «только бабы мне не хватало», и она побежала на мыс, где в последний раз видели ее детей. Шхуна Балтазара шла страшно медленно, рывками и зигзагами, но все-таки быстрее, чем Литания. Когда она добралась до самого конца мола, к башне маяка, судно рыскало далеко в стороне, то останавливалось, то поворачивало ближе к берегу. Парус клонился к гребням волн, резко выпрямлялся, полоскался на ветру. Они тоже утонут — думала Литания, но ее губы сами по себе шептали:

— Тайра, Райми, Ланс, вернитесь, прошу вас.

Что-то мелькнуло в воде, и Литания сбежала вниз, на узкую полоску песка, где шипела пена разбивающихся о берег волн. На вершине гребня показалась рука, тело выкинуло на песок, снова потащило в море. Литания бросилась в воду и вцепилась в волосы тонувшего. Их обоих чуть не смыло, но человек упорно карабкался на берег и придержал скользкую Литанию. Когда следующая высокая волна обрушилась на мол, они уже стояли у маяка. Это был совершенно незнакомый парень.

— Где остальные, — спросила Литания, не надеясь ни на что. Парень кивнул в сторону

моря и упал на колени. Его начало рвать.

Корабль Балтазара повернул к пристани, и Литания помчалась назад, забыв про парня. Хлестанул ливень, камни вмиг стали скользкими, она все время падала, почти не замечая этого. Возле бьющейся о причал шхуны собралась толпа, через борт передавали чьи-то тела. Когда Литания наконец добежала, вытаскивали последнее, собачье.

— Кто? — крикнула она.

— Твои все тут, Дайна вот не нашли.

— Умерли?

— Да все они живы, мальчонка только плох.

Литания растолкала людей и увидела, что ее не обманули. Ланс даже привстал на локте, у остальных не было сил шевелиться.

— Мам, Шмеля откачай, — попросила Тайра синими губами.

Откачивать Шмеля взялся кто-то другой, Литания кинулась к Райми. Он был без сознания, опухший, весь в волдырях. Рыбаки поливали его водой и обтирали тряпками ядовитую слизь.

— Жгучка его обстрекала. Несите домой, пару дней проваляется. Ничего, зато живой, а вот Дайн, видать, утонул. Жаль — хороший парень был.

Литания что-то вспомнила и обернулась к молу. По тропинке вдоль берега к ним брел, пошатываясь, человек. Все стояли и молча ждали его, а когда он приблизился, Балтазар со всей силы залепил ему кулаком по морде.

Ланс проснулся за полдень, Тобиаса, конечно, не было. Они вдвоем занимали сарай на задворках, бывший курятник, ныне чисто выбеленный снаружи и изнутри. Ланс пробрался через сад, осторожно выглянул сквозь ветки. Тобиас сидел на нижней ступеньке крыльца и что-то чертил на песке, Сита и Агни заморожено следили за движениями его палочки. Сейчас привяжутся с расспросами, надо будет рассказывать о вчерашних приключениях. Ланс нырнул обратно в заросли, перепрыгнул через невысокую ограду и был таков

Он долго бродил по городу, надеясь выгнать из ноющего тела слабость и тупую боль, и сам не понял, как очутился в гавани. От нечего делать забрался на развалины городской стены, так густо заросшие плющом, что напоминали гряды зеленых холмов, по которым шныряли проворные рыжие козы. Сверху был виден весь порт, ряды причалов и волнорезов, а дальше — огромное сверкающее море. Волнение улеглось, по заливу неторопливо ползали лоскутки грязно-серых рыбацких парусов. Слева гавань окаймлял зубчатый хребет Драконьих Гор, длинная цепь острых скал уходила далеко в море. Самая последняя скала напоминала морду припавшего к воде зверя, она так и называлась — Драконья Пасть. Мол с маяком был гораздо ближе, но казался совсем крошечным на фоне горной цепи. В самом конце мыса, прямо у подножия башни, Ланс разглядел торчащие из воды обломки, скорей всего — останки «Орлицы».

Он чуть было не погубил Тайру и Раймонда. Когда он орал и орал: «вернись!» а волны все дальше относили две головы, девичью и собачью, он был уверен, что видит Тайру в последний раз. Она все сделала правильно — Ланс знал, что не смог бы спасти троих. Вчера его вытащили еле живого, вцепившегося мертвой хваткой в мальчика и весло, и уже без сознания. Он оказался безответственным идиотом. Больше всего Лансу хотелось уйти из города и никогда не попадаться им всем на глаза. Но он не мог бросить их в чужой стране, и дал себе слово защищать Литанию с детьми до последней капли крови, пока их пути не разойдутся.

Из-за Драконьей Пасти показался корабль под красным квадратным парусом. Потом еще один, двухмачтовый. На таком расстоянии они выглядели игрушечными, но это были очень большие корабли, какие сроду не приставали в захолустном порту. Ланс прищурился. Первый — триера с высокой позолоченной надстройкой, на парусе нарисовано что-то желтое, второй — военный. Если там желтый дракон, то это императорский флагман. А кораблей уже три, нет, четыре, вот и пятый. Драконья Пасть как будто выплевывала в гавань бесконечную вражескую флотилию. Янгис решил напасть на Ликейю?

Сначала казалось, что вереница кораблей так и пройдет по горизонту, как страшное видение. но триера медленно развернулась и заскользила к причалам, за ней стали выстраиваться в шеренгу другие суда. Рыбацкие лодки, как будто подхваченные порывом ветра, понеслись к берегу.

Тревожные крики разбудили дряхлого стражника, дремавшего у портовых ворот. Он вгляделся в море подслеповатыми глазами и бегом заковылял к арке с колоколом. Над берегом понесся мерный звон: «Враг в гавани, все на стену!»

Этот порт не выдержит и пяти минут осады. Ланс спрыгнул на землю и побежал к дому, по пути едва не попав под копыта скачущих к берегу всадников

Все семейство сидело за столом. Даже Райми, хотя красные волдыри почему-то рассыпались у него по всему лицу.

— Где тебя носило, суп уже почти остыл! — возмутился Тобиас при виде запыхавшегося Ланса.

— Ракайский флот вошел в порт, они готовятся к высадке. Нам надо бежать из города.

— Куда бежать, Ланс? — тихо спросила Литания, — если начнется война, то она будет идти по всей Ликейе. И в Феруате тоже ракайцы, мы ведь недалеко от Мозира.

— Скорей всего, как раз Мозир и нужен Янгису, — Тобиас, прищурившись, разглядывал свою ложку, — ну а тогда никакой войны не будет. Здешний мэр не такой дурак, чтоб рисковать городом ради Феруата. Он пропустит ракайцев с миром и как-нибудь выкрутится перед королем.

— Когда солдаты войдут в город, они начнут вламываться в дома. Им нужна еда, нужен ночлег. Если ты прав, и Янгис ведет войска на Мозир через наш Дафнос, то любая рыбацкая деревушка будет безопасней.

— Нет, Ланс. Мы просто спрячемся где-нибудь, ну хотя бы в сарае. Я обещала Брейду, что мы будем ждать его в этом доме.

— Но, госпожа, мы его уже месяц ждем, — в отчаянии крикнул Ланс, — а солдаты могут прийти уже сегодня!

— Да пусть их приходят, в дом они все равно не войдут, — во весь рот улыбнулся неведомо чему обрадовавшийся Тобиас, — а ну-ка помогай, Ланс, время у нас пока еще есть, и вы, девочки, тоже.

Город не был готов к сопротивлению, хотя на стене и появился десяток стрелков, а в воротах — несколько стражников с алебардами. На пристань, перед которой встали на якорь три боевых корабля, прибыли начальник порта и командир городской стражи и сообщили, что вопрос о высадке иностранной армии может решить только мэр. Поскакали за мэром. Разумеется, мэра не удалось обнаружить — он неожиданно покинул город. Через некоторое время на причале появились два члена городского совета, бледные, как смерть. Их доставили на борт триеры, где они предстали перед Янгисом и, запинаясь, объяснили, что в отсутствие мэра разрешение на высадку может дать городской совет в полном составе. Янгис заявил, что если они будут тянуть время, то он обойдется без их согласия. Они умоляли его подождать совсем немного — совет уже собрался, и, вне всякого сомнения, примет благоприятное решение.

Янгиса раздражало промедление, но он понимал, что совет оказался между двух огней: они равно боялись ракайцев и ответственности перед королем за сдачу города. Война с морской державой не входила в планы императора. Он приказал еще трем кораблям подойти к причалу, чтобы советники побыстрее определились.

На площади перед ратушей собралась толпа рыбаков и ремесленников. Они требовали раздать людям оружие.

— Их там около тысячи, если гребцов не считать. Нас вдвое больше, мы отобьемся! Где мэр?!

На балкон вышел один из членов совета, дождался тишины и провозгласил:

— Успокойтесь, идут переговоры! Городу ничего не угрожает, расходитесь по домам!

Тем временем из городских ворот выезжали тяжело нагруженные возы с имуществом зажиточных горожан. Люди победнее везли добро на телегах, гнали скот, вели в поводу

осликов с огромными тюками. Те, кто не мог или не хотел покинуть город, рыли ямы в подвалах и садах, пряча туда все, что считали ценным — монеты, зерно, вино и масло, рабочие инструменты.

Темнело, а высадка все не начиналась.

Во дворе никого не было, только надрывалась привязанная где-то в саду собака. Солдат постучал кулаком в стену и откинул рваное одеяло, заменявшее дверь.

— Входите, благородный господин, входите! — на пороге стоял согбенный старец с воняющим ворванью светильником в руке, — вы уж не обессудьте, беда тут у нас, внучка второй день разродиться не может.

Старик отступил на шаг, и стало видно, что на кровати среди груды тряпья лежит растрепанная девица с выпирающим из-под рванины огромным животом. Замотанная в кокон черных потрепанных одежд женщина — видно, вдова — сидела у изголовья и держала дочку за руку. На той же кровати спали еще какие-то дети. Роженица выгнулась и застонала слабым измученным голосом.

— Сделайте милость, добрый господин, приведите повитуху, она тут по соседству живет. Не хочет она к нам идти, заразы боится, а вы человек военный, вас-то она послушается. Не беспокойтесь, господин солдат, у нас не чума, ребята просто приболели малость, — старик посветил в угол, где на куче пыльной соломы спали двое парней. Старший лежал ничком, не подавая признаков жизни, а младший приподнялся на локте, его лицо было усыпано багровыми нарывами, и снова упал на солому.

— Туда нельзя, ваша светлость, там чума! — крикнул солдат, вылетая за дверь.

Брейд отшвырнул солдата и ворвался в комнату.

— Кто вы? Где Балтазар? — он ошарашено оглянулся по сторонам, потом узнал Тобиаса, — Тобиас, что, у Райми чума?

— Брейд! Да нет, не пугайтесь, это медуза его обстрекала, — Тобиас отбросил палку и с наслаждением распрямился, — мы тут ракайцев ждем, вот и постарались создать гостеприимную обстановку.

Брейд еще раз оглянулся по сторонам, увидел улыбающуюся Литанию и расхохотался.

— Великолепный спектакль! Ну а автор, без сомнения, Тобиас.

— Я так и знала, что сегодня увижу вас! — воскликнула счастливая Литания, — все они советовали бежать, но я чувствовала, что вы приедете за нами. Господа, не могли бы вы ненадолго нас покинуть, нам надо привести себя в порядок.

На двор выгнали всех мужчин, даже Райми. Брейд отправил солдат охранять ворота. На случай, если появятся ракайцы, он велел говорить, что дом уже занят, здесь расквартирован отряд графа Атерли.

— Тобиас, а где Балтазар?

— За садом, мы его в курятнике спрятали.

— Проводите.

Как только они остались вдвоем, Брейд потянул менестреля в глубину сада и тихо спросил:

— Тобиас, вы согласитесь еще раз помочь Лаэрте? То есть, госпоже Литании, никак не привыкну. Нужно отвезти ее детей в столицу. У меня есть предварительная договоренность с королем Ксантом, он примет их как гостей или как заложников, в зависимости от обстоятельств.

— А Литанию он не готов принять?

— Она не будет там в безопасности. Дети не понадобятся Янгису, пока идет война. И вообще вряд ли понадобятся — Вивиан беременна. А от Лаэрты ему надо избавиться как можно скорее, чтобы сыграть свадьбу до родов и признать ребенка законным. Я увезу ее в Салем.

— Понятно. А почему вы не хотите взять с собой все семейство?

— Я не уверен, что мне удастся даже выйти из гавани. Если и выйдем, за нами могут отправить погоню. Мой корабль хорошо оснащен, но на нем мало гребцов. Если нам повезет уйти, мы высадимся в Кадаре, где полно шпионов Янгиса, и должны будем проехать незамеченными через всю страну. Они станут искать — уже ищут — женщину с тремя детьми, а не двух женщин. Продолжать?

— В Салем можно попасть и через Феруат, это намного ближе.

— Тобиас, Ракайя воюет с Феруатом, а я — один из военачальников Янгиса и сопровождаю императрицу. Как вы полагаете, что будет, когда нас возьмут в плен?

— М-да... Вы станете предметом серьезного торга. В лучшем случае, просидите в тюрьме до конца войны, поскольку Янгису вы нужны только мертвыми. Хорошо, уговорили, пойду в заложники, Меня только одно смущает — вы уверены, что Литания согласится расстаться с детьми?

— Постараюсь ее убедить, — Брейд некстати вспомнил Лаэрту на башне Белой Чайки собирающуюся сдать на милость Виндома, — очень постараюсь. Ну а если не удастся — она поднимется на мой корабль не убежденная, с кляпом во рту и аккуратно завернутая в ковер.

Разговор с Балтазаром оказался намного проще. Когда тот услышал, что Брейд арестовал капитана «Кентавра» с помощниками и предлагает Балтазару взять на себя командование кораблем, он покраснел, возможно — впервые с самого детства, если не считать румянца от доброй выпивки.

— Даже не знаю, справлюсь ли — такой корабль... Думаете, у меня получится?

Все прочие его вопросы носили чисто технический характер.

Примчался Раймонд, объявил, что дамы уже прихорошились и готовы принять гостей.

Брейд подумал бы, что ошибся домом, если бы не рваное одеяло, до сих пор украшавшее вход. Ни тряпья, ни соломы, ярко горят толстые восковые свечи, красиво причесанная Литания в нарядном платье и столь же празднично одетые дочери накрывают ужин. Скатерть с вышивкой... При виде их сияющих улыбок у Брейда сжалось сердце. Ночь не будет тянуться вечно, пора бы поторопиться, но он сел за стол, чтобы хоть чуть-чуть продлить радость этой семьи.

Литания поднялась первой.

— Ну что ж, нам, наверное, пора собираться?

— Да, госпожа. Но дело в том...

Брейд подробно объяснял ей особенности положения, приводил неопровержимые доводы, а в заключение сообщил, что экипаж, который увезет Тобиаса и детей в Омейну, уже нанят и ждет за углом. Лицо Литании окаменело.

— Нет. Я не отпущу детей. Они не будут жить в плену и неведомо сколько ждать, когда вы приедете за ними. Мы поплывем все вместе — если бы путешествие было настолько опасным, как вы рассказываете, вы бы не взяли с собой меня и Тайру.

— Я не могу ручаться за то, что мы останемся живы. Неужели вы хотите рисковать еще

и детьми?

— Я поеду с тобой, мама, — сказал Раймонд.

— Или вы забираете нас всех, или оставьте нас и уходите. Мы сами выберемся из Дафноса.

— Я повинуюсь вашему приказу, госпожа. Собирайте вещи, нам нужно отправляться немедленно, — Брейд поклонился, в его глазах было отчаянье. Он был готов увезти Литанию силой, а если придется, то и Тайру тоже, его солдаты были предупреждены о вероятности такого развития событий. Пусть себе ненавидят, так даже лучше — не станут плакать потом, когда... Но он не учел детей. Солдаты будут связывать Литанию, а дети — драться и кричать: «не трогайте маму»?! А у Тайры еще и меч есть...

— Мама, там лес, — сказала Сита, протягивая руку к черному квадрату окна, — не веди нас туда, не надо!

— Там нет леса, доченька, — Литания осторожно коснулась ее плеча.

За этим окном не росло ни единого дерева, там был двор, ограда, другие дома. Неужели опять началось?

— Мы в лесу, за нами идет человек с сердцем змеи, мы не можем убежать от него!

— Ты говоришь о Янгисе? — спросила Литания. Ей было жутко. Все, кто был в комнате, как-то незаметно отошли подальше, Литания с дочерью остались в центре пустого круга. Исходившая от девочки сила шевелила волосы на голове.

— Нет, это не отец, у отца нет сердца змеи, у него нет сердца... Отец тоже там, но он идет вторым. Мама, этот человек видит нас, ему нужна наша жизнь... Первой умрет Агни.

— Сита, не надо, прекрати! А если мы не возьмем вас с собой? Этот человек будет идти за нами?

Девочка помолчала, потом зачастила скороговоркой:

— Вы идете по лесу, человек тоже идет, не может догнать, вы идете быстрее...

— Если я отпущу вас — в Омейне вам ничего не будет угрожать?

— В Омейне... в Омейне... в Омейне, — монотонно повторяла Сита, глаза ее были огромны и пусты.

— Сита, вас можно оставить в Ликейе? — Литания повернула к себе белое, твердое на ощупь лицо дочери.

— Что? — спросила девочка, — прости меня, я не расслышала. Ой, как голова болит.

— Ты что-нибудь помнишь?

— О чем? Мама, мне очень холодно, и ужасно болит голова.

— Она ничего не помнит. Дайте ей горячей воды и укройте чем-нибудь, — сказал Брейд.

— Вы когда-то уже видели такое? — Литанию и саму трясла дрожь.

— Да. Сита — сивилла. Сейчас ей очень плохо.

Его жена Миранда была сивиллой. Сивиллой и шлюхой. Проклятая кровь Тамианы.

— Собирайтесь, вы поедете с Тобиасом в Омейну, — сказала Литания, — я верю Сите, вчера она спасла нас.

Шлюпка стояла за молотом, невидимая в его тени. Солдаты столкнули ее в воду и сели на весла, стараясь держаться под прикрытием косы. Гребли они неумело, не сразу понимали тихие команды Балтазара, знавшего бухту, как свои пять пальцев, дважды наткнулись на скрытые под водой камни. К счастью, море было спокойным, они не пропоролы днище и не

перевернулись.

Литания сгорбилась, почти уткнулась лицом в колени, и беззвучно плакала. Лица ее детей, тихая кротость Ситы, бесшабашные выходки Раймонда, смешные глупости Агни с каждым взмахом весел все глубже проваливались в бездну прошлого. Она бросилась бы в воду и поплыла назад, если бы умела плавать.

«Кентавр» стоял самым последним в флотилии. Литания вслед за Тайрой забралась на борт по веревочному трапу. На палубе было темно, в слабом звездном свете она не сразу разобрала, что окружающие ее тени — это сидящие на корточках воины.

— Пойдемте, госпожа, — Брейд взял ее за руку и провел по узенькой лестнице в крошечную каюту, где горела единственная свеча.

— Здесь вы с Тайрой будете жить, ваши вещи и ужин сейчас принесут. Не выходите на палубу, пока я не разрешу. Никто не должен знать, что у меня гости.

Щелкнул замок.

— Никогда не думала, что на корабле такая теснотища, — проворчала Тайра, забираясь на верхнюю койку, — и духотища, и даже выйти подышать нельзя.

Корабль неслышно заскользил к выходу из гавани. Паруса не поднимали. Все надсмотрщики спустились в трюм. Не звучал барабанный бой, задающий ритм гребле. Один из надсмотрщиков стоял на возвышении и дирижировал движениями весел, медленно взмахивая фонарем. За каждый громкий всплеск следовал удар плетью.

Брейд передал подзорную трубу Лансу — пусть развлекается. Даже если кто-нибудь заметит бегство «Кентавра» — пока сообщат Янгису, получают приказ, поднимут якоря, его корабль будет вне досягаемости.

На дальнем конце бухты началось непонятное движение. Сигнальные огни на мачтах стронулись с мест, похоже, флотилия перестраивалась.

— Брейд, смотрите! — Ланс протянул ему трубу, — да нет, не туда, дальше.

В первый миг Брейду показалось, что корабли уходят из гавани, их силуэты выглядели слишком маленькими, как будто удаляющимися. Потом он увидел, сколько их, и понял — к Дафносу подходит эскадра боевых кораблей.

— Это ликейцы. Не ожидал, что Ксант успеет...

— Твоя работа, Брейд? — спросил Видий.

Брейд промолчал. Сейчас он почти жалел, что рядом с ним стоит его лучший друг. И Лансу тоже не следовало бы видеть пиршество смерти, которую он, ракайский герцог, призвал на армию своей империи.

Дальние тревожные крики перекинулись на ближайшие суда. Где-то рубили мачты, готовясь к бою, а кто-то ставил паруса. Противники сблизились. В темном круге окуляра показался ликейский корабль, он двигался навстречу огромной двухъярусной галере. Сначала казалось, что он идет на таран — но нет, корабли разминулись. Прогремел взрыв, с борта ликейца взметнулись три ослепительные струйки пламени и упали на галеру. Несколько пылающих точек — заживо горящих воинов — посыпались за борт. Огонь вроде бы погас, вспыхнул с новой силой, охватил всю палубу.

Брейд опустил подзорную трубу. Над гаванью летели крики, треск протараненных корпусов, грохот взрывов. Еще два корабля загорелись неподалеку, они, как гигантские факелы, освещали сцену битвы.

— За нами погоня! — Ланс потряс его за локоть и Брейд с трудом оторвал взгляд от завораживающе жуткого зрелища.

К ним приближалась когга под развернутым парусом, за нею следовала галера, чуть позади шла еще одна когга.

— Думаю, им не до нас, — ответил Брейд, но на всякий случай скомандовал:

— Приготовиться к бою!

Несколько томительных минут ожидания, и стало ясно, что корабли не пытаются преследовать «Кентавра», они всего лишь идут параллельным курсом, направляясь к Голове Дракона. С кормы донесся крик Балтазара, стоявшего за рулем:

— Поднять паруса!

— Я восхищаюсь тобой, Брейд! — сияя от восторга, Видий хлопнул друга по плечу, — только я начинаю думать, что тебе на все наплевать, а ты одним щелчком пальцев одерживаешь блестящую победу. Быть тебе императором!

— Ты хоть когда-нибудь способен заткнуться?

Видий, продолжая ухмыляться, деликатно отошел в сторону. Брейд заслужил право в одиночку насладиться плодами своего торжества.

Скалы заслонили гавань, над их черными зубцами светилось тусклое рыжее зарево. Четыре корабля, вырвавшиеся из огненного ада, шли в сторону Гилатиана.

Этой ночью будут убиты тысячи. Возможно, высадка уже началась, тогда у солдат, успевших сойти на берег, останется шанс на жизнь. Некоторым кораблям удастся вырваться из ловушки. Кто-то сумеет добраться до берега вплавь. В лучшем случае, погибнут всего несколько сотен. Профессиональные воины, пьянеющие от запаха крови, прикованные к веслам каторжники, простые моряки, которых силой заставили перевозить армию Янгиса — Брейд обрек на смерть всех этих людей.

А еще этой ночью кончится война с Феруатом. По крайней мере, до будущего лета: Янгис, если и выживет в битве, больше не сунется в море. Чума вряд ли уйдет до конца осени, а зимой перевал непроходим. Три тысячи ракайцев, осаждающих Мозир, не устоят перед войсками герцога Феруатского. Скорей всего, даже не станут сражаться: при приближении армии снимут осаду и начнут прорываться к морю, благо ликейская граница совсем рядом. И будут платить золотом за любую углую лодчонку, лишь бы вернуться в Ракаю. На следующий год Янгис вряд ли поднимет в бой своих вассалов — они устали от поражений.

Брейд вспомнил старое поверье, и нашел на небосклоне созвездие Весов: крупная звезда сверху, под ней четыре маленьких в ряд. Мысленно повесил на концы коромысла две чаши, на одну положил горящие корабли, на вторую — мир с Феруатом. Если Небеса захотят дать ответ, то он увидит, как звезды качнутся. Он ждал долго, до рези в глазах. Небеса молчали, а может быть, ни одна из чаш не перевешивала другую.

Глава 20. Весло и парус

I

Свежий северный ветер дул уже четвертый день, и это приводило Янгиса в бешенство. Сотня гребцов «Золотого Дракона» работала на износ, но время от времени им требовался отдых: двое рабов уже умерли, не выдержав напряжения. Приходилось сажать на весла воинов, и ход галеры сразу же замедлялся — неопытные в гребле солдаты не выдерживали сравнения с тренированными каторжниками. А проклятый «Кентавр», купеческое двухмачтовое судно с косыми парусами, легко лавировал и исчез из виду в первое же утро. Еще неизвестно, те паруса на горизонте принадлежали «Кентавру», или это был другой корабль.

Если император собирался присутствовать на Празднике Провозвестия, следовало прекратить погоню и немедленно повернуть назад. Но он не мог возвратиться в Гилатиан с пустыми руками: в столице давно уже зрело недовольство, после гибели флота оно могло перерасти в открытый бунт. Лучше пропустить праздник, зато привезти в цепях Брейда и мятежную императрицу. возложить на них вину за поражение и казнить на главной площади. Это должно утихомирить народ.

— Ты можешь гарантировать, что Лаэрта находится на «Кентавре, — спросил Янгис в бессчетный раз.

— Да, сир, безусловно. Так говорит Она. И это подтверждают матросы, видевшие, как к кораблю герцога Атерли пришвартовалась лодка и на борт поднялись две женщины.

Третий говорил сдержанно и отрешенно, как подобает Чистейшему, но его наружность противоречила внешнему спокойствию. В последнее время жрец страшно исхудал, глаза горели лихорадочным огнем на истончившемся, будто опаленном страстью лице. Иногда он казался безумным.

— Почему я должен верить Хогге после гибели моего флота?

— Разве это Она рекомендовала плыть в Ликейю, сир? Она обещала помощь после принесения жертвы, и это условие не было выполнено.

— Для начала я хотел бы убедиться, способна ли она выполнить свои обещания. Я поинтересовался у Чистейших — Хогга не упоминается ни в одной из священных книг. Никто не может объяснить, кто она такая — сам ли Единый, или отдельное божество. А может быть, она всего лишь иллюзия, созданная вражескими колдунами?

— Вы же присутствовали на Служении, сир. Как можно сомневаться, хотя бы однажды ощутив этот поток всепоглощающей силы? Она — глас Единого, лучшее из Его творений. Когда я впервые услышал Ее голос, нежный, как флейта и мощный, как рев урагана, я познал истину. Единому ничего не нужно от людей, кроме благочестия, проявите его, и обретете великую награду — власть, и славу, и бессчетные победы.

Император задумчиво кивнул. Ему тоже приходилось слышать Хоггу, и этот опыт оставил сильное впечатление. Правда, тот голос не походил на звуки флейты — скорее уж, на рык льва или дракона. В нем действительно была мощь, и если это божество, чем бы оно не являлось, поделится своей силой в обмен на какую-то овцу... И все-таки непонятно...

— Жрецы и так ежедневно возносят молитвы о процветании империи. Что изменит эта овца?

— Она всего лишь знак согласия с Высшей Волей, первый шаг к обретению великой власти. Нельзя что-то получить, ничего не отдавая взамен, и древние цари понимали этот закон намного лучше нас. Во времена мира они возлагали на алтарь животных, перед серьезными сражениями — людей, а в годину бедствий могли отдать на заклятие собственного ребенка. Чем выше цена жертвы — тем значительнее награда.

— Первый шаг? Ты хочешь сказать, что потребуется и второй?

— Нет, сир, овцы вполне достаточно, если вы желаете только победы над Феруатом. Но если вы хотите большего, если ваши замыслы простираются до пределов вселенной — цена окажется выше.

— Иными словами, ты предлагаешь принести человеческую жертву? Это полное безумие. Надеюсь, ты обсудил свой план с Совершенным?

— Ваше величество, у меня не может быть собственных планов, я всего лишь слуга Единого. Решение зависит только от вас. Совершенный — глава церкви, первый из жрецов.

Но разве не вам Единый вверил всю полноту власти над Ракайей и ее народом? На вас, и только на вас лежит ответственность за судьбу империи, и даже Совершенный обязан склониться перед вашей волей.

На это невозможно было возразить, Третий абсолютно точно выразил очевидную истину — воля императора выше воли церкви. К сожалению, данный момент был не самым подходящим для противостояния Чистейшим: сейчас Янгису была нужна их поддержка.

— Сир, я хотел бы добавить — нет никакой необходимости заранее ставить в известность Чистейших о ваших намерениях. Для совершения обряда годится любой алтарь, не обязательно в Гилатиане. Вы можете даже не присутствовать при жертвоприношении, достаточно вашего согласия.

Это все меняло. Пускай в каком-нибудь захолустье Третий на свой страх и риск принесет человеческую жертву. Если он прав, и обряд даст обещанные плоды — Третий будет вознагражден по заслугам. Если же нет — никто и никогда не узнает об этом разговоре.

— Хорошо, я согласен. Поручаю тебе исполнить пожелание Хогги.

— Да пребудет на вас ее сила и защита, — Третий медленно и значительно осенил императора святым кругом, — Сир, могу ли я отправить письмо с вашим разрешением на заклятие агницы на Праздник Провозвестия? Это вопрос уже был согласован с Совершенным, как вы помните.

— Отправляй.

Клетка с почтовыми голубями стояла в каюте Третьего. Тяжелый запах и шум беспокойных соседей весьма досаждали Чистейшему, но безопасность птиц была намного важнее временных неудобств. Сегодня три самых ценных голубя выполняют свое предназначение, а остальных можно будет выставить на палубу.

На двух клочках тончайшей бумаги Третий написал короткое послание: «Император дал согласие» и приоткрыл дверцу клетки. На крылья птиц были нанесены цветные метки, указывающие на происхождение, но жрец и без того различал каждую из них. Вот эта пара сизарей родом из голубятни Чистейших. Поджарые красавцы, грудки отливают зеленью и кармином. Великолепно обученные, не единожды проверенные, они стоили не на вес золота, а намного больше. Безропотно позволили надеть на хвостовые перья трубочки с письмами, свечой взмыли над палубой и исчезли в облаках. Еще до заката они прилетят в Гилатиан, и кто-нибудь из младших жрецов с поклоном передаст голубей в руки Совершенного.

Время для третьего посланца еще не пришло. Он был не похож на почтового: некрупный, снежно-белый, с короткими красными лапками. Его никто не дрессировал, но жрец ценил этого голубя больше, чем всю разномастную стаю вышколенных породистых птиц. Три дня его кормили зерном, смоченным императорской кровью, и сила заклятий сделала неразрывной его связь с правящим домом.

Этой ночью будет принесена Великая Жертва, и Хогга обретет полную власть над Янгисом. Близится время, когда Третий станет Совершенным.

В полночь жрец запер дверь каюты на засов. Зажег пять свечей в серебряном канделябре в форме священного круга и выставил на стол ларец, ключ от которого носил на груди. Откинул крышку, бережно достал мраморный кубик и две соломенные куклы. Такие мастера себе деревенские дети — грубые поделки, перевязанные нитками пучки травы,

условно изображающие человека без лица. На плечах той, что побольше, висел красный лоскуток, напоминающий мантию, вторая была обернута в белую кружевную тряпочку.

Третий нервно огляделся по сторонам. Предстоящий обряд был под строжайшим запретом, виновному грозила смертная казнь. Никто не мог спрятаться в маленькой, почти пустой каморке, свечи ярко горели, за плотной шторой спокойно вздыхало море, так отчего же он чувствовал на себе чей-то внимательный взгляд?

Жрец трижды призвал имя Хогги, но не почувствовал ничего — ни воодушевления, ни притока силы. Может быть, он выбрал для обряда неподходящую ночь?

— СЕГОДНЯ! — прошептал властный голос, и сомнения оставили Третьего.

Белый голубь сам пошел в руки хозяину в ожидании ласки и корма, когда его перевернули на спину, он испугался и забил крыльями. Миниатюрным, не длиннее мизинца, кинжалом жрец вспорол птице грудь, извлек ритмично вздрагивающее сердце и кинул тушку в ведро. Аккуратно раздвинув прядь соломы, Третий вложил кровавый комочек в фигурку с мантией и с облегчением вымыл руки. Невольно глянул в помойное ведро — голубь уже не трепыхался, плавал на брюхе, раскинув крылья. На мгновение жрецу показалось, что он смотрит на себя самого: мертвого человечка в белоснежной мантии Чистейшего.

Ужас покинул его только во время обряда Наречения Имен, все дальнейшее Третий творил на волне вдохновения, полностью слившись с волей Хогги.

Тайра вышла из каюты и зажмурилась: недавно вставшее солнце било прямо в глаза. Кругом вповалку спали солдаты. Шмель деликатно пробрался между спящих тел, оросил мачту и радостно заскакал вокруг Ланса, сидевшего на нижней ступеньке трапа.

— Ой, привет! Ты что здесь делаешь?

— Жду — сейчас моя вахта будет.

— Возьмешь меня с собой?

— Не стоит тебе идти наверх, Балтазар будет злиться.

— Он же сейчас спать завалится.

Аргумент был весомым — отстояв за румпелем самые тяжелые предрассветные часы, Балтазар имел обыкновение спать непробудным сном, передав командование Брейду.

Ударил колокол, Ланс побежал наверх. Вскоре по трапу, зевая во весь рот, спустился Балтазар.

— Доброе утро, капитан, — улыбка Тайры светилась утренним солнышком.

— Ты чего так рано вскочила?

— Шмеля выгуливаю.

— Всю палубу этот Шмель загадил. Как твоя мать себя чувствует?

— Спит. Вчера выпила воды с лимоном, вроде бы ей стало лучше, — у Литании обнаружилась страшной силы морская болезнь, все четыре дня плавания она провалилась в полубессознательном состоянии, наотрез отказываясь от еды. Вода в ней тоже не приживалась.

— Да, слабое нутро — это беда в море. Я и мужиков таких повидал: только сядет на корабль — тут же через борт свесится и болтается всю дорогу, как водоросль зеленая. Зато тебе все нипочем, скачешь тут в любую погоду, будто рыбка.

Этот комплимент прозвучал без малейшего одобрения, и Тайра с живейшим интересом уставилась на голубую полосу берега. Не скачет она, а стоит и благопристойно дышит морским воздухом.

— Можно я попробую порулить?

— Это не так просто, меня Балтазар три дня учил.

— Ну, а теперь ты меня научишь. Я еще на «Орлице» об этом мечтала.

Ночью ветер переменялся на северо-восточный, он дул ровно, без сильных порывов, а у Тайры так горели глаза... Пусть подержится за румпель, если хочет, ничего страшного — Ланс же будет рядом.

— Ладно, пока Брейд не пришел... Не меняй положение рукоятки, держи тот же курс.

За рулем Тайра была похожа на деву, которую ставят на носу корабля для украшения: золотые волосы струятся по ветру, подбородок вздернут, вид гордый. Но стоять столбом, вцепившись в отполированную мозолистыми ладонями деревяшку, оказалось довольно скучно.

— А мы где сейчас плывем?

— Пока еще вдоль Ракайи, до Кадара осталось дня два. После обеда придется пристать к берегу, Брейд хотел дотянуть хотя бы до Раттена, но вода кончается.

— На нас не нападут на берегу?

— Мы слишком далеко от Гилатиана, кто тут может знать, что Янгис считает Брейда предателем? И у нас солдаты.

— А в Кадаре?

— На сестру королевы? Нас примут с почестями.

— Ну, да, — Тайра помрачнела, вспомнив Стефанию. Она дала ей слово, что не будет искать маму — а теперь они придут вместе. И если король Альбин примет беглую императрицу, это почти наверняка приведет к войне. Брейд наверняка что-то придумал, но что? Тайно добраться до гор?

Ланс по-своему истолковал молчание Тайры и тихо спросил:

— Скучаешь по Кадару?

— Стараюсь его не вспоминать. Особенно Ашеру.

Ланс слегка покраснел. Лучше бы он промолчал. Та проклятая ночь в Ашере всегда будет стоять между ними? Наверное, стоит ей рассказать...

— Я никому, кроме Брейда, об этом не говорил, но тебе скажу — может быть, легче станет. Нашего командира, барона Фаркенгайта, больше нет в живых. Его и двоих его помощников убили.

— Кто?

— Парни из нашего отряда.

— Значит, и ты? Ты отомстил за моего отца?

— Нет, не за него. Твой отец сражался с нами как воин, это не был честный бой — десять против троих, но все-таки бой. За женщин и детей, которых Фаркенгайт резал, как овец. Нам надоело выполнять его приказы.

— Что ж... Получил по заслугам.

— Ты не рада?

— Рада, наверное. Весной, когда я узнала, что солдаты еще и соседку нашу убили, я только и мечтала, чтобы они все передохли. А теперь... Знаешь, Ланс, я была на войне — дурацкой бессмысленной войне. Всего несколько дней, и этого хватило, чтобы многое понять. Там точно так же, как и везде, попадались отвратительные мерзавцы, но их было очень мало. А остальные — обычные люди, даже неплохие. И эти неплохие люди убивали

ничуть не меньше, чем твой Фаркенгайт. Телеги, заваленные трупами... Не то, чтобы солдатам это нравилось — их просто туда послали, и они делали свое дело. Поставили бы охранять караван или замок, они бы охраняли. Как собаки: скажут им «лежать» — лягут, скажут «взять» — загрызут. Настоящая вина на тех, кто отдает приказы. Не будь Янгиса, этот Фаркенгайт стал бы обыкновенным разбойником, и его давно бы повесили. А его награждали за зверства.

— Так что, надо было оставить его в живых — пускай и дальше пытается и убивает?

— Да нет, вы все сделали правильно. Избавили мир от маленького зла. Но пока власть принадлежит Янгису, здесь не переведутся такие, как Виндом и Фаркенгайт.

— Думаешь, при хорошем императоре они исчезнут? Люди есть люди, сама же говоришь.

— Не исчезнут. Вреда от них будет меньше.

Ланс отвлекся от разговора и посмотрел вокруг. Пока они болтали, полоска берега ощутимо приблизилась, уже и деревья можно разглядеть.

— Ты что, собралась прямо здесь высадиться? Поверни румпель.

Тайра немного сдвинула рукоять, ничего не изменилось, она надавила более решительно.

— Получилось!

Корабль зачерпнул полные паруса ветра и медленно накренился. С палубы донеслись проклятья — еще не проснувшиеся солдаты покатались друг на друга.

— Отойди! — Ланс забрал румпель у девушки и выправил курс.

— Я не знаю, почему так вышло, — жалобно сказала Тайра.

— Просто перестаралась. Ничего страшного, у меня так тоже было. Давай пока я.

Тайра кивнула, но выглядела расстроенной, Лансу захотелось чем-то отвлечь ее.

— А кого бы ты выбрала императором, если бы это зависело от тебя?

— Балтазара, — не задумываясь ответила Тайра, — он надежный и справедливый. Жаль, что рыбак, а не герцог. А из знатных... Брейда, наверное. Хотя бы воевать не будет. Война — это так скучно и бессмысленно, — она подняла левую бровь и кривовато ухмыльнулась, скопировав мимику недовольного герцога.

Ланс фыркнул, чувствуя себя немножечко свиньей: Брейд ничем не заслужил его насмешек. Тайра слишком предвзято относилась к Атерли.

— А почему тогда Брейд, а не твоя мать?

— О, не-ет! Мама была бы хорошей королевой сказочной страны, где не придумали зла. В Ракайе ее сожрут, а она будет переживать, как бы кто ее косточками не подавился.

Ланс только головой покачал — ну не способна Тайра серьезно разговаривать дольше пяти минут.

— Фу-у! — неудачный порыв ветра принес на корму густую волну миазмов с нижней палубы, где обитали гребцы, — не буду тебе мешать, пойду проветрюсь.

Тайра, прикрывая нос рукой, отправилась на бак. Она знала, что туда не стоит ходить — мало ли чего увидишь в гальюне, но поток чистого воздуха был совершенно необходим. Внимательно глядя под ноги, она пробралась между снастей, солдат и матросов и уселась верхом на бревно тарана, увенчанного бронзовой конской мордой. Четверо моряков прервали игру в кости и вытаращились на нее. Промеж себя они давно решили, что эта девка с мечом и дурной собакой — телохранительница знатной госпожи, живущей в капитанской

каюте, не иначе, полюбовницы самого Балтазара, и предпочитали не связываться с ней. Но сегодня эта ведьма чуть корабль не утопила, людям выспаться не дала. Пускать бабу за руль — последнее дело, скинуть бы дуру с тарана... да потом капитан тебя самого за борт скинет. Тихонько выругавшись, они яростно загремели костяшками о палубу.

«Кентавр» летел над ярким солнечным морем, мягко покачиваясь на волнах, а Тайра вцепилась в бронзовую гриву коня и представляла, что скачет на Маяке по васильковому полю... нет, лучше — по синему небу с кудрявыми облаками. Быстрые волны бежали под самыми ногами, теплый упругий ветер бил в лицо, мир был наполнен сверкающим волшебством. Если сейчас загадать желание — может, какая-нибудь русалка услышит и исполнит его? Что бы такое придумать, от чего станет хорошо не только ей, а абсолютно всем?

— Пусть Ракайей правят хорошие люди и прекратят войну — сказала она вслух, но не слишком громко, чтоб моряков не смешить. Ни одна русалка не мелькнула в волнах, зато сзади послышались неторопливые шаги.

— И что ты здесь делаешь? Слезай, пока волной не смыло.

Тайра обернулась. За ее спиной стоял Брейд — руки скрещены, брови сдвинуты, нарочитая суровость во взгляде.

— Какой волной, ваша светлость? Вот, все сухое, — она похлопала ладонью по бревну, совсем чуть-чуть забрызганному пеной.

— Ладно, сиди уж, — Брейд тоже оседлал таран, ему давно хотелось это сделать, да повода не было, — но запомни: еще раз возьмешь румпель в руки, запру в каюте. Ланс тоже последнюю вахту стоит.

— Он тут не при чем! — Тайра развернулась так резко, что свалилась бы в море, если бы Брейд не придержал ее, — он не разрешал мне, я его упростила.

— Девушка может выпросить кольцо с алмазом, но только круглый дурак нарушит свой долг ради женских капризов, — Брейд чуть заметно улыбнулся: интересно, от кого он подцепил эту патетическую фразу?

— Он сам вел корабль, я только за рукоятку держалась.

— Тогда еще хуже — после такого маневра ему нечего делать у руля.

Брейд не мог этого видеть, ему кто-то донес, причем страшно преувеличил оплошность...

— Он же учится! У Балтазара корабль тоже иногда на бок заваливается, а Ланс очень старается.

— Просто герой, да? — Брейд откровенно насмеялся над Тайрой, и она поняла, что неотвратимость наказания тает на глазах.

— Вы же знаете, что так оно и есть. Он уничтожил мерзкого убийцу. А до этого он проявил еще большую смелость — мама говорила, что его отправили к Фаркенгайту в наказание за участие в заговоре против Янгиса. Жаль, что покушение провалилось.

— А-а, заговор... Хочешь узнать подробности? Что ж, это не секрет — пусть у тебя будет лишний повод гордиться своим другом.

Брейд уселся поудобнее и с явным удовольствием болтал ногой, стараясь достать носком сапога до пенных гребней.

— Ланс действительно был наказан за преступный умысел против императора. Кто-то донес, что компания придворной молодежи вечерами собирается во дворце и ведет опасные и оскорбительные для трона беседы. Сам доносчик не был вхож на эти сборища, рассказывал

о них понаслышке. Началось тайное расследование, у одного из пажей обнаружили листок с призывом свергнуть Янгиса, именуемого «сыном шлюхи». Владелец этого воззвания умер, не выдержав пыток, но никого не выдал. И не мог выдать — бедняга не имел никакого отношения к кругу злоумышленников, роковой свиток он получил от шестнадцатилетнего сына маркиза Рейвиса, главнокомандующего войсками Ракайи, которого пытать было невозможно. Разве что — вместе с отцом, за плечами которого стояла вся армия.

Разумеется, на допросе юный граф поклялся, что он и слыхом не слыхивал о заговоре, и в глаза не видел крамольного послания. Мальчишку не тронули, зато всех его друзей на всякий случай выслали из столицы. Ну а Ланс был в их числе, в таверне их вместе видели. Героическая история, не правда ли?

— Значит, ему не раз приходилось страдать по чужой вине, — скорбно вздохнула Тайра. Брейд расхохотался:

— Ты прирожденный адвокат! Осталось уточнить, чья же это вина: Ланса или все-таки твоя? Ладно, будем считать, что ты меня убедила — не стану мешать Лансу осваивать ремесло рулевого. Простоит две вахты подряд, может, чему-то научится. Ну а ты — он галантно подал Тайре руку и перетащил ее на палубу, — отправляйся к себе в каюту. И постарайся поменьше мозолить глаза морякам, если не хочешь, чтобы я тебя запер.

Он развернулся и исчез среди парусов. Выпавший из-под его камзола клочок бумаги полетел вслед за ним, покружился по палубе и приткнулся к левому борту. Может быть, что-то нужное? Тайра подобрала сложенный пополам листок, он сам развернулся в ее руке. Короткие рифмованные строчки. Из Тобиаса тоже вечно сыпались обрывки бумаги с недоконченными строками, иногда это мог быть и безнадежно испорченный чернилами носовой платок. Чужое письмо она не стала бы читать, но стихи — это же для всех?

Я оборву узду, и ты убежишь в леса

Легкой вольною ланью.

Так улетает птица в светлые небеса:

Ввысь — с распахнутой длани.

Так уплывает рыба, вырвавшись из сетей:

Дротик, пущенный в воду.

Все, чем владею ныне, я подарю тебе —

Свежий ветер свободы.

Тайре стало неловко — словно и впрямь чужое письмо прочитала. Что теперь делать, вернуть Брейду? Он сразу поймет, что она заглянула в текст. Показать маме, это же ей предназначалось? Захочет — сам покажет, но Тайра точно знала, что не захочет. Что-то недоброе было в этих стихах. Кажется, мама напрасно вздрагивала всякий раз, когда кто-нибудь проходил мимо их каюты. Ветер свободы он ей подарит...

Тайра выпустила листочек из рук, пусть сам выбирает себе дорогу. Он полетел вдоль борта, в сторону берега. Назад, в Гилатиан.

Глава 21. День Провозвестия

Накануне Дня Провозвестия собор Единого Всемогущего был полон лихорадочной суеты. Все, до чего дотягивались высокие лестницы, спешно отмывалось, начищалось и наряжалось. Храмовые служки, временно нанятые работники, пришедшие помогать по обету горожане — все они, вооружившись тряпками и щетками, ползали по стенам и полам огромного здания, подобно армии трудолюбивых муравьев. У входа сидели женщины и без усталости плели венки и гирлянды, но четыре воза цветов оказалось недостаточно для украшения храма, и гонец поскакал заказывать еще два.

У каждого было свое дело, и никто не обращал внимание на мальчишку, сторбившегося возле ажурной решетки, отделявшей пространство, предназначенное для знати. Пришел бедолага выпрашивать для себя лучшей участи — ну и ладно.

Эрвин смотрел будущее. Яркие, как свежее воспоминание, картины вставали перед его глазами. Проще было бы сделать шаг во времени и посмотреть на месте, но эльф сильно подозревал, что ему придется участвовать в завтрашних событиях, а встречаться с самим собой запрещено — это создает опасные и непредсказуемые завихрения.

...служба еще не началась, и беспокойное гудение голосов волнами перекатывалось по храму. Люди были встревожены, опечалены, возбуждены. Разместившаяся перед святилищем знать блистала золотом и драгоценностями парадных, по случаю праздника, одеяний, но лица мужчин были хмурыми, а в глазах у некоторых женщин стояли слезы. Вырвавшиеся из огненной ловушки под Дафносом, потрепанные в бою корабли по одному приходили в Гилатиан, принося с собою страшные вести. Многие были в трауре, других все еще терзала безысходная надежда, более мучительная, чем честное горе утраты. «он бросился в море, совсем недалеко от берега... кажется, его видели в порту... списки пленных еще не составили»

Над потерявшими близких и над семьями, счастливо избежавшими утраты, витала общая, более серьезная тревога: император не вернулся в Гилатиан. Вчера канцлер объявил, что голуби принесли послание: Янгис жив и появится в столице в ближайшее время, но ему мало кто верил. Все знали, что императрица с наследниками бесследно исчезла несколько недель назад, с этим связывали отравление графа Виндома — у него были причины избавиться от Лаэргты. Так кому же достанется трон? Следующими в списке престолонаследников шли герцог Атерли и Дилейн, герцог Феруата. Первый тоже пропал неизвестно куда, второй вел с Ракайей войну. Командующий войсками маркиз Рейвис мог бы с легкостью захватить власть, но он находился на одном корабле с императором. Мужчины разбивались на кучки, из которых уже к вечеру сформируются непримиримые партии: лорда-канцлера, лорда-сенешаля, леди Тамианы.

По ту сторону ажурной решетки настроение было другим. Некоторые из простонародья тоже потеряли сыновей и мужей при Дафносе, но они совершенно растворялись в толпе, жаждущей чуда. Неведомо откуда возникла всеобщая уверенность, что оно будет явлено в День Провозвестия, и глаза простого люда светились нетерпеливым возбуждением. Между ними, как скалы в бушующем море, выделялись суровые и решительные лица сторонников Яника. Каждый из них прятал оружие под потрепанным плащом: на этот день они наметили восстание, сегодня будет великий бой, и неправедная власть падет. Оставалось договориться — стоит ли вначале перебить собравшуюся в храме знать, или сразу идти на штурм замка.

Время шло, а жрецы все не спешили начать богослужение. По распоряжению Совершенного сегодня должна быть принесена Жертва Крови, о которой так много говорилось в последнее время, но в храме отсутствовала вся верхушка Старцев. Сам Совершенный и Четвертый внезапно сказались больными, куда исчезли Второй и Третий, не было известно никому.

Наконец, зазвучало негромкое пение, и в святилище потянулась вереница жрецов. Они выстроились пестрым полукругом, их белые, голубые и алые одежды были похожи на гирлянду цветов. Пятый, старший по рангу из присутствующих на богослужение Чистейших, встал позади жертвенника и воздел руки.

После краткой молитвы Пятый раскрыл Книгу Милосердия и нараспев прочитал отрывок, посвященный этому дню. В нем рассказывалось, как Пророк с тремя своими учениками сошел с корабля в городе Омейне, купил на базаре осла, исцелил отрока, попавшего под колеса повозки, и произнес свою первую проповедь, положившую начало его учению. Эрвин немного удивился — получалось, что пророк исцелил парня, и, не теряя времени, пока все стоят и удивляются чуду, полез на телегу и начал излагать свое понимание этого мира. На Велетия это было совсем непохоже. Эльф решил на секунду отвлечься и быстренько глянуть, как все было на самом деле.

... учеников было двое, третьего он нашел на том самом базаре. Отроку, которого переехало колесо тяжелого воза с овощами, было лет тридцать, а выглядел он на все пятьдесят — нищий замухрышка с целой кучей болезней, включая тщательно скрываемое начало проказы. Он валялся посреди дороги, пускал кровавые пузыри и орал от боли. Велетий посидел над умирающим, накладывая руки то туда, то сюда, потом помог ему встать.

Чужеземный колдун, исцеливший никчемного нищего, вызвал раздражение у многих свидетелей чуда.

— Да на кой его исцелять-то было, самый пустой человек, только отвернешься — глядь, а он лепешку стащил и уже жует!

— Правильно его, ворюгу, придавило, поделом ему.

Громче всех разорвался красномордый гончар со вздувшимися венами на лбу, и Велетий обратился к нему на довольно чистом ликейском:

— А скажи, друг, у тебя сейчас ничего не болит?

— Ничего у меня... Ну, голова, и чего?

— Так она ведь поделом болит, сам знаешь — два кувшина плохого вина для тебя многовато. Вот и решай — исцелить твою голову, или пускай она дальше болит, по справедливости?

— А ты сумеешь? Полечи, как в тиски зажало...

Велетий приложил ладонь ко лбу гончара, и на красной роже расцвела блаженная улыбка.

— Ну, понял теперь, что лучше — справедливость или милосердие?

— Понял... Но ведь я хоть и пью, да работаю, а тот-то...

— И тот бы работал, если бы не болел.

К Велетию протолкалась сердитая женщина, таща за собой изможденную служанку.

— Исцели мне ее, лекарь — третий день животом мается. Я заплачу.

— Хочешь, чтобы я тебя вылечил?

Служанка с тоской кивнула:

— Да, господин.

Пророк провел рукой вдоль ее тела, потом бережно взял за плечи и распрямил.

— Ну что ж ты трусишка такая, слово сказать боишься?

— Спасибо тебе, лекарь. А то замучилась я с ней — пустую корзину, и ту поднять не может.

— Послушай меня, хозяйюшка. Монету свою отдай тому нищему, что я исцелил. И больше не заставляй служанку тяжести таскать — снова заболеет, не по силам ей это. Пусть лучше дочек твоих ткать и шить учит, им уже пора. А для тяжелой работы слугу себе найми.

— Это кто ж за одну еду на меня работать согласится?

— Вот он и согласится, — Велетий кивнул на нищего.

— Ворюгу в дом не возьму!

— Будешь воровать, если тебя кормить станут? — ласково спросил Велетий.

Нищий отчаянно замотал головой.

Женщина поджала губы и недоверчиво прищурилась:

— Ладно, пошли, посмотрю еще, какой из тебя работник.

— Учитель, а можно у тебя спросить, — к Велетию подошел гончар, уже не такой красный и даже чуть-чуть подобревший. Все это время он с любопытством слушал спор лекаря с жадной теткой.

— По дороге спросишь, нам с друзьями еще ночлег надо найти.

— Так идите ко мне, я с братом живу, место для всех найдется.

Их беседа во время ужина и послужила основой для первой проповеди, записанной в День Провозвестия. Гончар не любил многословия, он и потом выкидывал лишние подробности из истории их странствий. Ведь главное — слова учителя, а уж кому и где они сказаны — какая разница? Тем более не стал он упоминать о том, что, забираясь на ослика, Велетий высмотрел в толпе рыжего мальчишку и улыбнулся ему, как старому знакомому:

— А ты что тут подглядываешь? Иди откуда пришел, своим делом занимайся.

... как и подобало в день Провозвестия, жертвенник был усыпан цветами, но богослужебная утварь — пятисвечник, блюдо со стопкой лепешек и чаша с овсом — на этот раз располагалась на отдельном столе. Под медленные, проникающие в самую сердцевину груди звуки хора, служители внесли перевитую гирляндами овцу и возложили на алтарь. Торжественное пение жреческого хора прорезало истошное бляенье.

Огромный серебряный шар свисал на четырех цепях с купола собора. По волнистой разделительной линии плыли корабли, над ними среди плодовых деревьев бродили звери, а на самом его верху, видимом только издали, горели позолоченные созвездия. Нижняя половина шара представляла обитателей моря: рыбы и подводные гады спиралью спускались к центру, где блистала луна — диск чистого золота, обвитый бескрылым морским змеем.

И шар этот покачивался в такт пению.

— Да исцелит Единый недуги наши, и да прославится имя его — Хогга, Хогга, Хогга! — ответил хор, и толпа подхватила припев.

— Да ниспошлет нам благоденствие и процветание — Хогга, Хогга, Хогга! — раскатилось по всему храму.

Шар покачивался, как маятник, и с каждым возгласом амплитуда его взмахов увеличивалась

— Да сокрушит Единый врагов наших, и дарует нам победу на поле брани — Хогга, Хогга, Хогга!

Пятый высоко вознес нож над жертвой, и замер в этой величественной позе. Овца забила, но под цветами ее ноги были надежно связаны веревками...

«Да где же Второй, давно пора это остановить» — в отчаянье думал эльф, мысленно рыская по внутренним помещениям собора. Он обнаружил Второго запертым в ризнице.

...Семнадцатый и Двадцать восьмой, помогавшие старцу облачиться в белоснежные, шитые серебром одежды, в смятении прижались к стене. Второй занес над головой скамейку и что есть силы шарахнул ею по двери. Дверь не поддалась.

— Умоляю вас, пожалейте себя! Даже если вы выбьете замок, в коридоре стоит охрана, им приказано не выпускать вас отсюда до окончания службы.

— Так вы знали?!

— Да, ваше благочестие. Это приказ самого Совершенного.

— Не мешайте мне. Если сейчас не остановить непотребство, произойдет страшная беда, — Второй снова занес скамейку для удара, но две пары сильных рук обхватили его и перенесли в кресло. Очень быстро и деликатно жрецы примотали шелковой лентой руки Второго к подлокотникам, а плечи — к спинке.

— Отпустите меня, вы даже не понимаете, какое зло вы сейчас творите!

— Ваше благочестие, мы освободим вас, как только закончится служба. Мы готовы принять любое наказание, которое вы нам назначите, но мы не можем нарушить приказ Совершенного.

Второй рванулся, пытаясь порвать путы, но ленты были прочными, а кресло — тяжелым. Немного посидев с закрытыми глазами, старец поднял голову и тихо попросил своих тюремщиков:

— Если у вас осталась вера — молитесь о спасении. Я стар и слаб, Единый не слышит меня.

...Хогга, Хогга, Хогга! — самозабвенный стон бился в стены собора, и шар летал над толпой. Одна из цепей сорвалась с крюка и моталась отдельно, с лязгом обвивая три остальные.

Жрец вонзил нож в овцу. Ему никогда не приходилось забивать скот, и удар получился неверным. Животное задергалось, кровь брызнула на белое одеяние Пятого. Где у чертовой твари сердце? Жрец всем телом навалился на овцу и перерезал ей горло.

Шар сорвался и покатился сквозь толпу, оставляя за собой дорожку изувеченных тел. Люди, давя друг друга, рванулись к выходу, пронзительный крик заметался по храму. Шар врезался в стену, по ней зазмеилась широкая трещина, посыпались обломки потолка...

— Нет, этого точно не будет, — сказал эльф и исчез, заставив служку, старательно начищавшего ажурную решетку, трижды осенить себя святым кругом.

В первый, еще по-летнему душный вечер осени герцог Ильмарский сидел перед пылающим камином, с головой завернувшись в соболий плащ. Позавчера его скрутил особенно злостный приступ радикулита, любое движение вызывало кинжальную боль в

пояснице, и он не ел уже два дня. В подвалах Высокого Замка хранилась бесценная сокровищница редких вин, а о еде всегда заботился эльф. Мальчишку-предателя герцог выгнал, и не особо жалел об этом — корзинку с припасами на пару дней он и сам мог донести. Не пускал он смердов в Высокий Замок, хранилище тайных знаний, колыбель величайших открытий.

С горькой усмешкой Готфрид сотворил на ладони заклятие поиска и пустил его рыскать по замку. Клубочек света исправно юркал среди реторт, весело подпрыгивал над найденным — пропылившейся хлебной крошкой или засохшими брызгами жира на вертеле — и в конце концов сгинул в недопитом кубке вина.

Туда ему и дорога — не может отличить вино, веселящее душу от питающей плоть пищи. Вино не насыщало Готфрида: вроде бы поначалу отвлечет от голода, а потом еще хуже становится. Колдовские кушанья, прекрасные видом, вкусом и запахом, были еще бесполезней: иллюзия только разжигала аппетит.

Надо бы договориться с дворецким об условном знаке: воссияет пучок молний, а лучше его собственный лик над вершиной скалы — значит, господин призывает его в Высокий Замок. Но тогда придется рассекретить вход, и пойдет-поедет — то одно смердам понадобится, то другое. Исцелите сына, господин, выдайте слугам провизию, господин...

Из бездонной глубины его памяти всплыло воспоминание — яркая, как будто и не прошло сотни с лишним лет, картинка: маленький Готфрид на кровати умирающего отца. Он не знал, что отца не станет через несколько дней, и веселился. Закутался с головой в беличий плащ — была зима, и отец мерз — и хвастался: «это мой домик, мой собственный замок!» Отец вытащил его из-под плаща и поставил на краю кровати. «Смотри — все, что ты видишь вокруг — твой собственный замок, теперь ты будешь его хозяином». «Нет, это не мой, а общий замок. В нем живешь ты, мама, сестры, и еще куча слуг, и все мной командуют. Мой — это когда я один им владею, и больше никто не смеет по нему ходить».

Что ж, он воплотил свою мечту — его замок велик, и принадлежит только ему. И некому кусок хлеба подать...

— Эльф! — возопил несчастный колдун в порыве беспричинной надежды.

— Что будет угодно вашей светлости?

Вот же он — рыжий, наглый, будто не пропадал.

— Я ведь запретил тебе переступить порог моего замка.

— Сами же позвали. Могу удалиться.

— Сначала раздобудь еды.

— В Нижнем Замке как раз потушили трех гусей с яблоками. Пахнут — просто восторг.

— Принеси одного. И хлеба. И фруктов. Ну, что ты до сих пор тут торчишь?

Эрвин с поклоном передал Готфриду лист бумаги, чернильницу и перо.

— Необходимо ваше собственноручное распоряжение. С личной подписью. А то ваш повар в последнее время мне не очень-то доверяет. Кстати, ежевичный пирог сегодня ему просто необыкновенно удался. Соболаговолите добавить в список, ваша светлость.

Готфрид только покосился на наглеца: вот, значит, где трапезничал выгнанный за порог мальчишка. Никакого чуда в его появлении не было — прибыл прямехонько из замковой кухни.

Эльф вернулся с полным подносом, еще от себя разных сладостей к списку добавил. Пока Готфрид степенно, но стремительно поглощал гуся, Эрвин устроился на скамеечке у камина с четвертинкой ежевичного пирога и доброй чашей вина.

Насытившись, Готфрид посмотрел на вконец обнаглевшего раба даже с неким умилением.

— Так ты все это время при моей кухне пасся?

— Ну, заглядывал иногда, а так все больше в Гилатиане.

— И что там, в Ракайе?

— Да все то же — осада Мозира. Перевал закрыт из-за чумы в Рокингеме, Янгис решил войска морем перевезти, через Ликию, так ликейцы его флот разгромили на фиг. Императорский корабль вообще пропал без вести — так что страной сейчас никто особо не правит. Кастелян с казначеем остатки казны растаскивают, а все прочие гадают, пришла ли пора престол делить, или надо еще чуток подождать, — эльф убрал с лица глумливую усмешечку и внимательно заглянул Готфриду в глаза, — а у вас, ваша светлость, в Гилатиане конкурент объявился. Тоже с Хоггой снюхался, хочет с ее помощью людьми управлять.

— Кто он? — в голосе герцога лязгнул металл.

— Чистейший, Третий. Зеркал у него нет, Хогга напрямую с ним разговаривает. Этот Третий добился, чтобы ее скверное имя поминали на богослужении вместо Единого, и приносили ей кровавые жертвы. Самого Третьего сейчас в Гилатиане нет, он с Янгисом. Но на Празднике Провозвестия жертва будет принесена, все уже обговорено.

— А что Совершенный?

— Самоустранился. И Второго тоже не будет. Службу поручено вести Пятому, он такой — что скажут, то и сделает. Решение принято Янгисом, его убедили, что жертвоприношение обеспечит военные победы.

— Действительно обеспечит?

— Вряд ли. Тысячи смертей — да, это будет. Хогга обретет силу, и вырвется на свободу. Колдуна слегка передернуло.

— Ну, допустим. Но это, собственно, дела Ракайи. Какое это имеет отношение ко мне?

— Ваша светлость, вы забыли, где находится ваш замок?

Готфрид уставился себе под ноги, как будто между гранитных плит пола уже полезли светящиеся струйки тумана. Молчал он долго, предчувствуя, что ответ на его следующий вопрос может оказаться слишком страшным. И ответил себе сам:

— От меня ничего не зависит.

— Зависит, ваша светлость. Или остановите эту тварь, или бросайте оба замка и бегите. Здесь будет уничтожено все.

На этот раз Готфрид не колебался. Бросить все, что он копил десятилетиями?

— Что ты предлагаешь?

Колдун спорил долго, план эльфа выглядел омерзительным и ненадежным. Хуже всего, что мальчишка не обещал безопасность — только какую-то эфемерную победу. Все нес выпренную чепуху про какие-то десятки тысяч жизней. Десятки или тысячи — какая разница? Просто цифры. Он никогда не видел этих людей. По-настоящему бесценными были его манускрипты, его артефакты. Много ли он сможет вывезти за оставшиеся два дня? К тому же ему претила сама мысль о бегстве.

— Загляни в будущее, у нас получится? — «я останусь живым?» — подразумевал Готфрид, но гордость не позволила ему задать этот малодушный вопрос.

— Два шанса из трех вас устроит?

Обсидиановое зеркало и рупор Эрвин установил на задней стене святилища, изящно

оббив их цветами. Зеркало было заметно отовсюду, но оно воспринималось как элемент затейливого декора.

Второе зеркало, серебряное, они с Готфридом волокли по подземному тоннелю. Эрвин чувствовал себя незащищенным: ему пришлось оставить свой шарик в Гроде Судьбы в обмен на Перстень Правосудия. Эльф терпеть не мог этот артефакт: выкованный с помощью темных заклятий, он обнажал истину и восстанавливал справедливость, но лишал владельца помощи светлых сил. Впрочем, выбора у него не было — озеро гасило любую магию, вблизи него действовали только Ключи Судьбы. Перстень был самым подходящим из них.

Они установили зеркало на самом берегу, и Эрвин сдернул покрывало. Впервые за тысячу лет Хогга увидела дневной свет — сама, а не глазами поработанных ею Идущих — и он ослепил ее. Туман унесся в глубину грота, вода отхлынула от берега. Это продолжалось недолго, Хогга потянулась к зеркалу, жадно всматриваясь в отражение. Разноцветные мантии жрецов (а она и забыла, что между черным и белым лежит целый спектр ярких оттенков), стоящая спиной к ней фигура с занесенным ножом, приготовленная к закланию овца (о, скорей бы!), и тысячи, тысячи человеческих лиц. Румяных, живых. Почему они живы, когда она мертва? Густое клубящееся облако прилипло к стеклу и распалось на бесчисленное количество прозрачных нитей, тянущихся вглубь отражения. По одной на каждого, они станут ее послушным войском.

Эрвин протянул к озеру сжатую в кулак руку, и багровый луч прорезал мглу.

Стоящие в храме не увидели почти ничего: тьма плохо различима на ярком свете. Разве что над жертвенником заструилось синеватое марево, да по спинам пробежал озноб липкого давящего страха.

— Озеро во тьме, назови свое имя, — разнесся под куполом хриловатый мальчишеский голос.

— ХОГГА, — прошелестел ответ. Он прозвучал в душе каждого, кого коснулись щупальца Хогги — начиная от жрецов, и кончая калеками на паперти.

— Хогга, кто ты?

— Я — ВОЗМЕЗДИЕ.

В толпе началось незаметное движение. Те, кто не отразился в зеркале — женщины, дети, низкорослые мужчины из задних рядов — стали пробираться к выходу. Они ничего не слышали, кроме того, что служба внезапно прекратилась, и что-то выкрикнул мальчик. Они не понимали, почему испытывают страх, им просто отчаянно захотелось оказаться под лучами солнца, под синим небом.

— Тысячи людей смотрят на тебя, Хогга. Скажи, что ты хочешь от них?

— ОНИ БУДУТ СЛУЖИТЬ МНЕ.

Покидающие храм толкали своих оцепеневших соседей, и безвольно стоявшие люди вздрагивали, в ужасе озирались по сторонам и присоединялись к общему потоку. Послышались выкрики: «Это колдовство!», «Здесь демоны!».

— Как ты вознаградишь их за службу, Хогга?

— Я ПОДАРИЮ ИМ СМЕРТЬ.

Хогга смотрела в зеркало, и видела, как люди отворачиваются, кричат, пробиваются к выходу, туманные нити рвутся, и рассыпается ее власть над толпой. Она поняла, что ее обманули.

— Бежим, — сказал Эрвин, и Готфрид бросился прочь.

Ее телом была мертвая вода и прозрачный туман, но она нанесла удар со всей яростью голодного зверя. Озеро качнулось и выплеснуло волну, сбившую Эрвина с ног. Зеркало расколосось в руках эльфа, волна швырнула его вглубь тоннеля и отхлынула. Эрвин попытался встать, заскрипел зубами и упал обратно в ручей. Его нога была вывернута вбок под невыносимым углом.

— Готфрид!

Колдун не услышал, он несся к выходу, как преследуемый собаками олень. Эрвин попробовал вправить ногу и взвыл. Как раз тот случай, когда и живая вода не спасет, лекарь нужен. Придется ползти.

Мокрые руки почти не слушались, как будто были тряпичными. Он пару раз подтянулся и со всей дури долбанул сломанной ногой по камню. Чуть-чуть полежал, кусая губы и собираясь духом для следующего движения. Волна ледяного тумана бережно накрыла его покрывалом, высасывая жизнь.

— УМИРАТЬ БОЛЬНО, ЭЛЬФ. РАЗВЕ ТЫ НЕ ЗНАЛ?

Голос был женским, нежным, в нем звучало нечто вроде сочувствия.

Так глупо, он же ничего не успел сделать, только отсрочил катастрофу. И ключ от ризницы все еще у него в кармане...

Эльф протянул руку с перстнем во тьму, и сказал:

— Герцог, ваш раб в беде. Вы бросите меня умирать?

Готфрид стоял у самой двери, когда услышал эти слова. Распахнуть ее, а потом захлопнуть за спиной — и он вырвется из проклятой пещеры, и никогда больше... Схлынул прилив нечеловеческих сил, помогавший ему мчаться к спасению, прихватило поясницу. Старый он все-таки. Герцог зажег факел и, морщась от боли, повернул назад.

— Чтоб ты сдох, мерзавец, — прошипел он, ускоряя шаг.

В опустевшем соборе осталось несколько десятков прихожан — из тех удальцов, кто не привык поддаваться неведомым страхам, и пестрый рой растерянных жрецов. Тьма пронеслась под сводами храма и сгинула, а служба должна продолжаться. Они неуверенно выстраивались в полукруг, переговариваясь вполголоса: «Давайте отслужим по старому обряду», — «Я того же мнения, я не смогу петь это имя», — «Но ведь Совершенный дал указание», — «Пусть решает Пятый».

Пятый нагнулся, поднял выпавший из рук нож и положил его на край алтаря. Если бы здесь был Четвертый... Жрец точно знал, какое тот принял бы решение: Четвертый никогда не хотел поминать Хоггу. Разве можно пойти против воли Совершенного? Чья-то по-птичьему высохшая, но твердая рука легла ему на плечо.

— Освободите несчастное животное, — Второй никогда не повышал голос, но почему-то его слышали все, к кому он обращался.

Пятый подавил вздох облегчения и принялся разрезать путы. Двое служек бросились к нему на помощь.

— Отведите ее в хлев, — Второй принюхался и раздвинул измятые цветы, плававшие в желтой луже, — алтарь осквернен, сегодня нам придется служить в другом месте.

Старец ненадолго задумался и улыбнулся:

— Братья, нехорошо, если в такой праздник мы будем молиться в одиночестве. Давайте выйдем к людям.

На главной площади кипела возбужденная толпа, люди обменивались впечатлениями о случившемся в храме. У каждого была своя история, часто совсем непохожая на рассказы других свидетелей, но в одном все были единодушны: произошло что-то скверное, и это дурной знак. Очень дурной.

Поначалу только нищие, все еще сидевшие на ступенях собора (сегодняшнее подаяние оказалось на редкость скудным) заметили необычную процессию. На верхнюю площадку лестницы служки вытащили стол, покрытый белой скатертью, за ними шли жрецы, несущие пятисвечник, чашу и огромное блюдо с лепешками.

Второй поднял руки и молча стоял, пока гул разговоров не стал стихать. Когда удивленные лица начали поворачиваться к собору, он опустил их и сказал:

— Сегодня у нас на сердце горе, потому что мы потеряли близких. Наш разум в смятении, потому что мы не знаем, чего нам ждать от завтрашнего дня. Мы не в силах помочь ни себе, ни друг другу — мы заблудились во тьме, и нет факела в наших руках. Мы часто молились о благоденствии и бранной славе и вот, мы терпим поражение за поражением, и голод стоит у наших дверей. Настал день испытания, пришла пора просить о спасении и о том, чтобы в наших душах вновь загорелся свет, который мы потеряли.

— Больных и раненых, голодных, сирот и вдов — спаси, Единый Милостивый.

Он служил по древнему, забытому еще во времена императора Гилата обряду, и жрецы вразнобой подхватили незнакомую мелодию, но она была совсем простой, и дальше они не сбивались. Он просил о возвращении пленных, о том, чтобы Светлые Небеса приняли ушедших, о мире и сострадании, и пока длилось пение, многим казалось, что они обрели утраченный свет.

Дождавшись, когда Второй осенит толпу святым кругом, один из младших жрецов почтительно склонился к его уху:

— Ваше благочестие, в Гилатиане чума.

Второй прикрыл глаза. Что ж, он знал, что рано или поздно этот город достигнет расплата. Но почему она всегда так неразборчива и карает невинных наравне с виновными?

— Бейте набат, — глухо сказал старик. Он надеялся еще хоть раз услышать праздничный перезвон. Значит, не суждено.

Звонарь повис на веревке, раскачивая язык большого колокола, и тревожный гул разлился над Гилатианом.

Глава 22. Весло и парус

II

Литания проснулась под звуки странной, какой-то первобытной музыки. Из глубины ночи доносились редкие удары барабана, которым вторил протяжный тоскливый скрип. В первые мгновения она думала, что слышит стук собственного сердца, потом заметила, что ритм совпадает с легким покачиванием корабля. Впервые с начала плавания «Кентавр» шел на веслах.

Вечером она поужинала, и чувствовала себя еще слабой, но выспавшейся и совершенно здоровой. Стараясь не скрипнуть половицами, чтобы не разбудить Тайру, она выбралась из каюты и чуть не наступила на чье-то скорчившееся у самой двери тело. Палубу устилал сплошной ковер разлегшихся как попало солдат. Под лучами луны человеческое месиво напоминало поле битвы, если бы не зычный храп, исходящий из многих глоток, и облако лукового и винного аромата, витавшее над спящими.

Она поднялась на ют, там было свежо и просторно, только на мостике стояли две неразличимые во тьме человеческие фигуры. С высоты корабль казался совсем маленьким: деревянная скорлупка, до отказа набитая беззащитными живыми существами среди бескрайнего пространства ночи. Паруса неподвижно свисали, как полотнища причудливого занавеса, двадцать весел одновременно падали в воду, выныривали, чуть вразнобой летели вперед, снова падали с тяжелым плеском. Как будто многоногое насекомое ползло по круглому черному зеркалу. Море было гладким, как стекло, только два пенных следа разбегались от кормы и таяли вдали.

Крошечный огонек фонаря на юте, огромная луна, похожая на медное блюдо с темными пятнами окиси, да ровная лунная дорожка, как будто пришилленная к корме, все остальное — непроглядная ночь

Может быть, сейчас дети тоже смотрят на эту луну? Хотя нет, они давно уже спят, разве что Сита... Воспоминание о дочери разбудило привычную тревогу. Как она там, в Ликее? Ей всегда было тяжело среди незнакомых людей. И эти ее припадки... Пройдет несколько месяцев, прежде чем удастся получить первую весточку о детях.

Одна из теней спрыгнула с мостика, Литания издали узнала Брейда — по гибкости движений и по тому, как заколотилось сердце.

Она не видела его с тех пор, как поднялась на борт «Кентавра». В первые дни, когда ей было совсем плохо, Литания надеялась, что он зайдет хоть на минуту: спросит о здоровье, сядет рядом, возьмет за руку. Ей сразу стало бы легче. А он, наверное, считал не деликатным беспокоить страдающую от морской болезни императрицу.

— Добрый вечер, госпожа. Как вы себя чувствуете?

Его голос был тихим, но в нем явно слышалась улыбка, и Литания улыбнулась в ответ.

— Прекрасно. Слава Единому, перестало качать. А почему мы идем на веслах?

— Штиль.

— Неужели они так и будут грести всю ночь, разве нельзя встать на якорь до утра?

— Гребцы работают посменно. Они пять дней отсыпались, теперь им придется потрудиться.

— Но к чему такая спешка?

— Мы потеряли слишком много времени на стоянке. Галеру Янгиса видели перед закатом. Надеюсь, за ночь мы оторвемся от нее.

— Не может быть! Я была уверена, что он вернется в Гилатиан.

— Я тоже. Но, к сожалению, он не отстал. После поражения ему очень хочется вернуться с трофеем.

— За нами идет только один корабль? Насколько я знаю Виндома, он тоже должен был связаться в погоню, если его не потопили.

— Виндома больше нет, он умер за несколько дней до похода. Яд, полагаю.

Литания помолчала, обескураженная новостью. Виндом был ее личным врагом. И порядочной скотиной. Но представить Арса мертвым было невозможно — дворец без его львиного рыка? Впрочем, надо надеяться, она больше не попадет в этот проклятый дворец.

— До Кадара два дня, если появится ветер, мы больше не увидим галеру. В крайнем случае, солдаты будут грести вместе с каторжниками. Если понадобится, мы с Лансом и Видием тоже сядем на весла, но мы уйдем.

— Что ж, тогда я не стану волноваться. Я все-таки решила доверять вам, — улыбнулась Литания.

Брейд молчал долго, и Литания подумала, что обидела его этим «все-таки».

— Я сделаю все возможное, чтобы оправдать эту честь, госпожа, тем не менее, я хотел бы предостеречь вас. Очень часто нам приходится полагаться на тех, кто рядом, но доверие — это всего лишь рабочая гипотеза, которая может не подтвердиться. Нам не дано знать даже самих себя, что уж говорить о других людях.

— Ваши слова продиктованы холодным рассудком, а для меня доверие — это чувство, оно либо есть, либо его нет. Душа знает больше нашего разума, она редко ошибается.

— Чувства... Они как погода: сегодня шторм, завтра штиль. Единственное, в чем я мог бы поклясться перед небом — в искренности моего желания спасти все вверенные мне жизни.

— Я благодарна вам... — Литания вглядывалась в горизонт и не различала грани, где тьма моря переходит в тьму неба. Черная ночь, глухие удары барабана, скрип уключин.

— Как вы поступите с рабами, когда мы прибудем в Кадар?

— Высажу на берег в каком-нибудь безлюдном месте. Боюсь, у Альбина возникнут сложности с неведомо откуда взявшейся шайкой — но не продавать же их на рынке, в самом деле. Ну а мы доберемся до ближайшего порта, купим лошадей и отправимся дальше. Я думаю, сразу в Салем, не заезжая к вашей сестре. Впрочем, если вы ей напишите, Альбин, может быть, и рискнет вас принять. Тогда вы будете под его защитой.

— А корабль?

— Балтазар вернет его законному владельцу. Своих людей я тоже отпущу — нам не понадобится войско для путешествия по Кадару, может, оставлю человек пять. Не беспокойтесь, госпожа, я никого не обижу — все будет так, как вам нравится, и каждый каторжник получит по золотому рину. А сейчас простите меня — мне пора вернуться на мостик.

— Спокойной ночи, герцог.

— Спокойной ночи, госпожа.

Литания спустилась по трапу и села на ступеньку. Она долго смотрела на странно сияющий парус, не понимая, что с ним такое, пока не увидела, что это луна просвечивает сквозь серую холстину.

Литания чувствовала беспомощную обиду, как несправедливо наказанный ребенок.

Брейд говорил с ней мягко и ласково. Точно так же, как Джан в их последнюю встречу, когда ее увозили к Янгису. Бережно, как будто ставил точку в прощальном письме. Но почему?!

Литания упрямо мотнула головой. Она слишком много думает об этом человеке. Брейд рискнул и жизнью, и положением ради нее, она действительно должна быть благодарна ему. Что еще можно хотеть от него?! Счастья? Она уже была счастлива с Джаном целых пять лет. У большинства из тех, кого она знала, не было и этого.

И хватит вспоминать тот поцелуй в Белой Чайке, среди огня и летящих стрел. Он абсолютно ничего не значил, Брейд просто пытался успокоить ее.

Литания решительно встала и ушла в душный мрак каюты, чтобы не спать до утра.

Корабль еле двигался, из-под палубы слышались крики. Брейд разбудил двух своих солдат и спустился на нижнюю палубу. Там было светлее, чем на юте — чтобы никто из рабов не вздумал прохлаждаться, комит зажег аж четыре фонаря.

Громадный зверообразный надсмотрщик избивал гребца. Остальные рабы орали,

старались хоть плевком дотянуться до палача. Комит отсутствовал, видимо, дрых, придется наводить порядок самому.

— Прекратить! — крикнул Брейд, — надсмотрщик снова ударил жертву. Кровь гребца тремя струйками стекала на грудь, из обеих ноздрей и из угла скособоченного рта.

Брейд приставил меч к горлу громилы, аккуратно поднял лезвием подбородок.

— Посмотри на меня. Я велел тебе прекратить. За что ты его бил?

Надсмотрщик молча сопел. Ему ничего не стоило отнять железку у этого хлыща и снести лыбящуюся голову, но ведь за ним еще двое с мечами наизготовку. Наконец он процедил сквозь зубы:

— Он меня обругал.

— Нехорошо. Он тебя обругал, а ты ему зубы выбил. Давай, обругай его в ответ. Назови его, как он тебя назвал.

Лезвие ощутимо надавило на кадык, и надсмотрщик просипел:

— Боров вонючий.

— Молодец. Ну а теперь ты его ударь, как он тебя бил, — Брейд взял надсмотрщика за волосы и наклонил к рабу.

Гребец застыл. Ударись, и больше не жить. А, все равно это не жизнь — и от души, чтоб в последний раз оторваться, вломил по ненавистной харе. Хрустнула переносица.

Гребцы восторженно загудели.

— Ребята, а он вам вообще нужен? Сумеете грести без него? — спросил Брейд

— Не нужен! За борт его! Сами справимся! — хором заорали рабы.

— Ну что, все понял? Твое дело — бить в барабан и раздавать еду. Еще раз без приказа комита кого-то тронешь — отправлю за борт.

Гребцы недовольно заворчали, они надеялись на окончательную расправу над мучителем. Весла были опущены, корабль стоял.

— Парни, вы обещали грести.

Кто взялся за весла, кто нет. Послышались голоса:

— Снимите цепи, тогда будем грести. В цепях тяжело.

— В Кадаре сниму. Ребята, я вас не покупал, мне не нужны рабы. Я захватил этот корабль, за нами гонится императорская галера. Догонит — все пойдем ко дну. Уйдем от нее, доберемся до Кадара — отпущу на свободу. И каждый получит по два золотых рина.

— По три! Отпускай сейчас! А если не заплатишь?

Брейду уже самому хотелось взять в руки плеть.

— Так. Кто-нибудь слышал о шайке Волка?

Ему откликнулась всего пара голосов:

— Ну, я слышал, — слышал, и чего? — и, наконец, — ну да, у них там мой брат.

— Я — Волк. На борту мои люди. Не будете грести, посажу на весла своих парней. А вас — к рыбам.

Все обернулись к брату разбойника

— Это точно Волк? Он, что ли, тебя на каторгу отправил?

— Да нет, я не у него был. Волк неплохо платит, но там не разгуляешься — дисциплина, то да се, чуть что — пинком под зад, вали нахрен, сам свою шайку делай. А он это или нет — не знаю, я ж к нему не пошел.

— Как звали твоего брата? — спросил Брейд.

— Крис. Крис Тамсин. Вы его помните, милорд? Он еще жив?

— Криса сюда, быстро.

По трапу сбежал молодой парень.

— Вон там, на задней скамье, твой брат. Нет, не подходи к нему. Узнаете друг друга?

— Крис! — Вулли!

— А теперь скажи им, кто я. Они не верят, что ты из моей шайки.

Крис чуть было не представил Брейда герцогом Атерли, но глянул на развязные ухмылки рабов и смекнул обстановку.

— Это Волк, наш командир. Лучше ему доверять. Для вас же лучше.

— А что, там правда галера за нами гонится? Он точно нас освободит? Он обещал заплатить по три рина, заплатит? — хором загалдели каторжники.

— Раз обещал — заплатит. Пока вы тут языки чешете, галера четверть пути до нас прошла. Гребите, сволочи.

«Толковый парень, надо к нему присмотреться» — подумал Брейд и сказал жмущемуся к стене второму надсмотрщику:

— Чего стоишь? Бей в барабан. К людям не прикасайся, хотят жить — будут грести.

Рабы неохотно взялись за весла.

На пятьдесят первом году жизни менестрель Тобиас влюбился во второй раз. Его первая любовь звалась Каролиной, она подарила ему семь прекрасных, почти безоблачных лет и два года беспросветной муки, когда Тобиас пытался исцелить жену от неизлечимой болезни. Он похоронил Каролину в семейном склепе и в тот же день навсегда покинул родовое поместье, проданное за долги. Все, что у него было, он истратил на лекарей.

Вторая же... Нет, второй, конечно, была Лаэрта. Тобиас стыдился этого неуместного чувства, величал себя старым идиотом, хотя и был ровесником императора, сочинял ночами трогательные стихи и безжалостно рвал их на утро. Баллада, подаренная Брейду, была из их числа, и речь в ней шла о Лаэрте. Ну а розой звалась, разумеется, не леди Вивиан, а незабвенная Каролина. Со временем ему удалось обуздать никчемные фантазии, императрица стала для него милостивой госпожой, драгоценным другом — но не более.

Леди Алинду никто не сравнил бы ни с розой, ни с лилией. Разве что с лесной фиалкой — чтобы оценить ее изящество, нужно было очень внимательно присмотреться. Королева Ликейи прислала ее приглядывать за ракайскими принцессами, и поначалу Тобиас отнесся к Алинде со снисходительной жалостью. Милая девочка, постаревшая на придворной службе: хрупкая фигурка, поблекшее усталое личико, детский голосок. Вечная фрейлина, не изведавшая ни любви, ни материнства, скромная тень блистательной королевы, преданная нянька для принцев, а позже и для королевских внуков. Она умела сочинять чудные сказки и помнила больше баллад, чем сам Тобиас. Когда он попробовал читать ей свои стихи, Алинда с лукавой улыбкой продолжила их — она знала наизусть почти все, что он написал. Они проводили много времени вместе, и с каждым днем ее глаза сверкали ярче, голос звучал звонче, а щеки покрывались нежным румянцем. Тобиас уже не понимал, как мог он счесть леди Алинду невзрачной — прелестная женщина, добрая фея, она стала душой его души.

Во дворце давно погасли окна, Агни и Раймонд смотрели третий сон под охраной дремавших за дверью гвардейцев, а они все сидели посреди темного парка, освещенного только ярким ночным небом. Давно следовало отправить Ситу спать, но Тобиас задумчиво

перебирал струны лютни. Еще утром он решил — сегодня, как только он останется с Алиндой наедине, он откроет ей свое сердце. И будь что будет. Он подыскивал для своего признания самые возвышенные слова, оттачивал каждую фразу, чтобы она засверкала, как огранный алмаз. Ему хотелось длить и длить эти волшебные минуты неизвестности — как ребенку, прижавшему к груди перевязанную шелковой лентой коробку с подарком.

Огромная медная луна всплыла над садом. Между деревьями разливался запах поздних цветов и увядающей травы, наполняя сердце печальным блаженством.

Алинда вздрогнула: где-то за спиной по аллее пробежали легкие детские шаги.

— Тобиас, там какие-то дети, — встревоженно сказала она.

— Это олень.

— Да, наверное, — в парке действительно обитало семейство ручных ланей. Ей показалось, что она отчетливо слышала топот двух пар ножек — или все-таки четырех копыт?

Сита неожиданно встала, запрокинула к небу лицо и заговорила глухим взрослым голосом:

— Сегодня дракон утолит жажду...

Тобиас в отчаянье зажмурился: он знал, что сейчас начнется. Последний приступ случился с Ситой неделю назад. И вот опять, они происходят все чаще и чаще. Надо показать девочку врачам.

— В ночь полнолуния палач возложит агницу на жертвенник, и пролитая кровь отворит врата, — она изо всех сил закусил губу, чтобы очнуться. «Уйди, пожалуйста, уйди!» Дух прорицания был сильнее Ситы; когда он приходил, ее душа сжималась, уступала ему место, но сейчас он мешал.

— Дети где-то здесь, в парке, их надо найти! — выкрикнула Сита, освободившись от наваждения.

— Может быть, поднять стражу? — Алинда без раздумья поверила девочке.

— Мы не успеем. Бежим!

— Ты знаешь, куда?

— Не знаю, — Сита растерянно помотала головой, — вы помните, что я сейчас говорила?

— Что-то про палача... Жертвенник? Может быть, они в храме?

Принцесса Агния раскинулась поперек кровати и самозабвенно сосала большой палец, мама и Сита безуспешно боролись с этой ужасной привычкой. Раймонд осторожно вынул слюнявый кулачок изо рта и слегка потряс его.

— Вставай, Агни!

— Сита, покорми павлина, — строго ответила Агни и свернулась калачиком.

Раймонд прекрасно знал, что ее так просто не разбудишь. На соседней кровати валялась вязаная шаль Ситы, он закутал девочку и взвалил ее на плечо. Вокруг окна вились стебли дикого винограда, старая лоза давно одеревенела, она могла выдержать вес взрослого мужчины. Придерживая сестренку локтем, Раймонд довольно ловко спустился на землю. Через несколько шагов Агни проснулась, и удивленно посмотрела по сторонам. Раймонд поставил ее на землю и поплотнее запахнул шаль. Плохо, что он забыл ботиночки. Ладно, не простудится — ночь теплая.

— А куда мы идем?

— Гулять. Видишь, какая луна красивая?

— Ага. Большая, как сковородка.

Раймонд не мог точно сказать, куда он ведет Агни, но знал, что найдет это место. Шрам на бедре очень сильно чесался. Небольшой розовый рубец появился после поездки в Гилатиан, Раймонд так и не вспомнил, где он так лихо навернулся.

На спинке скамьи спала крупная птица, упрятав голову под крыло.

— Ой, наш павлин! Ты взял с собой овес?

— Павлины не едят ночью. Завтра его покормим.

В конце аллеи белела мраморная полусфера дворцового храма. Дверь были заперта, и Раймонд обошел здание по кругу. Со стороны алтаря должны быть три узких высоких окна. Одно из них оказалось просто прикрыто, Раймонд достал из-за пазухи маленький детский кинжал и подцепил раму. Створка со скрипом отворилась.

— Забирайся, я тебя подсажу.

— А что там?

— Сейчас увидим.

Внутри было темно, только три полосы серебряного света тянулись от окон, освещая что-то живое и пестрое, рассыпанное по полу. Одурачивающий запах растоптанных цветов заполнял храм, и Раймонд вспомнил, что утром, на Праздник Провозвестия, он уже был здесь. Толпа придворных, море цветов, нескончаемо длинная проповедь. Промелькнуло и исчезло. Его чувства были острыми, как у хищника, а мысли слишком быстрыми, чтобы их можно было уловить. Он достал из кармана огниво (откуда оно там взялось?) и запалил одну из свечей, стоящих на жертвеннике, от нее поджег еще четыре. Они горели так ярко, что резало глаза. Алтарь был усыпан поздними розами и астрами, Раймонд смел их на пол.

Огоньки отразились в блестящем мраморе, смутно напомнив давний сон.

Он стоит на коленях перед алтарем, почему-то совершенно голый, озябший. Торжественное трехголосое пение, резкая боль в бедре. Мужской властный голос приказывает ему: «Поднимись, Раймонд. Ты станешь величайшим из императоров Ракайи». Пламя восторга охватывает его с ног до головы, выжигая озноб и страх.

То, что он должен сделать сейчас — хорошо бы еще понять, что именно — нужно, чтобы забытый сон стал явью. Он подвел Агни к алтарю.

— Давай я помогу тебе залезть.

— Зачем?

— Так надо. Это такая игра.

— А ты тоже сюда залезешь?

— Нет. А теперь ляг и закрой глаза.

Раймонд отодвинул подсвечник подальше, чтобы Агни случайно не обожглась.

Потом он увидел в своей руке кинжал, занесенный для удара, и заорал:

— Беги, Агни! — он успел столкнуть девочку с алтаря прежде, чем лезвие проскрежетало по камню, оставив глубокую царапину.

За дверью храма послышался детский плач, и Тобиас с разбега ударил по ней ногой. Она не поддалась, менестрель, прихрамывая, побежал вслед за Ситой в обход. Одно из окон было распахнуто настежь. Внутри — полутьма, тяжелый душный запах цветов, на алтаре горят свечи, никакого палача и в помине нет. Агни сидит на полу и хнычет, по другую сторону алтаря застыл Райми.

Алинда осталась снаружи, Сита вслед за Тобиасом залезла в окошко и склонилась над сестренкой.

— Что случилось, ты почему плачешь?

— Он толкнул меня!

— Ну, ничего, он же нечаянно, — Сита через подоконник передала малышку Алинде и оглянулась на брата. Он так и стоял — чуть пригнувшись, слегка расставив руки. Тобиас осторожно подкрался к Раймонду сзади и обхватил его за локти.

— Положи нож на алтарь, — очень спокойно попросил он.

Раймонд дернулся, как от удара плетью, лягнул менестреля в пах, ужом выкрутился из объятия и, отшвырнув Ситу, выпрыгнул в окно.

— Отдай мне ее! Отдай, гадина! — мальчик попытался выхватить всхлипывающую Агни из рук фрейлины.

Алинда вцепилась ему в волосы с такой силой, что Раймонд выгнулся дугой и взвыл от боли. Он пытался добраться до Агни, извивался, вслепую молотил кулаками, пока Тобиас не вырвал у него кинжал и не забросил в кусты. Лишившись оружия, Раймонд обмяк, как тряпичная кукла. Но как только его отпустили, мальчик отскочил и вжался в стену храма. Он был похож на затравленного волчонка, переводил взгляд с Алинды на Тобиаса и хотел одного — сбежать. Потом он что-то заметил и с трудом разлепил пересохшие губы:

— Я вас ранил, Алинда.

Фрейлина пожалала плечами и поглядела на свою руку, обнимавшую Агни. Светлый батистовый рукав казался черным в свете луны, белая рубашка девочки тоже была измарана кровью. Алинда поставила Агни на землю и тихо осела в траву.

— Что с вами?! — вскрикнул Тобиас.

Она не ответила, ее глаза закатились.

Манжет был скреплен замысловатым браслетом; обезумевший от тревоги Тобиас надкусил ткань в пройме и сорвал с руки. От кисти до локтя кожа была истыкана глубокими порезами. Он как можно туже перетянул плечо отодранным рукавом, наверное, он причинил Алинде боль — она негромко застонала, посмотрела на Тобиаса и смущенно улыбнулась.

— Простите меня, я ужасно боюсь вида крови, — фрейлина искоса глянула на свою обнаженную, кое-как перевязанную руку.

— Что вы наделали?! Как я пойду во дворец в таком виде?

— Да, это абсолютно неприлично, госпожа... Но вам не придется идти, — Тобиас поднял Алинду, она была совсем легкая, почти как Агни. Он нес ее по аллее, прижимая к сердцу, и с сожалением думал, что сегодня объяснение не состоится.

— Но вам же, наверное, тяжело, — не услышав ответа, Алинда вздохнула и доверчиво положила голову ему на грудь. Не надо ей ничего объяснять, она и так все знает. Заранее сочиненные слова, совершенно не нужные, ночными мотыльками упорхнули в темноту. Когда-нибудь он напишет песню.

Сита посадила Агни себе на шею.

— Пойдем, Райми.

— Нет. Мне нельзя с вами. Сита, я, наверное, сумасшедший. Я могу еще кого-нибудь убить.

— Ты никого не убьешь. Не знаю, что это было, но оно оставило тебя, когда Тобиас отнял у тебя кинжал. Утром я найду его и выброшу в море.

Под утро солдат разбудил Брейда.

— Господин, там, в трюме, труп.

В проходе между скамьями лежал надсмотрщик с разmozженной головой. Одежда разодрана в клочья, вся в крови. Тот самый здоровенный мерзавец, которого вчера проучил Брейд.

— Кто это сделал?

Рабы сосредоточенно гребли, хотя никто не командовал ими.

— Мы не знаем, господин. Он сам сюда приполз и сдох, — отозвался кто-то из темноты.

К трапу и дальше, вверх по ступеням, действительно тянулся кровавый след.

— Где второй надсмотрщик?

Из темного угла отделилась тень.

— Расскажи, что ты видел. Не бойся, ты больше не спустишься вниз, будешь работать на палубе.

— Они правду говорят, господин. Он приполз и умер.

— Посмотри на него. Со сплющенной головой нельзя ползти. Скажи, как было — получишь пять золотых, и я выделю тебе охрану.

— Я рассказал все, что знаю. Как-то приполз. Ну, может, скатился, я не заметил, — запинаясь, пробормотал надсмотрщик.

Брейд опросил всех своих людей. Никто ничего не видел. Услыхали крики, увидели труп, позвали командира. Крис вообще спал. Кровь была только на трапе, палубу они уже успели вымыть.

Брейд приказал снять с тела одежду. Ножевой раны, которую он предполагал найти, не было. Кожа сплошь в синяках, местами ободрана, рука сломана. Похоже, ему нанесли чудовищный удар по голове, а потом долго, с наслаждением, пинали ногами.

Брейд не стал разбираться, кто виноват. Выбрал шестерых солдат с самым жестким нравом, приказал посменно дежурить возле гребцов. Ему, по большому счету, было наплевать, кто расправился с мерзавцем, но убийство надсмотрщика было первым шагом к бунту.

— Галера! — завопил матрос из корзины на мачте, и Брейд снова посадил солдат на весла — по три человека на каждую банку, один отдыхает, двое гребут.

Квадратный парус надолго пропал из вида. К вечеру гребцы выдохлись, их ладони, непривычные к изнурительному труду, сочились кровью. Красный лоскуток снова маячил на горизонте, под ним сверкала ослепительная звездочка — солнце отражалось на золоте кормовой надстройки. Никто не просил отдыха, но барабан бил немного реже — комит видел, что люди уже перешли предел усталости и скоро начнут, как подстреленные, валиться под рукояти весел.

Брейд и Балтазар склонились над картой.

— Мы вот здесь, — капитан ткнул в длинную пологую дугу залива.

— До Кадара не дотянем?

— Разве что к утру. У нас нет этого времени.

— Значит, высадимся, как только стемнеет. Корабль придется бросить.

— А с этими-то что делать будем? С каторжниками? Они ж первым делом надумают нас грабануть.

— Сначала перевезем женщин и ценности, отойдем подальше от берега. Потом — матросов, надсмотрщиков и моих людей. Когда будет отходить последняя лодка, оставим ключи от кандалов и мешок монет одному из гребцов, вторую лодку — тоже. Даже если они не передерутся из-за денег, у нас будет достаточно времени, чтобы организовать оборону. Они безоружны, вряд ли полезут драться с отрядом солдат, да и Янгис на подходе — скорей всего, разбегутся по зарослям.

— Лучше бы их на корабле оставить, пускай Янгис их освобождает.

— Я обещал. И они гребут, не жалея себя.

Глава 23. Черная Смерть

Шлюпка с мокрым скрипом въехала на песок. Матрос спрыгнул в мелкую воду, затащил ее подальше на берег, так что Литания и Тайра даже не намочили ног, выбираясь на сушу. Ночь была беззвездной, кроме смутных силуэтов рыбацких лодок на светлом песке и призрачных крылатых теней поодаль, оказавшихся растянутыми на шестах сетями, никаких признаков деревни не было видно.

Корабль стоял довольно близко к берегу, на нем мелькали огни фонарей, но вторую лодку, кажется, еще не спустили. Двое матросов столкнули шлюпку в воду и поплыли за следующей партией пассажиров, третий остался на берегу. Лодка причалила к кораблю, заскрипели лебедки. Зачем они ее поднимают?! Потом послышался всплеск, как будто с борта что-то упало, слабое эхо голосов, через некоторое время — еще пара всплесков.

— Не пойму, что там у них происходит, — сказал Брейд.

— Да ничего хорошего, уходить нам отсюда надо, — отозвался матрос.

— Я не могу бросить своих людей.

— Ну, как знаете...

Все стояли у кромки воды и вглядывались во тьму. Ни звона оружия, ни криков не доносилось с судна. По смутному черному пятну корабля петляли тусклые огоньки. Потом совершенно беззвучно пятно стронулось с места: корабль разворачивался в открытое море.

— Все, уходят. Что, так и будем тут сидеть?

Брейд подошел к матросу.

— Ты что-то знал?

— Смотрите, — крикнул Ланс, он лучше других видел в темноте, — сюда кто-то плывет.

По чуть поблескивающей глади моря к берегу приближался пловец. Он двигался тяжело и медленно, редкими короткими гребками. Добравшись до отмели, встал на ноги и, шатаясь, выбрался на сушу. Брейд подал ему руку, чтобы Балтазар не упал под грузом намокшей одежды.

— Что случилось, Балтазар?

— Твои люди расковали гребцов. Хотят плыть в Дарнию.

— Что с остальными?

Шкипер сел на перевернутую лодку и стащил сапоги, из них хлынул целый водопад.

— С какими остальными? Надсмотрщиков — того, — он чиркнул ладонью по горлу, — все прочие в Дарнию собрались, на острова.

— И матросы?

— А что матросы? Что лучше — пиратом стать или к рыбам на дно?

Брейд помолчал.

— Все мои люди в этом участвовали?

— Ну, может, не все хотели, так против большинства же не попрешь. Тем более, когда гребцов расковали. Балтазар натянул сапоги и стал выкручивать куртку.

— Ты-то как жив остался?

— Так твои добрые люди меня не тронули, просто скинули за борт — и все. Надо идти отсюда. Трирема через пару часов их догонит, так что Янгис будет знать, где мы высадились.

Брейд подошел к матросу, угрюмо стоявшему поодаль.

— А ты чего не с ними?

— Неохота на виселице болтаться.

— Почему не предупредил?

— Зачем? Вы что, остановили бы их? Сейчас мы на дне бы лежали.

Брейд проводил взглядом обреченный корабль. Всех их ждет скорая и неизбежная расплата за предательство. Это были его люди, он знал их имена, их истории. Он ходил с ними в битвы и привык доверять им. И погубил своим доверием. Нельзя было бросать их на корабле. Брейд помолился о том, чтобы поднялся ветер — хотя вряд ли молитва о разбойниках, предавших своего вожака, будет услышана. Особенно если учесть, что за них заступается не чистая душа, а этот самый вожак.

Литания подошла к нему и тихо сказала:

— Они освободили своих, среди гребцов был брат одного из ваших людей. Даже если они погибнут — их последний поступок был продиктован состраданием.

— Я сам должен был освободить рабов. И уйти с корабля последним.

— И мы все вместе полетели бы за борт. Или часть солдат встала бы на вашу сторону — и началась бы резня. Корабль — слишком большой соблазн для невольников.

— Я пойду поищу дорогу, — сказал Ланс.

— Тут совсем рядом была деревушка, Лебяжье. Из нее есть только одна дорога, через плавни — неожиданно весело ответила Литания.

— Вы бывали здесь?

— Это же Раттен, одно из графств Наррата. В детстве мы жили в Наррате чаще, чем дома. Наши кузены ездили в Лебяжье на охоту, а мы с Лаэртой — лебедей смотреть. Их столько сюда прилетает, что воды не видно.

— На лебедей охотились? — возмущенно спросила Тайра.

— На уток. Ни один нарратец не выстрелит в лебедя.

Прямая, как стрела, насыпь шла через плавни. В древности она была вымощена каменными плитами, и они почти не пострадали за минувшие столетия. Кое-где насыпь подмыло, и крайние плиты обрушились в воду, но дорога оставалась проезжей. Эта дорога, да развалины городской стены на краю Лебяжьего — вот и все, что осталось от торгового порта, некогда принадлежавшего Ликейскому царству. Когда-то Ликейя тоже была империей, она владела Феруатом, и странами к востоку от него, и частью Ракайи с городом, который ныне назывался Гилатиан. Теперь от империи осталась полоска приморских земель за Драконьими горами да несколько южных островов.

Они взяли самое необходимое — теплую одежду, оружие и немного еды, найденной в матросском сундучке. Мужчины даже броню бросили, оставив на себе только кольчуги. В конце плавней дорогу пересекал тракт, ведущий от большого селения Армеды к границе Кадара, и они рассчитывали добраться до жилья за пару дней.

Идти было нетрудно, ночь была теплой и тихой. Между зарослями тростника поблескивала вода, какие-то существа — не то птицы, не то водяные крысы — плюхались в нее, испугнутые человеческими шагами. Ближе к рассвету плавни закончились, сменились заливными лугами, и древняя дорога уперлась в широкий тракт.

— Если бы я был Янгисом, то на этом перекрестке разделил бы отряд надвое и послал в обе стороны, сказал Брейд, — слишком очевидно, куда мы пойдём. Нам нужно повернуть на

Кадар намного дальше.

— Впереди есть еще одна деревушка, Вайла, до нее примерно полдня, если идти напрямик через поля. Но, может быть, мы сначала немного передохнем? — взмолилась измученная Литания.

— Да, конечно. Только не здесь, надо отойти подальше от тракта.

Через полчаса все попадали на дно лощинки, заросшей ивняком и орешником. Матрос раздал спутникам по паре сухарей из своего полезного сундучка, Тайра даже не смогла доесть свой завтрак — так и заснула с зажатым в кулаке недогрызенным сухарем. Один только Ланс не стал ложиться, он сосредоточенно мастерил лук из орехового прута и найденного в том же сундучке мотка пеньковой веревки.

— Попробую утку подстрелить. Заодно и разведая, не идет ли за нами Янгис.

Жаркое солнце и кусачие мухи не позволили отоспаться вдосталь. Мрачный, до пояса промокший Ланс шпиговал крапивой пару уже ошипанных и выпотрошенных уток.

— Проще руками их ловить, чем с таким луком... Добыча так себе, зато я встретил телегу с рыбаком из Лебязьего, он в Армеда бочки с рыбой вез. Говорит, ночью в море был бой, в гавани стоит полузатопленный корабль. А с другого корабля высадились солдаты, всю деревню перебудили, искали каких-то сбежавших преступников и спрашивали дорогу на Кадар. Правильно мы с тракта ушли.

Местность была открытой и безлюдной, среди некошенных лугов изредка торчали тощие желтеющие тополя, да уродливые ветлы, похожие на безумных старух с седыми космами. Листья, тянули иссохшие ветви к небесам. Путники постоянно оглядывались, жались к кустарникам. Но погони не было.

Дальше пошли холмы и рощицы, Брейд разрешил сделать привал, и все накинулись на остатки сухарей и ежевику, обильно произраставшую на опушке. Ланс все принохивался к уткам, но тяжелого запаха не чувствовалось, они были крепко просолены.

Перелески становились гуще и вскоре слились в настоящий лес. Литания очень боялась заблудиться, поминутно косилась на солнце, но все-таки вывела маленький отряд на просеку.

— Налево Вайла, направо Кадар, — . ее саму удивляло, что детские воспоминания оказались такими точными.

По просеке давно не ездили, приходилось перебираться через лежащие на земле стволы. Все порядком устали, когда впереди показался просвет. Дорога уперлась в груды поваленных деревьев, высокую, почти в человеческий рост. Судя по свежим спилам, преграду возвели недавно. Как далеко она продолжалась в глубь леса, понять было трудно, так что завал решили попросту перелезть. Первым на вершине очутился Ланс, осмотрелся и присвистнул:

— Там впереди засека.

Впереди расстилались бескрайние луга. В сотне шагов от опушки дорогу перерезала точно такая же преграда из кое-как уложенных бревен с хищно заостренными сучьями. Засека не была сплошной, в ней были разрывы — не больше двух полетов стрелы, но она тянулась вдоль леса, насколько хватало глаз.

— Что за черт, — Брейд прыгнул на дорогу, — стойте тут, я схожу посмотрю.

— Эй, — крикнул он и на всякий случай поднял руки.

Над бревнами показалось несколько железных касок, высоко над головой просвистела

стрела. Ему что-то кричали, но Брейд не знал кадарского.

— Что они хотят?

— Уходите, идите назад, — перевела Литания.

— Как сказать: «нам нужно только поговорить»?

Литания сама выкрикнула эти слова, надеясь, что женский голос успокоит вояк.

Ответом была целая россыпь стрел под ногами у Брейда и злобный крик.

— А сейчас что?

— «Убирайтесь отсюда». Лучше уйдите, пока они не начали стрелять прямо в вас.

Брейд перемахнул обратно через завал. Каски исчезли — нет, одна все-таки осталась наблюдать за дорогой.

— Что за ерунда. Раттен теперь воюет с Кадаром?

— Если они и стали бы воевать, так только с Ракайей. Неужели Альбин решил отъединиться от империи? — с робким восторгом предположила Литания.

— Разве что совсем недавно, иначе я бы слышал. А такое сооружение за неделю не построишь.

— Вы просто не знаете Альбина и мою маму, если им что-то в голову взбредет...

— Не думаю, что у Альбина хватит солдат на всю границу. И засека — не преграда для армии, разве что против разбойников сгодится.

— Что вы тут гадаете, давайте в Вайлу сходим, спросим у людей, — предложил Балтазар.

До деревни они добрались на закате, еле дотащились. На разведку отправились Ланс с Балтазаром, остальные наши укромную полянку неподалеку от дороги и повалились в траву.

Ждать пришлось долго, Брейд и Видий уже собрались идти на подмогу, но тут ветки затрещали, и разведчики ввалились на поляну. Ланс вел за обрывок веревки симпатичную бурую ослицу с белыми кругами вокруг глаз, Балтазар тащил большой чугунный котелок, набитый мисками и щербатыми деревянными ложками.

— Там нет никого, деревня брошена. Вот, нашли немного посуды и эту красотку.

— Ну что ж, будет поклажу нести. И ложки-плоски тоже пригодятся, не люблю есть руками, — обрадовался Видий.

Тайра сорвала пучок травы и пошла знакомиться.

— Бросили тебя, бедную...

Ослица обнюхалась со Шмелем, злобно косясь на Тайру. Оскалилась, показав огромные желтые зубы, и цапнула доверчиво протянутую руку.

— Вот дрянь! Ланс, сам нашел это сокровище, сам и воспитывай, — Тайра возмущенно разглядывала ссадины на ребре ладони.

— Что делать-то будем? — спросил Видий.

— От Вайлы начинается лесная дорога в Наррат, она идет до самого Тилуана, — ответила Литания, — это простая охотничья тропа, Янгис вряд ли узнает о ней. А мы немного погодя снова попробуем перейти границу.

— Я почти уверен, что в этих краях собралась крупная разбойничья шайка, — сказал Брейд, — Раттен разорен, людям нечего есть, вот и устраивают набеги на Кадар. В деревне ночевать опасно, надо отойти подальше, пока совсем не стемнело.

Ослица безропотно позволила навьючить себя тюками с одеждой, но при виде котелка попятилась и выразительно растопырила ноги.

— Ладно, сам понесу. Пошли, Серая — добродушно буркнул Балтазар

— Почему Серая? Она же бурая, — удивился Ланс.

— Ну, как-то же надо ее звать.

— Назовем ее Виринея, — решительно сказала Тайра.

— А почему Виринея?

— Была у нас в Ашере похожая на нее дама, с такими же прекрасными очами.

Ланса потрясло великодушие Тайры. Если бы его так ткнули, ничего, кроме Стервы, ему бы в голову не пришло. Подумать только, «прекрасные очи»!

— Ты, случайно, не Виринею Баркет имеешь в виду? — оживилась Литания. Ту, с четырьмя детьми — ты еще с их младшеньким в детстве играла, пока она не запретила?

— Ее самую. Они с Гутрисом, кстати, наше стадо украли — прямо наутро после пожара.

— Она всегда была редкостной стервой.

Ланс ухмыльнулся. Оказывается, не так уж они с Тайрой и отличаются

Брейд попытался запретить костер, но скоро сдался, чтобы даром не терять авторитет. Уток было всего две, каждый, включая Шмеля, получил по четвертинке. Совсем не то, что жирная домашняя птица — мясо жестковатое, отдает горчинкой, а главное — мало этого мяса. Вскоре все уже скармливали Шмелю дочиста обсосанные косточки. Литания заметила, что Брейд пару раз куснул утиную ножку и исподтишка отдал ее собаке.

Немного погодя он незаметно растворился в ночи. Из глубины леса слышались звуки не то кашля, не то рвоты.

— Что это с ним? — нахмурилась Литания.

— Сейчас узнаю, госпожа, — Видий скользнул во тьму.

Их не было больше часа, слишком долго для разговора о здоровье. Тайра давно уже спала под пологом, который Литания соорудила из нижних юбок. Какая же это полезная вещь оказалась — и котомки из них получились отличные, и полог от комаров, а она еще хотела бросить весь свой запас на морском берегу.

Мужчины, замотав головы плащами, похрапывали вокруг костра, Литания сидела у самого огня и отмахивалась веткой от зудящего роя мелких злобных тварей. Ее терзала беспричинная тревога. Ну, съел человек что-то не то, живот заболел — с кем не бывает?

Брейд стал совсем другим, отстраненным и безразличным. Он обращался со своими спутниками, как наемный пастух со стадом: проявляя необходимую заботу, но не удосуживаясь запоминать имена чужой скотины. Каждое слово, каждый взгляд — как будто через силу. Возможно, он пожалел, что ввязался в историю со спасением Литании. Потерял все ради женщины, а потом понял, что она ему не нужна. Но почему она испытывала страх, думая о Брейде? Вот и сейчас, чем дольше длилось ожидание, тем сильнее сжималось сердце — как будто там, в лесу, творилось что-то недоброе.

Первым появился Брейд, он пожелал ей спокойной ночи и устроился на ночлег далеко за пределом освещенного круга травы. Немного погодя из леса вышел Видий, он сел рядом с Литанией и молча уставился в огонь. В красноватом мерцающем свете его лицо казалось непривычно жестким, почти злым

— Как Брейд, с ним все в порядке? — прошептала Литания, устав ждать.

— Все нормально. Думаю, ему несвежий кусок попался, — вполголоса ответил Видий, не поднимая глаз от догорающего костра.

Должно быть, он услышал невысказанный вопрос Литании и повернулся к ней с

улыбкой:

— Мы говорили о политике. Ну, вы же понимаете — кому что выгодно, у кого какие связи, кто может встать на нашу сторону, а кто — наоборот. Бесконечная тема, ее вполне хватило бы до утра, да гнус нас заел.

Видий осторожно, за крылышки, снял комара со щеки Литании и заглянул ей в глаза с таким сочувствием, что у нее потеплело на душе.

— Не беспокойтесь ни о чем, госпожа. Все будет хорошо.

— Спасибо, — улыбнулась Литания и нырнула под полог.

Утром обнаружилась двойная пропажа: исчезли ослица и матрос. Балтазар сразу же заподозрил, что моряк украл скотину, чтоб сподручнее было сбежать. Но глазастая Тайра тут же отмела предположение о совместном побеге: из-под груды котомок торчал кованый угол знакомого сундучка, а на дереве болтался изжеванный обрывок веревки — значит, Виринея удрала по собственной воле. Нужно наведаться в Вайлу, может, ослица отправилась домой, а матрос пошел ее искать.

Виринея нашлась сразу, она мирно щипала травку, которой успела зарости деревенская улица. Увидев новых друзей, ослица подбежала к Лансу и радостно боднула его в живот. А матрос не отзывался, сколько ни кричали. Шмель, казалось, понял цель поисков, он явно хотел помочь — отбегал назад по дороге в ту сторону, откуда они вчера пришли, лаял, снова кидался к людям, даже прихватил Тайру за штанину и попытался потащить за собой.

— Мы его не догоним, он давно ушел. Пойдем, нечего время терять, — сказал Видий.

— С ним что-то случилось, иначе он бы взял свои вещи, — по поведению Шмеля Тайра чувствовала, что матрос где-то близко.

— Решил уйти налегке, чтобы не догнали. Что, так и будем бежать за ним до самых Армед?

— Почему именно до Армед?

— Куда ему еще податься — там ближайший порт. Хорошо, если с людьми Янгиса не встретится, а то ведь сдаст нас.

— Тогда тем более надо его догнать. Давайте я попробую, вместе со Шмелем, — Ланс уже изготовился бежать, но Брейд остановил его:

— И что ты с ним сделаешь, если догонишь? Приведешь на веревке, как Виринею? Или убьешь — просто за то, что он не захотел с нами идти?

— Он должен был честно сказать, что уходит, — сердито буркнул Ланс.

— А почему он обязан нам доверять? Людям, захватившим его корабль?

Тема была исчерпана, только у Тайры не выходила из головы вчерашняя картинка: моряк ложится спать у костра, обняв сундучок обеими руками. Мог, конечно, и бросить его, но зачем было прятать под вещами? Фантазия рисовала единственный ответ: в предрассветных сумерках матрос тихо встает и крадется с полянки. Один из спящих открывает глаза, он заметил побег и идет следом. Догоняет, короткий злой разговор, драка. Тело матроса сброшено в яму и закидано ветками, сундучок валяется в стороне. Там соль, сухари, моток веревки — не пропадать же добру? Убийца возвращается, прячет добычу в грудке вещей, чтоб не скоро заметили, а потом решили, что время для преследования упущено. Кто это был? Маму и Ланса, рвавшего в погоню, она исключила сразу. Балтазар? Тайра вполне могла представить эту сцену с его участием. Но он бы вернулся и все рассказал, еще и хоронить бы позвал. Брейд, Видий? Кто знает? Она равно не доверяла им

обоим.

В осеннем лесу трудно умереть с голоду. Охота была не слишком удачной, Ланс подбил одного рябчика из попавшейся по пути стайки и безуспешно рыскал вдоль тропинки вместе со Шмелем, доверив Вириною Тайре. Зато всего остального было вдоволь: на обочине часто попадались грибы, на полянах рос терновник с растрескавшимися переспелыми сливами, под кустами лещины лежала россыпь орехов. Брейд подгонял увлекшихся собирателей, напоминая о матросе, который мог пустить по их следу Янгиса, и все равно к обеду котелок был полон вполне съедобными дарами природы.

Литания пустила в ход все найденное. Безумный орехово-грибной суп со сливами и рябчиком оказался на удивление вкусным, даже Брейд съел миску бульона, и ничего плохого с ним не приключилось. Сомлевшие путники разлеглись вокруг догоравшего костерка, только неугомонный Ланс отправился вверх по ручью в надежде подстрелить что-нибудь на ужин. Вернулся он скоро.

— Там деревня, — в его голосе звучало некоторое сомнение.

— Что-то не так? — насторожился Брейд.

— Вокруг нее поле, несжатое.

— Пойдем глянем. Видий, ты с нами?

Деревня стояла позади небольшого ячменного поля. Она была обнесена высоким частоколом, ворота нараспашку.

— Тоже брошена? — флегматично предположил Видий.

— Не похоже. Послушайте, — Брейд затаил дыхание.

Высохшие побелевшие метелки как-то странно подрагивали и шуршали, как будто среди колосьев запутался легкий ветерок.

— Это мыши, их тут тысячи, — Видий кивнул в сторону обочины. Между стеблями сновали мелкие зверушки, чуть глубже шастали грызуны покрупнее.

— Я не про это, — Брейд поднял палец. Все и без него уже слышали далекое залиvistое кукареканье.

— Так пошли! Там или люди, или хороший ужин, — оживился Ланс, — Шмель, возьми! Еда!

Шмель, завзятый истребитель мышей, не спешил на охоту; он жался к ноге Ланса, вздыбив загривок, и недоверчиво косился по сторонам. Должно быть, его пугало численное превосходство врага. Ближе к деревне пес громко тьякнул, и над полем взмыло бесчисленное полчище серых птах, в первый миг всем почудилось, что это мыши обрели способность летать. Воробьиная туча пронеслась в сторону опушки и сгинула в ячмене.

Из-за ворот раздался яростный лай, на дорогу выскочили две крупные всклокоченные собаки. Если бы они молчали, их можно было легко принять за волков. Они стелились по земле и заходили с двух сторон, рассчитывая напасть на путников со спины. Шмель, злобно рыча, пытался отогнать их короткими бросками. Видий побледнел и схватился за меч, Ланс снял с плеча лук.

— Вы чего, парни? — удивился Брейд и поднял высохший ком земли. Несколько метких бросков — и собаки, нервно оглядываясь, потрусили к лесу.

— Странные какие-то, обычно ведь к дому бегут, — Ланс потрепал довольного общей победой Шмеля.

— Щенки у них там, в деревню они за добычей приходили. Видели же — одна из них сука кормящая.

Перед воротами Шмель попятился и заворчал.

— Брейд, не стоит нам туда идти, оттуда мертвечиной несет, — Ланс скривился и двумя пальцами зажал нос

— Стойте здесь. Я хочу понять, что тут произошло, — Брейд прикрыл лицо краем плаща и нырнул за угол ближайшего дома.

Вдоль короткой улицы теснились избы, крытые старой соломой, вплотную облепленные пристройками. Случись пожар, все выгорит дотла. По навесу над покосившимся крыльцом прогуливался роскошный огнегривый петух, разглядывая пришельцев то одним, то другим желтым глазом. Незваные гости произвели на него весьма неблагоприятное впечатление, и петух, шумно хлопая крыльями, перелетел на крышу амбара.

— Ух ты, даже жалко такого стрелять, — восхитился Ланс.

— Все равно сожрут, полхвоста уже выщипали. Ты погоди стрелять, надо дождаться Брейда, — внимание Видия привлекла белая плетеная петля, выглядывающая из-за ступенек, она почему-то казалась живой, — придержи пса, я схожу гляну.

Позади крыльца лежал растерзанный скелет. На почти лишенном плоти черепе сохранился кусок кожи с жиденькой старушечьей косой, вокруг валялись обрывки женской одежды и разгрызенные кости. Видий отшатнулся — запах был тот еще.

— Ланс, там мертвая старуха. Здесь нет живых, если она просто так валяется — значит, некому было хоронить.

— Брейд! — заорал Видий, уже не осторожничая.

С дальнего конца деревни послышался треск ломаемых досок, вскоре появился Брейд. Он шел очень быстро, почти бежал.

— Уходим, там чума.

— Ты уверен?

— Да. В двух домах были трупы, но от них почти ничего не осталось. А потом я нашел запертый дом и взломал ставни. Там на полу лежит полуголый мужчина, уже почернел, но видно, что вся кожа в бляшках

— Мы могли заразиться?

Брейд молча пожал плечами. Никто не знал, как приходит Черная Смерть — по воде, по воздуху, или через прикосновение. Трое побывали в ее владениях, и все пили воду из ручья, текущего мимо деревни.

— Деревня стоит на невысоком косогоре, обнесена частоколом? — первым делом спросила Литания.

— Да.

— Она называется Ита, и это уже Наррат. Значит, граница с Кадаром будет перекрыта до самых гор.

— Так вот почему засеки... — упавшим голосом сказала Тайра.

— В горах нет границ. Но до них больше недели пути.

Они разбились на две группы, и в первые дни соблюдали дистанцию. Видий, правда, утверждал, что язвы при заражении должны появиться уже к вечеру, но Брейд странно ухмыльнулся на эти слова: «Это не всегда точный признак», — и настоял, чтобы посетившие

Иту шли отдельно. Потом они объединились — на приготовление еды стало уходить слишком много времени, и все равно приходилось как-то соприкасаться. Мясо добывал только Ланс, котелок и посуда тоже были у него: Вириная, главная носильщица поклажи, выбрала его хозяином и не отходила ни на шаг. Каждую ночь она упорно перегрызала веревку и всей тушей заваливалась на ноги Лансу.

Деревни они обходили стороной, даже если из них доносились живые голоса.

Глава 24. Хозяйка леса

Провисшее до земли серое небо сеяло нудный дождик. С утра никакой дичи не попадалось, если не считать мокрых синичьих стаек, да лениво барабанящих дятлов, так что перебивались орехами. Во второй половине дня облака разошлись, и после короткого привала было решено идти до поздней ночи. Завтра они выйдут к озеру Иэр.

Дорога становилась все глуше, зарастала травой и мхом, пока не превратилась в еле заметную тропинку.

— Я никогда здесь не была, я бы запомнила, — удивленно сказала Литания.

Их окружал старый сосновый лес. Ровные колонны бронзовых стволов вздымались в невообразимую высь. Там, где на них падали вечерние лучи солнца, деревья горели, как свечи красного воска. Землю покрывал сплошной ковер мха, переливавшийся всеми оттенками зелени, от бледно-бирюзового до густо-малахитового.

— А вот и наш ужин растет, — обрадовался Ланс.

Чуть поодаль от тропинки мох был усыпан рыжими, под цвет сосен, шляпками маслят.

— Я белый нашла, — похвасталась Тайра, — ой, и не один, их тут три.

Вся компания разбрелась по лесу, только Брейд и Балтазар, ничего не понимавший в грибах, растянулись на пышной моховой перине.

— Здесь можно и заночевать.

— Ауу! — откуда-то издали долетел крик Литании.

— Как бы не заблудились грибники... Э-эй! — проревел Балтазар.

— Аааа, — пропела сосна над его головой.

Из глубины леса ей ответил надсадный скрежет, тяжелое дыхание ветра пронеслось по кронам. Лес заговорил: тоскливый плач, надрывное кряхтенье, мучительный скрип — деревья как будто жаловались друг другу на свое бессилие перед надвигающейся бурей.

Брейд вскочил на ноги и заорал:

— Все сюда! Уходим!

Грибники собрались довольно быстро, все равно добычу уже некуда было девать — и котелок полон, и шали, которые женщины приспособили под вместительные узелки.

Брейд кивнул на вывороченную с корнем, еще не потерявшую зеленую хвою сосну:

— Сейчас деревья падать начнут. Надо выбираться на открытое место.

По небу неслись черные рваные облака, яркий вечер сразу превратился в поздние сумерки. Сосны гнулись и стонали, как мачты во время шторма: Тропинка куда-то пропала.

— Смотрите-ка, тут жильё, — Балтазар вышел на край овражка: неглубокой ложбинки, промытой лесным ручьем.

На той стороне на пригорке стояла избушка, скорее, добротный шалаш. Ни двора, ни ограды, дверь без крыльца. Скаты заросшей мхом крыши упирались в землю. Спереди вроде дом, а сбоку посмотреть — просто холмик.

— Может быть, попросимся к ним переночевать, — неуверенно предложила Литания.

— Неизвестно, кто там живет — ответил Балтазар, — а если разбойники?

— Главное, чтобы не ракайцы, — Брейд перепрыгнул через ручей, постучал в низенькую дверь и потянул за ручку, — здесь нет никого, заходите.

Внутри было пустовато и очень чисто прибрано. Давно, впрочем, прибрано: окошко затянуло паутиной, на дощатом столе возле плоски с фитилем лежал сухой листочек и

мертвая ночная бабочка. Обмазанная глиной печка, возле нее аккуратная сосновая поленница. Широкие двухъярусные нары, устланные сеном, да стол с лавкой — вот и все убранство. Ланс порыскал по углам, нашел топор, короб с пыльными луковицами, вязку сушеных грибов, мешочек с солью. В печи висел помятый закопченный котелок.

— Охотничья избушка, — определил Видий, — специально для заблудших странников вроде нас.

Пока варилась грибная похлебка, Брейд забрался на полати и уснул. Литания попыталась вспомнить, когда он ел в последний раз. За последние два дня — точно нет. У нее щемило в груди, когда она смотрела на его ввалившиеся глаза и серое лицо, но расспрашивать о здоровье было бессмысленно — или не расслышит, или отшутится.

Балтазар доел третью миску густого наваристого супа и завалился спать. Буря разгулялась, лес шумел, как море в непогоду. Желтый язычок пламени метался над светильником, тени плясали на бревенчатых стенах, порывы ветра насквозь продували избушку.

— В Наррате говорят, что в такие ночи леший сердится. Я так и представляла себе — бродит по лесу разгневанный великан, со злости деревья ломает.

— И ест непослушных маленьких детей, — коварно улыбнулся Видий.

— О, точно, — обрадовался Ланс, тоже выросший в лесу, — у нас его даже видели, — далее следовала страшноватая история про дочку лесника, повадившуюся забредать в самую глухомань. В первый раз девчонка вернулась, рассказала, что встретила чудного старичка, он ей на дудочке песенку сыграл. На другой день ее нашли на самой верхушке сосны, а как попала туда, она не помнила. А в третий раз девку целую неделю всей деревней искали, один парень ее по стуку обнаружил. Залез на дуб, заглянул в дупло, а там она сидит. Кричать уже не может — голос сорвала, только кулачком по стенке дупла стучит. Пришлось ему на ней жениться и в город увезти, подальше от леса.

— Жуть, только дочка эта не к лешему, а к парню своему бегала. Он все и подстроил, чтоб на ней жениться, — фыркнула Тайра. В ее глазах плясали две красные искры — отражения фитиля.

Где-то совсем рядом с протяжным треском рухнула сосна.

— Не надо ночью про лешего, тем более, когда деревья падают, — попросила Литания.

— Не надо, нехорошо это, — поддержал ее Видий, — вон у Тайры глаза уже в пол-лица сделались. Давайте я вам что-нибудь повеселее расскажу. Не про лешего, про кикимору.

Сказка и правда была веселая, Видий ужасно смешно изображал наивного добра молодца — выпячивал грудь колесом, морщил лоб и спрашивал дурковатым баском: «А ты правду говоришь, не врешь?» у всех встреченных на пути мошенников, норовящих обобрать его до нитки. Когда дело дошло до кикиморы, он согнулся в три погибели, выпучил глаза и призывно зашевелил пальцами: «Иди сюда, добрый молодец, я тебе новые сапоги подарю — ты только глянь, какие ладные!». Сделал вид, что обмакивает ногу в болотную жижу и показывает молодцу тину в качестве ладных сапог.

— Ну все, надоело! — Тайра вскочила с лавки и выбежала за дверь, в темень.

Ланс и Видий кинулись следом.

— Видий, останьтесь, Ланс скорее ее утихомирят

— Простите, моя госпожа — я не ожидал, что кикимора так расстроит Тайру, — Видий взял Литанию за руку и поднял брови жалостным домиком, — она напрасно недослушала, конец-то у сказки хороший: добрый молодец разозлился, изловил кикимору, приволок в

деревню и заставил выманить у обидчиков все, что они у него отняли.

Литания улыбнулась. Иногда Видий был ужасно похож на Тобиаса, оба как дети малые.

— Вы не виноваты, это буря нас с ума сводит, да и просто мы все устали.

— Я заметил — сегодня вы шли с трудом. Завтра мы с Лансом, раз уж провинились, заберем поклажу и посадим вас на Виринею.

— Ни за что на свете, я ее как огня боюсь! — рассмеялась Литания, и, наконец, отняла руку у Видия, — пусть лучше Тайра на ней едет. Что-то долго их нет, вдруг Ланс ее не нашел?

— Они уже вернулись, где-то рядом разговаривают.

Непонятно, как он расслышал голоса сквозь гул ветра, но и вправду вскоре появилась хмурая Тайра, а следом виноватый Ланс. Тайра, ни на кого не глядя, легла на нары и повернулась носом к стенке, Ланс повздыхал и полез на второй этаж. Видий картинно развел руками.

— Спокойной ночи, — Литания пристроилась рядом с дочерью, накрыла Тайру краем плаща.

Видий погасил светец, под тяжестью тела скрипнули доски, зашуршало сено. Литания задержала дыхание, потом успокоилась. Ну а куда еще ему было ложиться? Он же не виноват, что соседству Брейда она бы обрадовалась намного больше. Она не стала возражать, когда Видий прикрыл ее своим плащом. И телу, и душе ее было холодно и тоскливо. Через некоторое время она почувствовала, что ее чуть заметно поглаживают по волосам, дышат в шею.

— Прекратите, — шепотом попросила Литания.

— Я люблю вас, моя госпожа, — тихо ответил Видий.

— Не надо. Сегодня плохая ночь и здесь странное место. Спите.

— Я же с тобой, моя любимая, тебе нечего бояться, — прошептал Видий и обнял ее плечо.

Литания вскочила.

— Оставьте меня в покое, или будете ночевать на полу!

— Может быть, дадите людям выспаться, — послышался недовольный голос Тайры.

Раздосадованный Видий отвернулся к краю нар. Сверху не было слышно ни звука, даже дыхания. Наверное, все уже заснуло.

Деревья шумели и стонали всю ночь. Иногда в скрипах и шорохах чудился рев зверя, тоскливый вой и детский плач. Шмель беспокоился, с лаем кидался на дверь, скулил. Дождь все не начинался, иногда прошелестят капли по скату крыши — и замолкнут. После полуночи ветер начал стихать, и Тайра забылась тяжким, как мрак пещеры, сном.

Дверь скрипнула, на пороге в луче солнца стояла девочка лет восьми, закутанная в зеленую вязаную шаль. Худенькая, косички тоненькие.

— Утро доброе, странники. Как спалось на новом месте? Я пойду, не буду вам мешать, только приберите за собой перед уходом. Ну что ты на меня смотришь? Ты лучше на шарик свой смотри, — улыбнулась она Тайре.

Тайра глянула — цепочка за ночь выбилась из-под ворота, шарик покачивался, разбрасывая изумрудные искры. Тайра заправила его под рубашку. В дверях уже не было никого.

— Да что ж такое, надо ее позвать! Как же она живет тут одна — ей лет девять, не

больше! — Литания кинулась к выходу.

— Этой бабуле-то девять лет? Что с вами, госпожа? — удивился Балтазар.

— Какой бабуле? Тут девочка была, маленькая.

— Ну да, девочка, лет семи, наверное, — подтвердил Ланс, — ты что, Балтазар?

— Здесь была старуха. Высокая, седая, за восемьдесят, — сказал Видий.

Оказалось, только он и Балтазар видели старую женщину, остальные — девочку.

— Нас Хозяйка навестила, — задумчиво проговорила Литания, — надо уходить. И приберитесь, как она велела, чтоб ни крошки после нас не осталось.

— Кто такая Хозяйка?

— Госпожа леса. Это к беде, а иногда — к большой удаче, но очень редко. Сегодня не охотьтесь, грибов не собирайте — там, где она живет, ничего трогать нельзя.

Литания с Тайрой убирала со стола, Ланс схватился за метлу.

— Никак не пойму, что такое она мне сказала: «не сражайся с тенью, погибнешь». Что это значит-то? — спросил Балтазар.

— Тебе слышалось, ответил Ланс, — она попросила прибраться за собой, а еще велела ослицу мою беречь.

— Понятно, — протянула Тайра, — каждому — свое. А мне сказала на шарик смотреть. Кто еще что услышал?

Литания покраснела и опустила голову, Брейд дернул плечом:

— Да в общем-то — бессмыслица. «Не хорони себя, пока живой».

— А тебе, мама?

— И мне совсем другие слова были сказаны. Не важно, какие — они предназначались только для меня.

— В таком случае, я тоже промолчу, — Видий, не оборачиваясь, вышел из избушки.

На дереве болтался измочаленный слюнявый обрывок веревки.

— Вот ведь зараза, — почти восхищенно вздохнул Ланс, — доберемся до Тилуана, цепь ей куплю. Шмель, где Виринея? Искать!

Шмель принюхался, неохотно прошелся до овражка и, ворча, попятился к избушке.

— Что это с тобой? Ладно, сам посмотрю. Тайра, взяла бы ты его за ошейник — он чего-то боится.

Долго искать не пришлось — возле ручья были глубокие вмятины, заполненные водой. Так, попила, потом перебралась на тот берег, пошла вдоль оврага, оставила кучку навоза. Дальше следы исчезли — нет, вот опять, немного подалее. Похоже, Виринея двигалась огромными скачками: в редких длинных рытвинах мох был содран до земли.

Шмеля пришлось тащить волоком, он дрожал и упирался, шерсть встала дыбом аж до самого хвоста. Через несколько шагов все увидели истоптанную проплешину, разбросанные комья мха и впитавшиеся в землю бурые пятна.

— Тайра, дальше не ходи — я сам. Никто не послушался его, мужчины вытащили мечи.

Выпотрошенные останки Виринеи лежали в овраге, у самой воды. Верхний бок обглодан до ребер, задняя нога с копытом валялась рядом. А морду не тронули, и ослица смотрела в никуда побелевшими огромными глазами. Тайра села на корточки и разревелась.

— Тайра, я пойду за ними и вырежу всю стаю.

— Нет, Ланс, бесполезно, — сказал Брейд, — мы их не найдем, волки не охотятся у своего логова.

Ланс помолчал, стараясь задушить гнев. Потом кивнул, сел на землю рядом с Тайрой и прижал к груди ее заплаканное лицо.

— Здесь ведь была Хозяйка, почему же она не защитила Виринею? — растерянно спросила Литания.

Ланс в ярости обернулся к ней:

— И зачем она мне велела ослицу беречь, если Виринея была уже мертва?!

— Не понимаю... Ну за что ее...

Брейд вздохнул и обнял Литанию, она уткнулась в его плечо.

Шмель вырвался из рук Тайры и с рычанием кинулся к корням сосны, шатром свисающим в овраг.

— Чего он там нашел? — спросил Балтазар, на всякий случай снова вытаскивая меч.

Под навесом корней лежал крупный, в две трети взрослого волка, щенок с проломленной грудной клеткой

— Смотрите, Виринея-то отомстила за себя. Храбро сражалась.

Морда и бок волчонка были вылизаны, еще поблескивали невысохшей слюной. На этой охоте мать потеряла детеныша.

— Надо закопать Виринею, — сказала Литания, вытирая глаза.

— Ни к чему, они все равно ее выроют, — ответил Видий, — нам пора идти. Мы вещи у избушки побросали, а тут черт-те что творится. Теперь всю поклажу придется на себе тащить.

Ослицу все-таки закидали кусками мха, чтобы хоть как-то почтить ее память.

Глава 25. Озеро Иэр

Потерянная тропа нашлась почти сразу — извилистая песчаная дорожка, совсем не похожая на ту, что была накануне, но ведущая в нужном направлении. Они шли тесной группой, в напряженном молчании. Когда сосны стали перемежаться березами и орешником, а между деревьями появились солнечные прогалины, Видий спросил Литанию:

— Эта Хозяйка — кто она?

— Душа Нарратского леса.

— Что-то вроде эльфа? — в глазах у Тайры мелькнула веселая искорка.

— Нет. Если верить сказкам, то эльфы — хранители природы. Они как солнечные зайчики, как стрекозы: только что были тут, и вот уже где-то далеко, то на земле, то на Небесах. А Хозяйка всегда в своем лесу. Она знает судьбу каждого дерева, а заодно и всех лесных тварей, включая людей. Если уж пожелала явиться... Это редко бывает.

— Та старая женщина из легенды о птицах — это она была?

— Ну конечно. И потом ее время от времени видели, в летопись не все случаи попали. Раз в одно-два поколения она является кому-то, чтобы исправить его путь.

— Сразу шесть человек нуждаются в исправлении? Причем словами, в которых нет ни малейшего смысла? Ведь могло же быть, что какая-то лесная нежить вроде кикиморы в Хозяйку перекинулась, — Ланс сильно невзлюбил странную девчушку после гибели Виринеи.

— Нет, не могло быть. Во-первых, в кикимор только дети малые верят, а ты давно уже взрослый. Во-вторых, мне она сказала неприятную, но несомненную правду, остальным, я думаю, тоже. Придет время — поймете. Может, ты еще одну ослицу найдешь, жизнь-то долгая.

Литания замедлила шаг, чтобы остаться в одиночестве и справиться с раздражением. Она знала, что недоверие к словам Хозяйки не раз приводило людей к гибели, но не могла всерьез принять жестокий и бессмысленный упрек лесной владычицы. «Променяла сокола на черна ворона». Никого она не выбирала, ничего от нее не зависело.

За очередным поворотом ее поджидал Видий.

— Умоляю вас, госпожа, простите меня! — он припал к руке Литании и запечатлел на ней не менее трех поцелуев. Литания вырвала руку, постаравшись смягчить грубость вежливой улыбкой.

— Забудьте, я давно вас простила.

— Благодарю вас! Я виноват, я потерял голову от вашей близости — просто не сумел удержаться, чтобы не коснуться вас. Еще раз приношу извинения за мою дерзость. Но, знаете — о вырвавшемся признании я не жалею: оно было искренним. Я понимаю, что не вправе даже смотреть на вас без вашего позволения, но я не могу не чувствовать, что наши души стремятся друг к другу. Над этим мы не властны, вы же видите, сама судьба хочет соединить нас.

— Сейчас наша судьба — бегство. Нам следует думать о спасении, а не о чувствах (тут Литания смутно вспомнила, что от кого-то уже слышала эти слова). Пойдемте, граф, нас наверняка уже ждут, мы всех задерживаем.

Литания догнала Балтазара и больше не отставала от него ни на шаг. Она сама не поняла, почему велеречивое извинение Видия вызвало у нее такую злость. Ровным счетом

ничего не произошло. Она же не девочка, чтобы так волноваться из-за нежеланных ухаживаний. Его нагловатое напоминание о минувшей ночи? Или то, что он не постеснялся приставать к ней в присутствии Тайры? И Брейд... Нет, как раз ради Брейда она сама обняла бы Видия, даже поцеловать себя позволила бы. При этой мысли Литанию так передернуло, что Балтазар участливо спросил: — «Не ушиблись, госпожа?» Ну да, дело в Тайре. К тому же — ласки исподтишка, еле слышное признание в самое ухо. Омерзительно. Так откуда это абсурдное чувство вины?

Между деревьями появился солнечный просвет
— Иэр! — выдохнула Литания.

Огромное светлое озеро лежало среди пологих холмов. Невысокое утреннее солнце слепило глаза, не давало рассмотреть серый, странно неуклюжий силуэт замка на дальнем берегу. По обе его стороны растянулся город, беспорядочное нагромождение крыш, еле различимых в легкой молочной дымке. А за ним — широкая изломанная полоса гор, почти тающая в неярком осеннем небе. До них оставалось всего пару дней пути.

Левый берег был лесистым, ближе к городу начинались желтые свежескошенные поля с яркими лоскутками озими. Правый, ближайший, был более открытым, темные гривки рош чередовались со светлой охрой лугов, у кромки озера старые развесистые ивы полоскали тонкие ветви в воде. Серебристая гладь была пустынной, только совсем далеко, у лесного берега, суежилась стайка чаек, да в небе парила большая хищная птица.

Ланс прищурился — бурые, почти черные перья, белые пятна на подкрыльях.
— Беркут.

Орел отрывисто заклекотал и начал спускаться, с каждым разом расширяя круги. На третьем круге он пролетел совсем близко, повернул к людям голову, уставился безумными янтарными глазами — глаза в глаза. Снова набрал высоту, завис на мгновение в воздухе и камнем грянул в прибрежные заросли.

— Может быть, когда-то он был ручным, — сказала Литания, — раньше в Наррате держали ловчих птиц. Давайте спустимся к воде,

Они стояли на невысоком обрыве, тропа шла в обе стороны.

— На холмах нас будет видно, как на ладони. Нужно взять вправо, подальше от озера, — сказал Брейд.

— Здесь никого никогда не бывает, это княжеский заказник. Разве что охоту встретим — но ее слышно издали: лай, рожки, крики. Я пару раз участвовала, но мне не понравилось. Это было очень красиво — их охотничьи выезды. Яркие попоны, разноцветные платья, хищные птицы на перчатках. Когда сокол взмывает в небо, дыхание перехватывает — кажется, что вместе с ним взлетаешь под облака. И все это кончается агонией несчастного зверька.

— Все мы хищники, — лениво утешил ее Балтазар, — вот вроде него.

Шмель, залихватски лая, нырнул в тростник, там что-то зашелестело, захлопало, и прямо на путников вылетела большая серая цапля.

— Тайра, возьми его на веревку и не разрешай лаять, нам егеря голову оторвут, — Литания испуганно огляделась по сторонам.

— О егерях вы не упоминали.

— Раньше они тут были, сейчас — не знаю. Вдоль берега разрешено ходить, даже если нас увидят, не обратят внимания. Но вот охотиться, тем более с собакой...

Через несколько шагов они снова встретились с беркутом. Он сидел в траве возле самой тропинки, по-хозяйски положив лапу на растерзанную тушку зайца, и выдирал из нее клочки мяса. Вокруг орла вперевалку расхаживал ворон, дожидаясь, когда и ему перепадет доля чужой добычи. При виде людей беркут вспрыгнул на тушку, взмахнул огромными крыльями и понес обед в сторону леса. Ворон прошелся по месту пиршества, подозрительно косясь на пса. Поклевал клочья шерсти и окровавленную траву. Мяса тут не было, и ворон полетел вслед за орлом.

Литания вздрогнула и отвернулась

— Бедный заяц, — сочувственно протянула Тайра.

— Заяцке уже все равно, кто его доест. Это люди пытаются выбирать.

Тайра не поняла, что хотела сказать Литания. А может быть, и поняла.

На пологом склоне одного из холмов возвышался зеленый купол кургана, у его подножия дорога раздваивалась — одна тропинка огибала насыпь, вторая вела на вершину.

— Могила князя Нарратского, — сказала Литания, — давайте поднимемся и немного передохнем, оттуда прекрасный вид на озеро.

Озеро завораживало непрерывными переменами. За день оно успело побывать бледно-голубым, темно-синим — с дрожащими белыми пятнами опрокинутых в него облаков, металлически-серым, подернутым мелкой рябью, как будто оделось в кольчугу. Теперь, под вечер, оно превратилось в ясное зеркало, удваивавшее дальние леса, крепость Тилуана и силуэты скользящей по нему пары лебедей.

— Странно, что князя не называют по имени, ни его, ни его прекрасную деву. Мы же знаем царя Арета, ликейского императора Миедора и многих других, кто жил гораздо раньше, — спросила Тайра, взбежавшая на макушку кургана на буксире у Шмеля.

— Деву звали Амирен, ее не забудут, пока существует Наррат. А имя князя его дети выскоблили со страниц летописи и запретили переписчикам упоминать его. Хотя я не думаю, что он был более жестоким, чем другие владыки. Точно такой же, — рассеянно ответила Литания, вглядываясь в город на другом берегу.

— Балтазар, дайте мне вашу подзорную трубу. Я не могу понять, что они сделали с замком. Башни давно уже разрушены, а теперь и сам замок не узнать.

Лучше бы ей не видеть этого. Одна из башен снесена до основания, вторая таращится провалами в стенах, как череп пустыми глазницами, из бойниц березки растут. Крутую крышу замка, когда-то покрытую розовой черепицей, как в Белой Чайке, заменили на плоскую, свинцовую. И город... Всего несколько высоких каменных домов, остальное — наспех построенные глинобитные лачуги с соломенными крышами. Только собор остался прежним, если не считать заколоченных окон на верхних этажах.

— Ничего не осталось, Тилуана больше нет... — Литания вернула трубу Балтазару.

— На самом деле все не так плохо, госпожа, — улыбнулся ей Видий. Крышу замка можно восстановить, и башни тоже. Первый этаж не слишком пострадал при пожаре.

— Да, мне говорили. Наверное, когда-нибудь все отстроят заново — только это будет совсем другой Тилуан. Площадь с кудрявым мраморным ангелом, ратуша с мозаикой — там была дева на единороге, ужасно смешном, похожим на козленка... Скорей всего, она была не настолько прекрасной, как мне казалось в детстве, но в таких вещах и живет душа города.

— Ваш ангел до сих пор там стоит, и ратуша, насколько я помню, цела. Замок заслоняет старую часть города, там многое сохранилось.

— Вы бывали в Тилуане? Значит, от него что-то еще осталось?

— Да, был проездом в прошлом году, и город мне понравился. Когда-нибудь мы с вами приедем сюда, и вы увидите свою златокудрую даму, так похожую на вас. Мы поднимемся на стену и посмотрим, как осенние леса отражаются в озере Иэр — это незабываемое зрелище.

— Спасибо, Видий. Я рада, что ангел и дама живы. Но мне вряд ли захочется гулять по Тилуану: все, кого я любила в этом городе, погибли. Слишком больно.

— Как тебе кажется, Балтазар, чума сюда не добралась? — Брейду давно хотелось сменить тему разговора.

— Да непохоже. Прачки белье полощут, ребяшня носится. Рыбу ловят, опять же — Балтазар нацелился на флотилию гребных лодочек, растянувшуюся вдоль дальнего берега, — а неплохой у них улов, вон, еле-еле сеть на борт тащат.

— Соскучился по промыслу? Послушай, тебе ведь не обязательно идти с нами. Купишь в городе лошадь, доберешься в порт, а там морем до дому. Зачем тебе Салем?

— На кой ляд мне этот промысел, на кого зарабатывать-то? Я ж один, как сыч, да и «Клариссу» свою я Дайну отдал, не забирать же назад. А вам лишний меч не помешает. До Салема провожу, ну а там посмотрим. Помирать на суше все-таки не хотелось бы, не было такого в моем роду.

— Спасибо тебе, Балтазар, — улыбнулась Литания, — если останемся живы, подарю тебе новый корабль — от «Клариссы» после Дайна вряд ли что-то останется.

— Что ж, не откажусь, госпожа. Ну а Дайн, надеюсь, образумится, поаккуратнее будет — ему же рыбачить надо, иначе семья с голоду помрет. Кстати, насчет голода: я вот думаю, не сходить ли нам с Лансом в город за едой, если уж сегодня охотиться нельзя? Одними грибами сыт не будешь. Вы там в лесочке нас подождите, ладно?

— Вы вернетесь только к ночи, мы потеряем еще один день, — Брейд обвел взглядом тоскливые лица спутников и махнул рукой, — ладно, идите, подождем. Тут опасаться некого, одни звери да птицы.

На всякий случай он неторопливо обвел окрестности подзорной трубой и замер, вглядываясь в обрыв, с которого они спустились к озеру.

— По нашим следам идет отряд. Несколько всадников, человек двадцать пехоты. Люди Янгиса.

Балтазар перехватил трубу, хотя и без нее уже различал рой темных точек, выползающих на открытый берег.

— Не пойму, кто они, может все-таки войско здешнего сеньора? Что-то их мало, на триере больше сотни солдат должно было быть.

— Они вышли из леса там же, где и мы. На галере было шестьдесят человек под командованием маршала Рейвиса и сорок воинов из личной гвардии Янгиса. Насколько я знаю маркиза Рейвиса, он не стал бы ввязываться в бессмысленную погоню. Скорей всего, убедил императора, что его присутствие необходимо в Гилатиане. Спускаемся отсюда, еще немного — и они тоже заметят нас. Надо уйти с дороги в чашу.

Литания оглянулась на озеро, мелькнувшее среди деревьев, и свернула в дубовую рощу. Иэр, светлая сказка ее детства — синие стрекозы над кувшинками, плеск весла, черноглазый мальчик из Раттена, сорвавший ее первый поцелуй (ты же моя невеста!), вереница лебедей на закате... Скорей всего, она видит Иэр в последний раз. Жаль, что не успела даже пальцы

омочить в его воде.

Хорошо, что она показала Тайре Наррат... Но лучше бы дочь оставалась в Синтейне. О чем думал Брейд, взяв Тайру в Белую Чайку? Зная, что им предстоит только одно — бесконечное бегство? Надо будет договориться с Брейдом — когда их догонят, они вдвоем выйдут навстречу солдатам, а Видий пусть уводит остальных — они не нужны Янгису.

На суку лежала пушистая коричневая шкурка, Тайра почему-то приняла ее за дохлую крысу. Когда они подошли ближе, зверек поднял круглую кошачью головку, снялся с ветки и бесшумно спланировал вглубь леса.

— Сычик. Мама, ведь сычик — это тоже сова. Мы увидели все пять.

— Пять чего?

— Пять нарратских птиц. Орел, цапля, ворон, лебедь и сова.

— На озере Иэр всегда много птиц. Они же не редкие, часто встречаются.

— Сегодня были только эти, если не считать чаек. И в том же порядке, как в вашем девизе.

Литания тоже запомнила птиц, на удивление ярко, начиная с беркута.

— Может быть, это знамение. История Наррата началась с пяти птиц, ими же она и заканчивается.

— Почему обязательно заканчивается? — возмутилась Тайра, — А если это знак, что ваш род возродится?

— Его некому возродить. Мы с тобой нарратки по крови, так же, как и Лаэрта — то есть, королева Литания и ее дети. Но последняя, кто носила титул княжны Нарратской — это Стефания, моя мать. Все остальные погибли. Разве что кто-то из моих маленьких кузенов чудом выжил во время той бойни.

В глубине роще Литания окликнула Брейда.

— Мы можем оставить их далеко позади. Сейчас мы пересечем тракт, дальше за лесом начинаются Лисьи Болота, они тянутся вдоль предгорий от Тилуана до самого Кадара. Через болота проложена гать, достаточно надежная, но на конях по ней не проехать. Мы ходили по ней детьми, она выводит прямо к Ильмарскому ущелью.

— Как я понял, дорога была надежной лет двадцать назад. А что с ней сейчас, мы не знаем.

— Ее должны приводить в порядок, на болота всегда ходили охотники, там дичи больше, чем в заказнике. И дети по грибы-по ягоды туда бегали. Лисьи Болота не считаются опасными.

«На шарик свой смотри» — пронеслось в голове у Тайры. В шарике горела большая серебряная звезда.

— Послушайте, ведь если мы пойдем через Тилуан, Янгис точно увяжется за нами. Он наверняка давно уже понял, что мы собираемся идти в горы. И рано или поздно они догонят нас.

— Как он вообще нас выследил? — хмуро буркнул Балтазар.

— Да проще простого, — отозвался Видий, — костры жгли, ослица гадила. Литания права, если есть возможность оторваться от Янгиса, надо это сделать. Нам еще от Старой Крепости до Марсы два дня пути.

— Как от Старой Крепости? Разве мы через нее пойдем? — встрепенулась Тайра

— Ну да, она в Ильмарском ущелье,

— Подождите... — Тайра на мгновение задумалась и продолжила с внезапно загоревшимися глазами, — тогда мы можем пройти через пещеру, там Янгис не найдет нас.

— Ты говоришь о ТОЙ пещере? — спросил Брейд?

— Да, о ней. Мой друг обещал провести через нее.

— Как ты с ним свяжешься?

— Свяжусь. У нас есть... ну, что-то вроде условного знака.

— Брейд, пусть Литания ведет нас через Лисье болото, — сказал Видий, — это хорошая мысль. А мы с тобой чуть-чуть отстанем, мне нужно поговорить с тобой.

Как только они остались вдвоем, Видий с жаром набросился на Брейда.

— Не вздумай идти в пещеру. Ты что, не понимаешь — мы приведем Янгиса к сокровищам? Даже если мы чудом ускользнем от него, с таким богатством он будет править, пока не сдохнет.

— Он не доберется до сокровищ. В пещере есть что-то вроде стража: смертельно опасное озеро, которое Тайра называла Хоггой. Ну, ты же знаешь — пока это слово не стало вторым именем Единого, оно означало просто демона смерти. Янгис или погибнет в нем, или будет вынужден отступить. А Тайра уже проходила там, и проведет нас.

— Или же озеро не настолько опасно, насколько ей представилось. Зачем рисковать? Мы вернемся туда с лошадьми, заберем драгоценности и вернем Литании престол. Я ведь обещал.

— Да, Видий. Но это будет уже без меня. Мне не камешки нужны, я должен попасть к алтарю. Тогда я смогу выполнить свое предназначение.

— С чего ты это взял? Тайра была у алтаря и стащила оттуда амулет. Что такого исключительного с ней произошло? Ты придумал себе легенду, наслушавшись рассказней деревенской девчонки.

— Тайра только подтвердила слова мальчика, давшего мне карту. Я так же не поверил ему, как ты не веришь мне сейчас. Но и вера, и сомнения ничего не стоят без доказательств. Если такое место существует в этом мире, о нем должны были остаться свидетельства. И я нашел их — даже в библиотеке сидеть не пришлось, вспомнился текст, знакомый еще с юности.

Ты же читал Книгу Жреца? Там есть такой фрагмент: «Входящий во мрак встретит Стража, и тот, кто одолеет его, увидит Алтарь, и Ключи, лежащие на нем. Достойный выберет жребий свой и узнает Предназначенное. Сила Небес осенит его, и в руке его пребудут Судьбы».

— Брейд, эта книга считается самой непостижимой из древних рукописей, не говоря уж о том, что она существует как минимум в трех различных переводах, а оригинал утрачен. И на каждый отрывок — десятки страниц толкований. То, что ты сейчас мне так многозначительно процитировал, обычно понимается так: «Каждый, кто хочет познать себя, должен спуститься во мрак своей души, преодолеть заблуждения, и тогда он найдет ключи познания на алтаре истины, и удостоится понимания своей судьбы и предназначения» Это про философию, а не про пещеру с амулетами.

— Я считал Книгу Жреца образцом высокопарного пустословия, пока рассказ Тайры дословно не совпал с этим текстом. Но дело даже не в этом пророчестве. Есть вещи, не объяснимые словами, их просто знаешь. Когда я увидел карту, я понял, что должен попасть в

пещеру. К сожалению, я слишком долго не верил себе и потерял слишком много времени.

— Да я и не спорю — надо туда наведаться, но позже, должным образом подготовившись, и без Янгиса на хвосте. Я ничего не знаю про магические ключи, но, если там лежат сундуки с драгоценностями, Янгис как-нибудь разберется, что с ними делать, и не будет переживать о своем мистическом достоинстве.

— У меня не будет никакого «позже». Есть только эта возможность, и я ею воспользуюсь.

Глава 26. Лисье Болото

Озираясь, как воры, они перебежали тракт и нырнули в заросли на противоположной стороне. Литания вела их в сторону границы, и еще засветло они наткнулись на ведущую через болота тропу.

Лес понемногу мельчал и редел, в ложбинах между высокими пучками рогоза стояла темная вода. Вскоре деревья расступились, впереди до самых гор раскинулось пестрое лоскутное одеяло Лисьих болот. Разноцветные мхи, сверкающие закатной медью озера, десятки щетиных сосновыми рошицами островов. И небо, заполненное бесчисленными стаями птиц, собирающихся на ночлег — чайки, утки, вороны, кулики, все они кружили над болотами и оглушительно галдели на все лады.

Дорога становилась топкой, в самых непроходимых местах через лужи были перекинуты нетесаные кривые стволы деревьев. После относительно надежного участка началась гать — уложенные по три длинные стволы деревьев и небрежно набросанные сверху поперечные бревнышки. То ли строители не слишком старались, то ли время их раскидало, но они лежали вкривь и вкось, местами сквозь настил поблескивала вода. Время от времени попадались следы человеческого присутствия — почерневший от сырости туесок из-под ягод, застрявшая в стволе дерева стрела, давнее кострище.

Гать петляла между островами, надолго прерывалась на твердой земле. На большом песчаном холме, усыпанном палой листвой, тропинка исчезла из виду. Все разбрелись, а Тайра по наитию вытащила шарик и увидела, что он выбросил короткий белый луч — влево. Она пошла в указанном направлении, и вскоре уже кричала:

— Ау! Я нашла дорогу!

Стемнело, хотя небо на западе все еще светило тусклым заревом, тропа терялась все чаще и чаще. Над озерцами поплыл прозрачный туман и вскоре растекся по всему болоту. Ланс с Балтазаром выстругали факелы, но они скорее помогали видеть друг друга, а не еле различимую тропинку.

Полусгнивший настил плавно спускался в воду и снова продолжался с той стороны пролива.

— Попробуем пройти? — неуверенно спросил Ланс.

— Попробуем, — Балтазар отодвинул Ланса и бодро затопал по бревнышкам. Несколько шагов по воде — и он провалился по пояс. Пока Ланс с Брейдом вытягивали его на мостки, Тайра глянула на шарик. Тот его край, что в сторону гати, светился красным, луч показывал обратное направление.

— Нам надо назад, здесь мы не пройдем, — сказала Тайра, не успев спрятать шарик.

— Что это у тебя? — спросил Брейд.

— Путеводная Звезда. Она указывает дорогу.

— Что ж ты раньше молчала? — возмутился Ланс.

— Кому мы будем доверять — Литании, которая единственная из нас бывала в этих краях, или неведомому амулету? — холодно поинтересовался Видий, брезгливо относившийся к магии.

— Амулету, — отрезала Литания.

— Попробуем проверить амулет. Мы ничего не теряем, — Брейд вспомнил что Тайра упоминала этот шарик под воздействием эликсира правды, он еще тогда им заинтересовался.

Они вернулись на сушу, и вскоре Тайра привела их к паре бревен, ведущих на соседний остров. С другой стороны острова начиналась прямая и довольно надежная тропа через безводный участок мшаника.

— Нас поведет Тайра, — решил Брейд, — за ней пойдет Балтазар, в случае чего вытащит.

— Я пойду за Тайрой, Балтазар слишком часто проваливается, — тут же вмешался Ланс.

Сначала это было похоже на игру — следовать за умным лучиком. С островка по мосточку, с кочки на кочку... Тайра несла шарик в вытянутой руке, как факел, все остальные повторяли ее шаги — след в след. Потом навалилась усталость. Заревало уходило к северу, стало блекло-серым. Поднялся огромный красный месяц, он лежал на спине, вверх рогами, отражался в болотных окнах и подсвечивал пласты тумана, но совсем не освещал путь.

Позади раздалось очень далекое, тонкое и звонкое, как крик петуха, лошадиное ржание.

— Сволочи, зачем они коней в болото потащили? — выругался Ланс.

— Вытащат. Янгис ценит лошадей намного больше, чем людей, — отозвался Брейд, — зато теперь мы точно знаем, что до рассвета они не доберутся до Тилуана.

Тайра перестала считать, сколько раз она провалилась в грязь — шарик указывал общее направление, а не на какое именно бревнышко надо ставить ногу. Иногда среди тумана плыли болотные огни, и в ушах шуршал призывный шепот:

— ИДИ НАПРАВО, СЛУШАЙ МЕНЯ, ТАМ ПОКОЙ...

Это немного помогало — Тайра встряхивалась, сбрасывала сонное оцепенение.

Казалось, болоту не будет конца. Тайра еле переставляла ноги, спотыкалась то на корнях, то на кочках, и время от времени шепотом спрашивала шарик — может быть, хватит, остановимся прямо здесь? Но каждый раз он отвечал сердитой красной вспышкой.

— Тут дорога. Хорошая торная дорога, — сказал Ланс, обогнавший Тайру на несколько шагов.

Колючая ветка хлестнула по глазам, Тайра зажмурилась, вскинула руки к лицу — и выронила цепочку. Присев на корточки, она стала ощупывать землю. Хвоя, шишки. Голубой огонек как сквозь землю провалился. Может, цепочка за дерево зацепилась? Да нет, она же слышала, как он упал.

— Ты где, Тайра?

— Ланс, посвети мне, я шарик потеряла.

Ланс поводил факелом над землей. Рыжие иголки, сухие ветки, черные резкие тени.

— Эй, где вы? — крикнули уже издалека.

— Пойдем, утром за ним вернемся.

— Мы же не найдем это место!

— Найдем, — Ланс безжалостно заломал с десяток веток на злокозненной сосенке и соседних кустах и, не оглядываясь, пошел на голос.

— Все, мы вышли. Вот это — Три Танцора, здесь конец болота, — объявила Литания. На вершине невысокого холма веером торчали три сосны, очень старые и на редкость кривые. Их черные силуэты и вправду напоминали людей, извивающихся в диком танце.

Холм овевал легкий ветерок, разгонявший туман и комаров, это было идеальное место для ночлега. Этой ночью погони не будет, они выиграли почти сутки.

Все, кроме Тайры, давно уже спали, а она сидела, привалясь к одному из Танцоров, и смотрела на красный месяц, косо висящий над болотами. В груди, под тем местом, где

всегда ощущалась ласковая прохлада шарика, поселилась холодная пустота. Он ведь спас их всех, вывел из трясины, а никому и дела до него нет. Даже Лансу — поискал пару минут и ушел. С утра всем будет не до шарика, скажут, что на возвращение нет времени.

Она повесила на шею мешочек с огнивом, отыскала подходящий для факела толстый сук. Пока месяц еще светит, она найдет свой талисман.

Тихонько свистнув Шмелю, Тайра спустилась с холма на дорогу. Отойдя подальше, чтоб ее не услышали, соорудила факел, ночь сразу стала темнее. От Танцоров до места пропажи идти совсем недолго. Справа поблескивает вода, слева тот самый сосновый лесок. Вот, кажется, свисает одна из сломанных веток.

Нога провалилась в холодную вязкую жижу, Тайра попыталась аккуратно, чтобы не потерять башмак, вытянуть ее. Кочка, на которой она стояла, просела, ушла под воду. Обе ноги увязли в иле, и под ними не чувствовалось дна. Тайра судорожно оглянулась. Лужайка колыхалась, как живая, между качающимися кустиками травы чернела вода. А впереди — деревце на кочке растет.

Тайра бросила факел и, вытянувшись в струнку, рванулась к островку. Она плашмя упала в жидкую грязь, но пальцы успели вцепиться в куст осоки. Попыталась подтянуться, и ей показалось, что к ногам привязана чугунная гиря, которая тащит ее ко дну. Прядь за прядью перехватывая острую, как бритва, траву, она поползла к деревцу, край берега исчезал в трясине под ее тяжестью. Когда обе ее руки обхватили ствол, Тайра позволила себе перевести дыхание. На опушке заливался лаем Шмель, ему хотелось прыгнуть к хозяйке, но шевелящаяся, бурлящая вонючими пузырями поверхность пугала его.

— Шмель, нельзя! Назад! Иди к Лансу! Приведи Ланса!

Пес, кажется, понял, его лай стал удаляться и затих.

Возле березки почва пружинила, но все-таки держала. Тайра медленно вытягивала себя на сушу — сначала по грудь, потом по пояс. Ничего тяжелее, чем собственное тело, спелёнатое топью, ей никогда не приходилось тащить. Последнее усилие — и трясина с голодным чавканьем отпустила ее.

Березка была ростом с Тайру, просто чудо, что выдержала ее вес. Осторожно держась за тонкие ветви, чтобы не повредить своей спасительнице, Тайра встала на ноги. Перед ней лежало озеро низко стлавшегося тумана, над ним парили призрачные купы деревьев. Что скрывал туман — сухой мшаник или бездонные окна? Тайра попробовала сделать шаг и чуть было снова не провалилась в топь. Сзади нависала черная стена леса, всего-то пара шагов через гиблую лужайку. Ряска уже почти затянула промоину, где только что барахталась Тайра.

Она поняла, что стоит на крошечном, в пару шагов длиной, островке. Оставалось набраться терпения и ждать помощи.

— Э-эй! — крикнула она наудачу. Тишина. Тайра села на корточки, чтобы хоть руки отмыть от черной мерзкой жижи, и только тогда заметила, что из иссеченных осокой ладоней льет кровь.

Хруст веток, хриплое частое дыханье — это вернулся пес.

— Шмель, назад!

— Тайра? — послышался негромкий голос.

— Видий? Стойте, дальше нельзя, тут трясина.

Перед ней был сгусток тьмы, почти неразличимый на фоне леса, смутно белело пятно лица. Она узнала его по голосу.

— Я чуть не утонула, стою на острове, вокруг болото. Нужно свалить дерево и перекинуть ко мне.

— У меня есть посох. Держи.

Тайра разглядела направленную в ее сторону палку и потянулась к ней. Что-то нарушилось в шатком равновесии островка, он качнулся, березка сильно накренилась. Кончики пальцев еле касались конца палки, не ухватиться. Что Видий собирается делать — протащить ее по болоту? На это даже у Балтазара вряд ли хватило бы сил.

— Я не удержусь, у меня все руки изранены. Сруби дерево подлиннее, с ветвями.

— Здесь сосны, меч не возьмет. Прыгай, я поймаю тебя.

Из темноты протянулись широко расставленные руки. Было бы от чего оттолкнуться, может, она и допрыгнула бы до них. Но она стояла на качающейся кочке, по щиколотку в воде.

— Прыгай, Тайра, не бойся, — голос был тихим и ласковым, манящим. Волна озноба прошла по позвоночнику Тайры, если бы на ее спине росла шерсть, то она встала бы дыбом. Он и есть та кикимора!

— Нет, Видий. Позови кого-нибудь, лучше с веревкой. Пожалуйста, побыстрее — мой островок тонет.

— Хорошо.

Тень Видия растворилась во тьме. Шмель, замолчавший на время — он привел помощь, теперь люди сами разберутся — снова беспокойно залаял.

— Заткнись, кому сказал! — глухой удар, треск веток, испуганный взвизг. Теперь лай стал по-настоящему злобным.

— Уйми свою собаку, — выкрикнул Видий, — иначе... — негромкий скрежет меча, доставаемого из ножен.

— Нет, Видий! Шмель, нельзя! НЕЛЬЗЯ!!!

Пес зарычал. Стук меча, посыпались срубленные ветки.

— Тайра! — донесся крик из глубины леса. Шмель, визжа и лая, понесся на голос.

— Ланс! Иди сюда, я нашел ее! — голос Видия звучал весело, даже торжествующе — как будто это не он только что пытался зарубить Шмеля.

У Ланса были факел и веревка. Тайра, следуя его указаниям, обвязалась вокруг талии, под мышками, крест-накрест, на десять узлов, и мужчины перетащили ее через трясины верхом на пушистой сосенке.

За холмом с Танцорами в зарослях ивняка для Тайры и Литании развели костер. Слегка отмытая, переодетая в чудом сохранившееся в скитаниях голубое платье и закутанная в два плаща Тайра сидела у самого огня и никак не могла согреться. На болоте она не успела испугаться, зато теперь непрожитый страх взял свое, ее била нервная дрожь. Шмель прижался к ногам и тихонько поскуливал. Тайра чесала его за ухом, ласково перебирала шерсть и вдруг наткнулась на мокрый клочок. Под горлом на пушистом белом воротничке чернело пятно свежей крови.

— Мама, Шмель ранен!

— Сиди, я промою.

Под слипшейся шерстью был короткий прямой разрез.

— Откуда это у него?

— Видий ударил его мечом. За то, что он лаял.

Бессвязные обрывки воспоминаний начали сплетаться в осмысленную картину:

Расставленные руки, «прыгай, Тайра, не бойся», «заткнись, кому сказал», удар, «уйми свою собаку, иначе» ...

— Мама, Видий хотел, чтобы я утонула. Он пытался заставить меня прыгнуть в трясину, а когда понял, что я не буду этого делать, напал на Шмеля, чтобы он не привел помощь.

— Этого не может быть. Видий кто угодно, но только не убийца.

Тайре пришлось несколько раз пересказывать все подробности, пока она сама не стала сомневаться в справедливости своих догадок.

— Я поговорю завтра с Брейдом, — сказала, наконец, Литания. Шмель спас ее дочь, а Видий поступил с ним, как скотина. Но он не мог хотеть смерти Тайры. Нет, не мог.

Тайра потянулась, приоткрыла щелочки глаз и увидела Ланса. Он сидел у ее изголовья и задумчиво смотрел вдаль, на его пальце покачивалась цепочка с шариком. Молниеносным кошачьим движением Тайра схватила талисман и упрятала под рубашку, как будто его собирались отнять.

— Ла-аанс! Спасибо!! Где ты его нашел?

— Там, где ты его потеряла. Он в мышиную норку попал, поэтому и не светился. А цепочка лежала на земле, ее издалека было видно.

— А как ты понял, где это место? Там же все одинаковое.

— Так я сразу знал, куда идти. Я вчера шаги посчитал до Трех Танцоров. Вот тебя чего понесло среди ночи шарик искать? Меня бы хоть позвала, что ли.

— Захотела и пошла, — Тайра сердито передернула плечами. И так понятно, что глупость сделала, зачем еще носом тыкать?

— Ты прямо вторая Вириная, — Ланс посмотрел на Тайру, хлопнул себя по коленке и заржал, — так вот кого Хозяйка имела в виду!

— Сам ты осел! — возмутилась Тайра, поняла, что получилось еще хуже, не выдержала и тоже прыснула.

Ланс помахал ладонями над головой: — «И-а! И-а!» — тут уже оба покатались с хохота.

— По какому поводу веселье? — спросила вышедшая из-за кустов свежеумытая Литания.

— Он... шарик нашел, — пробормотала, давясь от смеха, Тайра и зыркнула на Ланса, чтоб не вздумал болтать лишнего, — представляешь, в мышинной норке лежал!

— Ланс, я не могу передать, как благодарна тебе! — воскликнула Литания с легкой растерянностью. Все-таки чего-то она не уловила. Ну, мышинная норка — и что тут такого?

Из Ильмарского ущелья выбегала мелкая стремительная речка. Выше, в горах, она скакала по уступам звонкими водопадами, кружила белой пеной между камней, а в самом конце тихо угасала в Лисьем болоте. Но в предгорьях суматошный ручеек превращался в самую настоящую реку. Быстрая вода проточила русло среди известняковых холмов, промыла заводи, в которых завелись кувшинки и мелкие рыбешки, и со спокойным достоинством текла в тени прибрежных ив.

На речном берегу Литания и Тайра остановились и потребовали устроить привал. Мужчины посмотрели на засохшие бурые сосульки, свисавшие с головы Тайры, помянули Янгиса и пустую трату времени и покорно отправились вверх по течению.

В самом глубоком месте вода была чуть выше пояса, но тугие холодные струи сбивали с ног, Тайра нырнула пару раз, проехала колени по камням и выбралась на отмель.

Черная вонючая жижа стекала с волос на спину.

— Глиной попробуй, — предложила Литания. Она сидела на камне и размазывала по голове серую грязь, — вот там, под берегом — просто отличная.

— А мы ее потом отмоем? — с большим сомнением спросила Тайра.

— Да, надо просто окунуться и хорошенько потрепать волосы. Меня Зелла научила — в Ашере мыло было ужасное, воняло тухлятиной, и когда кончались привезенные из города запасы, мы с ней делали вот так...

На памяти Тайры душистое городское мыло никогда не заканчивалось, но приятно было воспользоваться рецептом Зеллы.

— Ты поговорила с Брейдом? — спросила Тайра, растирая глину по всему телу. Ей показалось, что так будет еще лучше.

— Да. Он сказал, что Видия в детстве чуть не загрызли пастушьи псы, и он до сих пор впадает в панику, когда на него кидается собака. И что вы оба могли неверно оценить расстояние. Ты же понимаешь — Видий его друг.

— Что он в нем нашел? Вечно кривляется, как скоморох с ярмарки, не поймешь, что внутри. Извини, я забыла, что тебе он тоже нравится.

— С чего вы все это взяли?! Мне нравится его слушать, отвлекает от усталости и тревоги. Но не он сам.

— А кто эти все?

— Ты, Хозяйка, и сам Видий, разумеется.

— Хозяйка? Она тебе что-то про Видия сказала?

Литания чуть-чуть поколебалась, потом все-таки решилась поделиться незаслуженным упреком, второй день камнем лежавшим на ее душе.

— Она же загадками говорит, как хочешь, так и понимай. «Променяла сокола на черна ворона» — вот что она сказала.

— Кого она соколом назвала, Брейда?

— Джана, наверное. Никого ближе у меня не было. Причем тут Брейд? Когда-то давно он предлагал мне развестись с Янгисом и стать его женой, я отказалась. Это был один из его бесконечных планов спасения меня и империи, не более того. А сейчас... ну ты сама видишь. Как будто мы все ему в тягость.

Тайра пожалала плечами и растянулась на песчаном дне, чтобы быстрая вода унесла грязь.

Как сверкают блики... У другого берега ржавые листья кувшинок золотом и пурпуром переливаются, их пузатые коробочки и правда похожи на маленькие кувшины без ручек. Здесь, наверное, живет веселая русалка, сейчас смотрит на двух грязнуль и смеется: не женщины, а две серые глиняные куклы.

— Привет, — прошептала Тайра, — прости, что мы твою речку немножко испачкали.

Из воды выпрыгнула рыбешка и поскакала по поверхности к высоким листьям ирисов за заводью, будто показывая дорогу.

Тайра поднялась на ноги и пошла за ней. Среди чащи толстых стеблей белели брюшки мертвых рыбок, их было довольно много — пять или шесть.

— ПОМОГИ МНЕ... Я УМИРАЮ... — то ли прожурчало на перекате, то ли прямо голове прозвенело.

— Как тебе помочь?

Ответа не было. Мокрый шарик обжег ребра холодным огнем. Разве он может помочь

русалке?

— Мама, давай выбираться отсюда. Мне кажется, эта речка больна.

Литания молча кивнула. Среди бликов на воде ей только что почудилось личико плачущей девушки, и стало как-то грустно и зябко.

Брейд оставил Ланса и Балтазара отмываться за ближайшим поворотом реки, а сам увел Видия на соседнюю излучину. Когда он снял одежду, Видий понял, почему Брейд предпочел не раздеваться при всех. От мощной рельефной мускулатуры остались только тощие, как у подростка, бицепсы, из-под синюшной кожи выпирали ребра. Вздутые вены, язвы на ногах. Почувствовав на себе жалостливый взгляд, он нырнул в заводь и, отфыркиваясь, выбрался на другом берегу.

— Объясни мне, пожалуйста, чего ради ты со Шмелем вздумал воевать?

— Да он кинулся на меня, я думал — загрызет. Не любят они меня, ты же знаешь, страх чувствуют.

— Что, просто так кинулся?

— Ну, пнул я его разок. Он разбрехался на все болото, если бы погоня была близко — нас тут же поймали бы.

— Ладно, я понял. Больше не трогай его, без него Тайру не нашли бы.

— Брейд... Как ты думаешь, ты дотянешь до Салема?

— Откуда мне знать? Если не дотяну, ты их доведешь.

— Давай все-таки не будем рисковать, пойдем через перевал на Марсу.

— Слишком долгий путь, они нас догонят. Мы их в лучшем случае на день опережаем, и уже потеряли время. Давай одеваться.

— Я еще раз подумал о нашем разговоре — нельзя нам в пещеру. Тот второй вход — его нет на карте, а обещания Тайры, что нас проведет какой-то мальчишка, ничего не стоят. Они договаривались год назад, что, если его не будет на месте?

— Тайра и без него найдет этот вход, она как раз через него и лазила.

— Раз уж ты решил идти через Ильмар, то можно просто подняться на вершину, минуя пещеру. Запретный путь, чары какие-то... Бред. Намного хуже другое: в любом случае мы попадаем прямо к замку герцога Ильмарского, а он в прекрасных отношениях с Янгисом.

— С чего ты взял, что мы выйдем к его замку? По словам Тайры, пещеру охраняет какой-то колдун, а вовсе не герцог.

— Ты же сам мне показывал чертеж. Неужели ты не пробовал наложить его на карту Ильмара?

— Пробовал. Все карты слишком приблизительны. А что, интересно, накладывал ты? Воспоминание? Ты видел карту несколько минут, и на ней не было ни одной надписи, по которой можно понять, где надо искать пещеру.

— Мне и одного взгляда хватило, чтобы повторить чертеж по памяти. Я неделю просидел в библиотеке Гилатиана, под лупой разглядывая карты Великих гор, пока не нашел Танское ущелье. Все совпало. Я тебе точно говорю — мы попадем в лапы Готфрида, который сделает все возможное, чтобы сдать нас

— У нас еще есть время подумать. А вот на болтовню его уже нет.

Брейд поднялся на откос и заорал:

— Эй! Собираемся! Все сюда!

Глава 27. Поединок

На залитом солнце косогоре росли старые одичавшие яблони. Когда-то здесь был сад, и жили люди. Очень-очень давно — от некоторых яблонь остались только извивающиеся змеями серебристые стволы с давно осыпавшейся корой, окруженные порослью дичка. Другие были еще живы, их ветви клонились до земли под тяжестью жестких зеленых плодов с темным чахоточным румянцем на бочках. Брейд сорвал яблоко покрупнее и поспелее на вид, надкусил, старательно разжевал, и отшвырнул огрызок.

— Зубы переломаешь. Эй, Балтазар — привал!

— Не рано ли? Всего ничего прошли.

— К сожалению, мне надо передохнуть. Бессонная ночь сказывается.

Все, как по команде, усталились на Брейда. Он был бледным, с черными кругами под глазами — но точно так же он выглядел всю прошедшую неделю. Чтобы Брейд признался в слабости, ему должно быть совсем уж плохо. Никто не стал задавать вопросов, уселись в кружок под тенистым деревом, каждый со своим яблоком в руке.

— Может, соберем их, испечем на костре? — спросила Тайра, морщась от терпко-кислого вкуса во рту.

— Попозже. Сначала уточним кое-какие детали по поводу нашего маршрута. Тайра, вспомни, пожалуйста, все, что тот мальчишка рассказывал тебе о колдуне, своем хозяине?

— Ну, ему то ли сто одиннадцать, то ли сто тридцать семь лет... — Брейд краем глаза заметил, как ухмыльнулся Видий, — он злой, трусливый и жадный, иногда лечит людей, охраняет край от ракайских солдат... Кажется, все.

— А как звали его, не помнишь?

— Готфрид, кажется.

— Все правильно, герцог Готфрид Ильмарский, некоторые подозревают его в колдовстве. Твой эльф, как я и предполагал — тот самый мальчишка-раб, который прошлым летом передал мне карту пещеры.

— Так это была ваша карта?

— О чем я тебе говорил — мы попадем прямо в объятия Готфрида, — вмешался Видий.

— Подожди. Ланс, расскажи, пожалуйста, поподробнее о той вылазке Фаркенгайта в Ашеру, где тебя покусала собака. Что вообще ваш отряд делал в Кадаре? Зачем вам понадобилось преследовать моих людей — даже если допустить, что Фаркенгайт не знал, что это мои люди, какое ему было дело до парочки разбойников, едущих из Синтейна в Кадар?

Брейд видел, как съежилась Тайра и пожалел, что допрос ведется в ее присутствии.

— Мы остановились в Тилуане, на постоялом дворе. Наутро собирались ехать дальше, в лесную деревню, где, по слухам, прятался один из взбунтовавшихся баронов. Тех двоих мы еще вечером видели, они с нами в харчевне ели — но тогда мы не знали, кто они. Ночью Фаркенгайт разбудил нас и велел их схватить, вроде бы он получил информацию, что это преступники. Мы вломились к ним в комнату, но там никого уже не было. Тогда Фаркенгайт приказал нам догнать их, если получится — взять живьем, чтобы допросить. И, главное, забрать у них какой-то важный документ. Сказал, что все получают хорошее вознаграждение. Его кто-то нанял, как мы поняли.

— Не знаешь, кто?

— Один из наших ночью выходил по нужде и видел, как Фаркенгайт разговаривает во дворе с каким-то знатным господином.

— Не говорил, как он выглядел?

— Нет, к сожалению. Я не думал, что это имеет значение, иначе бы расспросил.

— Не важно, Ланс. Можешь посмотреть на него сейчас, вот он сидит.

Видий вскочил на ноги.

— Ты с ума сошел, Брейд?

— Пожалуй, да — иначе давно бы понял очевидное. О карте я рассказывал двоим — тебе и Ашве. Но только ты знал, что я посылаю своих людей на разведку в пещеру. И даже тебе я не стал говорить, где она находится. Ты уехал из моего замка в тот же день, что и Риггид с Отисом. Вернулся через месяц, а вчера ты сам сказал, что прошлой осенью был в Тилуане. Там ты и нанял Фаркенгайта.

— Брейд, это просто дурацкое совпадение. Наш с тобой разговор мог кто угодно подслушать...

Видий поймал направленные на него взгляды. Полный ужаса — Литании, острый, как нож — Тайры, задумчивую тяжесть в глазах Балтазара и Ланса. У одного только Брейда выражение лица осталось прежним: холодное внимание, и более ничего.

— Ладно, сдаюсь. Я идиот, мне надо было сразу все тебе рассказать — но погибли твои люди, и я чувствовал себя виноватым. Надеюсь, ты все-таки поймешь меня и простишь.

Когда я узнал о пещере, я понял, что это единственный наш шанс. Плевать на диковинное оружие, плевать на амулеты — тайрин шарик, конечно, оказался хорош, любой разведчик за него глаз бы отдал — но все это мелочи по сравнению с драгоценными камнями. На них можно нанять армию, любую армию, десятки тысяч наемников, и уничтожить Янгиса за месяц. Брейд, я хотел только одного — видеть тебя императором. Сколько раз мы с тобой говорили... А тебя не интересовало ничего, кроме амулетов. Какие-то Ключи, какое-то познание судьбы, вся эта мистическая дребедень. Ну, хорошо — собрал бы отряд и пошел в пещеру, так нет, отправил туда двух остолопов. Даже если бы они не погибли, нагребли бы мешок драгоценностей — и все, ищи ветра в поле. Я хотел забрать у них карту, а потом привести в пещеру хотя бы сотню воинов и вывезти драгоценности. И подарить тебе империю, которой ты достоин.

Фаркенгайт не справился, карта исчезла, теперь мы знаем, куда, — он кивнул на Тайру, — а ты лежал на кровати и писал стихи. Вот тогда я и взял у тебя оригинал. Если бы ты согласился на восстание, я возвратил бы тебе карту в ту же минуту, но ты решил действовать другим путем — через Литанию, отдать ей Ракайю. Тогда мне это показалось глупостью, сейчас я готов признать твою правоту. За карту прости, сейчас я тебе ее верну.

— И, чтобы никто не мог оспорить права Литании на престол, ты решил на всякий случай убить Тайру? Ты трижды предал меня, — Брейд вытащил меч из ножен и шагнул к Видию, — защищайся.

— Брейд, клянусь, этого я не делал. Я просто пытался уговорить взбесившегося пса, чтобы он не выдал нас, а он кинулся на меня. Я готов извиниться перед Шмелем за царапину на его шкуре и отдать ему свой обед, — Видий дружелюбно улыбнулся Тайре.

— Я стояла на тонувшей кочке, а ты заставлял меня прыгнуть в трясину! Когда я отказалась, ты просто бросил меня — и сама прекрасно утону, да только Шмель тебе мешал — лаял, звал на помощь, вот ты и решил зарубить его. Ты и матроса того убил, я сразу поняла, — Тайра почти кричала, не помня себя от злости. Но тут до нее дошло, к чему могут

привести ее слова, и она замолчала, растерянно глядя на Брейда.

— Он был шпионом Янгиса и увязался с нами, чтобы узнать наш маршрут. Брейд знает об этом. А ты могла перепрыгнуть, просто перепугалась.

— Освободите поле боя.

— Не надо, Брейд, — Литания ласково, как ребенка, взяла его за руку, — пусть он просто уйдет от нас.

— Она дело говорит, — поддержал Балтазар, — сейчас нельзя тратить время на драку, и так уже полдня потеряли. А этот, если виноват, пусть проваливается.

— Простите меня, госпожа, — Брейд высвободил руку и холодно поклонился, — возможно, я лишаю вас единственной поддержки, но из Видия получится очень плохой император. Не лучше Янгиса.

Он отстранил Литанию и вытолкнул Видия на открытую лужайку между деревьями. Губы Литании кривила нехорошая усмешка. Все события со дня отъезда из Дафноса приобрели ясность и смысл. Значит, Брейд просто подарил ее лучшему другу. Для него она всего лишь корона, полоска блестящего металла, которую Брейд не пожелал надеть на свою голову. А вот Видий не побрезговал престолом, сразу же запел о любви. Они оба не лучше Янгиса. Пусть дерутся, если хотят.

— Чего ты ждешь, доставай меч.

— Я не буду драться с тобой, Брейд. Ты сильный боец, раньше я не смог бы справиться с тобой. Но сейчас ты отравлен и еле держишься на ногах. Я не стану сражаться с умирающим.

— Защищайся, или я зарублю тебя, как свинью, — Брейд замахнулся, Видий заглянул в его побелевшие глаза, и понял: еще миг — и меч действительно опустится ему на голову. Он отступил и неохотно встал в стойку.

— Я вызываю тебя на Божий суд. Обвиняю тебя в предательстве, гибели двух моих слуг и покушении на жизнь госпожи Тайры. Призываю Единого Всевидящего быть свидетелем моей правоты и да будет мне порукой его справедливость.

— Я клянусь, что в гибели твоих слуг нет моей вины, и что я не пытался убить госпожу Тайру. Призываю Единого Всевидящего быть свидетелем моей правоты и да будет мне порукой его справедливость, — довольно твердо ответил Видий.

Мечи скрестились.

— Его что, и правда отравили? А ведь похоже на то, — пробормотал Балтазар.

— Он был на суде у Янгиса, — ответил Ланс, — он ничего ни ест и пьет какие-то настойки. Я видел.

Брейд стоял выше по склону и медленно шел на Видия, нанося косые удары сверху, спокойно и методично, как жнец в поле. Видий не пытался атаковать, отводил падающий на него меч и отскакивал так далеко, что иногда это выглядело почти бегством.

— Брейд, все, что я делал, было ради тебя и Ракайи! — выкрикнул Видий, но только зря дыхание сбил: ответом ему был следующий удар.

Звон стали стал более редким, противники понемногу выдыхались. Они вышли на ровную площадку, но Видию это не помогло — Брейд стал разнообразить выпады. У Видия уже не хватало сил на прыжки и увертки, и он перешел в атаку, о чем тут же пожалел — меч был выбит из его руки.

— Подними, — сказал Брейд и остановился, чтобы протереть глаза. Его лицо было

залито потом.

Видий заметил пот и тяжело вздымающуюся грудь. Теперь он снова кружился и отскакивал, заставляя противника как можно больше двигаться, изматывая его, но чувствовал, что рука уже начинает дрожать. Он пропустил удар, клинок рассек куртку и звякнул по кольчуге, боли не было. Попробовал атаковать, опять чуть не потерял меч — и увидел, что Брейд согнулся пополам и зашелся в приступе лающего кашля.

— Все, Брейд, достаточно. Каждый из нас по-своему прав. Я уйду.

Брейд, не переставая кашлять, замотал головой. Когда он, наконец, выпрямился, стало видно, что его борода вымазана кровью. Он снова встал в стойку. Ланс подошел к нему и положил руку на плечо.

— Брейд, ты не можешь больше сражаться. Я буду биться вместо тебя, Вы не против, граф?

— Отойди. Я сказал — пошел вон! — прохрипел Брейд.

Это было не похоже на поединок, скорее уж на агонию. Оба берегли остатки сил, обменивались несколькими ударами и, шатаясь, расходились в стороны. Опять сходились. Видий уже не пытался шадить Брейдера, метил то в голову, то по руке. Зрители, как замороженные, подходили все ближе в ожидании последнего удара. Литания без остановки шептала какую-то молитву.

— Да прекратите же! — Тайра вытащила шарик и терла между ладоней, как будто хотела высечь из него огонь, — ЭРВИН!!!

— Не три ты его так сильно, он все-таки стеклянный, а не алмазный, — сказал эльф, выбираясь из-под веток яблони.

— Посмотри, они тут... Сделай что-нибудь!

— Уже ничего не сделаешь, Брейд же объявил Божий Суд.

— Ну и что?! Забери одного из них куда-нибудь, хоть в прошлое, хоть в будущее!

— Нельзя. Если прервать поединок, оба вскоре умрут. Знали бы вы, какие силы вызываете, когда клянетесь или вот такое устраиваете, — Эрвин кивнул на поле боя, где противники обменялись еще двумя-тремя ударами и снова разошлись.

— Какие еще силы? Он же Единого в свидетели призвал. Единого МИЛОСЕРДНОГО!

— Можно подумать, что вы к Его милосердию обращаетесь. Нет, к одной только справедливости — как вы ее понимаете.

— Ты только трепаться можешь? Больше ничего?

Эрвин уселся в траву, прислонившись спиной к яблоне.

— Садись и смотри. Неужели ты сомневаешься, на чьей стороне правда?

Тайра отошла подальше. Эльфам плевать на людей. Все кончено.

Снова лязг стали. Видий отскочил, Брейд сделал слишком длинный выпад и упал на одно колено. Видий шагнул вперед — кажется, чтобы подать ему руку. Небрежный взмах вслепую — лишь бы отмахнуться от помощи, и Видий, скривившись, зажимает рану на голени.

— Хватит! Брейд, хватит! Божий Суд до первой крови!

Глухие удары грохотали в ушах Брейдера, почти заглушая эти далекие бессмысленные крики, но он понял и ответил:

— Нет. Мы будем драться насмерть. Вставай, или умрешь на карачках.

На Брейдера было страшно смотреть — серая мокрая маска с пустыми глазами, окровавленный рот.

— Хорошо. На ноги подняться хоть дашь? Ладно, драться — так драться.

Теперь Видий бился всерьез. Он почти не двигался с места, перенес тяжесть на здоровую ногу, но рубил наотмашь, вкладывая в каждый удар всю боль и отчаянье. Исход поединка уже не зависел от скорости и ловкости, только от грубой силы. У Брейда ее не осталось. В последний раз он перехватил падающий клинок над самой головой и медленно-медленно отжал лезвие в сторону. Снова закашлялся, замахнулся и упал плашмя вслед за своим мечом. Видий постоял, посмотрел на него, сел на землю и задрал штанину. Рана была неглубокая, но кровь текла широким потоком.

— Переверните его, — Литания нащупала бьющуюся жилку на шее Брейда, — и дайте воды.

Ей протянули сразу три фляжки.

— Позвольте мне, госпожа, я умею — Эрвин взял одну из фляжек, смочил Брейду лоб и влил несколько капель в полуоткрытый рот. Литания, нахмурившись, смотрела, как невеста откуда взявшийся мальчишка массирует виски и уши Брейда, потом кивнула и занялась Видием.

— Ногу дайте, надо промыть рану.

Литания смыла кровь и бинтовала рану полосками ткани, отрезанной от нижней юбки. Видий наклонился к ней и тихо сказал:

— Я хочу, чтобы вы знали: вы мне нравились. Мне и правда нужна была ваша корона, но вы сами — намного больше. Надеюсь, вы хоть пару раз вспомните обо мне.

— И поэтому вы решили убить мою дочь?

— Я не стал бы ее убивать, хотя она терпеть меня не может, — улыбнулся Видий. Помолчал и добавил, уже серьезно, — но ночью, на болоте, мной овладел страх. Возможно, я действительно хотел оставить ее на волю судьбы, чтобы она не погубила нас всех, я не знаю. Скорей всего, я вернулся бы, не смог бы ее бросить. Литания, даже если я виноват, поверьте: сейчас нельзя идти в пещеру, это смертельная ловушка. Отговорите их, прошу вас.

— Замолчите, иначе я сама вас зарежу, — Литания затянула узел, — а теперь уходите. Как можно быстрее, пока Брейд не пришел в себя.

— Куда мне идти?

— Куда хотите. Мне все равно, выживете вы, или нет.

Видий дохромал до своей котомки и обернулся. Все смотрели на него, не говоря ни слова. Он снял с пояса меч и, опираясь на ножны, заковылял вниз по склону, в сторону Тилуана. Немного погодя из зарослей донесся глухой звон железа — Видий вырубал себе посох.

Врачебное искусство эльфа возымело должное действие, Брейд уже полусидел, опираясь на локоть, и пил неизвестно откуда взявшееся вино из незнакомой фляжки. Напиток не причинил Брейду ни малейшего вреда.

— Ты кто, мальчик? — спросила Литания.

— Он мой друг — он раб Готфрида Ильмарского, — ответили Тайра и Брейд почти хором.

— Я — Эрвин, госпожа — ответил эльф.

Тайра насторожилась: она же помнила, что эльф запретил произносить его имя.

— К Готфриду я не вернусь, — ответил он Тайре, и вновь обратился к Литании:

— Я пришел отвести вас в пещеру, в прошлом году я обещал это вашей дочери.

Да, Тайра упоминала об уговоре. И еще она называла этого мальчишку...

— Ты — эльф? — спросил она напрямик.

— Да, госпожа. Вставайте, нам пора идти. Янгис будет здесь к концу дня.

— Значит, нас действительно преследует император собственной персоной?

— Да. И с ним Чистейший, Третий. Он выслеживает вас не хуже легавой собаки.

Дорога постепенно поднималась в гору. Брейд остановился, чтобы перевести дыхание, и подозвал идущего следом Эрвина.

— Тайра уверена, что ты можешь провести нас через пещеру. Я и сам хотел бы туда попасть. Это безопасно?

— Я этого не говорил, ваша светлость. Но другого шанса остаться в живых ни у кого из вас просто нет.

— Мы можем пойти через перевал.

— У Старой Крепости Янгис разделит отряд надвое. Сам отправится к пещере — ему тоже хочется добраться до сокровищ, часть всадников пошлет в сторону Марсы. Он купил новых коней в Тилуане. Завтра к вечеру они догонят нас и перебьют.

— Откуда ты можешь это знать? Ты что, тоже провидец?

— Я эльф. Мы умеем перемещаться в пространстве и времени.

— И ты видел наше будущее? Тогда ты должен точно знать, куда мы пойдём, если ты видел нас убитыми...

— В случае с перевалом — да. А если пойдёте в пещеру — там ещё штук пять вариантов для каждого из вас. Прошлое неизменно. Ну, почти. А будущее — это целый букет возможностей, и мы, в отличие от людей, можем подробно рассмотреть каждый его стебель.

— Примерно так я и представлял природу времени. Для своего возраста ты неплохо разбираешься в философии. Ну а теперь объясни, почему я должен тебе верить? В мире полным-полно предсказателей, кому-то удастся что-то угадать, кому-то нет. Я не стану рисковать жизнью своих друзей без надежных доказательств.

— Никто не верит на слово, прямо обидно, — с этими словами Эрвин исчез, Брейд даже поводит рукой вокруг себя, вот тут же он шел, с левого края тропинки. И увидел его довольную рожицу, выглядывающую из-за скалы, стоящей далеко впереди.

— Я видел однажды подобный фокус. В Гилатиане, на собрании секты Идущих. Их учитель точно также появлялся ниоткуда, даже, по-моему, летал.

— Там было только отражение. Зеркала и немножко магии. Где вы видите здесь зеркала?

— Ты что, тоже был на собрании?

— Ну да, я как раз и ставил то зеркало.

— Ну-ну. Оказывается, я многого не знаю о тебе. Тогда, может быть, объяснишь мне, что означает слово «Идущие»? Куда они путь держат?

— Идущие к смерти, естественно. Сами-то они считают, что идут к великим победам. Ну как, вы убедились, что эльфам подвластно пространство и время?

— Не вполне. Про пространство я уже поверил. А что насчет времени?

— Даже не знаю, что придумать. Хотите, пирожок горячий принесу?

— Ты его стащишь из кухни в Тилуане, если умеешь мгновенно перемещаться. Дам тебе задание посложнее. Про будущее можно что угодно насочинять, так что лучше отправляйся в мое прошлое и расскажи мне что-нибудь, о чем могу знать только я. Сумеешь?

— Конечно. Ерундовое задание. Но вдруг я обнаружу что-то, о чем вам неприятно

вспоминать?

— Не беспокойся. Я не совершал ничего такого, о чем не мог бы рассказать тебе сам.

— Значит, вы уникам. Единственный человек в это мире с абсолютно незапятнанной совестью.

— Любое пятно кажется светлым на черном фоне, — ухмыльнулся Брейд.

На этот раз эльф объявился на десять шагов впереди и выглядел несколько смущенным.

— Что ты там раскопал? Студенческую попойку? Посещение салемского борделя?

— Вы уверены, что хотите это знать?

— Или ты выполняешь наш договор, или с этой минуты я считаю тебя мошенником, и мы идем на Марсу.

— Воля ваша, герцог. Вы помните, что сказали своей жене через месяц после свадьбы, когда выпускали ее после трехнедельного заключения в башне?

Брейд поморщился. Да, эльф постарался — выискал самый мерзкий и унижительный сюжет в его жизни.

— Приблизительно да.

— Вы сказали так: — «Я не могу всю жизнь держать вас взаперти, как зверушку. Я готов предоставить вам свободу, но запомните — если вы снова выйдете за рамки приличий, на этот раз я убью не вашего любовника, а вас». Кстати, этот несчастный парень вам не снится?

— Я был уверен, что вижу сцену насилия, пока она не закричала: — «Что ты наделал!». Скорей всего, тот конюх просто не посмел отказать своей госпоже. Остальных я не убивал.

— Вы до сих пор не поняли, зачем Миранда так явно, как будто на показ, изменяла вам?

— Она была одержимой. Распутной. Наслаждалась моим унижением.

— Да нет, все не то. Просто она хотела умереть и не могла решиться наложить на себя руки. Одержимой она и вправду была, только не в том смысле, какой вы вкладываете в это слово. Сивилла — всего лишь женщина, связанная с кем-то из бессмертных. Бессмертные, конечно, разные бывают — но Миранда дружила с обыкновенным лесным духом, он даже пытался ее спасти. Ваша светлость, неужели вы не знали, что до свадьбы Миранда была обручена с графом Виндомом?

— Я слышал об этом. Считал, что она должна быть признательна за избавление от этого наглого тупого подонка.

— Правильно, он таким и был. А кроме того, Виндом был могучим и бесстрашным воином, красивым, как... ну, как эльф. И он обращался со своей невестой, как с прекрасным цветком, дышать на нее боялся. Миранде было всего шестнадцать, он был ее богом.

— Почему она мне не сказала?!

— Миранда боялась и ненавидела вас. Была уверена, что вы и так все знаете. Вы и знали бы, но в то время вас занимали только собственные утраты — потеря близких и невозможность завершить ваше образование.

— Я поверил бы в твою версию, но ведь и в Салеме она продолжала в том же духе. Там-то кому ей было мстить?

— Она и не мстила. Подрабатывала предсказаниями, воспитала приемную дочку, выдала ее замуж с хорошим приданым. А потом захотела родить собственного ребенка. Она понятия не имела, что тот гвардеец — жених ее горничной. Миранда слишком часто думала о смерти, вот и приманила ее к себе.

— Достаточно, Эрвин. Ты убедил меня в своих способностях, мы пойдем в пещеру. А

теперь сделай так, чтобы я тебя больше не видел.

Эльф послушно растворился в воздухе.

Темный дым, заволакивавший сознание Брейда во время поединка, снова выполз откуда-то из-под ребер. Значит, он все-таки подцепил эту заразу у хоггопоклонников. Или она всегда в нем сидела в ожидании своего часа? Черный морок гнева, иногда он выпускал его на свободу. Не сейчас. Эльф ни в чем не виноват, Брейд сам потребовал доказательств. Кто мог знать, что мальчишка наткнется именно на эту историю, вроде бы давно погребенную под фундаментом его дальнейшей жизни? Хотя... Во время болтовни о пятнах на совести в памяти мелькнуло именно это: горящие корабли и перекошенное страхом лицо того паренька, пытавшегося голый рукой оттолкнуть падающий на него меч.

Похоже, эльф умеет читать мысли. Тогда его доказательства ничего не стоят — зачем путешествовать во времени, вполне достаточно порыться в воспоминаниях. Надо будет подумать об этом позже, когда перестанет мерещиться хорошенькое личико Миранды с оленьими глазами, полными яростного вызова. Впервые Брейд радовался тому, что яд с каждым днем все сильнее разрушает его тело. Только довести бы их всех до Салема живыми, никого больше не потерять по пути.

Целительное действие эльфийской магии понемногу сходило на нет. Чем круче становились подъемы, тем меньше сил оставалось у Брейда. Вскоре его обогнал Балтазар, чуть позже появилась и Литания. Некоторое время она молча шла рядом, потом спросила:

— Почему вы не рассказали про отравление?

— Я не хотел лишать людей надежды. Не слишком весело идти вслед за подыхающим вожак.

— Мне-то вы могли сказать. Я бы попробовала помочь — я немного разбираюсь в травах.

— Я принял все возможные противоядия еще в Гилатиане, иначе давно бы последовал за графом Виндомом. И у меня есть целая коллекция настоек от одной деревенской знахарки. Она неплохо знает свое дело, судя по тому, что я еще жив. Надеюсь, что и до Салема дотяну.

— Говорят, в Салеме есть очень хорошие врачи.

— На них я и рассчитываю, — соврал Брейд, — ну а в крайнем случае с вами останется Ланс. Я написал завещание на него, так что мое поместье в любом случае окажется в вашем распоряжении. А если в пещере действительно хранятся сокровища, он сумеет собрать войско и вернуть вам престол. Я предполагал, что это сделает Видий, но Ланс неплохо показал себя в походе, думаю, что он справится.

— Поэтому вы и поручили Видию меня обхаживать? Ради престола? — голос Литании срывался от гнева.

— Ради Ракайи. Я попросил Видия оберегать вас и помочь вам свергнуть Янгиса, а «обхаживал» он вас, как вы выразились, по собственной инициативе. Я считал, что ваши чувства взаимны.

Литания ответила ему неловкой пощечиной, концы пальцев слегка мазнули по виску Брейда, и это разозлило ее еще сильнее.

— Вы торгуете мной, как лошадью на базаре! Империя, корона, Ракайя — а я только ступенька у подножия трона?!

Брейд поймал Литанию за запястье и не дал ей убежать назад по тропинке.

— Литания, ну перестаньте, не плачьте. Лаэрта, Лита, но ты же сама всегда отталкивала

меня... Пойдем, а то нас догонят, и все увидят, какая ты зареванная...

Брейд осторожно вел почти ослепшую от слез Литанию по тропинке, не позволяя себе даже стереть мокрые потеки с ее щек. Все неправильно, все слишком поздно.

— Лита, я хотел бы всегда быть рядом с тобой, но это не в моей власти. Не думай обо мне и живи дальше. Ради детей, и да, ради Ракайи.

— Я соберу войско, Брейд. Даже без Ланса, сама — я знаю многих, кто откликнется. Я же вижу, что Янгис уничтожает Ракайю. Но пока ты жив — почему мы должны делать вид, что едва знакомы? Сколько бы нам не осталось, это наши дни.

— Я не имею права привязывать тебя. Я уже труп, Лита. Бравьет протянул пять лет с помощью лучших врачей Кадара, и твоя мать не отходила от его постели в последние два года. Я не хочу такой участи ни для тебя, ни для себя.

— Тогда вообще никто не должен привязываться друг к другу — ни один человек не знает, что его ждет завтра. Мы оба можем погибнуть в пещере. Или только я, а ты останешься жить. Зачем убивать настоящее ради будущего, которое может не наступить?!

«Хуже уже не будет» — подумал Брейд и сделал то, чего ему больше всего хотелось в последние несколько минут: достал сравнительно чистый, хотя и слежавшийся в кармане, платок и вытер мокрый нос Литании. Дальше они шли вместе.

— Посмотри, что с ним творится, — Тайра показала Лансу шарик, неожиданно выпустивший сноп золотых лучей и снова принявший прежнее обличье, — жаль, что я не всегда понимаю его.

Эльф весьма кстати возник рядом.

— Эрвин, а что означает пучок золотых лучей? Только что вспыхнул и погас.

— Иногда у шариков бывает хорошее настроение.

— Как он может радоваться и давать советы, если это простое стекло?

— Не совсем простое. Когда-то один астролог вложил в него треть своей души, отправляя сына в дальнее плаванье.

— И как, это помогло его сыну?

— Поначалу помогало. Ну а потом Путеводная Звезда отговорила парня от выгодной сделки — задешево купить большой фальшивый алмаз, и еще помешала похитить юную, но очень опасную ведьмочку, вот он и продал амулет одному фокуснику. Вскоре парень погиб в пьяной драке. Потом шарик еще много раз перепродавали, никому он не нравился; так, в конце концов, он и оказался на алтаре. Люди не любят, когда их отговаривают от ошибок.

— Бедный астролог... И себя изувечил, и дурака не спас. Как можно жить без куса души?

— Получше, чем многие — она у него и без этой трети большая была.

Тайра задумалась. Что-то в этой истории зацепило ее — то ли досадное сходство неразумного сына с нею самой, то ли неразрешимый вопрос — стоит ли пытаться спасти дураков. Наконец, она собралась с духом.

— Ланс, ты не мог бы отстать шагов на двадцать? Мне нужно кое о чем спросить Эрвина, — и сама пошла побыстрее, чтоб не слишком растягиваться

— Ты не знаешь, этот... — Тайре трудно было произнести его имя, но она все-таки договорила, — этот Видий выживет?

— А тебе не все равно? Если хочешь, гляну.

Эльф исчез и возник шагов на пять сзади Тайры. Промаяхнулся.

— Пока ничего нельзя сказать. Если все-таки потащится в пещеру — то помрет, еще по дороге. А решит пойти на Тилуан — может, и выживет, если с охотниками не разминется.

— Ты можешь на это повлиять?

— Смотря чего ты хочешь. Ага, понял, — еще одно мгновенное исчезновение, — ну все, нашли они его. Я оленя в его сторону погнал. Странные вы существа: то убиваете из-за грубого слова, то спасаете злейшего врага. Из-за него погиб твой отец, он хотел утопить тебя — даже я не стал бы помогать на твоём месте.

— Он мог раз двадцать убить Брейда, и не сделал этого. Только защищался, рискуя своей жизнью. По-моему, он заслужил, чтобы и над ним хоть кто-то сжалился.

Эльф посмотрел на Тайру с уважением.

— Давай я твои яблоки понесу.

Тайра с радостью избавилась от увесистого узелка, он ужасно мешал собирать росший на обочине кизил.

— Эрвин, а ты не слышал нарратскую легенду о пяти птицах? Там была дама на единороге, мне почему-то кажется, что она из ваших.

— Слышал, конечно — это же про мою маму. Она не очень-то любит вспоминать эту историю, всего четыре раза рассказывала.

— Подожди, это когда было? Я так поняла, что этой легенде лет триста.

— Ну, около того. Ты что, не знаешь, что эльфы бессмертны?

— Тогда та дама не могла быть эльфийкой, она же умерла.

— Это у вас она умерла. Если тебе интересно, я расскажу. Ты же ее пра-пра... ну, в общем, внучка в семнадцатом колене.

— Расскажи. Я что-то такое предполагала, поэтому и спросила тебя.

— Когда-то мама жила на холмах Наррата, у озера Иэр. На Празднике Первоцветов — у нас много праздников, когда эльфы собираются вместе, — она познакомилась с моим отцом. Они назначили свадьбу на тот же день следующего года, в память об их первой встрече. Но беда была в том, что отец жил в горах, и не мог перебраться к маме, иначе наша долина осталась бы совсем без эльфов и захирела. А мама любила Наррат, особенно Иэр, ей не хотелось покинуть свою родину. В ночь перед свадьбой она решила в одиночестве покататься вокруг озера, и обещала вернуться к рассвету.

Мы все умеем делать наше тело... ну, материальным, что ли, но только ненадолго. Иначе навсегда в нем застрянешь, тогда только смерть поможет вернуться в наш мир. Вообще-то воплощаться ужасно неприятно, примерно, как тебе надеть латы в жаркую погоду, но мама любила. Ей нравилось плавать в озере, скакать на единороге и ощущать удары ветра в лицо, есть человеческую пищу. Ну, в общем, мама каталась всю ночь, потом ей захотелось увидеть восход солнца. А потом она почувствовала, что ее тело стало твердым, как скорлупа, и она больше не может превратиться в свет. Дальше ты знаешь, эта ваша легенда на удивление правдива.

— И эльфы не спасли ее?

— Как они могли ее спасти? Сразу убить? Или отнять у князя, чтобы она еще лет шестьдесят дождалась своей свадьбы? Она выбрала свой путь и должна была пройти его до конца. Она сама говорит, что заслужила это: слово свое нарушила, единорога загубила, а он был один из последних в вашем мире. Даже у нас их мало, иногда они сбегают к вам, но очень редко.

— А свадьба? Как я понимаю, твой отец простил маму?

— Он-то конечно — отец даже рвался воплотиться вслед за ней и драться с князем Нарратским, еле удержали. А что свадьба? Она состоялась в назначенный день, ведь гости были уже приглашены. Ну, по-другому у нас со временем, вам это объяснять бесполезно.

Ланс шел последним, и ему было грустно. Для него никого не было ближе, чем эта девочка. Он не позволял себе думать о будущем — понятно же, что в Салеме ее выдадут за какого-нибудь знатного и богатого сеньора. Как можно выдать Тайру замуж против ее воли, он не очень представлял, но потомок обедневшего рода, к тому же практически лишенный наследства — уж точно не пара для дочери ракайской императрицы. Поэтому он просто радовался каждому часу, отпущенному судьбой, рядом с этой девушкой, живой и яркой, как пламя свечи. Воображал ее сестричкой и старался не замечать, что сердце начинает колотиться слишком быстро, когда она улыбается ему. Время изгнания и бегства оказалось лучшим, что было в его жизни.

Теперь она встретила старого друга, и огонек ее улыбки точно так же светит ему, как раньше — Лансу. Пора прощаться с иллюзиями, Тайра встретит много друзей на своем пути, многие будут любить ее. А у него останется прекрасное воспоминание, чтобы хранить его до конца своих дней.

Глава 28. Старая Крепость

Черное варево облаков на глазах заполняло ущелье, срезая вершины ближайших гор. Они почти бегом поднимались к развалинам, уже не рассчитывая достичь укрытия до начала грозы. Тропа была хорошо утоптана, а ближе к крепости даже вымощена тесаным камнем. Место казалось обжитым — ни колючек, ни сушняка, между старыми деревьями росла низенькая, будто подстриженная травка. Над бесформенной, сплошь укутанной виноградом оградой виднелись полуразрушенные стены главного здания — то ли замка, то ли храма. Тайра смутно помнила: внутри было несколько комнат почти без крыши и куча хвороста, из которой отец развел большой веселый костер.

Эрвин театральным жестом раздвинул виноградные плети:

— Старая Крепость приветствует вас.

Спотыкаясь о каменные завалы, они следовали за эльфом под первыми тяжелыми каплями дождя. В просторном помещении, некогда бывшем центральным залом, каким-то чудом сохранилась часть полукруглого свода. У стены чернело кострище с аккуратной пирамидкой хвороста посередине, а рядом — груда сухих веток, точь-в-точь такая же, как и десять лет назад. Пока люди сбрасывали с плеч поклажу и озирались по сторонам, Эрвин протянул руку к кострищу, и дрова вспыхнули жарким золотым пламенем, будто облитые маслом. Эльф впервые открыто воспользовался магией, но, кажется, никто, кроме Тайры, этого не заметил. Вокруг огня лежали плоские валуны, обросшие мягким изумрудным мхом. Как раз шесть — по числу путников, сидеть на них, протянув усталые ноги к костру, было чистым наслаждением.

— Тут где-то заначка была, — задумчиво сказал Эрвин и скрылся в глубине зала. Вернулся он с полной охалкой провизии. На горловину пузатого кувшина с вином он водрузил три ковриги хлеба, а круглую голову сыра придерживал подбородком. Хлеб оказался мягким, еще теплым. Тут уж все покосились на эльфа, на языках крутились вопросы — когда же та заначка была сделана и нет ли в крепости кого постороннего. Тайра сладко потянулась и лениво спросила:

— Из прошлого стащил эту вкуснятину или из будущего?

— Из будущего я не ворую, — неубедительно возмутился Эрвин.

Капли падали все гуще и быстрее, сплетаясь в струи воды. И вот уже сверкающий шумный занавес отгородил от всего мира укромный уголок зала с костром посередине. Видимо, кострище располагалось на небольшом возвышении — пол оставался сухим, брызги дождя не долетали до них. Вино было сладким, сыр острым, хлеб теплым — и всего было вдоволь, сколько бы они не ели. А там, за завесой дождя, творилось что-то жуткое. Удары далекого грома сливались в сплошной рокот, напоминающий рычание огромного зверя. Все ярче и ближе вспыхивали молнии. Разговаривать было почти невозможно — голоса заглушались грохотом и треском.

— Хогга злится! — весело выкрикнул Эрвин в промежутке между ударами, — здесь она нас не тронет — Старая Крепость под защитой эльфов.

— Что она такое? Живое существо? Дух? Ты ведь должен знать, — спросила его Тайра.

— Сейчас, — Эрвин поднял руки и поводил ладонями в воздухе, словно раздвигая что-то невидимое. Гроза продолжала бесноваться, но звук стал слабее, как будто в комнате закрыли ставни.

— Вот так получше, а то не слышно ничего. Про нее никто толком не знает. Мы поселились здесь лет восемьсот назад, и она уже была тут. Чаще всего спала, она просыпается во время войн или мора — когда много смерти и боли. Мы долго не догадывались о ее существовании, подземный мир нас не касается. А гномы даже упоминать ее боятся, они верят, что разговор о ней навлекает беду.

— А ты сам не можешь поглядеть?

— Не знаю, это ведь ужасно давно началось.

— Эрвин, нам нужна твоя помощь, — вмешался Брейд, — нам предстоит встреча с врагом, о котором мы ничего не знаем.

— Попробую, — пожал плечами эльф и как-то незаметно растворился в тенях. Зато его возвращение оказалось намного выразительнее — он с размаху упал на колени, вроде бы с небольшой высоты, и ошарашено озирался, с трудом узнавая присутствовавших. Был он грязным и измученным. Вместо привычной неказистой, но теплой одежды на нем болталась мешковатая холщовая рубаха почти до пят. Тайре показалось, что он немного вырос.

— Чего это ты так вырядился? — поинтересовался Балтазар, будто важнее вопроса и не было.

— А, это... какая висела на веревке, ту и взял. В подземелье одежда совсем разлезлась, не голым же ходить.

— Но ты узнал что-нибудь? — нетерпеливо спросил Брейд.

— Узнал. Пришлось забраться очень далеко, так далеко в прошлое я еще никогда не ходил. Там время другое, не знаю, как сказать... плотное, что ли. Его изменить почти невозможно, даже если захочешь — просто смотришь, и все, а тебя не видят, даже потрогать что-то трудно. Как будто умер.

— Так ты понял, что такое Хогга?

— Понял, а толку-то... Мерзкая история, даже рассказывать неохота.

— Говори, даже мелочи могут оказаться полезными.

— Не, вряд ли. Это не человеческое зло, это, скорее, из нашего мира. Ладно, расскажу, раз уж столько времени потратил на поиски...

В общем, тысячу с небольшим лет назад на том месте, где сейчас стоит Нижний замок моего Готфрида, был город. Жители этого города поклонялись дракону. Он жил в пещере и не мог ее покинуть — повредил крыло, когда упал в провал. Винтовую лестницу построили позже, поначалу, до того, как он стал богом, ему просто сбрасывали еду. Люди всегда ценили плененных драконов за их способность предсказывать будущее. Не слишком точно — но, по крайней мере, о приближении врага, или засухи, или мора дракон в состоянии предупредить.

Раз в неделю жрецы с песнопениями спускались по винтовой лестнице, неся барана или теленка, украшенного цветочной гирляндой. Но в подземелье входила только главная жрица. Последнюю из жриц звали Хогга, и она была совсем юной. Она умела говорить с драконом. Эти существа не могут разговаривать в вашем смысле этого слова — но думают они очень громко, и жрица слышала его мысли и отвечала ему. Девушка не боялась зверя: она выросла, играя у него на спине так же, как до нее росли и ее мать, и бабушка. Когда Хогге исполнилось шестнадцать, она объявила служителям храма, что ночью, когда она вопрошала дракона о будущем, божество внезапно обратилось в прекрасного юношу, и теперь ей предстоит стать матерью. Ей, разумеется, поверили — девушка жила при храме на вершине горы, никогда не спускалась в город и не встречала мужчин. Хотя был там один молодой

жрец... Как бы то ни было, но и сама Хогга, и ее мать считались дочерьми дракона. В положенный срок она родила девочку, и чаще проводила дни в пещере, чем на поверхности земли.

По большим праздникам, а в городе их было семь, жрецы приносили в жертву не овцу, а человека. Дракон ненавидел эти праздники — он был старым и мучился страшными коликами после жесткого мяса тощих рабов. Хогга трижды передавала жрецам желание дракона отменить обычай травить его негодной пищей, и трижды они отказывали ему, ссылаясь на волю высших богов. Не станет человеческих жертвоприношений — ослабеет страх перед драконом, а с ним и почтение к его воле. Уже несколько поколений жрецы твердой рукой правили городом от имени дракона, и знание, что страшный жребий может выпасть не только рабу, но любому, кто слушается приказов божества, было залогом покорности горожан.

Однажды, когда дочь Хогги играла, забираясь по хвосту на спину дракона и скатываясь, как с горки, с его боков, ящер обнюхал ее и сказал: «Она — человек, а пахнет вкусно, как молодая овца... Что ты дрожишь, жрица — я не собираюсь есть твою дочь. После твоей смерти она будет кормить меня, и говорить со мной. Но передай, чтобы на следующий праздник мне прислали не старого раба, а девочку. Лучше двух — они слишком маленькие». Хогга часто закивала головой, она не могла говорить от ужаса и поскорее увела дочь из пещеры. Больше она не позволяла дочке спускаться в подземелье, хотя та плакала и очень скучала по своему другу — каждый, кто покоряется голосу дракона, становится как бы его частью. Жрица давно уже была наполовину женщиной, наполовину ящером.

— Ты рассказываешь легенду? Откуда ты знаешь, что ей сказал дракон, если они говорят мыслями? — перебил Эрвина Балтазар.

— Я рассказываю то, что видел и слышал. Я проторчал в этой пещере несколько недель, ловя поворотные моменты. Их нетрудно нащупать — там время сгущается, но сначала я попал в самый конец истории, и не сразу понял, что мне нужно искать.

— Ну а мысли-то, их ты откуда узнал?

— Да слышат эльфы драконов, они же — тоже звери.

Тайра только хмыкнула. Людей Эрвин слышал не хуже. Или и мы для них звери?

Жрецы приняли повеление дракона с большим сомнением. Ужас и благоговение народа, конечно, возрастет, да не было бы бунта... Одно дело — старый больной раб или преступник из свободных, другое — маленькая девочка. Но Хогга была непреклонна, она боялась за свою жизнь. Ее посвятили в верховные жрицы после того, как мать не вернулась из пещеры, и она всегда догадывалась, куда та пропала. Во время осеннего праздника Уходящего Солнца жрецы объявили народу, что городу грозят неисчислимы беды, и отвести их можно только принеся в жертву двух невинных дев. Заранее отобранные у рабынь дочери были спущены в пещеру. Горожане приняли это со смирением, как печальную неизбежность, хотя многие женщины плакали, когда под звуки торжественных песнопений хорошенькие головки украшали венками из роз.

Беды не замедлили явиться после третьего праздника — началось повальное бегство рабынь с детьми. Их ловили, в наказание отбирали у них дочерей, объявили, что дети беглянок будут принесены в жертву в первую очередь, но ничего не помогало. В нескольких домах рабы-мужчины убили хозяев и были казнены на главной площади. Сразу после казни началось восстание. Его подавили за неделю, с обеих сторон погибли сотни людей. Оставшихся в живых рабов заковали в цепи, и пользы от них было мало — разве что жернова

крутить. А самое страшное — подходящих по возрасту девочек осталось только девять. На полгода хватит, дальше придется покупать. Прослышавшие про события в городе работорговцы заранее заламывали такие суммы, что городской глашатай объявил о введении дополнительного жертвенного налога.

Тем временем дракон оценил новую пищу, и потребовал, чтобы овцами его больше не кормили. На этот раз Хогга плакала, стоя перед ним на коленях и умоляла отложить перемену рациона хотя бы на полгода, пока город оправится после восстания. Дракон заревел и бросился на нее с разинутой пастью.

Через неделю в пещеру спустили двух молочных телят. Дракон разодрал их на части и швырнул в Хоггу. Когда испуганная жрица бежала вверх по лестнице, в ее голове раздалось шипение: «К городу подходят враги. Без меня вам не справиться. Скажи, чтоб принесли хорошее мясо».

Три дня спустя к городским стенам подошло вражеское войско, но жители уже были готовы к осаде. Трудно захватить город-крепость на вершине горы, разве что измором. Стояла осень, амбары были полны, не хватало только девочек-рабынь для дракона.

Не прошло и месяца, как они закончились, и по приказу жрецов солдаты отняли дочь у нищей вдовы. Вдова так голосила, что ее пришлось убить. В следующий раз отряд, посланный на облаву на окраинные улочки, столкнулся с толпой оборванных мужчин с кирками и топорами. Солдаты отступили.

В тот день городской совет вынес решение: отныне жертва будет избираться по жребию, перед которым все равны — дочь купца и дочь каменщика, и каждый, кто воспротивится воле богов, будет казнен. Писцы в сопровождении стражников отправились по домам составлять список девочек надлежащего возраста. Во дворцы знатных людей они, понятно, не заходили.

Хогга спустилась к дракону, чтобы сообщить ему радостную весть — завтра он будет накормлен. Зверь поднял голову, и в голове жрицы загремели слова:

— Ты скинешь в колодец отару овец. Заберешь свою дочь и спустишься в пещеру. Возьми с собой еду и теплую одежду. И беги быстро — ты можешь не успеть.

Голос звучал по-прежнему грозно, но Хогга почувствовала скрывающийся за ним страх.

Она второпях укутала дочь и, волоча ее за руку, бежала к овчарне, когда в храмовые ворота ворвалась разъяренная толпа. Ее вел тот самый молодой жрец. Горожане рассыпались по двору, убивая стражу и духовенство, а жрец выхватил девочку из рук Хогги и крикнул:

— Я не дам тебе скормить ее чудовищу, ведьма!

Но он все-таки не тронул бывшую возлюбленную и позволил ей бежать. Хогга нырнула в колодец, и для нее навсегда наступила тьма. Спускаясь по лестнице, она слышала, как над головой задвигают каменную крышку люка.

Дракон понял, что оказался в ловушке, взревел и ринулся к колодцу. Дверь была слишком узка для него, но он скреб край проема когтями, бил в стену головой, как молотом, и через два дня стена рухнула. Тогда он пополз наверх. Его туша не могла удержаться на узкой лестнице, и он уперся головой в край колодца, а хвостом — в противоположный, растопырил крылья и начал медленно подниматься, виток за витком, сопровождая каждое движение оглушительным рыком. Где-то на середине пути он услышал грохот над головой: люди заваливали люк обломками скал. И тогда он рухнул вниз и взревел в бессильном отчаянии. Он понял, что мог выбраться из пещеры в любой день на протяжении долгих

столетий, а теперь путь закрыт. Но зверь не смирился. Много месяцев он ползал по тоннелям вокруг озера, пытаясь найти выход на поверхность, обдирая когти и шкуру о камень, сокрушая все на своем пути. И ночью, и днем гора содрогалась от глухих ударов и яростного рева. Люди боялись оставаться в домах и метались по улицам, ожидая, что чудовище вырвется из глубин и покарает город. Через несколько дней вражеское войско сняло осаду и ушло, за ним потянулись жители. Город опустел.

Жрица осталась наедине со своим повелителем. Зверь не трогал Хоггу, несмотря на ярость и терзающий его голод. Он боялся остаться один в непроглядном мраке. Вначале жрица тоже пробовала искать выход из пещеры, но она не решалась далеко уходить от ручья и озера, и каждый раз возвращалась, как только переставала слышать журчание воды. Она научилась охотиться на летучих мышей, находила их по запаху и сшибала камнем. Когда охота была удачной, Хогга кормила ими дракона. И постепенно сходила с ума. Она часами сидела на берегу, раскачивалась взад и вперед и выла, проклиная свою судьбу, тьму пещеры и свет недоступного солнца, небо и землю, людей и богов. Ее вой было страшнее, чем бешеный рев ящера.

Наступил день, когда жрица прокляла жизнь, саму себя и дракона. И тогда она впервые увидела свет — в глазах зверя вспыхнуло красное пламя. С глухим рыком дракон медленно полз к ней. Она отступала в воду озера, сначала по пояс, потом по шею, потом поплыла. Вода была ледяной, а Хогга иссохла и ослабела от голода, очень скоро она пошла ко дну. Дракон увидел, как тонет его последняя пища, кусок живой плоти, и нырнул вслед за ней. В том месте озеро очень глубокое, он успел схватить Хоггу, а вот поднять ее на поверхность у него не хватило сил. Они навсегда остались в озере, дракон и жрица в его пасти. Их души, полные ярости и тьмы, слились воедино, а озеро обрело имя и сущность, если смерть можно назвать сущностью.

— Интересная сказка, — хмыкнул Балтазар, — значит, вот чего нам надо бояться — дохлого дракона и девку, которая померла тыщу лет назад?

— Никого не надо бояться, — устало ответил Эрвин, — ты, главное, ее не слушай, когда в пещеру спустимся, ладно?

— Получается, что Хогга — что-то вроде злой русалки? — спросила Тайра.

— Ну да, вроде того. Только с душой дракона, сотни лет копившего силу и ярость. И превратившаяся в богиню тьмы и смерти.

— Русалка, — злобно буркнул Балтазар. С этой дрянью он был знаком. Как-то раз он попытался забить гарпуном такую тварь, повадившуюся рвать его сети. Через год умерла его жена, и шкипер свято верил, что ее забрала та русалка, — ладно, давайте спать уже.

— Подожди, Эрвин, — вмешался Брейд, ты же ничего не рассказал ни о сокровищах, ни об алтаре.

— Во времена Хогги о них не знали. Кто полезет в пещеру к дракону? Алтарь там был всегда, он старше этих гор и вообще не из нашего мира. Любой предмет, даже случайно попавший на него, со временем обретает магические свойства. И навсегда остается на нем. Если его забрать, через несколько дней там появится точно такой же. А вернее, тот же самый.

Тайра невольно коснулась шарика на груди. Вот почему у них с эльфом они одинаковые...

— В разные времена маги оставляли там свои артефакты, чтобы умножить их силу, и если помыслы мага были чисты, то возникали Ключи — предметы, наделенные властью

менять судьбы этого мира.

Начало сокровищнице положил царь Арет. Нет, это не царь Горох, он действительно существовал, его царство находилось там, где сейчас Салем. Арет, как и все ваши самые любимые цари, был завоевателем. А к тому же — очень сильным магом, Алтарь он обнаружил во время одного из походов, и навсегда остался рядом с ним. Заложил тот город, где через четыреста лет родится Хогга, хранил награбленные сокровища в пещере, создавал новые Ключи. Много чего натворил, и великого, и ужасного. После него о пещере забыли, потом снова нашли, что-то приносили, что-то забирали.

Мой Готфрид обнаружил вход в подземелье еще подростком. Когда умер король Ракайи, его отец, регентшей стала мать. С самого начала ее сердце лежало не к старшему, нелюбимому и скандальному сыну, а к младшему, румяному веселому Гилату. Вскоре она объявила Готфрида неизлечимо больным и отправила к своим родителям в Ильмар, откуда она была родом. Гилат взошел на престол и покорял мир мечом, а Готфрид вознамерился завоевать его магией. К счастью, оба они зашли не слишком далеко.

— Так нам еще и с древним колдуном предстоит разобраться? — спросил Брейд.

— Не знаю, я плохо вижу сейчас будущее, в прошлом слишком пересидел, что ли... Пора спать — завтра нам рано вставать придется.

Тайру разбудил голос. Небо над разломом стены было серым, ночь кончилась, утро еще не наступило. Костер давно догорел, еле дымился. Ни звука, только стук редких капель — но она же слышала голос? Тайра пересчитала спящих. Четверо, эльф отсутствовал. Осторожно перебралась через Литанию, уснувшую в объятиях Брейда — ей-то какая разница, сами пускай разбираются — и вышла в промозглый предрассветный сумрак.

Развалины крепости тонули в густой тени гор, сливались с темными зарослями. Тайра забралась на обломок камня и вытянулась в струнку, вглядываясь и вслушиваясь. Ничего враждебного не было в предрассветном сумраке, но сердце стучало громко и часто. Ливень кончился. Под деревьями шелестела капель, тускло поблескивали лужи, трава казалась седой от воды. Небо над горными вершинами светлело на глазах, пискнула первая птица. Деревья и камни обретали форму и цвет, осенние кусты медленно наливались желтизной. Нет, все-таки показалось.

Тайра нашла тропинку, ведущую вниз по склону, там журчал ручей, и можно было умыться. Через несколько шагов она услышала чью-то негромкую фразу, совсем близко. Чуть ниже, за прибрежными кустами, ей почудилось что-то светлое, смутное... Призрак?

На берегу ручья стоял Эрвин в своем белом балахоне и разговаривал с кем-то невидимым. Тайра притаилась за ветками ивы, немного надеясь, что эльф не заметит ее.

— Теперь уже ничего не изменишь — ты же видишь, все линии судеб сплелись в один узел... Нет, по-другому не выйдет — думаешь, мне самому хочется? Ты поможешь? Надо чтобы она осталась живой, иначе все было бессмысленно... Скажи всем, ладно?

Эрвин протянул руки, словно обнимая кого-то — пустоту, не было там никого — и обернулся к Тайре.

— Прости, что разбудил,

В серой полумгле лицо эльфа казалось белым, как его рубаха, а глаза неестественно огромными. По спине Тайры пробежал озноб. Что за бред он нес? Кто должен остаться живым? А с остальными что будет? Мальчишка сошел с ума и ведет их навстречу гибели.

— С кем ты разговаривал?

— С братом.

— Здесь никого не было. И тебе никто не отвечал. Очнись, Эрвин — мы тут вдвоем, остальные еще спят.

— Ты не видишь наш мир. Хотя... здесь, наверное, я смогу тебе кое-что показать. Хочешь? Нам нужна любая блестящая поверхность — зеркало, вода.

Быстрый, мутный после дождя ручей явно не подходил, но, кажется, возле крепости лужи еще не успели высохнуть. Злясь на себя за то, что потокает безумию Эрвина, Тайра ткнула пальцем в озерцо, разлившееся между корней огромного платана.

— Эта лужа тебе подойдет?

— Да. Меньше будешь ехидничать — больше увидишь. Смотри, не отрывая взгляда, иначе все исчезнет.

Эрвин поставил ее на толстый корень, спиной к стволу, сам прислонился сбоку. На что тут смотреть? На дне лужи лежала пестрая, уже немного подгнившая листва, по поверхности плавали желтые ребристые лодочки листьев платана. Прямо к ее ногам опрокинулось отражение крепости. В воде краски всегда кажутся более темными и насыщенными — небо густо-синее, почти черное, оплетший стены виноград — ярко-багряный. Он разросся так пышно, что Тайра с трудом разглядела, как сквозь побеги поблескивают цветные стеклышки на узком окне. На мгновение сбоку отразилась чья-то рука, качнулась, будто бы приветствуя их. Ланс, что ли, встал? Тайра удержалась и не подняла глаз. Кстати, у Ланса не было куртки с зеленым рукавом и алой манжетой, ни у кого из отряда не было.

Тайра терпеливо смотрела на лужу, со скуки разглядывая тонкий цветочный орнамент на голубоватом камне, которым был облицован вход в крепость. Вчера вечером, уходя от грозы, она и не заметила, как хорошо сохранилась арка портала. Резные створки дверей распахнулись, на пороге возник мужчина в рыжей куртке. Тайра сразу узнала его — даже в виде перевернутого вверх ногами блика на воде.

— Отец! — выкрикнула она срывающимся голосом.

Мужчина помахал ей рукой. Из-за его спины показалась невысокая женщина, виновато улыбнулась, прижалась щекой к плечу Джана. Это была Зелла, еще совсем молодая. И отец ласково обнял ее.

— Эрвин, они что — теперь вместе?! — спросила потрясенная Тайра.

Когда она снова взглянула на отражение, там уже никого не было. Серые камни развалин, черный провал входа. Темно-зеленые, только начинающие краснеть, заросли винограда.

— Они и должны были быть вместе — с самого начала. Давай я расскажу тебе о том, что было предназначено, но не случилось, чтоб ты прекратила беситься. В общем, в ту ночь, когда Джан и Джакоб подрались из-за девушки и решили навсегда покинуть Ашеру, они все-таки надумали спросить саму Зеллу — кто ей милее. И в Кадар отправился один Джакоб. Там у него хорошо пошло с торговлей, но он не находил себе места, тосковал и по брату, и по девушке, и перебрался в Дарнию, где и встретил свою Чанту. А Джан и Зелла остались с родителями, у них трое сыновей, большое стадо и его давным-давно выбрали деревенским старостой. Ашера просто расцвела с его помощью.

— Трое сыновей? Значит, я бы не родилась?

— Почему это не родилась? В той реальности ты все равно была бы дочерью Литании. Получив предложение Янгиса, принцессы не могли надеяться на чью-то помощь и поступили так, как должны были — сказали «нет». Бравьет лежал при смерти, а Стефания

слишком суеверна, чтобы пойти против древнего обычая, ей пришлось передать отказ и собирать войско. Была война, Дарния и то, что осталось от Наррата и Раттена, поддержали Кадар. Янгис погиб в битве и императором стал Брейд, первый в очереди на престол. На коронации он встретил твою маму, через год родилась принцесса Тайра — так что теперь тебе было бы шестнадцать, ты такая же вредная, но глаза у тебя серые.

Брейд мог быть ее отцом? Да, пожалуй... Тайра чувствовала необъяснимое доверие к Волку, пока не заметила, что он оказывает маме слишком много внимания. И стал совсем уж неприятен, когда прекратил это делать. Мог, не мог... Все это — пустые эльфячьи сказочки. Она — дочь Джана, а тот почему-то с Зеллой.

— Спасибо, что показал мне отца, — тихо сказала Тайра.

Глава 29. Грот Судьбы

В полдень эльф привел их к вершине горы. Обвал произошел ночью, во время грозы, и зеленый склон был усыпан землей и каменными глыбами. Эрвин не слишком торопился, и почему-то пошел не ко входу в пещеру, а в сторону от осыпи.

— Нам придется немного подождать.

— Мы не можем ждать, их голоса уже слышно. — сказал Брейд

— Придется. Совсем немного, пока путь не освободится. Вы что, не видите? — эльф кивнул на кустарник на краю осыпи. Там паслась гнедая лошадь с белой гривой.

— Это что, Маяк?! Как он сюда попал?

— Тайра, зажми Шмелю пасть.

Она еле успела это сделать, как в кустах залаяла собака. От подножия скал спускались две фигурки — девушка и мальчик в белой рубашке. Шмель вырывался: его с ума сводила эта собака с голосом, похожим на его собственный. Эрвин положил ему руку на лоб, и пес затих. Тайра вглядывалась в самую себя — какой она была год назад — со странной смесью жгучего любопытства и грусти. Одежда из черной шерсти, две длинные золотые косы. Такой она была — и уже никогда не будет. Девушка села на коня, мальчик взял его под уздцы.

— Эрвин, солдаты! — Брейд грубо встряхнул эльфа, — говори, куда идти!

Прямо навстречу всаднице и мальчику на склон горы поднималось войско. Но ведь тогда, год назад, никакого войска не было! Еще мгновение — мальчик и девушка на лошади исчезли, как будто задули свечу. Ушли в прошлое.

— А теперь — бежим! — крикнул Эрвин.

Они проползли по лазу на четвереньках, массивному Балтазару кое-где пришлось протискиваться, лежа на животе. В тоннеле зажгли факелы, их свет отразился в красных глазах какого-то волосатого существа, прятавшегося во тьме. Мужчины схватились за мечи — существо казалось не слишком опасным, но очень свирепым.

— Гииф! — завизжала Тайра, и бросилась обнимать гнома. На радостях она чмокнула его в единственное место, не заросшее волосами — в кончик носа. Гном насупился. Его никто не целовал уже сорок лет, с тех пор как незабвенная Гилка забрала сыновей и покинула пещеру, а он остался сторожить сокровище. Он смущенно высвободился из девичьих объятий и поклонился Литании.

— Ваше величество, я — Гииф, хранитель сокровища. Рад приветствовать вас в своих владениях.

— Благодарю вас за гостеприимство, Хранитель. Нас преследуют враги, и мы очень надеемся на вашу помощь.

— К вашим услугам, госпожа, — почти галантно поклонился гном.

Тоннель мало-помалу спускался вниз, и Тайра узнавала уже пройденный однажды путь. Скоро будет зал с летучими мышами, а немного погодя — коридор, ведущий к подземному озеру.

— Эрвин, а Гииф не может провести нас другой дорогой, как тогда, на обратном пути из грота? Неужели нам обязательно идти мимо Хогги?

— Может, но только тебя и Литанию, у остальных нет эльфийской крови. Ты что, даже не заметила, что в тот раз Гииф дважды протащил нас сквозь стену? И через время тоже только вы с ней можете ходить.

— Подожди, а как же Маяк и Шмель?

— Животные часто перенимают качества хозяев. Твоих можно смело считать полуэльфами.

Позади послышались невнятные, смазанные эхом голоса. Солдаты вошли в пещеру.

— Идите, не ждите меня, — Гиф нырнул в какой-то боковой проход, его не было довольно долго. Потом сзади раздался глухой грохот, пол вздрогнул, тугая волна воздуха ударила в спины, загасила факел. Тайра не удержалась на ногах, присела на корточки, ожидая, что обвал обрушит своды над их головами. Гулкое эхо стонало в пещере, стены и пол вибрировали, где-то впереди падали камни, рождая новое эхо. Но ничего, кроме густой пыли и ссыпавшегося с потолка мелкого песка, не коснулось беглецов.

Из щели выбрался гном, мрачно буркнул:

— Что мог, сделал.

— Они погибли? — спросил его Брейд.

Гном только плечами пожал. Эрвин прикрыл глаза, постоял, вроде бы даже не исчезал никуда.

— Трое мертвы, основная часть отряда отрезана от нас. Семеро идут за нами.

— Может, встретим их, дадим бой? — спросил Балтазар.

Эрвин покачал головой.

— Не сейчас. Нам надо пройти Хоггу, после битвы она станет сильнее нас.

Они по очереди выбирались на узкий карниз, и у каждого на миг перехватывало дыхание при виде разверзшейся под ногами бездны. В тот раз Тайра видела только бескрайний мрак, теперь далеко внизу можно было различить водную гладь, испещренную размытыми бирюзовыми пятнами. Тайра взгляделась — и поняла, что тусклое призрачное сияние исходит от сотен мертвых тел, человеческих и звериных, поглощенных озером за многие века. Под самой скалой сквозь толщу воды просвечивало огромное бледное туловище — может быть, того самого дракона, повелителя Хогги.

— Спускаемся, — сказал Эрвин, — Брейд, дайте руку Литании, Ланс — Тайре, Балтазар — Гифу. Ни в коем случае не отпускайте друг друга. И не обращайтесь внимания на голос, что бы вы не слышали, помните — это ложь.

Эльф пошел первым, с факелом в одной руке и веревкой в другой. На веревке он вел Шмеля, безвольного и покорного, кажется, вообще не видящего ничего вокруг. Карабкаться по изломанному краю плиты, держась за руки, было страшно неудобно. Факелы были только у Эрвина и Гифа, идущим в середине не хватало света, и они наугад нащупывали опору, не зная, что окажется под ногой — камень или пустота. То и дело цепочка рвалась, снова соединялась, они скорее ползли, чем шли. Обволакивающий холод поднимался от озера, оно светлело на глазах, покрываясь клубами тумана, как вода в закипающем котле.

Тебя ждет покой...

Тайра уже когда-то слышала этот шепот внутри головы, ему не надо верить, его не надо слушать. Что-то приникло к ее сознанию, вглядываясь в душу.

Джан и Зелла ждут тебя...

— Их здесь нет, — ответила Тайра голосу.

Я подарю тебе свободу, и ты встретишься с ними.

Сводь пещеры раздвинулись, впуслав луч, падающий с бесконечной высоты, и там, в вышине, стоял ее отец и Зелла. Один шаг в пропасть — и она полетит вверх по этому лучу. Но Ланс крепко держал ее руку, не давая вырваться.

Совсем рядом раздался странный, звенящий болью голос Литании:

— Нет! Смертью ничего нельзя искупить — только делами, — кажется, она тоже говорила с Хоггой.

Они ждут тебя, они скучают по тебе...

А здесь — мама, и Эрвин, и Ланс. Но рука Ланса дрожала и становилась все холоднее. Потом его пальцы разжались. Он — тоже? Может быть, прыгнуть с ним вместе? Еще бы маму позвать с собой...

Ланс что есть силы саданул кулаком по каменной стене, грязно выругался и тут же снова схватил Тайру. Почувствовав на коже горячую липкую слякоть, она очнулась.

В непроглядной тьме под куполом пещеры послышалась какая-то возня, змеиное шипение. Гулкий свист воздуха, рассекаемого огромными крыльями, падал прямо на них. Факел гнома высветил блестящее чешуйчатое брюхо. Растопыренные когти огромного, в два раза больше тех, что были на перевале, ящера, целились в Тайру. Ланс и Балтазар скрестили мечи над ее головой. Дракон пронесся над их головами и пошел на второй круг.

— Нет! Стойте! — закричал Гиф.

Тяжко хлопая крыльями, черная туша развернулась в воздухе.

Оскаленная пасть с пылающими глазами неслась к Тайре. Она вжалась в камень, беспомощно заслоня локтем лицо, и все-таки увидела — крыло дракона прошло сквозь стену.

— Не трогайте его! Это морок!

Яростный рык — но это рычал не ящер, а Балтазар. Выпад в пустоту, еще выпад... Балтазар подпрыгнул, метясь в нависший над ним огненный глаз — и плашмя полетел в бездну. На месте его падения закружилась хищная воронка тумана, но он вынырнул и поплыл к берегу, окутанный синеватым свечением. Ему удалось сделать не меньше десяти гребков, хотя его тело с каждым движением становилось все прозрачней. И тихо ушел под воду с занесенной в последнем взмахе рукой.

— Вперед, ради Балтазара! — отчаянно крикнул Эрвин, и его голос рассеял наваждение. Сгинул призрачный дракон, умолк манящий шепот Хогги. Только светящийся голубой смерч плясал над озером, переваривающим вождеденную смерть.

Далеко наверху замелькал свет, зазвучали размытые эхом голоса. Люди Янгиса выбирались из лаза на уступ над пропастью.

— Быстрее, не оборачиваемся, — скомандовал Эрвин.

Но все оглянулись, когда за их спинами раздался дикий торжествующий крик:

— Великая Хогга, прими мою жертву!

Там, наверху, воздев руки, стояла крошечная фигурка в жреческой одежде. Она сделала шаг вперед и попыталась столкнуть вниз соседнюю — должно быть, одного из солдат. Завязалась возня, над озером понеслись неясные вопли. К драке присоединились другие воины — и вот, раскинув, как крылья, широкие рукава, вниз летит белая птичка. Жрец принес Хогге обещанную жертву: самого себя. Озеро приняло добычу и взметнуло вихри светящегося тумана — до самой площадки, где стояли оцепеневшие солдаты. Туман лизнул им ноги и растекся над водой плотным покровом, скрыв от нескромных глаз сцену встречи безумного раба со своей госпожой.

— Идем, скорее!

Оставалось уже немного, две трети спуска было пройдено. Впереди был нехороший участок, там зубчатый край плиты становился покатым и уходил в стену плавной волной —

достаточно широкой, но настолько гладкой и скользкой, что идти приходилось, прижавшись к стене грудью и цепляясь руками за каждую выбоину. Сверху раздался приказ Янгиса:

— Они уходят, задержите их.

Тайра обернулась — солдаты были еще далеко, было видно только самого первый, с факелом.

— Руку давай, — сказал Ланс, он уже перебрался на покатый склон и чувствовал себя вполне уверенно. И тут исполнительный солдат сделал единственное, что мог — швырнул камень. Попасть на таком расстоянии было невозможно, но, уворачиваясь от скачущего по уступам булыжника, Тайра потеряла равновесие, попыталась схватиться за Ланса — и съехала по скату. Ланс наклонился, поймал ее за шиворот и замер, пытаясь нащупать точку опоры. Тайра не могла ему помочь, ее ноги висели в пустоте, ладони скользили по гладкому влажному камню. Она чувствовала весь свой вес горлом, в которое впился ворот, и понимала, что тянет Ланса в пропасть. Где же Гиф? Вот, лезет к ним сверху. Ланс хрипел от натуги, но его башмаки медленно сползали по склону. И тогда Тайра извернулась и впиалась зубами ему в запястье.

«Он жив, не сорвался» — все, что она успела подумать, падая мимо каменного откоса в мерцающую бездну Хогги. Вода была ледяной и плотной, Тайру вытолкнуло на поверхность, и она поплыла в сторону песчаной полоски берега, не слушая властный шепот: «ПРИМИ ПОКОЙ... ПРИМИ ЗАБВЕНИЕ...»

Голубое свечение обволокло ее руки, они становились слабыми и безвольными. Тайра почти не ощущала холод, тело как будто стало частью озера, случайной струйкой воды над мертвой глубиной. Берег близко, но ей не доплыть.

На берегу стояли пятеро. Эрвин, протягивавший к ней свой шарик, серебряноволосая девушка с трилистником в руке, юноша с золотым жезлом, мужчина с кристаллом, женщина с чашей. Туман перед ними расступился, и они были видны так ясно, как будто их озарял солнечный свет.

Где-то сзади раздался крик, Тайра обернулась — красная искра факела прочертила дугу во тьме, раздался всплеск. Тот солдат, что швырнул в нее камень? Тайра всем телом ощутила волну хищного торжества Хогги, ледяной поток захлестнул ее, прошел насквозь, гася огонек жизни.

— Русалка, помоги... помоги еще раз — я умираю, — Тайра не знала, сказала ли она эти слова вслух, или просто подумала.

Ответа не было. Ее губы сами по себе шептали неизвестно откуда взявшиеся слова:

— Темная вода, мертвая жена, отпусти меня, не твоя добыча...

Она все еще плыла — взмах за взмахом — по коридору между светящихся стен тумана, и ей казалось, что по обе стороны ее сопровождают два невидимых во тьме существа.

Все уже спустились на берег и ждали. Когда Тайре оставалось всего несколько гребков, Ланс, ступив в воду по колено, выдернул ее на сушу. Она не могла пошевеливаться и почти ничего не видела — только фигуры эльфов сияли во мгле. Районси склонилась перед Лансом, провела трилистником вокруг его ноги и рук. Из середины украшения падал прозрачный зеленый луч, там, где он касался Ланса, светящаяся синеватая влага испарялась. Потом эльфийка занялась Тайрой. Из трилистника струилось легкое тепло, и онемевшее тело возвращалось к жизни. Но внутри был холод и бесконечная, больше Тайры, больше самой пещеры, тоска. Чарующий голос Хогги звал ее, заклинал:

— ВЕРНИСЬ, Я ИСЦЕЛЮ ТВОЮ БОЛЬ...

Районси приложила трилистник к груди Тайры. Весенний ликующий свет заполнил сердце и растопил остатки смерти.

— Тайра, милая, что с тобой? Ты можешь встать? — Литания приподняла дочь за плечи, — Эрвин, ей нужна помощь, ты ведь умеешь!

Разве мама не видит, что Районси ей уже помогла? Тайра поднялась на ноги, чтобы успокоить Литанию. Зрение понемногу возвращалось. Два рыжих пятна во тьме — это факелы, один у Гифа, второй у Эрвина, застывшего у кромки воды с властно воздетой рукой. Рядом встревоженные лица матери и Ланса. Четверо эльфов исчезли, а может быть, они все еще были здесь, невидимые для человеческих глаз.

— Стой! — крикнул Эрвин.

Брейд, про которого все забыли, шаг за шагом погружался в озеро. Он не обернулся на крик, он уже не слышал ничего, кроме зова Хогги.

— Брейд! Брейд, вернись! — Литания рванулась следом за ним, но Эрвин остановил ее, мягко коснувшись плеча, и она замерла, как будто наткнулась на стену.

— Вам нельзя, госпожа. Подождите, я приведу его, — Эрвин передал факел Лансу и вошел в воду.

Он успел обернуться и помахать Тайре рукой прежде, чем его скрыла клубящаяся стена тумана. Плотные струи мертвенно-синеватого вихря взметнулись под купол пещеры. Смерж раскачивался, извивался, менял форму, на миг из него вытянулась змеиная шея, увенчанная оскаленной пастью, и тут же драконья морда превратилась в женское лицо с разинутым в крике ртом. Над озером пронесся стон, не то звериный рык, не то женский плач — и туман рассеялся.

На берег выбрался Брейд, мокрый и растерянный, а Эрвина не было. Не было и зеленоватого свечения мертвых тел, взбаламученная поверхность озера чуть поблескивала мелкими черными волнами. Литания кинулась к Брейд, пытаясь краем плаща стереть смертоносную влагу с его лица.

— Не надо, это просто вода, — глухо сказал гном, — Хогги больше нет. Захотела сожрать бессмертного и подавилась.

— Где Эрвин? — спросил, озираясь, Брейд, — Он был в озере вместе со мной.

Гиф молчал, в упор глядя на Брейд.

— Погиб?

— Ушел к своим. Нам придется драться без него. Идем, солдаты близко.

Отряд Янгиса уже осторожно перебирался через опасный скат, с которого сорвалась Тайра несколько минут — а казалось, целую вечность — назад. Она первая пошла за гномом вдоль ручья, ни разу не обернувшись на озеро, из которого Эрвин помахал ей рукой и пропал из этого мира.

Брейд еле переставлял ноги, казалось, озеро забрало у него последние силы. Гном все время оглядывался на него, они оба все больше отставали от ушедших вперед. Зачем Эрвин спас его? Из-за него погиб эльф, теперь он погубит всех остальных. В очередной раз пошатнувшись, Брейд упал на колени и остался сидеть.

— Иди, Гиф, я постараюсь задержать солдат.

Гном схватил его за ворот.

— Легкой смерти захотел, трус? А нам с Лансом против пятерых сражаться? Хочешь сдохнуть — сдохни в битве.

— Я не могу идти.

— Можешь!

Гном макнул Брейда лицом в ручей, взвалил на плечи и поволок вдогонку за мелькавшим впереди факелом. Через несколько шагов дурнота стала отступать, Брейд пошел своими ногами, сначала опираясь на гнома, а вскоре и без его помощи.

Воин с факелом упокоился в озере, и солдаты шли почти на ощупь, держась руками за стену тоннеля, спотыкаясь о камни, падая в ручей. Два рыжих пятнышка света, мелькавшие далеко впереди, только глаза слепили, да изредка поблескивали в струйках ручья и на мокрой гальке. Но Янгис кричал им — «Быстрее!» и они торопились. Свет понемногу приближался, теперь они отличали берег от воды, видели крупные камни. Потом они побежали.

Противники встретились в Зале Фигур. Солдаты развернулись в шеренгу, оставив императора за спиной, и бросились в атаку. Пора было принимать бой — или умереть с мечом под лопаткой. Четверо против троих, один из которых — гном. Тайра выхватила меч и встала рядом с Брейдом, он бился сразу с двумя. Толку от нее было немного, противник успевал отражать ее удары и атаковать Брейда, но она хотя бы совала факелом ему в глаза, замедляя нападение.

— Назад, отступаем! — заорал Гиф.

Их и так оттесняли из Зала Фигур. Шаг за шагом — только бы не поскользнуться на влажном камне — они пятились в сторону коридора, ведущего к сокровищам. Натыкались на статуи, сражались, прижавшись спиной к сталагмитам, ломали строй.

— Назад!! — вопил гном, и они снова оказывались рядом.

Янгис встал в ряд бойцов и отдал приказ, заглушенный лязгом мечей. Мгновение спустя один из солдат метнулся в сторону, обогнул линию боя и схватил Литанию,

Ах! — воскликнула она и прижала руку к сердцу.

Тайра кинулась к матери, но той уже не требовалась помощь. Солдат медленно погружался в зеленую муть бассейна, все еще подергивая руками. Красные пузыри поднимались из удивленно раскрытого рта и насквозь пронзенного горла, в котором застряла рукоятка стилета.

— Назад! В коридор!

Гиф вскочил на каменный череп, он так яростно крутил дубинкой над головой, что его почти невозможно было обойти. Солдат рубанул мечом понизу, пытаясь подсесть ноги, гном подпрыгнул и шустро, как крыса, юркнул в дверной проем.

Проход, заставленный сундуками, был слишком узким, здесь можно было сражаться только двое на двое.

— Отступайте, быстрее, — крикнул Гиф, оттесненный из битвы.

Брейд с Лансом шаг за шагом двигались назад, стараясь побыстрее миновать длинный коридор, теперь они могли только защищаться. Женщины за их спинами помогали, как могли, размахивая факелами, чтобы хоть немного ослепить наступавших солдат. Тайра откинула крышку сундука и прихватила пригоршню драгоценностей, улучив удобный момент, она швырнула камни в лица нападавшим. Брейд выбил меч из руки невольно зажмурившегося солдата, но его место тут же занял другой.

Коридор кончился, позади был оружейный зал, и Гиф встал рядом с Лансом, размахивая дубинкой. Брейд заметно слабел, он еще отбивал удары, но клинок его противника с каждым

разом оказывался все ближе.

— Назад, — заорал Гиф.

Его еще слушались, хотя все поняли, что сделали глупость —, зал был просторным, и Янгис, и солдат, подобравший свой меч, встали в ряд нападавших. Тайра, вооруженная мечом и факелом, пристроилась сбоку и отвлекала внимание от Брейда, опять бившегося сразу с двумя, даже сумела парировать несколько ударов.

Теперь они отступали не по команде гнома, просто не выдерживали атаки. Коллекция оружия дразнила глаз, но прервать бой, чтобы прихватить дополнительный клинок, было невозможно. Только Литания, шедшая сзади битвы, взяла с полки кривую саблю, и держала ее подальше от себя, чтобы не порезаться.

Зал Проклятых Сокровищ был меньше, вдоль стен тянулись стеллажи, здесь бились трое на трое. Янгис скрылся за спинами солдат, Тайру просто отпихнули. Брейд пропустил удар, но Ланс успел его отбить. Тайра и Литания со своей саблей уже приготовились занять место того, кто погибнет первым.

Но ракайцы тоже выдохлись, наступали без спешки. Сверкание драгоценностей — рядом, только руку протяни — отвлекало внимание от боя. Один из солдат не удержался, схватил перстень с крупным бриллиантом и сунул в карман. В тот же миг дубинка с хрустом переломила его руку, и Ланс наискось рубанул его по плечу. Янгис перешагнул через еще хрипящее тело и встал напротив гнома.

— Тайра, дверь, — приказал Гиф.

Тайра судорожно обернулась — какая из полок служила дверью? Толкнула первую попавшуюся, она подалась, из щели хлынул свет. В гроте кто-то был?

— Тайра, Литания, войдите в грот. Мечи бросьте, — Гиф сказал это так, что они поняли —, надо выполнить.

На стене пещеры горели два факела, у дальней стены, скрестив руки, стоял незнакомый старик.

— Теперь — Ланс, — в проходе показалась спина Ланса, еще продолжавшего с кем-то сражаться. Лязг металла, звон обломков — и в руке ввалившихся в грот бойцов остались только рукояти мечей.

— Брейд, теперь ты, — но Брейд отказался повиноваться, он схватился с Янгисом и не собирався отступать. Гиф ухватил его за талию и втащил в грот. Звон, на пол посыпались осколки меча, и Брейд остался безоружным. Янгис бросился за ним и упал на колени, потеряв равновесие.

— Ваше величество, рад приветствовать в моих владениях вас и вашу супругу, — раздался надтреснутый голос старика. Он шагнул к Янгису — высокий, с бледным восковым лицом и пронзительным взглядом — и подал ему руку. Янгис пренебрег помощью, встал самостоятельно, хоть и со стоном. Он не мог оторвать глаз от золотой гарды, с которой было словно срезано лезвие, изумленно крутил ее в руке. Его солдаты растерянно стояли у входа среди рассыпанного по полу металлического мусора. Никто не знал, на чьей стороне хозяин подземелья, но каждый почему-то был уверен, что грозный старик поддержит противника.

— Приношу извинение за неприятность, случившуюся с вашими мечами, но в этот грот невозможно внести оружие без соответствующих обрядов. Полагаю, вам придется перенести битву в другое место.

С этими словами он отступил на два шага назад, и Янгис увидел алтарь, заставленный

магическими предметами.

— Хотите взглянуть на артефакты, ваше величество? — любезно спросил колдун.

Янгис шагнул к каменному столу и, не слушая пространных объяснений по поводу ценности хранящихся на нем манускриптов, рыскал взглядом среди предметов. Брейд почувствовал неладное, подошел к другой стороне алтаря и внимательно следил за Янгисом. Император обернулся, окинул взглядом обессиленных изнурительной битвой людей и небрежно сказал:

— Вы тоже можете подойти и посмотреть, здесь много интересного.

Никто не шевельнулся, и тогда Янгис схватил с алтаря древний меч и, отшвырнув Литанию к стене, приставил острие к ее груди.

— Всем стоять, — заорал он, — одно движение любого из вас — и я проткну ее.

Все замерли, и только Брейд, стараясь не шевелить даже губами, ответил ему:

— Дерись со мной, если ты мужчина. Я безоружен, ты можешь меня убить.

— Заткнись. Еще одно твое слово я буду расценивать как движение. Она моя беглая жена, она преступница, и я казню ее, когда захочу.

Янгис слегка надавил на меч, чтобы Литания не вздумала дергаться, и отвернулся от нее. Он старался никого не выпустить из поля зрения.

— Готфрид, иди к противоположной стене. Медленно. Встань к ней лицом.

Колдун обошел алтарь и боком прислонился к стене. Его презрительная ухмылка не оставляла сомнений — он не слишком озабочен сохранностью императрицы. Янгис понял и не стал настаивать.

— Гном, встань рядом с герцогом Ильмарским. К алтарю не приближайся. А вы — он повернулся у солдатам, — упакуйте все, что лежит на алтаре в дорожные мешки.

— Так не влезет же, ваше величество...

— Выкиньте свой хлам, используйте плащи. Живее!

Солдаты неохотно выложили свои пожитки — единственную их собственность — на пол и стали сгребать с алтаря все, что выглядело подороже.

Колдун, поджав губы, некоторое время смотрел на вопиющее кощунство, но вскоре его терпение лопнуло:

— Сир, это драгоценные артефакты, и некоторые из них очень хрупки. Если ваши люди будут швырять их в мешки, как крестьянин капусту, большая часть будет повреждена и потеряет свою силу.

— Что вы предлагаете, Готфрид?

— Позвольте мне руководить процессом упаковки магических предметов.

— Руководите, — Янгис ослабил нажим клинка, и Литания смогла вздохнуть чуть глубже.

Когда мешки будут завязаны и вынесены из грота, он не сможет отказать себе в удовольствии всадить меч в ее грудь. Она переводила взгляд с побелевшей Тайры на застывшего, как хищник перед прыжком, Брейда и старалась запомнить их лица на всю оставшуюся вечность.

— Эй, ты, — колдун кивнул одному из солдат, — вытащи и аккуратно разложи на столе все, что успел напихать в мешок. А теперь расправь его и держи ровно. Неужели тебе неизвестно, что на дно надо класть прочное и тяжелое, в середину — мягкое, а сверху — хрупкое

Все следили за хлопотливой деятельностью Готфрида с презрительным удивлением:

хозяин обучает вора аккуратно складывать награбленное...

— Начнем вот с этого Камня Силы, он наиболее тяжелый, — Готфриду пришлось залезть на алтарь, чтобы добраться до лежащего посередине булыжника, — пошире мешок держи, олух, руки придавит.

Согнувшись под тяжестью камня, Готфрид шагнул к краю плиты. Камень мешал ему спуститься, он неуклюже отвел руки в сторону, и никто не успел осознать, что это был замах для броска. Булыжник прочертил дугу и упал на голову Янгиса.

Брызги крови из разможенного темени еще летели, и Янгис еще стоял, когда возникший из ниоткуда Брейд отшвырнул его от Литании к подножью алтаря.

— Он ранил тебя?

По лицу Литании бежали красные струйки, она попыталась вытереть щеку и растерянно смотрела на ладонь.

— Нет. Это его кровь.

Брейд в ярости шагнул к Готфриду:

— Он мог заколоть ее!

Колдун удивленно поднял брови:

— Литания, насколько я вижу, жива. Мне надо было дожидаться, чтобы Янгис ее зарезал?

Брейд молча постоял, усмиряя бешенство, потом тихо сказал:

— Простите, герцог. Я не ожидал, что вы встанете на нашу сторону.

Готфрид равнодушно пожал плечами.

— Янгис был дурак и неудачник. Ему следовало убить вас, Брейд, и он бы получил все, что хотел. А он предпочел глупую месть. Обернитесь, кстати...

Один из солдат уже завладел мечом Янгиса, второй схватил с алтаря кривой кинжал. Литания шагнула им навстречу.

— Император Янгис мертв, отныне престол Ракайи по праву принадлежит мне. Я назначаю командующим войсками герцога Атерли. Подчиняйтесь своему командиру.

Брейд, Гиф, Ланс и даже Готфрид выкрикнули:

— Да здравствует императрица Лаэрта!

Солдаты неуверенно переглянулись, но присоединились к общему хору.

— Верните оружие на алтарь. В арсенальном зале выберете новое, — отдал свой первый приказ в качестве главнокомандующего Брейд. Солдаты положили оружие на край стола, Гиф недовольно фыркнул и педантично переложил меч и кинжал туда, где они лежали изначально. Имело ли это какой-то особый магический смысл или было данью вредному характеру гнома, знал только он сам. Порывшись среди вываленных из мешка амулетов, Гиф с трудом просунул узловатый палец в золотой перстень и удовлетворенно буркнул себе под нос:

— Перстень Правосудия. Давно его не надевал.

Это был тот самый жутковатый перстень с багровым рубином, Тайра помнила его с тех пор, когда выбирала свой дар. Как можно взять эту вещь по доброй воле?

— Вероятно, и я могу выбрать себе какой-нибудь артефакт, — с ледяной вежливостью обратился к гному Готфрид.

Гиф не ответил. Колдун поводит рукой над разбросанными по алтарю предметами и выхватил нечто, похожее на кривую и сильно исцарапанную кость. Это и было костью — пожелтевший обломок бивня какого-то гигантского, давно исчезнувшего с лица земли зверя.

Его поверхность покрывали небрежные детские рисунки и непонятные знаки. Тайра подошла поближе, чтобы рассмотреть смешных человечков и животных, выцарапанных на бивне.

Готфрид одобритительно кивнул ей:

— Очень древняя вещь. Редкостная, — колдун задумчиво крутил бивень, разбирая написанное на нем заклинание. Потом поднял его над головой и завыл на забытом полужверинном языке:

— Ууукха-граатха-уугкха-угхууум...

Всем было неловко смотреть на эту нелепую выходку старого герцога, ему совершенно не подобало такое мальчишество. Готфрид улыбнулся и обвел острием бивня всех присутствовавших.

— Не двигаться.

Не только двигаться, даже дышать стало почти невозможно. Тела будто сковало слишком тесным панцирем. Окаменевшие мышцы невыносимо болели, но застонать тоже не получалось. Брейд, начавший шаг в момент заклятия, медленно завалился на бок, его нога так и осталась чуть согнутой и выставленной вперед.

— Не знаю, как в вашем детстве, а в моем была такая считалочка — «Мы набрали в рот воды и сказали всем: «Замри!» Никогда не мог понять, как можно что-либо сказать с водой во рту. Я сказал: «Замри», а вы набрали в рот воды — так намного правильнее. Должен заметить, что ваше нынешнее состояние не так опасно для жизни, как вам может показаться. У вас есть два-три дня в запасе, потом, конечно, процессы метаболизма... Впрочем, вы можете обрести свободу движений немедленно. Это зависит только от одного — от благоразумия и сострадания императрицы Лаэрты.

Колдун склонился перед Литанией, застывшей с полуоткрытым ртом, в почтительном поклоне:

— Милостивая госпожа, я предлагаю вам свою руку и сердце. Увы, я вижу ужас в ваших глазах... Вы, вероятно, не правильно меня поняли. Я ни в коей мере не претендую на вашу красоту — я сознаю, что недостаточно молод для вас. Меня интересует только трон. Уверяю вас, я стану куда более успешным и, безусловно, менее жестоким правителем, чем был ваш почивший супруг. Ах да, вы ведь лишены возможности выразить ваше согласие. Сейчас я освобожу ваши веки, если вы готовы принять мое предложение, просто моргните два раза. Только не забудьте, прошу вас, что от разумного выбора зависит не только ваша собственная жизнь — в случае отказа ваших друзей тоже ожидает довольно мучительная смерть.

— Ты не прав, Готфрид, — проскрежетал голос Гифа. Не имея возможности шевельнуться, люди скосили глаза на выступившего вперед гнома. Он поднял руку и направил перстень на колдуна, — это не твоя вещь, положи кость на место и возьми принадлежащее тебе. А прежде освободи их.

Колдун повиновался не сразу, он пытался отвернуться от гнома, высвободить свою волю, его лицо мучительно дергалось. Но красный огонь, заключенный в рубине, притягивал взгляд и прожигал сознание до самых глубин, где таилось присущее каждому живому существу понимание Высшего Закона. Готфрид взмахнул бивнем и уронил его на каменный пол. Люди зашевелились, задышали глубже, со стоном расправляли онемевшие конечности.

— Но почему... — с тоской спросил колдун.

Гиф поднял бивень и заботливо сдул с него пыль.

— Чуть не сломал... Ты что, в самом деле считал, что это колдовство и на меня

подействует? Вот, смотри — здесь нарисованы люди, бизоны, олени. И ни одного гнома. В древности нас чтили. А теперь, — Гиф ткнул пальцем с пылающим рубином в Готфрида, — забирай свое!

Готфрид, не отрывая взгляда от перстня, шарил рукой по столу. Его пальцы нащупали какой-то маленький предмет, хищно сжались. Он медленно поднес стиснутый кулак к глазам и осторожно раскрыл ладонь. На ней лежал зеленый стеклянный пузырек с узким горлышком, запечатанным сургучом.

— Как же я раньше этого не видел... — воровато озираясь по сторонам, прошептал Готфрид, — это же...

— Ты готов принять бессмертие? — торжественно спросил Гиф.

— Всю жизнь, всю свою жизнь я искал его, а он был здесь... — Готфрид судорожно отколупывал сургуч с горлышка, — и я заслужил это, — он запрокинул голову и двумя жадными глотками влил в горло зеленую жидкость. Постоял пару мгновений с вытаращенными глазами и осел на пол, трясясь мелкой дрожью.

— Яд? — равнодушно спросил Брейд.

— Эликсир вечной жизни, — ухмыльнулся Гиф, — частицы его плоти сейчас перестраиваются, скоро он придет в себя.

— Но зачем?

— Заслужил. А теперь твоя очередь, — кровавый рубин направлен на Брейда.

Герцог небрежно подошел к столу и покрутил в руке оставленный на нем солдатом меч Янгиса.

— Мой меч рассыпался, а этот защищен от чар.

— Неплохо. Меч Справедливости, — Гиф коснулся блестящего, будто недавно начищенного клинка. — на нем не было ни одной капли невинной крови, его владельцы правили не силой, а правдой. Носи достойно, император Ракайи.

Брейд хмыкнул. Он никогда не считал правдивость своей сильной стороной.

— Тайра, теперь ты.

— У меня уже есть мой шарик.

— Можешь поменять на другую вещь.

— Нет! Это моя звезда и еще... память об Эрвине.

— Ну, тебе решать... Лаэрта?

— Я выберу чуть позже, — она и правда была занята: оттирала с лица кровь Янгиса, глядясь в прихваченное с алтаря бронзовое мутное зеркальце.

— Тогда вы, двое.

Солдаты понимали происходящее просто: государственный переворот и раздача магических подарков по этому случаю. Один из них сразу же схватил увесистый кошель, развязал, убедился, что он полон золотых монет и скромно отошел в сторонку.

— Правильно понял, всегда будет полным. Постарайся не спиться. А ты что стоишь?

— Да я вот спросить хотел — подарок можно только для себя брать, или кому-нибудь другому передарить разрешается?

— Как хочешь. Но взять можешь только один предмет.

— Тогда я это возьму, Фанни точно понравится, — солдат повесил себе на шею переливчатое розовое сердечко на золотой цепочке и заботливо спрятал под рубаху.

— Завидую, — буркнул Гиф. — Императрица, ты, видно, уже выбрала — в твоих руках Зеркало Прекраснейшей.

— О, нет, — Литания вскочила и сунула зеркальце под старую уздечку на алтаре, — мне же надо подумать!

— Возьми вот это, — Брейд протянул ей сапфировое кольцо, — оно создано для тебя.

Литания приложила кольцо к шее, вздрогнула и вернула его Брейду.

— Я должна выбрать сама.

Она была грустной и растерянной. Избавление от неминуемой смерти, тело Янгиса, брошенное у стены и провозглашение царствующей императрицей меньше потрясли Литанию, чем прикосновение сапфиров к горлу. Будто чужую судьбу украла. И все остальные вещи на алтаре казались холодными и пугающими. Не трогаясь с места, она переводила тревожный взгляд с одного предмета на другой, и вдруг улыбнулась.

— Вот это. Не знаю, для чего он — но это мне нужно, — Литания держала в руке хрустальный флакон.

Гиф только кивнул, он был сильно обеспокоен. Люди глуховаты, но он-то прекрасно слышал, что сердце Янгиса еще бьется. Лучше бы ей попозже узнать, что она выбрала живую воду. Неровен час — исцелит мерзавца, с нее станется.

— Лита, возьми кольцо, я прошу тебя, — Брейд, казалось, был не в себе, — знаешь, я вдруг увидел его на твоей шее, образ вспыхнул перед глазами, это знак!

Литания покачала головой, потом всмотрелась в кольцо и удивленно сказала:

— Я знаю, чье оно. Это кольцо для моей сестры Лаэргты. Но ее же здесь нет, а я могу взять только одну вещь. Мне придется оставить флакон? — она поставила его на край стола, но не могла отпустить руку, это было как... расстаться со счастьем или самым дорогим существом.

— Нас здесь семеро, и мы можем вынести из пещеры семь предметов. Кто-нибудь готов отказаться от своего дара? — Гиф обвел глазами грот. Все молчали, солдат с кошельком бочком пробирался поближе к выходу, а второй с тоской в глазах потащил цепочку с шеи.

— Я ничего еще не выбрал, пусть кольцо для королевы Кадара будет вместо моего талисмана, — Ланс протянул руку к украшению, — я могу вынести его отсюда.

— Но почему именно ты, — возмутилась Тайра, — это ведь очень важно, это же дары самой судьбы!

— Для того, что мне нужно, никакие волшебные штуки не помогут. Только все запугают.

Гиф прислушался. Сердце Янгиса продолжало биться, неведомая древняя сила, исходившая от алтаря, не давала ему умереть.

— Нам пора уходить, забирайте императора, — скомандовал гном. Солдаты завернули Янгиса в его собственный плащ и понесли к выходу.

Готфрид, цепляясь за край алтаря, попытался встать на ноги. Бессмертное тело еще плохо повиновалось, но он сумел распрямиться и трясущимися от слабости руками рылся среди талисманов.

— Ты больше не сможешь воспользоваться ни одним даром. Ты уже выбрал свой, и он навеки в тебе, — торжественно сказал гном.

Готфрид сверкнул яростным взглядом и, держась за стену, покинул грот.

Гиф вышел последним. Поклонившись алтарю, он задвинул вход в Грот Судьбы каменной плитой. В зале Проклятых Сокровищ гном попросил у Брейда меч. Поковырял им в кармане у мертвого солдата, насадил алмазный перстень на острие и очень осторожно водрузил драгоценность на прежнее место.

— Настолько опасно?

— Сам видишь, — Гиф кивнул на убитого, — ну что, понесли.

Нести солдата пришлось Брейду и Лансу, руки Гифа были заняты заступом и тем самым бульжником. Зачем гному понадобилось надрываться, таща это орудие убийства вверх по лестнице, он не объяснил.

На пятом витке они догнали Готфрида. Колдун, прижавшись к стене, держался за поясницу — его прихватил очередной приступ. Ему было так скверно, что он без возражений посторонился, пропуская процессию.

— Когда же это кончится, — услышал Гиф злобное шипение Готфрида.

— Никогда, герцог, — отвечивал гном, — ты сам это избрал: вечную жизнь, вечную старость, вечный радикулит.

Где-то на середине подъема солдаты окликнули Брейда:

— А Янгис-то вроде дышит. Мы поначалу думали — почудилось, но ведь точно дышит! Может, мы случайно поскользнемся и уроним его в колодец?

Брейд промолчал, за него ответил Гиф:

— Давайте тащите, лодыри. Ему и так мало осталось.

Глава 30. Над миром

Солнечный свет и ветер пробудили остатки жизни в императоре, его веки вздрогнули. Литания склонилась над ним и спросила, как было должно:

— Ты умираешь, Янгис. Скажи свое последнее желание.

Гном незаметно направил перстень на умирающего императора и повторил вопрос:

— Скажи нам, чего ты хочешь. Скажи правду.

Слабый хрип шевельнул посиневшие губы:

— Аа... сть... над миром... — выдохнул Янгис, и это был его последний вздох.

— Все слышали? — обернулся Гиф к солдатам, — Класть над миром. Император завещал похоронить себя над миром, то есть — здесь.

Гном прошелся над обрывом и воткнул заступ в траву.

— Тут вроде помягче будет. Копайте, это был ваш владыка.

Камней в грунте было больше, чем ссохшейся глины между ними, работа обещала быть тяжелой и долгой. Тайра подошла к матери и тихонько сказала:

— Я пока спущусь вниз. Хочу попрощаться с Эрвином.

— Ты с ума сошла? Ты не пойдешь в эту пещеру!

— Мне нужно.

— Пусть идет, там сейчас безопасно, — вмешался Гиф, — Ланс проводит ее.

Литания хотела было возмутиться, но посмотрела в глаза гнома и кивнула.

— Факелы возьмите. И не отходите от ручья.

Навстречу Тайре и Лансу из грота выбрался Готфрид и, ни на кого не глядя, нетвердой походкой направился к огромной, похожей на замок скале, замыкавшей плато с другой стороны.

Два факела отразились в стеклянной глади озера. Оно было кристально чистым, даже камни на дне сверкали, как отполированные. Лишившись зеленоватого известкового налета, они оказались серыми, красными, черными. Ланс сделал шаг в сторону озера и отдернул мокрый по щиколотку сапог — кромка воды была совершенно невидимой.

— Оботри чем-нибудь, это же все-таки... — встревожено сказала Тайра.

— Обыкновенная вода, в ней купаться можно, — ответил Ланс, и поболтал пальцами в озере, — пожалуй, купаться не стоит, она как лед.

— Эрвин! — крикнула Тайра, и эхо со всех сторон принесло отражения ее голоса.

— Здесь никого нет.

Здесь и правда никого не было, ни тумана, ни фосфоресцирующих теней в глубине. Краешек освещенного берега и прозрачное озеро, теряющееся во тьме. Они воткнули факелы в песок и немного постояли, слушая журчание ручья и глядя, как сверкают крошечных водовороты там, где его течение сливалось с неподвижностью озера. Журчание воды, звон редких капель где-то вдали и огромная тишина вокруг.

Тайра села на корточки и, закрыв глаза, попыталась вспомнить все, что было для нее Эрвином и Балтазаром. В этом не было смысла — она и так никогда их не забудет. Можно было уходить, здесь не осталось даже их теней. На прощанье она покатала шарик между ладоней и снова крикнула в пустоту:

— Эрвин!

Отголоски крика поочередно возвращались из темноты.

— Тайра, смотри!

Она подбежала и увидела, что совсем недалеко от берега сквозь толщу воды светит маленькое голубое пятнышко.

— Сейчас я достану его, — Ланс стащил сапоги и шагнул в воду.

Казалось, что по щиколотку, а получилось по колено, и рукав надо было засучить повыше. Вымокший, но очень довольный Ланс протянул Тайре талисман.

— Все-таки пришлось испупаться. Держи.

— Теперь он твой. Голову наклони.

Тайра повесила цепочку на шею Ланса и торжественно произнесла:

— Пусть Путеводная Звезда всегда ведет тебя к свету и радости.

Золотая искорка разгорелась в звезду, принимая нового хозяина.

— Знаешь, что я вспомнила? Когда мы вышли из пещеры, Эрвин соединил наши шарики, и они вспыхнули. Он обещал, если у меня случится беда, и я потру шарик и позову его — он услышит и придет на помощь.

— Давай попробуем?

Очень бережно, как будто совершая священный ритуал, они поднесли шарики друг к другу. Еле слышно звякнуло стекло, голубое сияние на миг осветило их руки.

— Теперь ты должен защищать меня.

— Да я и так тебя защищаю.

Яму не получалось довести до положенной глубины, под конец солдаты дробили заступом сплошной известняк. Гиф, недовольно ворча, выгнал их из могилы и последний локоть вырубил в камне сам. Пора было приступать к погребению. Но тут показался Готфрид — он почти бежал к ним, размахивая руками, и в ярости склонился над Гифом. Колдун был бледен и выглядел безумным.

— Я не могу войти в свой замок. Это ты сделал, гном?

— Я не умею превращать замки в скалу. Ты это сделал сам.

— Это была видимость, снимавшаяся простым заклинанием. А теперь не снимается. Почему?

— Ты навел чары с помощью Хогги. Ее больше нет — а твои собственные силы и раньше-то слабоваты были, а уж когда привык к заемным... Замок так и останется скалой. Ничего, у тебя же второй есть.

— Там все мои книги, все артефакты, — простонал колдун.

— Не беда, заново соберешь свою коллекцию. Теперь времени у тебя на все хватит.

Янгиса и его солдата опустили в землю.

— Пусть то, что осталось в его душе живым, сохранится и очистится... если что-то еще осталось, — прошептала милосердная Литания над телом супруга, — и пусть Светлые Небеса примут верного воина, отдавшего жизнь за своего господина.

Они кинули по очереди первые горсти земли, потом солдаты взялись за заступ. Гиф бродил вокруг и собирал камни. Над неглубокой ямой поднялся холмик из сухой глины вперемешку с травой и щебнем, и гном кинул на него первый бульжник. Солдаты тоскливо переглянулись — после боя в пещере и рытья могилы они выдохлись, и пот валил с них градом, но послушно впряглись в работу. И то правда — глиняный холмик сравняется с землей за пару лет, а каменный курган простоит много столетий. Все-таки император.

Даже Готфрид принял участие в погребении — уставился пронзительным взглядом на большую каменюку, и она медленно поползла к могиле, спотыкаясь на каждой кочке.

— Не надо, герцог, сами справимся, — почти вежливо сказал Гиф, — ваша помощь попозже понадобится.

Брейд стоял на краю обрыва, в стороне от остальных. Вечернее солнце пронизывало голубую бездну золотыми лучами, где-то там, далеко внизу, среди темных лесов желтели квадраты полей, вились белые ручейки дорог, а дальше все сливалось в сиреневой мгле. Смерть, отступившая во время битвы в пещере, вернулась к нему на винтовой лестнице. Она заволакивала глаза прозрачным темным покрывалом и глухо стучала в ушах. Она была милосердной — когда смерть приближалась, боль стихала. Сейчас она отошла на пару шагов, и зрение вернулось к Брейду вместе с болью.

Над гранью земли и бездонной пропасти играли две пары воронов. Их угловатые черные силуэты скользили над голубой бездной, взмывали в пронизанное вечерним золотом небо, зависали в синеве — и снова кружились друг вокруг друга, переворачиваясь в полете на спину, протягивая вверх грозные когтистые лапы. Брейду почудилось, что в образе птиц ему явились людские души — в небе парили он и Литания, Тайра и Ланс.

Все, что он задумал, свершилось. Янгиса нет, и война закончится. Литании ничто не угрожает. Она хотела, чтобы он стал ее мужем и императором... это не получится, но с Ракайей она справится и без него. У Ланса тоже, кажется, все в порядке: они с Тайрой как раз выбрались из грота, держась за руки и светясь от счастья. Не жаль умирать, стоя на вершине своей судьбы.

Правда, боль сильно мешала наслаждаться победой. Ему до головокружения хотелось сделать один-единственный шаг — навстречу круглому белому облачку, парящему прямо под ногами, не дожидаясь, пока рвущая внутренности боль окончательно растерзает тело. Один шаг, а потом дикий крик Литании над бездной... Нет. Тем более, что терпеть осталось совсем немного. Брейд отошел от края пропасти, подальше от соблазна, и мир опять затянуло черной пеленой. Он не умер, его просто вырвало кровью.

Все обернулись, заметив бредущего в сторону могилы Брейда. Он шел куда-то вбок, улыбаясь и глядя прямо перед собой невидящими глазами. На полпути он споткнулся и остался лежать на земле.

— Мама, кажется, он... — растерянно сказала Тайра. Она была ближе и добежала первой.

— Гиф, как пользоваться живой водой, — спросила Литания, — нужно дать ее выпить, или достаточно побрызгать?

— Вот уж брызгать не надо, пары капель хватит. Губы помажь, быстрее подействует.

Литания так и сделала. Дыхание Брейда выровнялось, на белом безжизненном лице проступил еле заметный румянец. Но глаза он не открыл.

— Не беспокойся, госпожа. Скоро очнется. Так ты знала, что во флаконе?

— Да. Флакон заговорил со мной, когда мы вышли из пещеры на свет.

— Я боялся, что ты исцелишь его, — Гиф кивнул на кучу камней, под которой покоился Янгис.

Лаэрта покачала головой и ответила гному, медленно и серьезно:

— Зачем дарить жизнь тому, кто всегда служил смерти? Пришел час его встречи со своей владычицей. Этого флакона не хватит, чтобы исцелить всех жертв Янгиса, но я

попытаюсь помочь хотя бы некоторым.

Груда камней уже достигла уровня макушки Гифа. Гном вскарабкался на насыпь и водрузил на вершине кургана магический булыжник из Грота Судьбы. При свете дня были заметны пятна крови на его поверхности. Гиф потер их ладонью и махнул рукой: — «Дождем смое», — подумал немного и нацарапал обломком известняка некие письмена.

— Готфрид, сумеете сделать гравировку?

Колдун кивнул и сел на корточки перед камнем, медленно обводя пальцем буквы. Из-под острого ногтя посыпался песок. Вскоре на булыжнике четко читалась глубоко врезанная надпись: «Здесь лежит император Ракайи Янгис I, собиравшийся править миром».

— Моя госпожа, вы позволите предложить вам и вашим спутникам ужин и ночлег в моем замке? — осведомился Готфрид, протягивая Литании учтиво согнутый локоть.

— Мы ценим ваше гостеприимство, герцог... — Литания переглянулась с гномом, тот поморщился, но кивнул — и мы с благодарностью воспользуемся им.

— Гиф, спасибо тебе за все, — крикнула Литания в пустоту, поскольку гнома уже не было перед ними. Исчез в высокой траве, как всегда, не попрощавшись.

Оставшись в одиночестве, Гиф первым делом завалил каменными глыбами дверь, ведущую к винтовой лестнице. В наступившем мраке сторонний наблюдатель — если бы он присутствовал в пещере и обладал зрением кошки — мог бы заметить слабые синеватые отблески, бегущие по поверхности ручья. Для гнома этого света было вполне достаточно, чтобы уверенно отправиться в недалекое путешествие к его источнику. Блики становились все ярче, и вот уже Гиф, по щиколотку в воде, прополз в отверстие, из которого вытекал ручей. Перед ним открылся грот, в который никогда не входил никто из людей. Это был Дом Света, святилище гномов. Тысячи голубых звезд усеивали потолок пещеры, сияющие нити, усеянные блестящими росинками, свисали со свода, мерцали и переливались, отражая игру вспыхивающих и гаснущих огней. И вся эта сверкающая в вышине синевато-зеленая сеть повторялась внизу, на глади озера, заполняющего грот. Гиф немного постоял, воздев руки к потолку — низенькая неуклюжая тень, окруженная сказочным сиянием. Потом бережно снял трех светлячков со стены, пересадил к себе на бороду и нырнул обратно в трещину, служившую истоком ручья. Его снедало нетерпение, но он старался идти неспешным торжественным шагом, неся в бороде Древний Свет, которым гномы пользовались только в самых важных случаях. Только в Зале Фигур он немного помедлил, чтобы увидеть, как оживают статуи, озаренные таинственным синим мерцанием, а не грубыми рыжими бликами факелов,

Войдя в Грот Судьбы, Гиф снова поклонился алтарю, залез на него и принялся перекладывать предметы. Некоторые вещи лежали нетронутыми сотни лет, а некоторые — тысячи. А тут пришли и все разворошили. Полюбовавшись на восстановленный беспорядок, гном снял перстень и водрузил его на прежнее место.

И вот священный миг настал. Из разбитого горшка он вынул металлический свисток, блестящий, как будто новенький. Все эти годы Гиф трижды в месяц приходил в Грот Судьбы чистить и смазывать его, в ожидании дня, когда он сможет им воспользоваться. Гиф встал на середине алтаря, поглубже вдохнул и поднес его к губам.

В пещерах Великих гор заметались стаи летучих мышей, и проснулись драконы. Люди не могли слышать этот звук, но у тех, кто находился поблизости, пересохло во рту и заколотилось сердце. Шмель обернулся к хозяйке, неуверенно завыл. Потом виновато

вильнул хвостом и побежал дальше. Ни людей, ни собак это не касалось.

А в глубине соседних хребтов гномы переглядывались и говорили друг другу:

— Гиф зовет. Можно возвращаться.

Но у них была недоконченная работа и новые семьи, и только одна гномиха созвала детей и строго сказала им:

— Наше изгнание кончилось. Собирайтесь, отец нас ждет.

В дальних галереях горы... тощие грязные существа, прикрытые только космами слипшихся волос, подняли головы от куч мышинового помета, в которых они искали насекомых и улиток. Они озирались, тревожно взрыкивали, в отупевшем от голода и вечной тьмы рассудке пробуждались смутные образы тех времен, когда они были гномами, а не бескрылыми летучими мышами. Сначала по одному, а потом всей гурьбой дети земли поднимались на четвереньки и бежали на зов.

Гиф прислушался к еще далекому шлепанью десятков ног и спрятал свисток на место. Больше не пригодится. Теперь ему этих дикарей в разум приводить, хлопот не оберешься. Ничего, делом займутся — быстро очухаются. Работы-то невпроворот. В первую очередь надо наглухо засыпать все известные людям входы. А то не пещера, а проходной двор.

Эпилог

На этом заканчивается легенда о горбатом эльфе. Дальнейшие события развивались в сфере политической, напроць лишенной всякой мистики и безрассудного героизма. Из Кадара в Ракайю был отправлен гонец с печальной вестью о гибели императора Янгиса по причине падения камня во время исследовательской экспедиции в пещеру. К сожалению, ранение оказалось смертельным, и спасти его не удалось. Согласно его последней воле он был погребен на вершине горы Залар. Эта информация не вызвала никаких сомнений, поскольку ее подтвердили императрица Лаэрта, герцог Готфрид Ильмарский, герцог Атерли и императорские воины барон Грайман и барон Кворт, присутствовавшие при несчастном случае (землю и титул оба барона получили в герцогстве Синтейн за их неоценимую помощь во время трагического события).

Престолонаследником был объявлен малолетний сын императора Раймонд, но коронацию отложили до окончания траура. Единственным обнародованным указом в этот печальный период был трехсторонний договор о мире и нерушимости границ между Ракайей, Феруатом и Ликейей. Крупные сеньоры повздыхали, покусали губы, но смирились с тем, что для великих завоеваний время сейчас неподходящее. По истечении трех месяцев состоялась свадьба вдовствующей императрицы Лаэрты и герцога Атерли, который и был возведен на престол. Это решение Лаэрты подданные сочли проявлением государственной мудрости: Ракайе, обескровленной войнами и чумой, требовался сильный правитель, а не десятилетний мальчик на троне.

Впрочем, в то время любой поступок императрицы вызывал всеобщее восхищение — за ее добродетель ей был ниспослан чудесный дар исцеления. С наступлением холодов чума отступила, но больных в Гилатиане все еще было великое множество. Заразы больше не боялись, каждое утро возле дворца выстраивались ряды носилок с умирающими. Императрица Лаэрта проходила вдоль них, прикасаясь ко лбам страждущих пальчиком, омоченном в святой воде, и вскоре исцеленные расходились по домам.

Через некоторое время среди умирающих стали попадаться весьма крепкие и здоровые на вид люди. Пошли жалобы — у кого-то криво сросся сломанный палец, у другого плохо

заросла лысина. Императрица печалилась, и император Брейд приказал выстроить госпиталь, нанял лучших врачей и повелел им отправлять к Лаэрте только безнадежных больных. Поток чающих чудесного исцеления сократился, но некоторые врачи начали волшебным образом богатеть. Умиравшие у них были — просто загляденье: свежие, бодрые, румяные. Но вот флакон опустел, после третьего разведения остатков зелья обыкновенной водой его содержимое полностью утратило магическую силу. Пришлось объявить, что императрица ожидает дитя, к нему и перешел целительный дар, который проявится во благовремени. Ну, то есть когда-нибудь.

Брейд и Литания, навсегда оставшаяся Лаэртой — они так и не смогли придумать убедительного предложения для смены имени — были очень счастливы в редкие часы, свободные от государственных забот.

За два месяца до бракосочетания Лаэрты и Брейда состоялось не менее радостное событие — свадьба виконта Ланса Нордена и баронессы Тайры Ашерской. Рачительная Стефания выполнила свое обещание — наделила Тайру поместьем, но не стала попусту разбазаривать земли. Поскольку определить, кому принадлежала Ашера, оказалось невозможным: ни в каких документах она не значилась, то селение было даровано Тайре. Впрочем, ее обитатели и не догадывались, на чьей земле они теперь живут — Тайра не навещала свое имение и податей не собирала.

Свадьбу Ланса и Тайры удостоили посещением настолько именитые гости, что это событие было даже упомянуто в летописи. Ланс приходился родным племянником императору Брейду I, и торжество проходило в принадлежавшем его величеству замке в графстве Синтейн, так что присутствие государя можно было объяснить родственными узами. Но появление императрицы Лаэрты оказалось полной неожиданностью для высшего общества Ракайи. Новобрачная очень понравилась ее величеству, и она пригласила леди Тайру почаще навещать Гилатиан. Несомненное сходство Лаэрты и Тайры и их внезапная симпатия породили разнообразные сплетни, чаще всего предполагалось, что леди Тайра Ашерская — незаконная дочь одного из принцев княжеского дома Наррата. Слухи — явление изменное, но, как известно, они часто оказываются более достоверными, чем официальные летописи.

Среди гостей попроще Тайра более всех обрадовалась дядюшке Джакобу и тетушке Чанте. Поздравление Джакоба было безупречно церемонным, он до сих пор дулся на племянницу за побег. А Чанта, обнимая Тайру, шепнула ей: «умница ты моя». Из-за тетиного плеча выглядывала смущенное личико Миррит. Тайра кинулась к ней обниматься, и обнаружила подле нее Мариса, он стоял с опущенной головой и смотрел в пол.

— Миррит... вы...

— Да, мы поженились, как-то так получилось. Марис не хотел ехать, но у тебя же самой свадьба, так что я подумала...

Тайра не дала Миррит долепетать оправдания до конца, расцеловала ее в обе щеки и заодно чмокнула Мариса в подбородок — выше она не достала. Марису даже стало немного обидно, что Тайра так радуется за них.

Сапфировое кольцо императрица Лаэрта передала сестре в день своей свадьбы — и сразу поняла, что ошиблась. Королева Литания побледнела и оттолкнула подарок.

— Оно прекрасно, но... я чувствую, что оно разрушит мою судьбу.

— Не говори глупостей, деточка. Как такая дивная вещь может что-то разрушить? —

удивленно сказала Стефания и приложила колье к своей шее.

— Носи его, мама! Оно тебе просто удивительно идет! — с облегчением воскликнули Литания и Лаэрта.

Вернувшись с коронации, Стефания немедленно объявила себя законной наследницей нарратского престола и стала собирать войско против узурпатора. Делала она это основательно и не спеша, так что, когда многотысячная армия выступила из Гарсина, замок Тилуана опустел, а ракайский наместник с семьей и свитой был на пути в Салем. Первым делом Стефания приказала в точности восстановить серые башни замка, а поскольку рабочих рук не хватало — предложила солдатам остаться в Наррате. Многие согласились, хотя с продовольствием в княжестве было трудно.

Во всех начинаниях Стефании, княгини Нарратской, участвовал недавно появившийся при ее дворе герцог Ильмарский, правнук того самого Готфрида, который был братом императора Гилата. Его обширные познания в строительстве, медицине, алхимии и всех прочих науках покорили Стефанию. Вскоре она уже не могла и шагу ступить, не посоветовавшись с ним. Готфрид поразительно хорошо сохранился для своих семидесяти двух лет, был так галантен, его окружал загадочный магический ореол... Ах, если бы не радикулит!